ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕК

А. Ю. Ватлин

Германия в XX веке

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Публикуемая историко-публицистическая работа, дающая современный взгляд на основные проблемы германской истории и перспективы страны в XXI веке, опирается на научные достижения современных историков и политологов двух стран, в ней использованы материалы российских и германских архивов. Книга написана в свободном публицистическом стиле, снабжена необходимым научно-справочным аппаратом и обращена к широкой читательской аудитории. Она может служить в качестве дополнительного учебного пособия по истории и страноведению для студентов гуманитарных специальностей, а также в качестве информационной базы для журналистов-международников и политологов.

- А. Ю. Ватлин
  - Введение
  - Глава 1 Империя и война
  - Глава 2 Революция и республика
  - Глава 3 «Третий рейх»
  - Глава 4 Германия после Гитлера. Предыстория ФРГ
  - Глава 5 ГДР: «строительство социализма» в эпоху Ульбрихта
  - Глава 6 ФРГ: «экономическое чудо» в эпоху Аденауэра
  - Глава 7 ФРГ: новая восточная политика и контуры постиндустриального общества
  - Глава 8 ГДР: кризис партийной диктатуры и демократическая революция
  - Глава 9 Объединенная Германия в новой Европе
  - Избранная библиография по истории Германии XX века
  - Хроника новейшей германской истории
- notes
  - 1

А. Ю. Ватлин
Германия в XX веке

Введение

Новейшая история знает две страны, бросившие вызов окружающему миру, противопоставившие собственную уникальность основным тенденциям общественной эволюции Европы. «В начале XX века Россия и Германия восстали против ценностей, которые принято называть западными, пусть даже в основе этого вызова в каждой из стран лежали противоположные идеи» (Л. Лукс). Если Германия в момент начала первой мировой войны противопоставила «западному декадансу» националистический подъем (который через двадцать лет обретет второе и еще более мерзкое дыхание в нацистском движении), то революционное движение России опиралось как раз на идеи Просвещения, якобы преданные и буржуазией, и рабочим движением Запада. Каждой из стран пришлось заплатить за поиски особого пути в истории (Sonderweg) огромными человеческими жертвами, потерей темпа развития и возвращением к давно утраченным идеалам. И в том, и в другом случае избавление от тоталитарного искушения стало определяющей осью международной политики, хотя и она складывалась методом проб и ошибок.

Если Германия во второй половине двадцатого столетия по частям возвращалась в Европу, то вопрос о перспективе России до сих пор остается открытым. До тех пор, пока она не определится с собственным прошлым и будущим, «век катастроф» (Э. Хобсбаум) нельзя считать закончившимся. Для того, чтобы выбрать правильный путь, нужно ясно видеть его альтернативы. И здесь весьма полезным может оказаться германский опыт, соединивший в себе такое многообразие идейных течений, политических режимов и социальных систем, которому по-завидует любая «тихая» история. Немаловажно и то, что этот опыт давно уже стал предметом внимания исследователей из разных стран и различных дисциплин, итоги работы которых получили заслуженное признание.

Если 90-е годы обрушили на отечественного читателя «девятый вал» литературы по новейшей российской истории, то история зарубежных стран, включая Германию, оказалась незаслуженно забытой. На полках библиотек все еще преобладают старые книги, авторы которых проверяли соответствие каждой строчки своего текста канонам марксизмаленинизма и доминантам внешней политики Советского Союза. Яркими вкраплениями последнего десятилетия на этом фоне выглядят переводы важнейших источников по

новейшей германской истории и политических биографий ее лидеров (здесь безусловно лидирует эпоха «третьего рейха»), которые занимают достойное место даже на книжных «развалах» в столице и провинции. Но и они, вместе взятые, не в состоянии заменить обобщающих работ, способных повести читателя дальше громких битв и светских скандалов, приблизить его к пониманию внутренних пружин социального прогресса в далеком и недавнем прошлом. Отдавать это дело на откуп учебникам – все равно, что измерять степень культуры того или иного человека при помощи тестов. Доброе старое повествование о случившемся, выводившее историографию на уровень искусства, вначале было опрокинуто «классовой научностью» советских лет, а затем окончательно задвинуто в угол суматохой постсоветской эпохи. Сегодня, когда информацию принято «загружать» и «скачивать» (и ее гуманитарная составляющая, к сожалению, не является исключением), люди сторонятся длинных тем и толстых книжек.

Задача любой науки – не накопление знаний, а их использование. Но история больше, чем любая другая наука, обращается к чувствам каждого человека, формирует память всего общества. Как можно сетовать на то, что солидные научно-популярные книги по истории не читаются, если их просто нет в продаже? Опыт зарубежных коллег, прежде всего немецких, свидетельствует о пользе работ, относящихся к этому жанру. Они неизменно находят своего читателя, становятся предметом оживленных дискуссий в масс-медиа. Возникает естественный вопрос – не проще ли перевести и издать уже имеющиеся в Германии книги, посвященные новейшей истории этой страны? Общение с отечественными издателями показывает, что они считают подобные проекты недостаточно «кассовыми». Наверное, дело не только в этом.

При всех преимуществах трудов ученых по истории своих стран в них отсутствует один немаловажный момент – внешняя точка отсчета, способность увидеть происходившее и происходящее «со стороны». Этот дефицит проявляется в мелочах – иерархии главных сюжетов, выборе научной терминологии – но иностранный читатель чувствует его. Очевидно, набирающая темпы глобализация не грозит ни прошлому, ни его исследователям. Каждый народ должен писать и свою, и чужую историю. Именно поэтому таким успехом пользуются в нашей стране книги западных авторов о старой и новой России. И именно в этом заключается шанс отечественных исследователей, занимающихся зарубежной историей. Конечно, речь не идет о том, чтобы измерить весь мир «русским аршином» (это мы не так давно проходили), но присутствие «русского духа» в постановке

проблем, авторских ремарках и заключениях будет с благодарностью воспринято читающей аудиторией.

Из подобных размышлений и выросла эта книга, посвященная истории Германии в XX веке. Она была бы неполной без освещения таких сюжетов, как «россияне в Германии» и «немцы в России». Представителям двух народов есть о чем поговорить на темы «большой истории», они могут поспорить в разнообразии и силе эмоций, направленных друг на друга. Их общение сложилось еще в допетровский период, не случайно на Руси всех иностранцев звали «немцами», т.е. немыми. Первые контакты постоянно дополнялись новыми компонентами – диалогом культур, обменом техническими новинками, долговременными хозяйственными связями. После образования в 1871 г. Германской империи отношения двух стран стали приобретать характер внешнеполитического соперничества, а лежавшее между ними геополитическое пространство стало театром боевых действий в ходе первой мировой войны.

Применительно к межвоенному периоду немецкий историк Карл Шлёгель справедливо заметил: «Трудно написать германскую историю того времени, не обращая внимание на присутствие русского элемента на немецкой земле, причем в двух проявлениях – эмиграции и Советской России». И прибывший в Штеттин «философский пароход» из России, и немецкие политэмигранты, разрабатывавшие в здании Коминтерна на Моховой планы мировой революции, по-своему отражали взаимосвязанность двух национальных историй. Невиданные ранее по своих масштабам социально-экономические эксперименты, задуманные с целью «догнать и перегнать» Запад и развернувшиеся вначале в России, а затем (с противоположным знаком) и в Германии, обернулись трагической общностью тоталитарных режимов. Эфемерный раздел Центральной Европы от Баренцева до Черного моря в августе тридцать девятого не смог предотвратить новой военной схватки, оставившей неизгладимый след в историческом сознании немецкого народа и народов СССР.

Вторая мировая война разделила Германию на две неравные части, превратив ФРГ и ГДР в два непотопляемых авианосца, вплотную сошедшихся бортами. Если «германский вопрос» стал выступать в качестве одной из главных проекций «холодной войны», то внутриполитическое развитие двух немецких государств отражало доктрину ее участников. Жители ГДР, лишенные возможности воздействия на власть, называвшую себя народной, голосовали ногами, навсегда покидая свою страну. Исход соревнования «социализма на германской земле» и

«социального рыночного хозяйства» определился достаточно рано, и проигравший предпочел отгородиться от победителя. Примирение Западной Германии со странами Восточной Европы пробило новые бреши в «железном занавесе», но не нашло адекватного ответа в Москве и Берлине. Решающие сигналы к окончанию бесплодного противостояния пришли из Советского Союза в годы перестройки. Падение берлинской стены 9 ноября 1989 г. не только открыло новую главу германской истории, но и стало символом новой эпохи, подобно тому как падение Бастилии 14 июля 1789 г. открыло собой «долгий девятнадцатый век».

В завершающей главе книги представлен обзор развития Германии в 90-х гг., причем акцент сделан на специфике и трудностях переходного периода для населения бывшей ГДР. Социализм оказался не только партийной диктатурой и догматической идеологией, но и целостной системой общественных отношений, неэффективной, но прочной экономикой, определенным типом массового сознания, наконец. Вопреки первоначальным прогнозам, избавление от него не привело Восточную Германию к «цветущим ландшафтам» (Г. Коль). Излишне говорить о том, как актуальна эта проблема для нашей страны, идущей тем же путем, но не имеющей в своем распоряжении финансовой мощи «старой» ФРГ. Понятие «веймарской России», прочно вошедшее в публицистический оборот, несет в себе не столько научный смысл, сколько эмоциональное предупреждение. При анализе современных политических и социальных процессов, господствующих идейных потоков, настроений и эмоций простых немцев по обе стороны от бывшей германогерманской границы автор опирался в основном на личные наблюдения. Дополнительные сведения о государственно-правовом устройстве современной Германии читатель найдет в книге Курта Зонтхаймера, переведенной на русский язык (Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М., 1996).

Книга не написана под конкретного адресата. Она не предназначена для профессиональных историков, которые знают гораздо больше. Вместе с тем тот, кто продолжит чтение после первых страниц, сможет пережить взлеты и падения одного из крупнейших народов Европы в прошедшем веке, почувствовать его современный жизненный ритм. Для того, кто захочет узнать еще больше, предложенный текст сыграет роль своеобразного мостика, ведущего к классическим научным трудам, написанным на немецком языке. Книга появилась на стыке авторских размышлений о сходстве судеб России и Германии в XX веке и лекций, прочитанных студентам-историкам МГУ, а потому

несущих на себе неизбежную печать академичности. Будем надеяться, что ее построение и стиль окажутся благоприятной средой для первого прикосновения к новейшей германской истории.

Для удобства читателя книга не содержит принятых в научной литературе сносок, при сведенном к минимуму прямом цитировании источников и научных трудов в скобках дается имя их автора. Кроме того, в тексте приводятся устоявшиеся исторические и политические термины на немецком языке, для которых не существует адекватного дословного перевода. При транскрипции немецких фамилий (без титулов и частицы «фон», указывавшей на дворянское происхождение) предпочтение отдавалось вариантам, уже утвердившимся в русском языке (например, Гиммлер, а не Химмлер, что было бы правильней с точки зрения правописания). И последнее – хотелось бы, чтобы читатель обратил внимание на помещенные в книге иллюстрации. Порой они могут рассказать о духе эпохи, ее нравах и особенностях гораздо больше, нежели целые страницы авторского текста.

Глава 1 Империя и война

Германская империя не вошла, а буквально ворвалась в XX век. Рожденная в огне австро-прусской и франко-прусской войн, она черпала свою энергию в одержанных победах и, казалось, спешила наверстать упущенное за прошедшие столетия На фундаменте контрибуции с побежденной Франции выросла эпоха невиданного технического прогресса и промышленного подъема (Gründerzeit). Соединившись, уголь Рура и железная руда Лотарингии дали толчок развитию сталелитейной промышленности, продукция которой превращалась во все новые памятники человеческому гению, от океанских лайнеров до ажурных мостов и артиллерийских орудий. Страну покрыла густая сеть железных дорог, началось активное внедрение машин в сельском хозяйстве, провинциальные города сбрасывали с себя дремоту средневековья, приноравливаясь к темпу индустриальной эпохи. Если отцы жили еще в традициях сословного общества, то дети отказывались идти по проторенной колее. Расцвет университетов, культ фундаментальной науки, романтическое поклонение природе и массовая тяга к ценностям высокой культуры – все это Германия последней трети XIX века.

За внешним блеском скрывались проблемы, не решенные в процессе объединения «железом и кровью». Идеальным прообразом нового государства в представлении его создателей являлась Священная империя (Reich) немецкой нации, возникшая в результате завоеваний Карла Великого и просуществовавшая без малого тысячу лет. Ее последние регалии были уничтожены во время наполеоновских войн, но «германская мечта» окрыляла национально-патриотическое движение вплоть до поражения в революции 1848/1849 гг. Второй рейх, так же как и первый, оказался сшитым на скорую нитку. В государственно-правовом плане это был союз монархий, отстоявших и после провозглашения империи 18 января 1871 г. солидные куски своего суверенитета. Согласно конституции император являлся главой верхней палаты парламента – бундесрата. От внимания германских правоведов не укрылся «мнимый конституционализм» подобной политической системы, которая «выводила монарха из-под реального конституционного контроля, превращая его в носителя государственного суверенитета, высшего арбитра в споре властей и гаранта самой конституции» (А.Н. Медушевский). К числу ее сильных сторон относились концентрация административных ресурсов в одном центре и «органическая» связь монарха и подданных, столь необходимая для реального

сращивания отдельных частей страны.

Дефицит внутренней интеграции общества проявлял себя на всех этажах социальной иерархии. В повседневной жизни чувство «малой родины» оказывалось гораздо важнее националистических лозунгов. Объединенные под верховным командованием императора воинские части сохраняли свою традиционную форму и уставы – баварцы оставались баварцами, а пруссаки пруссаками, порой не понимая друг друга на маневрах из-за языковых различий. К югу от реки Майн находились земли, присоединившиеся к Германскому союзу только в 1866 г. Несмотря на то, что им удалось отстоять крохи государственного суверенитета (Reservatrechte), они чувствовали себя в новой империи обделенными и даже побежденными. Здесь преобладали католики и сохранялось французское культурное влияние, вновь и вновь раздавались призывы к формированию «третьей Германии». Северяне с недоверием относились к жизнерадостности жителей Рейнланда, знаменитые карнавалы которых высмеивали напыщенность прусского владычества в этом регионе. Граница по Эльбе отделяла индустриально развитый Запад страны от аграрно-патриархального Востока. Остэльбские провинции жили еще феодальными порядками, местное юнкерство поставляло в Берлин не только продукты питания, но и государственную элиту. Специфической чертой этой части страны был значительный процент польского населения, по отношению к которому проводилась политика насильственной германизации.

Параллельно набирали силу мощные объединительные тенденции, прежде всего в социальноэкономической сфере. Бурный рост промышленности и внедрение передовых технологий в сельском хозяйстве порождали мощные демографические потоки, размывавшие на своем пути конфессиональные границы и замкнутость «малой родины». Рурский город Эссен, имевший в 1850 г. нетронуто-патриархальный вид и едва ли 10 тысяч жителей, к 1900 г. стал одним из центров тяжелой индустрии Германии с более чем стотысячным населением. Если батраки в юнкерских поместьях и рабочие в новых индустриальных центрах являли собой образ «униженных и оскорбленных», то мелкие ремесленники и торговцы (часовщик-аптекарь-булочник) сохраняли традиционный уклад жизни и сопротивлялись давлению новой эпохи. Экспансия финансового капитала, засилье ростовщиков и банкиров воспринималось в этих кругах как явление временное и чуждое немецкому духу. Антисемитизм, переживший свой расцвет в средневековой Германии, в конце XIX века вновь стал веянием времени, получив во втором издании уже не

религиозное, а экономическое обоснование. Демографический взрыв (население страны увеличилось к началу первой мировой войны более чем в полтора раза) вызывал серьезное общественное беспокойство, и в то же время питал настроения «избранности» молодой германской нации, противостоящей дряхлеющим западноевропейцам и полудиким славянам.

Гарантом стабильности второй Германской империи являлся не только ее мононациональный характер, выгодно отличавший ее от Австро-Венгрии, но культурное наследие многих поколений немецких ученых, литераторов и музыкантов, создавших образ духовно сложившейся нации (Kulturnation), наконец-то обретшей свою политическую родину. Всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 25 лет, демонстрировало преимущества имперской организации власти над полуфеодальными системами ее отдельных частей. В нижней палате парламента – рейхстаге – отражалось реальное соотношение партийных сил в стране, формировалась новая политическая элита, способная отстаивать национальные, а не партикулярные интересы. Наличие парламентской трибуны создавало благоприятные условия для роста социал-демократии, конкурирующей с государством в борьбе за роль защитницы социальных низов.

Вильгельм I, возглавивший объединенную Германию, долго не соглашался принять титул императора (Kaiser) всех немцев. «Если уж это так необходимо, мне придется нести этот крест», – заявил он своему окружению накануне коронации. Вильгельм царствовал, стараясь не вдаваться в тонкости ежедневной политики. Страной управлял его канцлер Отто Бисмарк, прекрасно разбиравшийся и в хитросплетениях парламентской борьбы, и в тайных пружинах «европейского концерта». Во многом его заслугой стало перенесение на всю страну чиновничьей дисциплины, солдатской отваги и духа внешней экспансии, на которых поднялось Прусское королевство. Последовательный проводник «революции сверху», Бисмарк не останавливался перед гонениями на любое проявление инакомыслия в политике, перенося огонь то на католическую церковь (Kulturkampf), то на социал-демократию (Sozialistengesetz). Дуэт властителя и правителя, создавших авторитарный режим под сенью либеральной конституции, распался только после смерти Вильгельма 9 марта 1888 г.

XX век начался для Германии «годом трех императоров». Двадцатидевятилетний кронпринц оказался на вершине власти совершенно неожиданно для себя. Его отец Фридрих III был уже смертельно больным и находился на престоле только сто дней. До сих пор в литературе живет легенда о том, что он, будучи

неисправимым романтиком, да еще и женатым на дочери британской королевы Виктории, мог бы направить развитие страны по совершенно иному пути – пути либеральных реформ и внешнеполитического компромисса. Но история выбрала иного вершителя своих замыслов.

Вильгельма II в его мыслях и делах преследовал образ деда, подобно тому, как российский император Александр I оставался в тени своей бабки Екатерины. Стремление быть достойным великих предков непосильным грузом легло на его плечи. «Власть перескочила от старца к юнцу, который в своем духовном развитии застыл на дне своей коронации, так и не став мудрее с того дня, когда был провозглашен кайзером» (М.Фройнд). Последний германский император был именно таким, каким хотели его видеть благополучные немецкие обыватели: внешний лоск сочетался в нем с преклонением перед точными науками, страсть к униформе выдавала тщеславие, пышные речи скрывали неспособность к глубокому анализу происходившего. Он ненавидел своих родителей, считавших его безнадежным зазнайкой, он не доверял Бисмарку, безуспешно пытавшемуся пристроить его на дипломатической службе, он питал отвращение к придворным, готовым любой ценой завоевать его доверие. Так и не привыкший к пустоте вокруг себя, Вильгельм II пытался заполнить ее самообманом всеобщей популярности, вызывая все новые насмешки у проницательных современников.

Он не мог пожаловаться на доставшееся ему наследство – Германская империя в год своего совершеннолетия выглядела самым динамичным государством Европы. Кратковременная депрессия начала 90-х гг. сменилась бурным экономическим подъемом. В Германии он носил инновационный характер, связывая научные открытия и свободные капиталы, открывая дорогу новым технологиям и серийному производству. Пожалуй, самым ярким символом новой эпохи стал четырехтактный двигатель внутреннего сгорания, изобретенный в 1876 году немецким инженером Николаусом Отто. За несколько десятилетий он вытеснил из промышленности и транспорта паровые машины, выглядевшие с тех пор уже настоящими динозаврами. Немецкие предприниматели Даймлер и Бенц, первыми наладившие производство автомобилей, заложили основу одного из крупнейших концернов мира. Экономический рывок Германии опирался не только на трудолюбие и рациональность мышления немецких предпринимателей, но и отражал достаточно высокий образовательный уровень населения в целом.

После введения обязательного восьмилетнего образования

(Volksschule) в стране к началу века практически не осталось неграмотных. В находившихся под патронажем императора научнос-илесдовательских институтах работали такие нобелевские лауреаты, как Альберт Эйнштейн и Макс Планк.

Политическое развитие Германской империи явно отставало от требований индустриальной революции. Как и в России, буржуазия не смогла перехватить лидерство у сил «старого режима». Нажитые в эпоху «грюндерства» состояния легко конвертировались в дворянские титулы для дочерей и сановные должности для сыновей удачливых предпринимателей. «Прусскогерманская империя и на рубеже веков оставалась монархически-феодальным образованием, в котором крупная аристократия сохраняла ведущие позиции в государственном аппарате, дипломатическом корпусе и армии» (Ф. Фишер). К началу XX века сложился союз капитанов тяжелой индустрии (Bund der Industriellen) и крупных аграриев (Bund der Landwirte), заинтересованных в государственном протекционизме. Ему противостояли предприниматели нового поколения, представлявшие такие отрасли, как машиностроение, химия и электротехника. Они были заинтересованы в снижении таможенных барьеров для максимального расширения экспорта своей продукции и не менее активно лоббировали собственную позицию.

Конфликт экономических интересов внутри «третьего сословия» сковывал его представителей в парламенте и играл на руку аристократической элите. Тот факт, что «революция сверху» сняла с повестки дня многие из задач, не решенных в 1848/1849 гг., парализовал готовность либеральной буржуазии поставить ребром вопрос о переделе власти. Ее вполне устраивала тактика малых дел и парламентских уколов, которые весьма раздражали правительство, но не затрагивали авторитарных устоев государства. В свою очередь Вильгельм II, хотя и называл в частной переписке рейхстаг «имперским обезьянником», не предпринимал скольконибудь серьезных усилий по ограничению его компетенций. Причиной этого было отнюдь не признание парламентаризма как такового – напротив, англофобствующий император терпеть не мог ничего, что имело хотя бы косвенное отношение к Великобритании. Рейхстаг являлся частью наследства, оставленного великим дедом, а потому мог рассчитывать на минимальную заботу и внимание. Предназначенное для него здание в центре Берлина, строительство которого было завершено в 1894 г., выступало архитектурным олицетворением этого факта.

Стремление верховной власти контролировать все стороны

общественной жизни также являлось наследием просвещенного абсолютизма прусского образца, определявшим внутреннюю политику объединенной Германии. С 1883 г. в стране начинает вводиться обязательное социальное страхование, охватывавшее все более широкие круги населения. Школьный учитель, университетский профессор и даже почтальон – все они были чиновниками с пожизненными привилегиями и верностью «службе». На самой вершине иерархии мундиров находилась армейская униформа – мечта и гордость любого бюргера, прошедшего через систему всеобщей воинской повинности. «На сохранившихся фотографиях кайзера и его окружения мы практически не видим гражданских лиц» (Х. Кроков). Германская армия оставалась любимым детищем нации, военная организация – мерилом общественного прогресса.

Еще одним предметом гордости немцев являлась сеть имперских железных дорог (Reichsbahn). Современников покоряло в них буквально все: стальная мощь и пунктуальность техники, олицетворявшей победу над временем и пространством, сияющие мундиры железнодорожных чиновников, наконец, сами здания вокзалов, ставшие архитектурным символом «вильгельминизма». Перегруженные излишними украшениями и в то же время новаторские по своим инженерным решениям, огромные по размерам, они напоминали скорее выброшенные на сушу броненосцы, нежели рыцарские замки. В эпоху «грюндерства» вокзалы сумели пробиться в самый центр германских городов, и соседство с готическими соборами лишь подчеркивало их культовую роль. Казалось, страхи и предрассудки средневековых немцев компенсировались рациональной мощью новой империи. Было что-то символическое в том, что знаменитый собор в Кельне достраивался вместе с расположенным в двух шагах от него помпезным зданием железнодорожного вокзала.

Стремясь стать символом новой эпохи, Вильгельм II начал свое правление с того, что избавился от живой тени своего деда. В феврале 1890 г. был избран новый парламент, крупнейшей фракцией в котором оказалась социал-демократическая СДПГ. Бисмарку пришлось признать, что его закон против социалистов обернулся для СДПГ бесплатной рекламой. 20 марта того же года он узнал о своей отставке. Новый император хотел не только царствовать, но и править. «Он находился во власти дешевого оптимизма, считая, что можно завоевать рабочее движение Германии несколькими фразами монаршей снисходительности» (М. Фройнд). Рассматривая политику в категориях личной воли и славы, Вильгельм возвращал Германию во времена абсолютизма,

степень просвещенности которого зависела от его капризов и настроений.

Ни для кого в окружении императора не являлось секретом то, что угроза социальной революции была только поводом, а не причиной отставки «железного канцлера». Германская социал-демократия могла бы сделать Бисмарка незаменимым и даже возвести его в ранг диктатора, поведи она своих приверженцев на баррикады. Но партия, объявившая себя провозвестником нового мира, неплохо чувствовала себя в политической системе второй империи. Дисциплинированные ряды ее сторонников были готовы идти за ней только до избирательной урны. «Если считать, что классу соответствует специфическое сознание, то социал-демократические рабочие являлись единственным классом немецкого общества» (Г.А. Винклер). Это было верно лишь до рубежа XX века. Начатая Эдуардом Бернштейном дискуссия о целях и средствах движения в целом соответствовала выросшему сознанию массовой базы СДПГ, уже не желавшей безропотно проглатывать марксистские постулаты. Вместе с тем выступление «ревизионистов» стало миной замедленного действия, подложенной под организационное единство германской социал-демократии, которое будет окончательно расколото в годы мировой войны. За год до ее начала ортодоксального марксиста Августа Бебеля на посту председателя партии сменил прагматик Фридрих Эберт, которому суждено будет стать президентом первой германской республики.

Если СДПГ, дрейфуя вправо, теряла свой антисистемный характер, то партии немецких либералов, напротив, постепенно избавлялись от гипноза бисмарковской «революции сверху». Их требование конституционной реформы, способной укротить Пруссию и удалить монарха от власти, звучало еще слишком революционно для того, чтобы быть поставленным на голосование в рейхстаге. В результате либералы ограничились менее опасной ролью «совести нации», собрав под свои знамена самых выдающихся интеллектуалов от социолога Макса Вебера до экономиста Вернера Зомбарта. В 1910 г. три либеральных течения объединились в Прогрессивную народную партию. В центре политического спектра Германии накануне мировой войны оказались политики нового поколения вроде Фридриха Наумана и Густава Штреземана, выросшие в лагере либералов, но проявлявшие значительный интерес к социальному вопросу.

После того как Каприви в серии торговых договоров с соседями Германии понизил пошлины на импорт продовольствия, консервативные партии покинули ряды верных союзников власти. «Политическая длань остэльбских аграриев» (Г.А.Винклер) не

имела серьезной массовой базы, но обладала значительным влиянием на национально-патриотические союзы, объединявшие в своих рядах ремесленников и мелких предпринимателей. Наиболее известный из них – созданный 9 апреля 1891 г. Пангерманский союз – выступал за превращение страны в мировую державу и ее дальнейшую экспансию как в Европе, так и в колониях. Составной частью его программы являлось противодействие «левой измене» внутри Германии и поддержание контактов с немецкими эмигрантами, разбросанными по всему миру.

Особое место в партийно-политическом ландшафте занимала конфессиональная партия Центра. Треть населения объединенной Германии исповедовала католичество и выглядела в глазах Бисмарка подданными папы римского. Развязанная им в 1872 г. антиклерикальная кампания привела лишь к сплочению избирателей вокруг партии Центра, на протяжении всего периода существования второй империи за нее голосовало около 20 % немцев. После отмирания «культуркампфа» политический католицизм уже не чувствовал себя запертым в осажденной крепости, став самой непредсказуемой партией Германии. Выторговывая у верховной власти все новые уступки, Центр увязывал ее дальнейшую поддержку с послаблениями в сфере образования, которые позволили бы католическому учению вернуться в школьные программы.

Односторонняя зависимость от власти и невозможность влиять на судьбу правительства выталкивала германские партии в сферу теоретических дискуссий, делала крайне хрупкими их союзы и коалиции. Объединяя в своих рядах интеллектуальную элиту общества, они избегали рутины каждодневной политики, пусть даже на парламентской обочине власти. Для Вильгельма партии выступали в лучшем случае «неизбежным злом», мешавшим нормальному функционированию государственной машины. Он обратился за поддержкой к их лидерам только в августе четырнадцатого, первым делом заявив, что для него не существует больше партий.

До тех пор его вполне устраивал режим личной власти (persönliches Regiment). Потенциал федерализма, заложенный в верхней палате парламента, так и остался невостребованным. Каждая из составных частей империи была уверена в том, что ее права ограничиваются собственными границами. Берлин, таким образом, оказался в исключительном владении Пруссии. Бисмарк являлся главой не только общегерманского, но и прусского правительств. Впрочем, в обоих случаях оно не являлось кабинетом министров в современном смысле этого слова.

Канцлер управлял статссекретарями, имевшими в своем распоряжении то или иное ведомство, но не обладавшими собственным политическим весом. Любая их попытка напрямую обратиться к императору безжалостно пресекалась.

Скроенная под Бисмарка, эта структура начала расползаться по всем швам после его ухода. Сменивший «железного канцлера» Георг Каприви был последним, кто пытался интегрировать Пруссию в систему имперской власти, но ничего не мог противопоставить интригам придворных, выступавших в защиту своих родовых привилегий. Да и сам император справедливо считал, что трехклассный избирательный закон Пруссии является более прочной опорой монархии, чем всеобщее избирательное право. Искренний человек и способный политик, генерал Каприви «запутался в лабиринте ущербной демократии и процветающего византинизма» (Г.Манн), открыв собою галерею государственных деятелей, не пришедшихся к императорскому двору.

Исключением в ней являлся только Бернгард Бюлов, ставший рейхсканцлером в 1900 г. Он сделал карьеру в министерстве иностранных дел и долгое время считался доверенным лицом Вильгельма II, уравновешивая его эксцентричность своим дипломатическим тактом. Постепенно его внутренняя политика стала приобретать индивидуальный стиль, вызывая растущее раздражение при дворе. Бюлов старался не допускать объединения своих противников, «разделять, раздавая». На годы его канцлерства пришлась финансовая реформа и повышение импортных тарифов на зерно, расширение социального законодательства и активизация колониальной экспансии. Последняя стала причиной парламентского конфликта, роспуска рейхстага и новых выборов в январе 1907 г., вошедших в историю под названием «готтентотских» (речь шла о подавлении восстания местных племен в Намибии). Победа консервативных партий в союзе с национал-либералами над Центром и СДПГ привела к формированию «бюловского блока». Это была первая коалиция, которую можно было бы назвать правительственной, но и она продержалась не более двух лет.

Свержение Бюлова состоялось в июле 1909 после того, как его предложение налоговой реформы, подразумевавшее введение налога на наследство, было провалено консерваторами. Решающее слово оставалось за Вильгельмом, который не смог простить своему канцлеру реверансов в сторону рейхстага. Последняя капля, отравившая отношения императора и беззаветно преданного ему канцлера, лежала полностью на совести первого. В ноябре 1908 г. Вильгельм II дал интервью газете «Дэйли телеграф», в котором допустил оскорбительные

высказывания в адрес британской внешней политики. Разразился международный скандал, который окрылил оппозицию в рейхстаге. Бюлов мужественно защищал своего патрона перед парламентариями, но добился от него обещания впредь согласовывать с ним тексты своих официальных заявлений, как это предписывалось конституцией.

Преемник Бюлова Теобальд Бетман-Гольвег являлся его полной противоположностью: он вырос на ниве внутренней политики, по характеру был бюрократом, а не дипломатом, избегал рискованных партийных комбинаций и неизменно выступал перед рейхстагом в качестве императорского посланника. Человек чести, он с искренним недоумением воспринимал неблагодарность тех, кого стремился осчастливить. Конституция, дарованная в 1911 г. Эльзасу и Лотарингии, присоединенным после франко-прусской войны, не могла нейтрализовать национальные движения на окраинах империи, равно как и приостановка германизации бывших польских земель. Либерализация общественной деятельности и расширение системы социального страхования не выбили почвы из-под ног левых оппонентов власти. Напротив, парламентские выборы, состоявшиеся в январе 1912 г., принесли им настоящий триумф. В рейхстаге нового созыва более четверти голосов принадлежало социалдемократам, чуть меньше находилось в распоряжении партии Центра. «Партийная система Германии оказалась в тупике» (В. Моммзен). Блок СДПГ и либералов имел шансы на успех только в том случае, если бы его итогом оказалось формирование собственного правительства, а не блокирование законопроектов Бнтман-Гольвега. Новая расстановка партийно-политических сил поставила ребром вопрос о пересмотре конституции.

Настроение при дворе граничило с паникой, и только пассивное поведение неспособных объединиться победителей избавило власть от новых испытаний. Теряя политические опоры, она обращала свои взоры на армию. Та с удовольствием приняла на себя роль спасительницы отечества, проведя в Эльзасе акцию устрашения против местного населения (Zaberner Affäre). Ставка на военную силу готовила почву для будущей революции, но никто не решался убедить императора в необходимости реформ. «Его неизменное стремление подняться над партиями вело лишь к укреплению авторитарного режима, и в то же время сам он оказывался под растущим давлением военщины, бюрократии и разного рода придворных группировок», – справедливо отмечает английский историк Гордон Крэйг. Нестабильность власти порождала тягу к политическим фантазиям и непродуманным

решениям. Признав после выборов 1912 г., что ему так и не удалось стать «народным монархом», Вильгельм II удвоил свою активность на внешнеполитической арене.

Наследие Бисмарка в этой сфере оказалось гораздо более хрупким, нежели во внутренней политике. Знаменитая фраза из речи «железного канцлера» в рейхстаге – «мы, немцы, боимся только бога и больше никого на свете», ставшая боевым лозунгом экспансионистов, на самом деле имела вполне мирное окончание («именно потому мы ценим и храним мир»). Ни для кого не являлось секретом, что Франция будет искать пути для реванша. Система международных договоров, заключенных Германией в 80-е гг. XIX века, создавала скорее паутину взаимных сдержек и противовесов, нежели бетонные конструкции военно-политических блоков. «Союз трех императоров», обновленный в 1881 г., являлся данью традициям Венского конгресса. Образ Наполеона продолжал преследовать европейских монархов, и этот фактор играл не последнюю роль во внешнеполитических расчетах. Рано или поздно Германии пришлось бы выбирать между АвстроВенгрией и Россией, интересы которых столкнулись на Балканах. В случае революции в Вене и Будапеште можно было рассчитывать на возрождение великогерманского варианта и округление границ страны. В случае революции в России приходилось считаться с опасностью панславистской экспансии, угрожавшей восточным владениям империи. В 1890 г. Германия отказалась от продления договора безопасности (Rückversicherungsvertrag) с Россией, заключенного только три года тому назад.

Принимая отставку Бисмарка, Вильгельм II заявил: «Курс остается прежним. Полный вперед!». На самом деле внешнеполитическая стратегия радикально изменилась – бисмарковская Германия жила плодами одержанных побед, вильгельмовская – предвкушением новых. Сближение с Великобританией в период канцлерства Каприви так и осталось ничего не значащим эпизодом. Трудно было рассчитывать на то, что владычица морей потеснится, пропустив Германию в круг колониальных держав. Для того, чтобы разговаривать с ней на равных, утверждали советники Вильгельма, нужно сначала нарастить стальные мускулы. В эпоху империализма подобные идеи витали в воздухе. В современной историографии преобладает мнение, что агрессивность внешней политики Германии начала XX века определялась не столько борьбой за мировое господство, сколько досадой опоздавшего и обостренным чувством ущемленных интересов. Стремление во что бы то ни стало «уважать себя заставить» стало ее лейтмотивом, который

точно выразил Бюлов, выступая в рейхстаге 6 декабря 1897 г.: «Времена, когда немцы оставляли одному из своих соседей землю, а другому – моря, оставив за собой лишь небо, безвозвратно ушли в прошлое… Мы никого не хотим оттеснить в тень, но мы требуем себе места под солнцем». Это требование выполняло важную внутриполитическую функцию, направляя недовольство социальных низов в русло внешней экспансии.

Опоздав к разделу колониального пирога, Германия получила жалкие крохи – у Испании были приобретены несколько тихоокеанских архипелагов, в Африке немецкие владения в Намибии, Того и Камеруне поставили известный предел британской экспансии с юга в центр континента. Все это были колонии «третьего сорта», не располагавшие плодородной землей и разведанными полезными ископаемыми. В 1897 г. император попытался взять инициативу в свои руки, совершив длительный вояж во владения Османской империи и получив там подряд на строительство железной дороги от Берлина до Багдада. Эта инициатива, как и последовавшие за ней попытки утвердиться на северном побережье Африки, привели к сближению Франции и России, заложив основу внешнеполитической изоляции Германии.

В 1898 г. Китай предоставил в аренду Германии Шаньдунский полуостров, и та не осталась в долгу – два года спустя немецкий экспедиционный корпус принял участие в подавлении восстания «боксеров». В 1904 г. в Намибии началось восстание местных племен, победа над которым была достигнута путем политики геноцида – страна превратилась в безжизненную пустыню. Колониальные владения не только манили авантюристов всех мастей, но и питали шовинистические настроения в обществе. В рейхстаге постоянно раздавались обвинения в «дороговизне» колоний, не приносящих Германии ожидаемых дивидендов. Все это имело совсем не тот масштаб, о котором мечтала политическая элита империи, завороженная блестящей победой 1871 г.

Став после нее самой мощной военной державой континентальной Европы, Германия обратила свой взор на моря. Флот – вот то магическое слово, которое открывало доступ к экзотическим богатствам, обеспечивало растущей промышленности стабильный экспорт и наполняло смыслом дискуссии за кружкой пива. Адмирал Альфред Тирпиц, возглавивший в 1897 г. германское Адмиралтейство, стал выразителем подобных чувств. Весной 1898 г. рейхстаг одобрил первый из законов о строительстве флота, с последующими поправками он должен был вывести германские военноморские

силы на уровень двух третей от британских, что означало фактический паритет двух флотов в Северном море. С этого момента Германия стала врагом номер один для общественного мнения Великобритании – крупнейшей мировой державы.

Находившийся под патронажем Тирпица Германский флотский союз превратился в одно из самых массовых движений, объединяя в своих рядах через год после создания четверть миллиона человек. Схемы боевых кораблей стали едва ли не обязательным украшением гостиных комнат, детей поголовно наряжали в матросские костюмчики. Солидные предприниматели жертвовали огромные суммы на строительство броненосцев, рассчитывая на стабильные государственные заказы. Обыватели ожидали наплыва дешевых колониальных товаров. Наконец, для молодежи служба во флоте являлась шансом увидеть мир и сделать военную карьеру, невозможную в сухопутной армии, все офицерские должности в которой были расписаны между дворянскими сынками.

«Низвержение морского могущества Великобритании означало бы, что Германия вступает в права ее наследства» (Х. Кроков). Историки с редким для своей профессии единодушием рассматривают гонку военноморских вооружений как увертюру к будущей мировой войне, в исполнении которой вильгельмовская империя играла первую скрипку. Своеобразным проявлением ее экспансии являлось активное расселение немцев по всему свету – только за вторую половину XIX века из Германии эмигрировало около 4,4 млн. человек, т.е. 7 % населения страны к 1900 году. В его основе лежали прежде всего социально-демографические причины, сохранявшийся избыток рабочей силы. Каприви признал в одном из своих выступлений перед рейхстагом, что «экспорт нам жизненно необходим – мы будем экспортировать либо товары, либо людей. При росте населения без адекватно растущей промышленности мы просто не сможем существовать». Определенную роль в массовой эмиграции играли традиции миссионерской деятельности в Восточной Европе, осуществлявшейся не только крестом и мечом рыцарей Германского ордена, но и трудолюбием, изобретательностью и предприимчивостью обычных переселенцев.

Если за океан из Германии эмигрировали социальные низы, то на Восток, прежде всего в Россию, устремлялся поток высокообразованных карьеристов, большинство из которых добивалось поставленных целей. Образ расчетливого, хладнокровного немца, нарисованный в романах русских классиков, вполне адекватно отражал внутренний мир новых миссионеров. Только в Москве к началу первой мировой войны

проживало около ста тысяч лиц немецкой национальности – учителей, врачей, инженеров, аптекарей. Их вклад в экономическое и духовное развитие нашей страны неоспорим, хотя неоспоримо и то, что их отнюдь небескорыстное «культуртрегерство» встречало подспудное недовольство местного населения. Широко распространенные суждения о «засилье немцев» обернулись антигерманскими погромами практически во всех крупнейших городах России в августе 1914 г.

Если националистические мифы, отравлявшие российско-германские отношения в начале XX века, не имели авторства, то за дипломатическими ошибками обеих стран стояли вполне конкретные люди. После ряда успешных посреднических миссий Германия начала привыкать к роли «третьего радующегося». Пропагандировавший политику «свободы рук» Бюлов был уверен в непримиримости интересов Великобритании и России, не допуская и мысли об их возможном сближении, хотя ослабление царского режима в результате неудачной войны с Японией и начавшейся революции открывали возможность возобновления бисмарковской политики внешнеполитического балансирования.

Во время визита Вильгельма II в порт Танжер весной 1905 г. он выступил за созыв международной конференции по Марокко, что отодвигало на неопределенное время планы Франции по овладению этой страной. Кроме того, Германия начала очередную «военную тревогу». Однако военно-политическое давление на западного соседа не принесло ожидаемых плодов. На международной конференции в Альхесирасе Германия оказалась в изоляции, и Франции при поддержке Великобритании удалось упрочить свои позиции в марокканском султанате. Следующим шагом дипломатии императорских яхт стала встреча 24 июля 1905 г. в Финском заливе, в ходе которой Вильгельму II удалось разыграть британскую карту, заставив своего кузена Николая II подписать договор о взаимопомощи в случае нападения третьих стран, к которому могла присоединиться и Франция. Всплеск миролюбия и идеализма двух монархов был быстро погашен их окружением, как только оно узнало о достигнутой договоренности. После протестов министра иностранных дел Николай сообщил Вильгельму, что Бьеркский договор не затрагивает обязательств, вытекающих из русско-французского соглашения 1904 г. Это было равносильно его денонсации.

Безрезультатность встречи в Бьерке и конфуз с интервью «Дэйли телеграф» не охладили дипломатического пыла императора. После отставки Бюлова он заявил, что отныне сам будет заниматься внешней политикой. При новом осложнении ситуации вокруг Марокко летом 1911 г. Вильгельм II

распорядился отправить в туда военный корабль «Пантера». Вмешательство британской дипломатии и отсутствие поддержки со стороны союзников привели к тому, что Германия распрощалась со своими планами на колонизацию этой страны. Марокко стало протекторатом Франции, а Берлину пришлось довольствоваться частью французского Конго, полученного в качестве «отступного».

Более значительными оказались последствия «прыжка пантеры» в самой Германии. Недовольство очередным отступлением породило волну шовинизма, охватившую не только националистические союзы. Требования отомстить западному соседу за унижение стали раздаваться и с парламентской трибуны. Депутат от партии Центр в ходе марокканских дебатов в рейхстаге заявил, что «сохранение мира является большой ценностью, но было бы слишком дорого расплачиваться за него престижем мировой державы». Представители правых партий шли еще дальше, обвинив правительство в постыдной уступчивости. Голосом вопиющего в пустыне осталась речь лидера СДПГ Бебеля, который подчеркнул, что игра с огнем рано или поздно приведет к войне, которая закончится взрывом существующего в Европе социально-политического строя.

Эмоциональное состояние парламентариев, преследовавших в противостоянии власти свои узкопартийные цели, вполне отвечало массовым настроениям. Казалось, обыватели устали от «долгого мира». В пивных рассуждали о необходимости примерно наказать зарвавшихся французов и заключали пари, какой из сменявших друг друга военно-политических кризисов разразится настоящей войной. Книжные прилавки затопило море дешевой публицистики, призывавшей «священную войну, которая подобно врачу вылечит наши души» (Г. Класс). Празднование столетия Лейпцигской «битвы народов» в октябре 1913 г. превратилось в манифестацию готовности немецкой нации к новым военным подвигам. Предприниматели, выступая с пламенными патриотическими речами, про себя вспоминали огромные барыши, оказавшиеся в их кассах после получения контрибуции с побежденной Франции. Разочарование в дипломатических способах борьбы за «место под солнцем» вновь выдвинуло на первый план военных. Генеральный штаб Германии уже к 1905 г. разработал детальный план молниеносной войны (Blitzkrieg) на Западе, нарушавший нейтралитет Бельгии. Сменявшие друг друга канцлеры не решались поставить под вопрос последствия такого шага – «это было своего рода политической капитуляцией перед военным ведомством» (Г. Крэйг). Оккупация АвстоВенгрией Боснии и Герцеговины осенью 1908 г., а затем быстротечные

Балканские войны усиливали иллюзию, что передел европейских границ возможен «малой кровью». Армии ведущих держав континента за сорок лет «долгого мира» выросли более чем в два раза, получили новейшие виды вооружений, включая самолеты и линкоры типа «дредноут».

Германские генералы, следя за программами перевооружения российской и французской армий, настаивали: «сейчас или никогда». Внешнеполитические акции кануна мировой войны были подчинены их интересам. В 1912 г. безрезультатно завершился визит в Берлин военного министра Великобритании, предложившего заморозить гонку военно-морских вооружений. Отправка в Турцию германской военной миссии вызвала нескрываемое раздражение России. После того, как Франция в июле 1913 г. ввела трехлетнюю воинскую обязанность, военная истерия проникла и в ряды оппозиции. Социал-демократы впервые проголосовали за рост армии (Heeresvermehrungsgesetz), довольствовавшись тем, что источником его финансирования будет единый имперский налог на наследованную собственность.

Не было ничего удивительного в том, что стартовый выстрел к началу первой мировой войны прозвучал на Балканах. Национально-освободительное движение в этом регионе в сочетании с панславянскими идеями России воспринимались Вильгельмом как «вызов зарвавшихся славян», пресечь который сможет только кровь. Убийство кронпринца Австро-Венгрии Франца Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. развязало лихорадочную активность европейской дипломатии, которая должна была обеспечить своим правительствам алиби миролюбия, но не допускала и мысли о предотвращении войны ценой потери национального престижа. «Все считали себя подвергшимися нападению, и все находили это обстоятельство очень удачным» (Г. Манн).

Для Германии речь шла не только о стремлении обогнать конкурентов в гонке вооружений, но и об удержании в орбите своего влияния Австро-Венгрии. Оскорбленная в династических чувствах и оставленная на произвол судьбы, габсбургская монархия вполне могла отказать Германии в остатках былой привязанности. В случае же победы держав «оси Берлин-Вена» можно было рассчитывать на передел огромного геополитического пространства от Балтийского до Черного моря, а также колониальных владений в Северной Африке. 5 июля 1914 г. состоялось заседание государственного совета Германии, участники которого высказались в поддержку еще не объявленного австрийского ультиматума Сербии. На следующий день Бетман-Гольвег заявил послу Австро-Венгрии, что его страна

может быть уверена в военной помощи его страны «при организации отпора сербско-русскому заговору».

Однако эта позиция не стала достоянием гласности, положив начало реализации наихудшего из сценариев «войны нервов». Правительства в Санкт-Петербурге, Париже и Лондоне сочли момент достаточно удобным для того, чтобы продемонстрировать твердость и поставить предел экспансии держав «оси». В каждой из стран, втянутых в международный конфликт, дипломатов у руля власти сменили генералы. 30 июля глава германского генерального штаба Гельмут Мольтке настоял на объявлении полной мобилизации в АвстроВенгрии. На следующий день германский посол в Санкт-Петербурге ультимативно потребовал прекращения ответной мобилизации. Не получив ответа, 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, а 3 августа – Франции. В эти дни Европа вступила в новую эпоху, приход которой возвещал грохот десятков тысяч артиллерийских орудий и предсмертные крики миллионов людей, превращавшихся в статистику боевых потерь.

Вопрос о виновниках военной катастрофы занимает умы политиков и ученых уже без малого сто лет. Первые ответы на него давались пропагандой воюющих держав, ради укрепления «внутреннего фронта» взваливавшей всю вину на противника. Сюда же можно отнести и прозвучавшее в 1917 г. заявление Бетман-Гольвега, что Германии приходится вести превентивную войну. Позже свое видение произошедшего предлагали публикации дипломатической переписки, мемуары политиков, исторические труды. Указания на империалистический характер политики ведущих мировых держав, равно как и на экспансию их капиталов дают представление об общем фоне эпохи, но не убеждают в закономерности и неизбежности именно такой войны. Современная историография исходит из того, что Германия несет главную, но не единоличную ответственность за ее развязывание. Споры начинаются при конкретном анализе ее геополитических целей.

Если этапная работа Фрица Фишера, появившаяся в 1961 г., настаивала на запрограммированности «рывка к мировому господству», то его оппоненты утверждали, что в основе германской внешней политики лежало стремление стабилизировать свое положение в центре Европы: «Решающую роль в развязывании войны сыграл страх Германии потерять последнего союзника и надежда на то, что таким образом удастся прорвать внешнеполитическую изоляцию» (Э. Йекель). Между крайними позициями находится широкий спектр оценок, принимающих в расчет позицию других европейских государств.

«Германия единственная из них хладнокровно относилась к перспективе континентальной войны, поскольку была уверена в своей победе в случае, если Великобритания сохранит свой авторитет… Россия, Франция и Англия пытались избежать как локальной, так и континентальной войны, но они могли достичь этой цели, лишь уступив австро-германскому давлению. Их доля ответственности за развязывание войны заключается прежде всего в неадекватной реакции на действия Германии» (И. Гайс). Весьма интересны предположения ряда историков о превентивном характере «сползания в войну» перед угрозой парламентаризации политической власти в стране.

«Для меня в Германии нет больше партий, есть только немцы», – заявил 4 августа 1914 г. Вильгельм II депутатам рейхстага. За эффектной риторикой скрывалось чувство облегчения – наконец-то политика возвращалась в привычное императору русло военных команд и беспрекословного подчинения. Страну охватили эмоциональный подъем и лихорадка патриотических демонстраций, казалось, пали барьеры между «низами» и «верхами», «правыми» и «левыми». Ведущие журналисты респектабельных газет писали об «очистительной грозе», которая оздоровит нацию и разом решит все внутренние проблемы. С амвонов обеих церквей звучали благословения крестного похода против «азиатчины». Военный психоз проник и в молодежную среду, вчерашние гимназисты целыми классами записывались в добровольцы, чтобы утвердить себя в глазах старшего поколения. «Протест против перенасыщения цивилизацией воодушевлял молодых людей из добропорядочных семей в августе 1914 г., увидевших в войне пришествие долгожданного Апокалипсиса» (Х. Шульце).

Внешний враг обесценивал социальные и политические конфликты прошедших лет, чувство сопричастности к общему делу заглушало здравые сомнения в легкости обещанной победы. Голоса пацифистов-одиночек тонули в восторгах толпы, украшенной национальными флагами. Репрессии против нескольких левых радикалов, осмелившихся назвать войну завоевательной, ничуть не портило благостной картины гражданского мира (Burgfrieden). Социал-демократическая фракция в рейхстаге проголосовала за военные кредиты, не решившись плыть против шовинистического потока. Лидеры партии опасались остаться за бортом при разделе внутриполитических дивидендов казавшегося несомненным военного успеха. И простого солдата-резервиста, и офицеров генерального штаба объединяла уверенность в том, что война продлится не дольше Рождества.

Военное планирование вполне отвечало подобным настроениям в обществе. Германская армия имела вышколенный офицерский корпус и материальнотехническое превосходство над любым из противников, благодаря густой железнодорожной сети обладала большей мобильностью. Первоначально ее мощь должна была обрушиться на Францию, чтобы разгромить эту страну до завершения мобилизации в России и открытия второго фронта на Востоке. Основным силам согласно «плану Шлифена» предстояло вторгнуться туда через территорию Бельгии, обойдя с севера систему французских крепостей. После прорыва оборонительных рубежей и выхода на оперативный простор германские войска, подобно захлопывающейся двери, должны были повернуть на юго-восток и прижать французов к швейцарской границе. На эту операцию отводилось не более шести недель, чтобы затем перебросить немецких солдат на помощь Австро-Венгрии.

«С тактической точки зрения план был блестящим, но с любой другой он порождал фатальные последствия» (Г.Крэйг). Германия оказывалась в роли агрессора и настраивала против себя мировое общественное мнение. После того, как ее войска 4 августа вошли в Бельгию, в войну вступила Великобритания. Условием выполнения «плана Шлифена» являлось подавляющее преимущество германской армии в живой силе и технике. Согласно его первоначальному варианту, появившемуся в 1905 г., 70 дивизий должны были вторгнуться во Францию через Бельгию и Люксембург, и только 8 оставались для прикрытия германофранцузской границы. На момент августовского наступления 1914 г. это соотношение составляло 59 и 15, в то время как на стороне противника сражался английский экспедиционный корпус.

Не меньшей авантюрой выглядели и стратегические цели Германии, сформулированные в секретных меморандумах ее политического руководства. «Мы требуем не господства над миром, а уважения к себе» (nicht Weltherrschaft, aber Weltgeltung) – говорилось в одном из них. На деле это означало претензии на колониальную империю Великобритании, обеспечение гарантий германской гегемонии в континентальной Европе. Францию следовало лишить возможности реванша, исключив из разряда мировых держав. Геополитические аппетиты правительства Бетмана-Гольвега простирались от Дюнкерка до Смоленска. Если на Западе речь шла только о перекройке границ в пользу Германии, то на Востоке (в соответствии с концепцией «Срединной Европы», сформулированной Науманом уже в годы войны) предусматривалось использование завоеванного пространства для дальнейшей германской колонизации.

Германское наступление на Париж первоначально развивалось достаточно успешно, хотя Мольтке пришлось отказаться от планов охвата французской столицы с запада. Вместо этого германские войска попытались образовать клещи вокруг крепости Верден в Лотарингии. Французам удалось закрепиться на реке Марне в нескольких десятках километров от Парижа, а 5 сентября развернуть успешное контрнаступление, вклинившись между двумя эшелонами германских войск. Противостояние полутора миллионов солдат, снабженных новейшей военной техникой, привело к невиданным доселе потерям. Гибель в ходе битвы на Марне более 50 тыс.человек, сотни тысяч раненых, уничтоженные ландшафты приоткрывали занавес над ближайшим будущим европейских народов. Хотя немцам удалось стабилизировать фронт и сохранить свои позиции в Северной Франции, это не могло компенсировать провала «блицкрига». Эрих Фалькенхайн, сменивший Мольтке на посту начальника генерального штаба, уже в конце года доносил в Берлин о «невозможности нанести противнику такое поражение, которое позволило бы добиться удовлетворяющего нас мира. Напротив, перед нами открывается угроза постепенного истощения».

Генеральному штабу удалось отвлечь общественное мнение от краха молниеносной войны, скрыв реальные масштабы германских потерь и сосредоточив внимание прессы на победах в Восточной Пруссии. Удачно маневрируя, армейский корпус под командованием Гинденбурга и Людендорфа разгромил превосходящие силы двух русских армий. Полоса поражений русских войск на германском фронте, вызванных нехваткой вооружения и тактической слабостью командования, продолжалась и в следующем году. К октябрю 1915 г. немецкие войска оккупировали всю Польшу и вышли на линию Вильнюс-БрестРовно, хотя и не смогли принудить Россию к сепаратным мирным переговорам. Стремясь не повторять ошибок Наполеона, генеральный штаб отказалсяся от дальнейшего продвижения на восток («иначе нам придется кормить тридцать миллионов русских», – отмечал Фалькенхайн).

После завершения битвы на Марне западный фронт стал вытягиваться в направлении Ла-Манша. «Бег к морю» продолжался до конца 1914 г., сменившись позиционной войной. Ее отличали колоссальные человеческие потери при минимальном продвижении вперед. Частью нового облика войны стали километры окопов и колючей проволоки, бетонные наплывы блиндажей, соединенных подземными ходами, земля, изрытая воронками от крупнокалиберных снарядов, и грязь от

горизонта до горизонта. Огромные территории в Нормандии, Фландрии, на Балканах и в Восточной Европе превратились в марсианский ландшафт, поля засеивались минами, вековые леса скашивались артиллерийским огнем. Декорации всемирной драмы человеческого безумия катастрофы оживляли только группы солдат, ныряющих в ближайшую воронку, чтобы избежать пулеметной очереди, ослепших от газовых атак и оглохших от разрывов крупнокалиберных снарядов. Они уже не задумывались о смысле происходившего, повинуясь только приказу командира и инстинкту самосохранения. Такая война требовала тотальной мобилизации человеческих ресурсов, день за днем превращавшихся в прах. Только в Германии под ружьем оказалось одиннадцать миллионов человек – каждый четвертый взрослый немец.

Героизм одиночек уже не играл прежней роли – исход сражения решало превосходство орудий смерти. Во время битвы за французскую крепость Верден (весна 1916 г.) на каждый гектар фронта пришлось по пятьдесят тонн снарядов, на подступах к ней нашли свою гибель более 700 тыс. немецких и французских солдат. Германия быстрее своих соперников внедряла новые технологии убийства – массовое применение пулеметов, бомбардировки авиации, использование удушающих газов. В то же время противники без труда обнаружили самое уязвимое место ее военной машины – зависимость от импорта сырья и продовольствия. Блокада Северного и Средиземного морей закрыла для держав «оси» пути сообщения и с собственными колониями, и с нейтральными странами. Лишь в отдельных случаях научные изобретения могли компенсировать нехватку ресурсов. Так, открытие способа производства нитратов из атмосферного азота избавило германскую пороховую промышленность от необходимости экспорта чилийской селитры. Сбывались прогнозы геополитиков о решающей роли океанов в стратегии мировых держав. Попытки военноморского флота Германии добиться перелома и выйти на оперативный простор привели в первые месяцы войны к нескольким боевым столкновениям, не изменившим соотношения сил на море.

В сражении у датского пролива Скагеррак (31 мая – 1 июня 1916 г.), встретились основные силы двух флотов. Несмотря на понесенные потери, британский флот остался хозяином Северной Атлантики, а немецкие боевые корабли были заперты на своих базах. Любимое детище не только императора, но и всего общества, германский линейный флот оказался дорогой, но бесполезной игрушкой. Остававшийся его духовным отцом адмирал Тирпиц предложил новую тактику ведения боевых

действий на море. Подводные лодки, превращение которых в мощное оружие стало возможным после изобретения дизельного двигателя, позволяли скрытно приблизиться к неприятельскому кораблю и расстрелять его в упор. Потери торгового флота на атлантических коммуникациях достигли таких масштабов, что в Великобритании заговорили о блокаде собственной страны.

«Война машин и механизмов» привела к радикальной перестройке хозяйственного механизма Германии, после провала «блицкрига» почувствовавшей острую нехватку вооружений и боеприпасов. Глава фирмы «АЭГ» Вальтер Ратенау сумел наладить тотальное рационирование имевшихся ресурсов, возглавив соответствующий отдел военного министерства. Принципы рыночной экономики были отодвинуты на второй план. Государственные заказы, гарантировавшие предпринимателям неуклонный рост прибылей в сфере военного производства и позволявшие увеличивать номинальную зарплату рабочим, являлись важной составной частью гражданского мира в стране. Не меньшее значение имела и солидарность с экспансионистскими целями правительства. Короли угля и стали в своих меморандумах требовали как минимум всей Лотарингии, массовые военно-патриотические союзы делали в своей пропаганде акцент на новых заморских владениях и унижении противников Германии. Историки говорят об «удавшейся мобилизации университетских профессоров», выступавших с верноподданническими петициями и выдвигавших детальные планы расширения границ на Западе, германизации Восточной Европы. Благоприятный общественный климат позволял правительству Бетмана-Гольвега осуществлять финансирование войны через инфляцию и внутренние кредиты, исходя из того, что проигравший заплатит за все.

Впервые в мировой истории тыл во всех воюющих странах стал «внутренним фронтом» (Heimatfront), которым можно было управлять так же, как и воинскими соединениями. Массовая мобилизация привела к нехватке квалифицированной рабочей силы, было закрыто огромное количество ремесленных предприятий и мелких магазинов, являвшихся непременным атрибутом довоенного облика страны. На фабриках мужчин сменили женщины и подростки, в сельском хозяйстве стал широко использоваться труд военнопленных. Уже в конце первого года войны в общественном мнении страны зазвучали ноты усталости и протеста. Рост зарплаты не поспевал за ростом стоимости жизни, дефицит потребительских товаров покрывался разного рода эрзацами от маргарина из растительного масла до автомобильного бензина из каменного угля. Введенные в июне

1915 г. карточки на хлеб означали ни что иное, как «гениально организованный голод» (В.И. Ленин). Властям пришлось столкнуться с саботажем крестьян, которые отказывались декларировать ожидаемый урожай и сдавать его по твердым ценам. Новыми явлениями повседневной жизни стали спекулянты, прекрасно ориентировавшиеся в законах «черного рынка», и мешочники, ездившие по деревням и обменивавшие у крестьян последнюю утварь на продукты. В Берлине становилась все заметней прослойка нуворишей, которые нажились на военных поставках и выставляли напоказ свое богатство. Призывы власти к терпению и сплочению «единого народного организма» на этом фоне выглядели все менее убедительно.

Всеобщее ожесточение военных лет подрывало авторитет монархии Гогенцоллернов, потерявшей былой блеск и во многом предоставленной самой себе. Вильгельм в своих письмах постоянно жаловался, что генеральный штаб держит его в неведении относительно состояния дел на фронтах. «В ходе войны кайзер все более устранялся от принятия решений, коротая время в суетливом бездействии. Он беспрестанно путешествовал от одной резиденции к другой, иногда посещая спокойные участки фронта и еще реже наведываясь в столицу… Его душевное состояние колебалось между продолжительной депрессией и вспышками неподдельного интереса к банальным мелочам, так что окружение Вильгельма все больше опасалось за его рассудок» (Г. Крэйг).

Эпицентр политической борьбы, на некоторое время выведенный из рейхстага, оказался на пересечении интересов военных и гражданских властей. БетманГольвег, являвшийся сторонником «почетного мира», шаг за шагом уступал генералам прерогативы собственной власти. Поскольку Фалькенхайн поддержал точку зрения сторонников неограниченной подводной войны, взаимоотношения ставки и Берлина приняли характер затяжного кризиса. После того как немецкая подводная лодка в мае 1915 г. потопила пассажирский корабль «Луизитания», шедший в Европу под британским флагом, США пригрозили вступлением в войну. Последней кадровой победой «долгого канцлера» стала отставка Тирпица весной 1916 г. На некоторое время торпедирование торговых судов в Атлантике прекратилось. Но уже 9 января 1917 г. военный совет принял решение о возобновлении неограниченной подводной войны, уверив кайзера в том, что «Англия будет повержена еще до того, как первый американский солдат прибудет на континент». На самом деле способность подводных лодок переломить ход войны оказалась мифом, равно как и утверждения о неуязвимости этого чудо-

оружия – минные заграждения и технические средства обнаружения с каждым днем снижали его эффективность на морских коммуникациях.

Позиции Фалькенхайна на посту главнокомандующего подточила «верденская мясорубка», так и не принесшая долгожданной победы, и наступление русской армии под командованием генерала Брусилова на восточном фронте (июнь 1916 г.). Бетман-Гольвег, все больше размышлявший о недостижимости военной победы, предложил Вильгельму кандидатуры «героев Танненберга» Гинденбурга и Людендорфа. 29 августа 1916 г. они возглавили Верховное главнокомандование. Вопреки надеждам канцлера дуэт полководцев не думал ограничиваться военно-стратегическим планированием, все чаще вмешиваясь во внутреннюю политику и фактически подчинив себе императора, начавшего терять голову от нескончаемых проблем в тылу и на фронте. Зимой 1916/1917 г. в стране разразился настоящий голод (Steckrübenwinter), который унес с собой более полумиллиона человеческих жизней. Чтобы не допустить социального взрыва в тылу, власти были вынуждены пойти даже на сокращение армейских пайков. «Отчаянные попытки бюрократов найти пути эффективной борьбы с нехваткой продуктов вели к появлению все новых и новых бюрократических структур, которые загоняли каждого человека в сети контроля и манипулирования» (М. Залевский).

Единственный выход из кризиса гражданского управления виделся генералам в полной милитаризации всех сфер общественной жизни. 5 декабря 1916 г. был принят закон о вспомогательной службе отечеству, подразумевавший мобилизацию всех мужчин от 17 до 60 лет для работы на трудовом фронте. Генеральный штаб вынашивал аналогичные планы и относительно женского населения, но они не были реализованы. Напротив, не лишенный политического чутья БетманГольвег убеждал кайзера в необходимости прекратить неограниченную подводную войну (в результате которой в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 г. вступили США) и заняться поисками компромиссного мира, но его попытки разбились о нежелание военных терять стратегическую инициативу после разгрома Румынии. Вильгельм Второй долго колебался, опасаясь предпринимать такой шаг в разгар военных действий. Лишь ультиматумы Гинденбурга и Людендорфа склонили его 13 июля 1917 г. к отставке канцлера. Назначение бесцветного чиновника Георга Михаэлиса на этот пост развязывало руки дуумвирату, который мог теперь не опасаться того, что гражданская власть

сможет завоевать расположение Вильгельма.

Военная диктатура Гинденбурга и Людендорфа заменила собой гражданский мир образца августа 1914 г., от которого уже мало что осталось. Весной 1917 г. на военных предприятиях Берлина и Лейпцига прошли массовые забастовки, лозунгом рабочего движения стал не только хлеб, но и мир. Тогда же был оформлен организационный раскол в СДПГ – из нее вышла партия независимых социал-демократов (НСДПГ), придерживавшаяся революционно-пацифистских взглядов и голосовавшая в рейхстаге против военных кредитов. Массовое влияние второй рабочей партии было связано прежде всего с ее отказом от лояльности существующему режиму, а также с тем, что в нее вошли крупнейшие теоретики Второго Интернационала Эдуард Бернштейн и Карл Каутский.

Не желая отдавать инициативу левым радикалам, СДПГ, партия Центра, Национал-либералы и прогрессисты в июле 1917 г. образовали в рейхстаге «межфракционный комитет», потребовавший привлечь парламентские силы к участию в правительстве. Входившие в него партии провели через рейхстаг резолюцию, требовавшую заключения мира без «насильственного присоединения чужих территорий» (19 июля 1917 г.). Исполнительная власть устами Михаэлиса заявила, что не считает для себя решение рейхстага руководством к действию, ставка верховного главнокомандования выдвинула длинный список территориальных претензий, который должен был лечь в основу мирных переговоров. Их совместными усилиями в сентябре 1917 г. была сформирована «партия власти» под руководством адмирала Тирпица. Получив название партии Отечества, она на короткое время сумела мобилизовать в свою пользу патриотические настроения немцев.

Под прикрытием лозунгов о войне до полной победы власти искали пути достижения «почетного мира». Помимо дипломатического зондажа в нейтральных странах, который наталкивался на сопротивление военных, активизировала свою подрывную работу германская разведка. С точки зрения аналитиков генерального штаба важным фактором ослабления Российской империи являлись национально-освободительные движения на ее окраинах. В ноябре 1916 г. на оккупированных территориях было создано королевство Польское, спешно созданные «легионы» которого влились в вооруженную группировку держав «оси». Неожиданно ситуация взорвалась в самом центре России – доведенные до отчаяния массы свергли царское самодержавие. Революционную энергию Петрограда питало общее мнение, что окружение Николая Второго продалось

немцам. Стремясь добиться развития событий в нужном направлении, германские военные сделали ставку на поддержку сил, выступавших за углубление социальной революции, пусть даже ценой выхода России из войны. Первый «пломбированный вагон» с большевиками отправился из Швейцарии уже в марте, всего через территорию Германии было переправлено около 500 политических эмигрантов. Резидент германской разведки в апреле 1917 г. доносил из Стокгольма: «Ленин прибыл в Россию и работает в духе наших пожеланий».

Развал армии и дискредитация демократического правительства, сопровождавшие российскую революцию, порождали в Берлине эйфорические настроения. Большевистский переворот, «Декрет о мире» и предложение переговоров всем воюющим странам давали шанс властям Германии закрыть восточный фронт и перебросить все силы на запад. 15 декабря 1917 г. было заключено перемирие держав «оси» с Советской Россией. Вряд ли и германские дипломаты, и Гинденбург могли тогда здраво оценить парадоксальную логику исторического процесса: революции имеют обыкновение не замечать национальные границы. С момента захвата власти большевиками до падения монархии Гогенцолернов пройдет ровно один год.

Под влиянием событий в России среди немецких социалистов начало набирать силу леворадикальное течение, ориентировавшееся на повторение «русского примера». Его организационным центром стал «Союз Спартака», духовными лидерами – находившиеся в тюрьме Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Эхо российской революции расходилось по Германии независимо от большевистских агитаторов, вербовавшихся из военнопленных и снабженных кипами свежеотпечатанных листовок. Оно породило стихийные братания на фронте и стачки в крупнейших городах страны в январе 1918 г., в которых участвовало около полутора миллионов рабочих. Звучавшие в их ходе политические требования, в том числе за принятие формулы «мира без аннексий и контрибуций», не требовали перевода с русского языка. Профсоюзы оказались в стороне от движения, инициатива перешла в руки подпольных ячеек «революционных старост». Лидеры СДПГ были вынуждены войти в берлинский стачечный комитет, пытаясь «ввести движение в законные рамки и как можно скорее путем переговоров с правительством привести его к завершению» (Ф. Шейдеман). Лишь после того, как на крупнейшие предприятия были введены войска и на них было распространено действие военных законов, стачечная волна начала 1918 г. в Германии постепенно сошла на нет.

22 декабря 1917 г. в Бресте начались переговоры России и держав «оси» о заключении мира. Их ход и результаты показали, какое будущее ожидает Европу в случае победы Германии. Советская делегация тянула время, ожидая не столько решающих побед Антанты на Западе, сколько революционного взрыва на всем континенте. Германские дипломаты, напротив, спешили с заключением мира, чтобы успеть перебросить войска на западный фронт до подхода туда американского экспедиционного корпуса. Тактика выламывания рук слабейшему, сопровождавшаяся продвижением германских войск в направлении Петрограда, принесла свои плоды – 3 марта в Бресте был подписан «похабный мир» (В.И. Ленин), превращавший огромную территорию Восточной Европы от Прибалтики до Крыма в германский протекторат. На Советскую Россию была наложена контрибуция в 6 млрд марок, отныне она превращалась в пассивного заложника, судьба которого зависела от исхода первой мировой войны. Породив очередную волну шовинистических настроений, Брестский мир не принес решающего перелома к лучшему в военном положении Германии. Оккупированная ею территория на Востоке простиралась до низовьев Дона, и и на ней находилось до полутора миллионов немецких солдат. Надежды на выкачивание из Украины сырья и продовольствия не оправдались из-за слабости прогерманского правительства гетмана Скоропадского. Кроме того, Брест поставил крест на заявлениях берлинских политиков о стремлении к «ненасильственному миру», во многом предопределивде поведениелидеров стран Антанты по отношению к побежденной Германии год спустя.

Отношения России и Германии после Брестского мира напоминали дуэль с проглатыванием пилюль, одна из которых должна была оказаться смертельной: каждая из сторон стала ждать неминуемой гибели своего партнера. Причем ожидание не было пассивным: если большевистское руководство делало ставку на пропаганду своих идей, используя для этого советское представительство в Берлине, то германские власти насаждали на оккупированной территории «дружественные режимы», поддерживая контакты с теми лидерами белого движения, которые ориентировались на Антанту. Однако для большинства россиян, как свидетельствовали доклады германского представительства в Москве летом 1918 г., «немцы выступают в качестве главной опоры существующего режима, и его падение будет означать удар по нашему влиянию в России».

Представители внешнеполитического ведомства тем не менее считали, «что следует продолжать сотрудничество с большевиками или по крайней мере их использование, пока они

находятся у власти, в наших собственных интересах, чтобы держать Россию в состоянии военной слабости и способствовать развитию самостоятельных государств, возникающих на ее окраинах». Удобный случай сбросить пробольшевистскую маску предоставился Германии после убийства посланника Мирбаха в Москве левоэсеровскими террористами (6 июля 1918 г.). Казалось, повторяются события сербского кризиса четырехлетней давности – Германия предъявила советскому правительству жесткий ультиматум и активизировала подготовку к дальнейшему вторжению в Россию, чтобы опередить вооруженные силы Антанты.

Однако реальных сил для этого в Германии, истощенной четырехлетней войной, уже не было. Вильгельм II выступил против разрыва отношений с Россией, напротив, признал необходимым «поддерживать большевиков при любых условиях». Не последнюю роль в фактическом отзыве германского ультиматума сыграл и тот факт, что работавшие в Москве дипломаты не видели в белом лагере лидеров, имевших массовое влияние и способных возглавить контрреволюционный переворот. Их уверенность в том, что «большевики цепляются за нас с энергией утопающего» (К. Хельферих) и дни красной диктатуры сочтены, обрекала внешнюю политику Германии на пассивное выжидание.

Тем временем ситуация на западном фронте менялась не в ее пользу. Попытка германского командования добиться решающего перелома в войне до подхода основной части американских войск только ускорила развязку. 21 марта 1918 г. немецкая армия перешла в наступление в направлении Ла-Манша, стремясь ударить в стык английских и французских частей. Массовое применение новейшей боевой техники не изменило общей тактической картины – за артиллерийской подготовкой следовало наступление пехоты, которое разбивалось о мощные оборонительные рубежи противника. Десятки пройденных вперед километров оплачивались десятками тысяч погибших. Несмотря на отсутствие людских резервов, весной-летом 1918 г. германские войска непрерывно атаковали французские позиции, сумев вновь выйти на рубежи реки Марны в непосредственной близости от Парижа. Их общие потери составили более 700 тыс. человек. Завоеванные территории за четыре года были превращены в пустыню и не имели ни хозяйственного, ни военностратегического значения. Напротив, образовавшийся на западном фронте выступ с вершиной в Шато-Тьери стал удобной мишенью для фланговых операций французов. Одержанные победы уже не вызывали патриотического подъема, даже в

войсках надежды на скорейшее окончание войны все больше связывались с поражением собственной страны. Военная цензура доносила в ставку: «В солдатских письмах выражается уверенность, что Германия обречена… В них уже больше нет чувства любви к родине». Самовольное оставление боевых позиций и добровольная сдача в плен перестали быть исключительными случаями.. Репрессии военно-полевых судов только увеличивали ожесточение людей, потерявших остатки боевого духа.

8 августа стало «черным днем немецкой армии» (Э. Людендорф), когда британские танки смогли прорвать ее позиции у Амьена и вышли на оперативный простор. Спустя месяц она оказалась там, откуда начиналось ее весеннее наступление. После некоторой передышки английские, французские и американские войск возобновили активные действия по всему фронту. Отход германской армии превратился в бегство, офицеры потеряли контроль над солдатской массой, генералы – управление войсками. Первоначально Гинденбург и Людендорф пытались скрыть реальное положение дел, трактуя их как оборонительные бои с целью изматывания противника. 1 октября на совещании в ставке Людендорф признал, что продолжение военных действий бессмысленно и потребовал скорейшего заключения мира.

Поскольку державы Антанты требовали, чтобы перемирие подписало германское правительство, «опирающееся на народное доверие», военному руководству представился удобный шанс переложить ответственность за поражение и тяжелые условия будущего мира на плечи гражданских политиков 3 октября был сформирован новый кабинет министров во главе с принцем Максом Баденским, известным своими англофильскими взглядами. В него вошли лидеры почти всех фракций рейхстага, в том числе два представителя СДПГ, Густав Бауэр и Филипп Шейдеман. На следующий день Макс Баденский предложил державам Антанты заключить перемирие на основе четырнадцати пунктов президента США Вудро Вильсона. Последние несколько недель тянули с окончательным ответом, потребовав от Германии в качестве предварительного условия прекращения боевых действий и ухода со всех захваченных территорий.

В обстановке политической агонии новый канцлер даже не пытался взять под свой контроль ситуацию в вооруженных силах. Пользуясь этим, руководство военно-морского флота во главе с адмиралом Шеером самостоятельно отдало приказ о выходе в море для решающей битвы с британским флотом. За доводами о спасении чести германского флага скрывалась откровенная попытка коллективного самоубийства, которая не удалась из-за

сопротивления экипажей кораблей. 30 октября матросы военно-морской базы в Киле сошли на берег, чтобы взять власть в свои руки. Сопротивление офицеров и аресты превратили мятеж в политическое восстание, выдвинувшее республиканские лозунги.

В начале ноября оно перекинулось на корабли в Гамбурге и Любеке, охватило сухопутные гарнизоны на Севере Германии и расходящейся волной пошло по всей стране. По примеру русской революции повсеместно создавались советы рабочих и солдатских депутатов, бравшие на себя ответственность за налаживание новой жизни, обеспечение продовольственного снабжения и демобилизацию воинских частей. Сама жизнь подталкивала их к политическим решениям – под давлением местных советов отреклись от власти династии Баварии и Вюртемберга, Саксонии и более мелких монархических домов. Начало сбываться предсказание Ф. Энгельса о том, что короны европейских монархий будут валяться на мостовой и не найдется никого, кто захотел бы их поднять. Вильгельм II, покинувший Берлин уже 29 октября и находившийся в ставке верховного главнокомандования, оказался перед вопросом о своей собственной судьбе.

Чувствуя беззащитность «старого режима», вошедшие в правительство Макса Баденского партии день ото дня наращивали давление не него. Речь шла о немедленном введении всеобщего и равного избирательного права в Пруссии, а также об ответственности кабинета министров перед парламентом. Дальше всех шли социал-демократы, чувствовавшие, что теряют свое влияние в конкуренции с левыми радикалами. Эберт настаивал на отречении Вильгельма Второго в пользу кронпринца, выдвинув 7 ноября в беседе с рейхсканцлером неотразимый аргумент: «Я не хочу революции, я ненавижу ее как смертный грех». Он имел в виду опасность развития событий по русскому варианту анархии и гражданской войны, который пугал не только политическую элиту, но и большинство населения. Социал-демократическая газета «Форвертс» 9 ноября вышла с огромным заголовком: «Не допустим братоубийственной войны!».

Правление СДПГ бросилось вдогонку за революционными событиями, объявив в тот же день забастовку в Берлине. К тому времени большинство предприятий, которые контролировали военные власти, уже не работало. Массы рабочих стекались в центр города, в парк перед императорским дворцом. Столичный гарнизон перешел на сторону восставших. Подпольная организация «революционных старост», готовившая вооруженное выступление несколькими днями позже, была вынуждена отдать инициативу социал-демократам. Макс Баденский безуспешно

пытался связаться со ставкой, чтобы получить от императора решение об отречении от престола. В полдень к нему явился Эберт и потребовал решительных действий без оглядки на Вильгельма. Рейхсканцлер подписал распоряжение о передаче своих полномочий лидеру СДПГ. С государственноправовой точки зрения этот акт представлял собой совершенный нонсенс – назначенный глава правительства сам назначал себе наследника. Однако у революции есть собственная логика, и Макс Баденский просто изложил на бумаге то, что уже стало свершившимся фактом. В последний момент он настоял на сохранении в правительстве «беспартийных» статс-секретарей, которые могли обеспечить хотя бы минимальную преемственность власти и продолжение будничной аппаратной работы. Обращаясь к ним, Эберт назвал ближайшими задачами предотвращение гражданской войны и массового голода.

Немецкие историки с дотошностью хронометристов зафиксировали, что Шейдеман провозгласил из окна рейхстага немецкую демократическую республику двумя часами раньше, чем Карл Либкнехт – «социалистическую республику» с балкона императорского дворца. Процесс революционного захвата власти «снизу» также запаздывал буквально на считанные часы, но в конечном счете и он замкнулся на фигуре Эберта. Вечером 10 ноября в цирке Буша собрался совет рабочих и солдатских депутатов Берлина, выборы в который прошли накануне. Крайне левые во главе с Либкнехтом, выдвинувшие лозунг «Вся власть советам!», оказались в явном меньшинстве. Лидеры СДПГ отдавали предпочтение парламентской демократии, что подразумевало созыв Национального собрания и выработку конституции. «Независимцы» колебались, сохраняя лозунг диктатуры пролетариата, но не хотели видеть ее такой, как в России. Подавляющим большинством голосов собравшиеся в цирке Буша утвердили паритетное распределение шести мест в революционном правительстве – Совете народных уполномоченных – между представителями обеих социалистических партий. Его сопредседателями стали Эберт и Гуго Гаазе. Вопрос о характере новой власти и о перспективах государственного строительства не стоял на повестке дня – берлинский совет ограничился избранием постоянного Исполкома для контроля за деятельностью СНУ.

Ни об империи, ни об императоре уже никто не вспоминал. 8 ноября 1918 г. Вильгельм II в последний раз поставил перед своими генералами вопрос о возможности привлечения армии к подавлению внутренних беспорядков. Получив отрицательный ответ, он отправился искать политического убежища в

нейтральной Голландии. «Революция являлась в гораздо большей степени крахом старого порядка, нежели подготовленным переворотом» (Г. Хюртен). Лидеры СДПГ менее всего ожидали, что их выход на политическую авансцену окажется столь стремительным и достаточно бескровным. Один из них выразил искреннее удивление произошедшим: «Найдись хотя бы один решительный офицерский корпус, и с этими смелыми людьми было бы покончено…Такого офицерского корпуса не нашлось, также как не нашлось ни одного верного кайзеру командующего. Ничто лучше не доказывает логической необходимости крушения, внутренней опустошенности старого режима и тем самым всемирно-исторического права на его свержение, чем трусость и молчаливое исчезновение всех, кто до тех пор, по происхождению и призванию, был собственно опорой престола. Никто не шевельнул и пальцем» (Ф. Шейдеман).

Как и пролог любой революции, ноябрьские события устранили из политической жизни самые одиозные проявления старого, отжившего, ненужного. Характер новой власти должны были проявить ее созидательные действия. Пока же обстановка в Берлине после провозглашения республики напоминала немецкую поговорку о «старом вине в новых бокалах». Ключевые посты в государственном аппарате и армии сохранили беспартийные службисты имперской закалки, смирившиеся с новой властью как неизбежным следствием военного поражения, но отнюдь не симпатизировавшие ей. Напротив, рабочие и солдатские массы переполняла эйфория легкой победы и перспектив построения нового мира, которые смягчали горечь национального унижения и муки материальных лишений. Создав в лице советов институт «своей» власти, они тут же отдали ее «своим» партиям, сполна вознаградив социалдемократию за полвека своей социальной и политической эмансипации. От государственной мудрости ее вождей зависела отныне судьба первой германской республики. Но в еще большей степени она зависела от готовности социальных низов к ее защите и от способности общества в исторически кратчайший срок распрощаться со своими авторитарными устоями. Отречение Вильгельма отнюдь не лишало вторую Германскую империю, поставленную им на карту войны за мировое господство, романтического блеска для большинства его подданных. Новая власть должна была противопоставить этому блеску собственные ценности или сама исчезнуть в его тени.

Глава 2 Революция и республика

Провозглашение республики всего на два дня опередило подписание перемирия, завершившего мировую войну. Это не избавило первую германскую демократию от клейма «национального позора», которым сразу же воспользовались ее противники в генеральских мундирах и чиновничьих сюртуках. Сам Гинденбург, временно оказавшийся не у дел, освятил своим авторитетом тезис об ударе кинжалом в спину (Dolchstosslegende), который нанесли непобедимой армии коварные демократы. Последним придется оправдываться все годы своего правления, пока победа идеологии реванша, выросшей из этой и ей подобных легенд, не поставит точку в короткой истории несчастливой республики.

Первая мировая война практически не велась на территории Германии, но ее скорбную жатву почувствовала на себе каждая немецкая семья, оставшаяся без своих кормильцев или вынужденная содержать безнадежных калек. Около двух миллионов погибших на фронте, сотни тысяч умерших в тылу от голода и эпидемий, четыре с половиной миллиона инвалидов – таковы были только людские потери Германии. Сюда следует добавить последствия войны, не поддающиеся арифметическому учету – ожесточение прошедших через окопы и оставшихся в живых, их неспособность найти свое место в мирной жизни и готовность решать политические споры с оружием в руках. Уже при подписании перемирия Германия соглашалась с потерей своих колоний, практически всего флота и подвижного состава железных дорог. За четыре военных года в стране была подорвана финансовая система и сведен к нулю авторитет политической власти. В окружающем мире с Германией был связан образ безжалостного агрессора, и ставшие его жертвами народы взывали к мщению.

Тяжелые условия Компьенского перемирия, граничившие с капитуляцией, сковывали первые шаги германской демократии. И все же вопрос о мире, ставший катализатором российской революции 1917 г., был разрешен. Центристские и умеренные партии, вошедшие четыре года назад в «партию войны», теперь оказались «партией мира». Призывы к новой войне с Западом, способные объединить крайне левые и крайне правые силы в политическом спектре Германии, на ка-кой-то отрезок времени потеряли всякий смысл. И германская, и российская революции выросли из нежелания масс нести тяготы мировой войны, но если развитие событий в России определялось продолжавшейся

войной, то в Германии – свершившимся фактом поражения.

После бескровного свержения монархии Гогенцоллернов был потерян общий вектор, объединявший революционно-демократический лагерь. Последующее развитие событий определялось конфликтами уже внутри него самого. 12 ноября была опубликована «социалистическая» программа Совета народных уполномоченных. Решением новой власти отменялось военное положение и восстанавливались демократические свободы, объявлялась политическая амнистия и провозглашались скорейшие выборы в Конституционное собрание. В то же время в этом документе ничего не говорилось ни о советах, ни о социализации, т.е. переводе в государственную собственность ключевых отраслей индустрии.

Программа СНУ отражала взгляды «умеренных» социал-демократов, которые в рыхлом лагере революционных сил находились на крайне правом фланге.

Отдавая дань марксистской терминологии, они опирались на либерально-демократические традиции 1848 г. – будущее государственное устройство должно быть определено не «классово-ограниченными» советами, а демократическим волеизъявлением всех немцев. Парламентское большинство оказывалось необходимым и достаточным условием движения к социализму. Последний превращался из «естественно-исторической необходимости» в этический императив, способный обеспечить избирательные успехи социал-демократов. Бесспорно, подобная умеренность находила отклик в рядах не только организованного пролетариата, но и средних слоев, творческой и служилой интеллигенции. СДПГ была школой политической социализации для нескольких поколений рабочих, некоторым из которых удалось «выбиться в люди», стать частью партийного или государственного аппарата. На эти кадры партия могла положиться. Абстрагируясь от социальных утопий, реальной альтернативой западноевропейской политической модели выступала только теория и практика большевизма. Гражданская война, бушевавшая на территории бывшей Российской империи уже целый год, не добавляла ей привлекательности.

Отношение к опыту большевиков НСДПГ, находившейся в центре революционного лагеря, не было столь прямолинейным. Провозглашая те же конечные цели, что и большевики, партия не принимала их «азиатские методы». В полемике с Лениным ведущий теоретик НСДПГ Карл Каутский предложил концепцию «третьего пути» к социализму, пытавшуюся соединить социализм в экономике и демократию в политике. Привлекательность «независимцев» вытекала из самого факта революции – это была

партия социального творчества, нацеленная на светлое будущее и неспособная к длительному существованию в условиях стабильной политической системы. «Демократия – это немного, социализм – вот наша дорога» – скандировали на митингах ее сторонники.

С точки зрения лидеров НСДПГ революция создала благоприятные условия для дальнейших общественных преобразований, прежде всего социализации ключевых отраслей производства. Таким образом можно было решить вопрос о наказании тех виновников войны, которым она принесла огромные прибыли, и обеспечить справедливое перераспределение национального дохода. Проводить социализацию следовало немедленно, опираясь на советы рабочих и солдатских депутатов, чтобы затем поставить Конституционное собрание перед свершившимися фактами. Доводы оппонентов, что «социализация развалин» лишь оттолкнет трудящихся от социалистической программы, затрагивали скорее эмоциональную сторону вопроса. В годы мировой войны государство доказало свою способность контролировать экономический процесс, даже вопреки корпоративным интересам предпринимателей. Более действенным оказывался другой аргумент – перевод тяжелой индустрии в государственную собственность даст странам Антанты удобный шанс отобрать ее в качестве военной добычи. В итоге дискуссия о социализации тихо скончалась, предопределив дальнейшее угасание НСДПГ и концепции «третьего пути к социализму» в целом.

Наконец, на крайне левом фланге революционного лагеря располагались группы «интернационалистов», требовавших использовать энергию масс для решающего штурма как экономических, так и политических устоев капитализма. Карл Либкнехт так сформулировал отношение этой группы к происходившим в Германии событиям: «Политической формой революции является пролетарское действие, но социальным содержанием – буржуазная реформа». Формирование советов рабочих и солдатских депутатов в крупнейших немецких городах рассматривалось левыми радикалами в качестве подтверждения универсальности опыта русской революции, выборы в Конституционное собрание отвергались ими ввиду неизбежной победы на них антипролетарских сил. Моральная и материальная поддержка большевиков способствовала сплочению этих групп и отдельных революционеров-одиночек в некое подобие партии, центром кристаллизации которой стал «Союз Спартака». Именно скорейший приход этой партии к власти отождествлялся

радикально настроенными участниками германской революции с диктатурой пролетариата.

На протяжении ноября-декабря 1918 г. вопрос о том, какая из революционных программ возьмет верх, оставался открытым. Многое зависело от того, сумеют ли партийные лидеры уловить настроения разбуженных масс и мобилизовать уличную толпу в свою поддержку. Опираясь на мандат, выданный им берлинским съездом советов, члены СНУ от социал-демократии большинства день за днем поворачивали вектор общественных настроений в удобном для себя направлении. Не меньшую роль в победе умеренной, т.е. либерально-демократической линии развития революции сыграло ораторское мастерство, политическое чутье и государственный опыт лидеров новой Германии, первым из которых следует назвать Фридриха Эберта. Его биография сама по себе являлась символом разрыва с кастовостью имперской политической элиты. Сын портного, он несколько лет сам кочевал по Германии, будучи подмастерьем, и не понаслышке знал о нуждах и чаяниях социальных низов. Примкнув к социалистическому движению, Эберт сделал головокружительную карьеру, став в 42 года председателем крупнейшей германской партии. Прагматик до мозга костей, он соединял в себе черты европейского социалиста и германского патриота. Двое сыновей Эберта погибли на войне, и это примиряло с его кандидатурой националистически настроенные круги.

Получив пост рейхсканцлера от старой власти и политическое доверие от берлинского совета, глава СНУ достаточно быстро обеспечил себе необходимый минимум независимости от обоих источников своей легитимации. Советы рассматривались им скорее как «неизбежное зло», нежели как рычаг дальнейшего развития революции, которое следовало поскорее ввести в рамки законности и парламентаризма. Тем не менее советское движение являлось неотъемлемой частью Ноябрьской революции, дав выход политической энергии социальных низов и заполнив собой образовавшийся в первые дни после свержения монархии вакуум власти. Советы рабочих и солдатских депутатов на местах сосуществовали с традиционными центрами власти – ландтагами, магистратами, приняв на себя значительную часть управленческих функций (обеспечение правопорядка и работы транспорта, продовольственное снабжение). Минимальный политический опыт рабочих и быстрая демобилизация солдат не дали им возможности утвердить советы как новую власть в условиях, когда старый государственный аппарат сохранял свои ключевые позиции и СНУ стремился наладить с ним деловое

сотрудничество.

Работа Всегерманского съезда советов рабочих и солдатских депутатов (16-20 декабря 1918 г.) подтвердила «управляемость» советского движения. Фактически это был парламент рабочих партий – СДПГ получила 298 голосов из 489, НСДПГ – 90. Съезд одобрил внесенную СНУ резолюцию о скорейшем созыве Национального собрания, призванного демократическим путем выработать новую конституцию. Советы пытались сохранить за собой контролирующие функции, приняв важные решения о демократизации армии (Hamburger Punkte) и социализации горнодобывающей промышленности, однако они остались благими пожеланиями. Любые попытки местных советов на исходе революции вернуться к вопросу о власти жестко пресекались правительством, которое многие в Германии считали «советским».

Гораздо сложнее обстояло дело с независимостью СНУ от сил «старого режима». Революционный переворот пресек политическую карьеру его наиболее одиозных фигур. Отречение кайзера освободило военных и гражданских чиновников от присяги, но не парализовало германскую государственную машину, привыкшую за годы войны к работе в экстремальных условиях. Она стала союзником нового правительства в той степени, в которой то выступало фактором порядка, но отказывалась быть инструментом углубления социальной революции. Понимая шаткость своих позиций, Эберт пытался маневрировать, избегая прямого вмешательства в сферу компетенций традиционных центров власти – армии, профессиональных и предпринимательских союзов, региональных лидеров.

Еще до подписания Компьенского перемирия новому правительству удалось урегулировать свои отношения со ставкой Верховного командования. «Офицерский корпус готов к сотрудничеству только с таким правительством, которое начнет борьбу с радикализмом и большевизмом», – заявил в телефонном разговоре с Эбертом генерал Гренер. Кроме того, ставка заверила Берлин в том, что сохранит партнерские отношения с новой властью, если та не будет вмешиваться в сферу компетенций военных. Командиры воинских частей на местах понимали политику вооруженного нейтралитета армии и революции каждый по-своему, но в целом среди них преобладало негативное отношение к республиканцам как «предателям армии, не побежденной в открытом бою».

Серьезную поддержку новой власти оказало профсоюзное движение, уже в первые дни после свержения монархии

добившееся от предпринимателей серьезных уступок. 15 ноября было подписано соглашение о трудовом сотрудничестве (Arbeitsgemeinschaft) между руководителем Свободных профсоюзов Германии Карлом Легином и представителем промышленных кругов Гуго Стиннесом. Предприниматели признавали профсоюзы единственным выразителем интересов рабочих и обещали им соучастие в управлении производством. Провозгласив тарифную автономию, участники пакта Легина-Стиннеса оказывались на равном расстоянии от государства, которому отводилась роль арбитра в случае конфликта труда и капитала. Показательным было и то, что пакт не затрагивал вопрос о собственности, демонстрируя стремление обеих сторон к компромиссу, а не разжиганию классовой борьбы. Правительство СНУ придало этому документу силу закона, рассматривая его как одно из важнейших завоеваний демократической революции.

Объективно союзником Эберта в работе по консолидации новой власти являлись и имперские партии, лидеры которых сохранили свое влияние как в центральном государственном аппарате, так и в регионах страны. После шока первых дней революции большинство из них приняло новые имена. Политический ландшафт справа от социал-демократии определяли следующие силы: Христианско-демократическая партия (бывший Центр, лидеры Иосиф Вирт и Матиас Эрцбергер), Германская демократическая партия (бывшие прогрессисты во главе с Фридрихом Науманом), Германская народная партия (национал-либералы, Густав Штреземан), Германская национально-народная партия (консерваторы, Гуго Гугенберг). Еще правее от этаблированных партий располагался пестрый спектр националистических движений, большинство из которых не выходило за региональные рамки. Их влияние заключалось не столько в программных установках, представлявших собой пеструю смесь новомодных учений и традиционных предрассудков, сколько в самом духе политической истерии, охватившей добропорядочных немецких бюргеров. Если с «закатом Европы», о котором писал Освальд Шпенглер, еще можно было поспорить, то гибель Германии представлялась националистическим лидерам свершившимся фактом. Этим духом питались многочисленные «добровольческие отряды» (Freikorps), повсеместно создававшиеся уволенными офицерами из демобилизованных солдат. Кровавые деяния «фрайкоровцев», напоминавшие отряды наемников в период Тридцатилетней войны, являлись своего рода слепой местью выброшенных из жизненной колеи людей тем, кто лишил их привычных мифов и материального достатка.

Опасность «красной анархии» в тот момент представлялась им наибольшей. Газеты изо дня в день сообщали о большевистских агитаторах, просачивавшихся в Берлин из России вместе с немецкими военнопленными. Группа «Спартак» захватила одну из типографий и начала издание собственной газеты «Роте Фане», требовавшей последовать русскому примеру и установить диктатуру пролетариата. 30 декабря было провозглашено создание Коммунистической партии Германии, вобравшей в себя наряду со «спартаковцами» несколько групп независимых интернационалистов. КПГ появилась на свет как партия интеллектуалов, и установление прочных связей с советским и рабочим движением в ходе революции оказалось для нее слишком сложной задачей. Впрочем, массовые акции были неподконтрольны ни Совету народных уполномоченных, ни какой-либо из из партий. Под Рождество вспыхнул бунт в народной морской дивизии, которая осадила здание, где работало правительство (Weihnachtskämpfe). Вызванные Шейдеманом войска не смогли исправить положение – матросы успешно отразили штурм дворца, который они занимали. В знак протеста против попытки подавления восстания вооруженной силой представители НСДПГ вышли из Совета народных уполномоченных.

Не менее радикально была настроены и берлинские рабочие. Значительное влияние на них сохраняли комитеты «революционных старост», нелегально созданные на крупнейших предприятиях в годы войны. В отличие от умеренных профсоюзных лидеров старосты выступали за немедленное установление рабочего контроля над предприятиями и их социализацию. Устранение «независимца» Эмиля Эйхгорна с поста главы берлинской полиции в начале января 1919 г. переполнило чашу терпения тех, кто ожидал развития событий по сценарию социальной революции. По столице поползли слухи о союзе социал-демократов и военщины для ее удушения, на улицах вновь появились вооруженные рабочие и солдаты. Стихийная демонстрация протеста вылилась в осаду правительственной резиденции, захват общественных зданий в центре Берлина и завершилась кровопролитными столкновениями.

Образование «революционными старостами» и социалистами комитета действия, провозгласившего свержение СНУ, было расценено в советской историографии как «неудавшаяся попытка захвата власти немецким пролетариатом». Гораздо ближе к истине мнение, что январские события в Берлине являлись «путчем левых радикалов» (Г.А. Винклер). Обратившись в

критический момент за помощью к регулярным армейским частям и «фрайкоровцам», правительство Эберта было вынуждено смириться с их произволом. 15 января были убиты лидеры КПГ Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Попытки оживить социальную революцию, предпринимавшиеся левыми радикалами зимой-весной 1919 г. (мартовские бои в Берлине, советская республика в Мюнхене, продержавшаяся несколько недель) являлись отзвуками уходившей грозы, слабость которых лишь подчеркивала истощение политической энергии масс.

Можно ли вообще применительно к событиям ноября 1918 – января 1919 гг. говорить о революции, приведшей Германию к демократии? Да, если рассматривать ее как последнюю из европейских революций «долгого» XIX века, устранивших абсолютистские атавизмы в политической структуре сложившегося индустриального общества. Как и бисмарковское объединение страны «сверху», Ноябрьская революция «снизу» исторически опоздала, и с этим были связаны катастрофические последствия обоих событий для германской истории XX века. Революция была обращена в прошлое, а не в будущее, ее лидеры видели себя прежде всего продолжателями дела либеральной демократии образца 1848-1849 гг. Параллели с событиями тех лет очевидны – обе революции были порождены внешними факторами, отдали политическое лидерство умеренным республиканцам, оказавшимся «революционерами против своей воли», и сопровождались неудавшимися попытками радикалов обернуть их ход в свою пользу. В обоих случаях массы, вначале с энтузиазмом поддержавшие новую власть, вскоре отошли от нее, посчитав себя преданными, ибо политический переворот не затронул общественных основ, не дал им ожидаемого материального прогресса.

Напротив, сравнение германской революции 1918 г. с российской революцией 1917 г. указывает на принципиальные отличия как в их динамике, так и в конечных результатах. Прежде всего исчез фактор войны, дискредитировавший в глазах народа любое правительство. Сменившей монархию Гогенцоллернов парламентской элите удалось удержать в своих руках государственную власть, в то время как в России ее перебрасывали из рук в руки, как горячую картофелину. Применительно к Германии если и можно говорить об элементах двоевластия, то только внутри советов, а не между «пролетарскими» советами и «буржуазным» правительством. Не было серьезных атак справа вроде корниловского путча, позволивших противоположному полюсу сплотиться и вооружиться. Главное отличие все же заключалось в более

рациональном сознании немцев, ценностях «порядка» и уважения власти, которые хотя и были поколеблены опытом войны, все же устояли перед утопией мировой пролетарской революции, которой были заворожены социальные низы большевистской России.

Из социально-политических потрясений, вызванных первой мировой войной, германскую революцию можно назвать одним из самых осторожных. Скорее оказавшиеся у власти, нежели захватившие ее социалдемократы руководствовались принципом «не навреди». Принятие решений о будущем страны было вынесено за скобки революции. В результате ее половинчатость оказалась гораздо менее очевидной, нежели поражение революции 1848-1849 гг. «Пиррова победа» либерально-демократических сил мешала им увидеть то, что не могла исправить никакая конституция: общественное мнение воспринимало республику как результат военного поражения, а демократию – как составную часть диктата победителей. После 1918 г. Германия продолжала жить ожиданием «правильной» революции, и находившемуся в состоянии заторможенного психоза массовому сознанию в общем-то было все равно, какого цвета – красного или коричневого – окажется ее окончательный итог.

С конца 60-х гг. немецкие историки ведут дискуссию о том, не должны ли были взвалившие на себя «бремя власти» (С. Миллер) социал-демократы вести в ходе революции другую, более радикальную политику, опираясь прежде всего на разбуженную энергию масс. В новейших работах отмечается «неизбежность сотрудничества СДПГ со старой элитой», но признается и то, что «размеры этого сотрудничества шли дальше, чем того требовала обстановка» (Г.А. Винклер). Речь идет о демократизации армейских структур, свернутой по требованию Гренера и Гинденбурга, о так и не начатой земельной реформе, позволившей бы подорвать экономические позиции юнкерства, наконец, о реакционном чиновничестве, оказавшемся «незаменимым». Ставка на постепенность политического и социального прогресса являлась оборотной стороной ортодоксальной интерпретации марксизма, веры в его «железные законы истории». А ведь европейские события нового времени давали достаточно примеров непредсказуемости и зигзагообразности общественного развития, сочетавшего в себе и «два шага вперед», и «шаг назад». Открывая Национальное собрание, Эберт поставил в заслугу революционному правительству прежде всего то, что оно ограничилось «оформлением банкротства старого режима». Верные своей

доктрине, социал-демократы предоставили «делать историю» другим социально-политическим силам.

Авторитет СНУ после январских событий держался не столько на решениях Всегерманского съезда советов, сколько на штыках армейских частей, которыми командовал социал-демократ Густав Носке, ставший впоследствии военным министром. Состоявшиеся 19 января 1919 г. выборы в Национальное собрание должны были обеспечить демократическую легитимацию республиканцам, окруженным приверженцами гражданской войны слева и национальной войны справа. Избиратели отдали свои симпатии умеренным партиям (впервые в выборах принимали участие женщины) – СДПГ, ХДП и ГДП получили 76 % голосов, что являлось более чем достаточной основой для стабильной коалиции. Либералы и Центр были солидарны с деятельностью социал-демократов в двух важнейших пунктах – не допустить «красной анархии» и привести страну к парламентской демократии. Во многом такая позиция диктовалась внешними факторами – ни для кого не было секретом, что приход к власти в Берлине сторонников «диктатуры пролетариата» вызовет жесткий ответ стран Антанты и, вероятно, оккупацию значительной части Германии. Слова Макса Вебера о том, что «если мы сами не разберемся с Либкнехтом, наводить порядок в Германии придется американцам», достаточно точно отражали настроения тех, кто мечтал о стабильности и порядке без ностальгии об утерянном германском величии. В то же время выборы показали отсутствие базы для социалистических преобразований – СДПГ и СДПГ вместе взятые получили чуть больше 45 % голосов. КПГ после острых дебатов на Учредительном съезде приняла решение вообще бойкотировать выборы в Национальное собрание. Хотя впоследствии это было расценено как ошибка, негативное отношение коммунистов к первой германской республике сохранялось на протяжении всего недолгого срока ее существования. Для них, как и для крайне правых, она тоже являлась результатом поражения – в данном случае поражения пролетарской революции.

Местом работы Национального собрания был избран Веймар – небольшой город в Тюрингии, связанный с самыми блестящими страницами немецкой литературы. Впрочем, в этом выборе, давшем название первой германской республике, преобладал прагматический расчет – народные избранники не должны были чувствовать дыхания берлинских улиц. 11 февраля 1919 г. Национальное собрание избрало Эберта временным президентом страны (Reichspräsident), тот поручил формирование коалиционного правительства из представителей СДПГ, ГДП и

Центра Шейдеману. Наряду с выработкой конституции Национальному собранию предстояло принять условия мира, которые в течение нескольких месяцев обсуждались на Парижской конференции держав-победительниц.

Германские представители, присутствовавшие на ней в роли пассивных наблюдателей, внимательно следили за настроениями в лагере Антанты. Один из них, Оскар Траутман доносил в Берлин 15 марта: «Для нас преимуществом первостепенной важности является признание Америки и Англии, что большевистская угроза делает необходимой быструю и великодушную политику в отношении Германии, и это пойдет нам на пользу при заключении мира». Однако подобные расчеты, питавшие жесткую политику СНУ по отношению к Советской России (дипломатические отношения между двумя странами, разорванные 5 ноября 1918 г., так и не были восстановлены), не оправдались. Президент США Вудро Вильсон, на мягкость позиции которого по отношению к побежденным также рассчитывали немецкие дипломаты, предпочел не идти на конфликт с лидерами государств, начавших войну еще в августе четырнадцатого. Его удовлетворило создание нового инструмента международной политики – Лиги наций, доступ в которую для Германии был закрыт. Текст мирного договора, выработанного без участия немецкой стороны, был предложен Германии 7 мая 1919 г. в виде двухнедельного ультиматума с угрозой возобновления боевых действий.

В Париже победила французская линия – ослабить противника настолько, чтобы он оказался неспособен к реваншу. После того, как попытка отторгнуть территории по левому берегу Рейна не удалась, премьерминистр Франции Жорж Клемансо сосредоточился на правовых и экономических гарантиях от возрождения германского империализма. Вооруженные силы Германии отныне должны были формироваться по профессиональному принципу и не могли превышать 100 тыс. солдат и 4 тыс. офицеров, ей запрещалось иметь самые современные виды вооружений – танки, самолеты, подводные лодки. На левом берегу Рейна размещались оккупационные войска, по правому берегу создавалась демилитаризованная полоса шириной 50 км, куда не должна была ступать нога немецкого солдата.

Мирный договор означал для Германии потерю седьмой части территории и десятой части населения. Эльзас-Лотарингия возвращалась Франции, Северный Шлезвиг отходил Дании, провинция Ойпен-Мальмеди – Бельгии. Еще более обширными были территориальные потери на Востоке в пользу воссозданного

Польского государства, получившего доступ к Балтийскому морю. В результате Восточная Пруссия оказалась отрезанной от остальной территории страны. Саар, Данциг и Мемель попадали под контроль Лиги наций. Кроме того, державы-победительницы без особых трений разделили между собой германские колонии. Запрет «аншлюса» Австрии (11 ноября 1918 г. Национальное собрание в Вене провозгласило присоединение немецкой части бывшей АвстроВенгрии к Германии) означал, что вопрос о великогерманском объединении был снят с повестки дня, хотя такой вариант в перспективе мог бы дать республике более солидную политическую базу (австрийские социалисты являлись самой крупной партией в своей стране).

Статья 231 договора возлагала на Германию единоличную ответственность за развязывание войны (alleinige Kriegsschuld). Она должна была компенсировать державам-победительницам не только прямые военные расходы и причиненный ущерб, но и оплачивать пенсии ветеранов и инвалидов первой мировой войны. Окончательная сумма платежей на Парижской конференции так и не была согласована, так как Франция, верная своей позиции «горе побежденным», выдвигала совершенно фантастические претензии – порядка 500 млрд. марок золотом. Окончательная цифра репараций – 132 млрд. марок – была названа лишь в мае 1921 г. Реальные выплаты Германии державампобедительницам оказались на порядок ниже – около 13 млрд. марок (они продолжались до 1932 г.). Тем не менее на всем протяжении существования Веймарской республики репарационный вопрос создавал благодатную почву для реваншистской пропаганды, расписывавшей ужасы «кабалы для наших детей и внуков».

Угроза возобновления военных действий со стороны Антанты сделала свое дело – 28 июня в Зеркальном зале Версальского дворца, где менее полувека назад было провозглашено образование Германской империи, немецкая делегация поставила свою подпись под текстом мирного договора. Тяжесть военного поражения была многократно усилена позором политического унижения. В стране бушевали эмоции, не дававшие людям трезво сопоставить преступление войны и наказание мира. Предпринятое Каутским собрание документов, проливавших свет на дипломатическую предысторию мировой войны, так и не было опубликовано. Версаль не олицетворял собой конца немецкой истории – «исключая на ближайшую перспективу Германию из числа великих держав, он потенциально сохранял за ней эту роль» (А. Хильгрубер). Несмотря на огромные потери, страна все же избежала оккупации, сохранила государственное единство и

могла самостоятельно определять свое внутреннее устройство. По сравнению с Австро-Венгрией и Османской империей, вообще исчезнувшими с политической карты, Германия отделалась меньшими потерями. В двадцатом веке немцам придется увидеть – и пережить – еще большие испытания. Другое дело, что версальский синдром, охвативший все слои немецкого общества, являлся удобным инструментом сведения партийнополитических счетов. На правом фланге плодились легенды о «преданной армии», «подкупленных демократах», «ударе кинжалом в спину». В не меньшей степени раскачивали маятник и коммунисты, для которых военное поражение страны являлось составной частью стратегии «чем хуже, тем лучше». Ревизия Версаля стала главной осью политической жизни Веймарской Германии. От завершения первой мировой войны до начала следующей пройдет всего двадцать лет.

На фоне бушующих страстей вокруг мирного договора конституционные дебаты Национального собрания проходили достаточно спокойно. Первый проект конституции, который подготовил либеральный юрист Гуго Пройс, ставший статс-секретарем в министерстве внутренних дел, обрисовывал лишь контуры нового государства: унитарной республики с однопалатным парламентом. Это вполне отвечало взглядам партий веймарской коалиции, но натолкнулось на жесткое сопротивление иных центров власти. Региональные лидеры, ссылаясь на исторический опыт, выступили против административного деления страны на примерно равные округа по французскому образцу. Созванная еще 25-26 ноября 1918 г. конференция представителей земель приняла решение о федеративном устройстве будущего государства на основе существующих внутренних границ. В результате Германская республика стала объединением 17 земель (Länder), каждая из которых имела собственное правительство. Самая маленькая из земель, Шаумбург-Липпе, насчитывала всего 48 тыс. жителей. Проблема Пруссии, остававшейся доминирующим субъектом федерации (три пятых территории и населения) была решена через децентрализацию ее представительства в верхней палате парламента – бундесрате. Прусские депутаты составляли лишь треть его состава, к тому же избирались не ландтагом, а провинциальными собраниями.

В основу организации верховной власти в стране был положен дуализм парламента и президента, каждый из которых избирался всеобщим голосованием граждан Германии. Выборы рейхспрезидента должны были проходить раз в семь лет, он являлся главнокомандующим, мог наложить вето на любой

законопроект, имел право смещать правительство и распускать рейхстаг. Согласно статье 48 президент имел право «в случае угрозы общественной безопасности и порядку» принимать единоличные решения, фактически отменяя действие остальных статей конституции. Столь широкие полномочия были результатом влияния известного социолога Макса Вебера, принявшего активное участие в разработке конституции. Согласно его концепции фигура рейхспрезидента должна была смягчить переход страны от монархии к республике и скорее олицетворяла собой «эрзац-кайзера», нежели являлась составной частью баланса властей. Первоначальное сопротивление левых партий растаяло под напором аргументов о рейхспрезиденте как «гаранте республики и конституции» – в конце концов этот пост уже занимал Фридрих Эберт. Представители консервативных партий изначально выступали в поддержку такой политической конструкции, рассчитывая на постепенную реабилитацию монархических устоев.

Германский рейхстаг избирался на четыре года на основе пропорционального представительства. От парламентского вотума доверия зависела судьба правительства, формируемого канцлером, кандидатура которого выдвигалась президентом. Рейхстаг занимался законодательной деятельностью, принимал бюджет и решал вопросы войны и мира. Новым словом в европейской конституционной практике стали элементы прямой демократии – в Германии предусматривалось проведение народных опросов (Volksbegehren) и референдумов (Volksentscheid), причем результаты последних имели характер закона, отменить который не мог и президент.

Веймарская конституция претендовала на звание самой передовой в мире, в части прав и свобод граждан конкурируя и с «Декларацией прав человека и гражданина» периода Великой французской революции, и с большевистской «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней были зафиксированы социально-экономические нормы взаимоотношений граждан и государства – право и обязанность трудиться на благо общества, гарантии помощи неимущим, старикам, инвалидам и безработным. Данью еще свежему революционному прошлому стало признание возможности перевода в общественную собственность отдельных отраслей индустрии (ст.156), а также упоминание советов как органов производственной демократии (ст.165).

31 июля конституция была принята 262 голосами против 75 и после подписания президентом вступила в законную силу. Первоначальная идея социалдемократов о проведении

всенародного референдума по этому поводу так и не была реализована. И все же Веймарская республика получила необходимую правовую легитимацию. Вопрос о том, почему она оказалась недостаточной и не смогла предотвратить краха первой германской демократии, и по сей день остается одной из любимых тем историков и политологов. Прежде всего обращает на себя внимание лоскутный характер конституции, ярко выраженный уже в ее первой статье: «Германский рейх является республикой». Два государственных флага – имперский и республиканский (ст.3) – дополняли картину сосуществования старого и нового. Дух компромисса, пронизывавший конституцию, не позволял ей стать символом новой национально-политической идентичности немцев. Перегруженность социальными обещаниями лишала правительство необходимой свободы маневра в условиях кризиса.

Правоведы указывают на такие «подводные камни» конституционного устройства Веймарской республики, как неконтролируемый переход к президиальному правлению и пропорциональная избирательная система, отдававшая судьбу правительства в руки карликовых партий. Чиновничество, остававшееся «государством в государстве», зависело только от кадровых решений президента, что явно не стимулировало его демократического самосознания. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и заложенную в самой конституции легкость ее изменения квалифицированным парламентским большинством (ст.76). В Национальном собрании на этом настаивали представители левых партий, рассчитывая на последующее наполнение демократических формул социалистическим содержанием. Однако через полтора десятка лет именно изменение конституции придаст «легитимность» нацистской диктатуре.

Реальные угрозы Веймарской республики лежали все же вне конституционных статей, способных выступить лишь катализатором тех или иных поворотов общественного развития. Доверившись правовым гарантиям демократии, ее творцы действовали по принципу «кашу маслом не испортишь». Впоследствии один из ведущих политиков Веймарской республики социал-демократ Фридрих Штампфер признал относительность таких гарантий: «Народ может избрать пригодный парламент и пригодного президента. Откажет один из них, второй будет приводить в действие государственную машину. Если же откажут оба, ничто уже не сможет удержать ее от полного краха».

Обращенная и в прошлое, и в будущее, конституция 1919 г. носила скорее характер манифеста, нежели фиксировала

реальную политическую ситуацию в стране. Последняя продолжала в гораздо большей степени держаться на бюрократическом централизме и инстинктивном послушании низов верхам, нежели на ценностях парламентской демократии. Это выглядело необъяснимым парадоксом – вопреки всем потрясениям послевоенного кризиса, государственный механизм работал практически без сбоев. Напротив, возобновление работы рейхстага со второй половины 1920 г. расшатало политическую ситуацию в стране, доведя ее до кризиса 1923 г. У антиреспубликанских сил оказался еще один аргумент в пользу того, что парламентская демократия не подходит для Германии.

Еще до созыва рейхстага они попытались соединить его с силой штыков, предприняв попытку военного переворота, вошедшего в историю как «капповский путч». Офицерская элита, оставшаяся не у дел после завершения войны, все активней включалась в политический процесс и вносила в него собственные представления о праве и чести. Летом 1919 г. она сформировала «Национальное объединение», находившееся под патронажем Гинденбурга и открыто требовавшее отказа от выполнения условий Версальского мира. Попытка «удалить политику из казарм» также оказалась бесплодной – воинские части находились под влиянием официальных «воспитателей», пропагандировавших реваншистские идеи и крайний национализм. Одним из них был унтер-офицер Адольф Гитлер, действовавший в Мюнхене. После того, как правительство приступило к сокращению армии, открытый конфликт стал неизбежным. 13 марта по приказу генерала Вальтера фон Лютвица воинские части вошли в Берлин и захватили правительственные учреждения. О принятии на себя всей полноты власти заявил сотрудничавший с мятежниками прусский чиновник Вольфганг Капп.

Главнокомандующий войсками генерал Ганс фон Сект заявил о нейтралитете, игравшем на руку Лютвицу и Каппу – «рейхсвер не стреляет в рейхсвер». Лишенные военной поддержки, президент и правительство бежали в Дрезден, а затем в Штутгарт. Пока солдаты разводили костры на берлинских площадях, жизнь в городе замерла – рабочие последовали призыву о всеобщей забастовке, чиновники тихо саботировали распоряжения нового «правительства». Через несколько дней, так и не сумев распространить свое влияние за пределы столицы, последнее поняло безвыходность положения и объявило о своем уходе.

В дни путча на левом фланге политического спектра Германии произошли серьезные изменения. Находившиеся в состоянии конкуренции социал-демократы и независимцы

объединились против врагов республики. Пытаясь хотя бы частично повлиять на ситуацию, к антикапповской коалиции 14 марта присоединились и коммунисты. Свободные немецкие профсоюзы (число их членов за 1918-1920 гг. выросло с 1,6 до 8 млн человек), до тех пор воздерживавшиеся от политической борьбы, возглавили антикапповскую забастовку. Фактически сложился единый рабочий фронт, и после краха путча каждый из его участников пытался обратить общую победу в свою пользу. Находившаяся под влиянием КПГ Красная армия Рура в течение нескольких недель сохраняла контроль над важнейшими объектами этого региона, и лишь наступление рейхсвера не позволило Рурскому бассейну стать очагом гражданской войны. Профсоюзные организации отказались завершить забастовку, требуя не только перемен в правительстве, но и собственного участия в нем. Эберт и его окружение считали, что только скорейшие парламентские выборы внесут ясносполитичеть в ский ландшафт, а провал путчистов придавал им уверенность в том, что республиканские силы одержат на них решающую победу.

Однако первые выборы в рейхстаг первой германской республики, состоявшиеся 6 июня 1920 г., стали настоящей катастрофой для веймарской коалиции, получившей лишь 43,5 % голосов. На результатах выборов сказалась и нерешительность правительства в дни путча, и радикализация рабочего движения, разочаровавшегося в «социалистических» намерениях умеренных социал-демократов (НСДПГ увеличила число своих избирателей более чем в два раза), и антиверсальская пропаганда консервативных сил. В результате сложных комбинаций на свет появился кабинет буржуазных партий, во главе которого стоял представитель Центра Константин Ференбах, являвшийся в 1919 г. председателем Национального собрания. СДПГ, отказавшись далее нести «бремя власти» и уйдя в оппозицию, пообещала тем не менее новому кабинету парламентскую поддержку.

Ференбах продержался чуть меньше года – после того, как союзники в мае 1921 г. объявили окончательную сумму репараций, он отказался от своего поста. Новое правительство возглавил его коллега по партии Йозеф Вирт, на плечи которого легло выполнение требований Антанты (Erfüllungspolitik). Германия добровольно соглашалась с ролью жертвы, выставляя напоказ свои страдания и пытаясь тем самым доказать державам Антанты абсурдность их требований. Рейхстаг голосами НСДПГ, СДПГ и Центра был вынужден одобрить «политику исполнения», ставшую питательной средой для нового всплеска антиверсальских настроений. Официально распущенные

добровольческие отряды оставались серьезным резервом реваншистских сил, особенно в Баварии. Их командный состав склонялся не только к экстремистским воззрениям, но и к практике политического терроризма. 26 августа 1921 г. удалось уже не первое покушение на Эрцбергера, подписавшего Компьенское перемирие, 24 июня 1922 г. был убит сторонник политики исполнения, крупный предприниматель и министр иностранных дел Вальтер Ратенау. Главе правительства пришлось признать, что «главный враг республики находится справа». Однако законы о ее защите, появившиеся в ответ на террористические акты, саботировались полицейскими чиновниками на местах при сочувственном отношении «национально мыслящей» прессы. Они лишний раз продемонстрировали слабость веймарской коалиции и разожгли аппетиты ее противников справа и слева.

«Политика исполнения» похоронила надежды на быстрое оздоровление германской экономики. Послевоенную коньюнктуру сменила депрессия, из страны началось бегство капиталов. С июля 1922 г. падение курса национальной валюты переросло в гиперинфляцию. Капитаны тяжелой индустрии наращивали давление на правительство, требуя стабилизировать экономику за счет трудящихся, слишком много получивших в предшествующие годы. Предложенный Гуго Стиннесом «План восстановления Германии и Европы» уже не нес в себе и следа от той готовности к компромиссу, которую проявили предприниматели в первые дни Ноябрьской революции. Стиннес предлагал увеличить рабочий день на два часа без дополнительной оплаты, чтобы таким образом восстановить конкурентоспособность немецких товаров на мировом рынке. Его меморандум косвенно спровоцировал правительственный кризис, показав, что правительство Вирта исчерпало свой ресурс.

Его замена была лишь вопросом времени – и кадров. Выбор Эберта в ноябре 1922 г. пал на беспартийного предпринимателя Вильгельма Куно, симпатизировавшего национально-консервативным силам. Куно признал крах «политики исполнения», заявив о невозможности для Германии продолжать выплаты репараций. После ряда ультиматумов французский премьер Раймон Пуанкаре решил продемонстрировать твердость. Несмотря на слабые протесты из Лондона и Вашингтона, французские и бельгийские войска 11 января 1923 г. начали оккупацию Рурской области, дававшей 70 % добычи угля и 50 % производства стали. Современники писали, что этот шаг «вырвал экономическое сердце Германии». В ответ правительство Куно призвало население оккупированных регионов к пассивному

сопротивлению. В Руре началась всеобщая забастовка, вынудившая оккупантов прибегнуть к военной силе для возобновления работы железных дорог, заводов и шахт. Как государственные чиновники, так и рабочие частных предприятий продолжали исправно получать зарплату из Берлина. Отказавшись от какихлибо политэкономических резонов, правительство стало печатать деньги «по потребностям».

В конце лета доллар стоил уже более миллиона марок. Развал финансовой системы привел к возрождению примитивных форм товарообмена: рабочие стали получать зарплату произведенными изделиями, горожане вновь отправились на «менку» по деревням. Казначейство не успевало выпускать деньги, хотя на него работало полторы сотни типографий. В конце концов на банкнотах цифры с новыми нулями стали печатать поверх старого номинала. Кассиры предприятий, отправлявшиеся в банк за наличностью, вынуждены были вместо привычного саквояжа загружать ее в грузовой автомобиль. Цены в магазинах менялись не по дням, а по часам. На каждом углу в Берлине как грибы стали появляться будки с надписью «обмен валюты» – получив зарплату и купив самое необходимое, люди спешили поменять летевшие в пропасть рейхсмарки на «твердые» доллары.

Все это было равнозначно «одному из крупнейших ограблений в мировой истории» (А. Розенберг). За год гиперинфляции государство избавилось от своих военных долгов, а население потеряло все свои сбережения, если они находились на банковских счетах, а не были вложены в недвижимость. Крупные предприниматели, напротив, получали почти бесплатные кредиты на закупку оборудования внутри страны и сохраняли валютную выручку за экспортированные товары.

Концентрации собственности способствовало массовое банкротство мелких и средних фирм, не имевших достаточных оборотных средств. Число безработных достигло шести миллионов, сохранившие свое рабочее место получали зарплату, не превышавшую 40 % от довоенной. Летом 1923 г. стачечная волна перекинулась из Рура на другие регионы страны, достигнув своего пика во всеобщей стачке 11 августа, в которой участвовало до 3 млн. рабочих. Вновь поползли слухи о псевдодемократах, греющих руки на народных бедствиях. Массовое возмущение грозило перерасти в антиправительственные акции, способные объединить радикальные силы справа и слева. Пытаясь вырвать инициативу из их рук, фракция СДПГ в рейхстаге внесла вотум недоверия правительству Куно. 13 августа формирование нового кабинета министров было поручено Штреземану – ставка

делалась на «большую коалицию» с привлечением СДПГ. Как и его предшественник, новый канцлер должен был на сто восемьдесят градусов повернуть репарационную политику Германии. 26 сентября Штреземан провозгласил отказ от пассивного сопротивления. В тот же день Эберт подписал указ о чрезвычайном положении на территории всей страны и передаче исполнительной власти военным. Почувствовав, что инициатива уходит из их рук, антиреспубликанские силы активизировали свои действия.

Можно выделить три центра их концентрации, каждый из которых имел вполне определенные географические очертания: коммунисты к югу от столицы, в Центральной Германии, политизированная военщина в Баварии и сепаратисты на берегах Рейна от Майнца до Кельна. Как идеологическая, так и пространственная равноудаленность вершин подобного треугольника давала правительству Штреземана шанс выступить против каждой из них поодиночке, используя возможности не только политического, но и военно-административного маневра.

После объединения с большинством членов НСДПГ в конце 1920 г. КПГ превратилась в массовую партию (меньшинство «независимцев» в сентябре 1922 г. вернулось в СДПГ). В своей пропаганде она сохраняла акцент на социальные низы – неквалифицированных рабочих, безработных, сельских батраков, однако ее кадры рекрутировались в основном из среды «академиков» – лиц с высшим образованием, из-за левых взглядов и неортодоксального поведения так и не нашедших своего места буржуазном обществе. Это обстоятельство облегчало процесс «большевизации» партии. Рассматривая себя как один из отрядов всемирной армии пролетарской революции, КПГ на деле попадала во все большую финансовую и организационную зависимость от руководства Коминтерна, а в конечном счете – от Политбюро ЦК РКП(б). Политика симпатий и антипатий курировавшего партию в Москве Карла Радека имела своим следствием частую смену руководства КПГ, и не менее частую смену тактических установок. После неудавшейся попытки захвата власти в Мансфельдском районе Германии (март 1921 г.) «спартаковское» крыло партии окончательно потеряло свои позиции в пользу лидеров нового поколения, уже полностью вписывавшихся в большевистскую модель партии профессиональных революционеров.

Политические метания коммунистов начала 20-х гг. ярче всего отразило их предложение «единого рабочего фронта», обращенное к социалистам и профсоюзам. Задуманная как средство завоевания масс в борьбе за их насущные интересы,

новая тактика вскоре превратилась в эффектный пропагандистский маневр, лишенный практического содержания. КПГ набирала очки только в условиях социальных кризисов и внутриполитических потрясений, поэтому события 1923 г. вновь выдвинули ее на авансцену политической жизни Германии. Выбросив лозунг «Бейте Пуанкаре на Рейне, а Куно на Шпрее», лидеры компартии продемонстрировали готовность к союзу с крайне правыми силами. Впрочем, сотрудничество с «национал-большевизмом» осталось лишь незначительным эпизодом в истории КПГ. Гораздо большее значение имело успешное проведение партией «антифашистского дня» и участие во всеобщей забастовке 11 августа. Падение правительства Куно в Москве было записано на счет коммунистов, и в руководстве РКП(б) и Коминтерна заговорили о революционной ситуации в Германии. Осторожным Сталину и Радеку противостояли радикально настроенные Бухарин и Зиновьев, которые в конечном счете провели свою точку зрения о необходимости практической подготовки «немецкого Октября». По предложению Троцкого был даже назначен точный день вооруженного выступления – 9 ноября 1923 г., пятая годовщина «буржуазной» Веймарской республики. Политическое руководство СССР контролировало его организационную и военно-кадровую подготовку, советское посольство в Берлине стало штабом грядущей германской революции.

По аналогии с Советами в России, обеспечившими легальность партийной диктатуры, аналогичную роль должно было сыграть вхождение коммунистов в земельные правительства Центральной Германии. 10 октября лидеры КПГ получили портфели министров в правительстве Саксонии, через неделю – Тюрингии. Сразу же началось активное формирование «пролетарских сотен» – прообраза Красной Армии. Из СССР в Германию были направлены эшелоны с хлебом, чтобы убедить немецких рабочих в преимуществах новой власти.

Но уже 21 октября планы «немецкого Октября» дали решающую осечку. После того, как берлинское правительство предъявило правительствам Саксонии и Тюрингии требование о немедленном разоружении рабочих отрядов, лидер КПГ (и одновременно саксонский министр) Генрих Брандлер потребовал начать всеобщую забастовку, но не был поддержан представителями производственных советов и социалдемократами. Не решившись выступить в одиночку, КПГ разослала своим «военно-революционным комитетам» на местах сигнал отбоя. До Гамбурга он не дошел, и местные коммунисты начали восстание на свой страх и риск, в течение нескольких

дней удерживая под своим контролем ряд рабочих кварталов города. Руководитель этого выступления Эрнст Тельман, пройдя через все перипетии внутрипартийного конфликта, возникшего в результате неудавшегося повторения российского опыта, возглавил КПГ. Но это уже была другая партия – вплоть до начала 30-х гг. коммунисты оставались в тени политической жизни Веймарской республики.

Поражение в Центральной Германии вызвало острую дискуссию в ЦК РКП(б) и косвенно воздействовало на внутриполитическую эволюцию нэповской России. Находившаяся в Москве Клара Цеткин писала 6 ноября своим товарищам по партии: «Все, что касается германской революции, вызывает здесь невероятный прилив энтузиазма… Не только для масс, но и руководства нынешний поворот событий означал падение с заоблачных высот на весьма жесткую землю. Я убеждена, что в России он воспринимается гораздо более болезненно, нежели в самой Германии». Потеря большевиками идеологической легитимации, связанная с очевидным провалом мировой пролетарской революции, привела к появлению сталинской концепции «социализма в одной стране», на десятилетия вырвавшей СССР из общеевропейского исторического процесса.

Если подготовка «германского Октября» находилась под контролем Москвы, то деятельность рейнских сепаратистов явно выдавала французскую режиссуру. Не добившись в ходе Парижской конференции создания буферного государства на левом берегу Рейна, Франция попыталась решить эту задачу немецкими руками, как только зашатались государственные устои Веймарской республики. Во второй половине октября в ряде городов к западу от Рейна группам сепаратистов, опиравшихся на поддержку оккупационных войск, удалось захватить магистраты и провозгласить независимость Рейнланда. Но встретив пассивное сопротивление местного населения, они были вынуждены сдаться немецким властям. Отзвуком октябрьских событий стало предложение обер-бургомистра Кельна Конрада Аденауэра о создании Рейнской федерации, связанной с Германией союзническими отношениями. После ухода из Рура оккупационных войск подобные проекты потеряли последних приверженцев.

В отличие от первых двух, третий центр антиреспубликанских сил не имел подпитки извне, напротив, считал себя единственно национальной силой в окружении предателей Отечества. Правительство Баварии не скрывало своих симпатий, саботируя законы о защите республики и давая приют разношерстным военизированным организациям,

объединявшимся ненавистью к демократам, евреям и «красным». Впрочем, в их идеологии все три понятия переплетались между собой и сливались в ненавистном облике Веймарской республики. Если общий образ врага сплачивал крайне правых, то обилие лидеров и слабость массовой базы не предвещали их выступлению серьезных шансов на успех. Ставка делалась скорее на сочувственное отношение рейхсвера во главе с не лишенным политических амбиций генералом Сектом и перенесение баварского опыта на всю Германию.

8 ноября на собрании активистов «национального фронта» в мюнхенской пивной Гитлер заставил своих влиятельных союзников согласиться с требованием немедленной демонстрации силы, имитировавшей «поход на Рим» сторонников Муссолини. Начавшийся на следующий день «пивной путч» завершился плачевно – пройдя несколько кварталов по центру Мюнхена, путчисты во главе с Людендорфом и Гитлером были разогнаны нарядами конной полиции. Фельдмаршал отделался испугом, контуженный лидер НСДАП был арестован и приговорен к пяти годам тюрьмы (отсидел он всего лишь год, потратив это время на написание книги «Майн кампф»). У национал-социалистского движения появилась своя «революция» и свой «мученик», пострадавший от республиканского режима.

Еще не имея информации об исходе «пивного путча», Эберт потребовал от генерала Секта решительных действий. Пресса вновь заговорила о военной диктатуре, коммунисты – о фашистском перевороте. Однако до вооруженных столкновений дела не дошло – своим поспешным выступлением Гитлер расстроил планы более умеренных союзников по «национальному фронту». 15 ноября было объявлено о введении новой денежной единицы (Rentenmark), обеспеченной не золотом, а материальными ценностями и приравнивавшейся к триллиону бумажных марок. Чтобы добиться финансовой стабилизации, правительство пошло на резкое сокращение государственных расходов, прежде всего в социальной сфере, а также отказалось от восьмичасового рабочего дня, который рассматривался рабочими как одно из главных завоеваний республики.

Протест социал-демократической фракции рейхстага вылился в вотум недоверия правительству Шейдемана. 23 ноября на посту рейхсканцлера его сменил Вильгельм Маркс, председатель партии Центр. Пройдя через серьезные потрясения, первая германская республика отстояла свое право на существование.

События 1923 г. показали не только кризисное состояние общества в целом, но и известный запас прочности нового государственного устройства. Веймарская конституция содержала

в себе достаточно рычагов для нейтрализации сил, заинтересованных в смене политического режима и установлении собственной диктатуры, и сторонники республики осенью 1923 г. сумели эффективно их использовать. Следует отдать должное искусному лавированию Штреземана, за три месяца нахождения у власти показавшего себя выдающимся государственным деятелем. Сказалась и твердая поддержка рейхспрезидента Эберта, полномочия которого осенью 1922 г. во изменение конституции были продлены еще на три года. Пруссия, традиционный оплот консерватизма и военщины, на сей раз выступила бастионом демократии, оказавшись благодаря усилиям земельного правительства во главе с социалдемократом Отто Бауэром вне антиреспубликанского треугольника. Наконец, свою роль сыграло и отсутствие диктаторских амбиций у генерала Секта, который отдавал предпочтение легальным путям движения к вершинам власти.

Разномастный характер противников Веймарской республики определил их достаточно пассивное поведение. Уверенные, что ее дни сочтены, они скорее выжидали, чем готовили ее неизбежную гибель. Решительные действия исполнительной власти – запрет радикальных партий (включая КПГ) 23 ноября 1923 г. – не позволили их лидерам раскачать ситуацию до критической амплитуды. Население, измотанное инфляцией и нуждой, в целом пассивно отнеслось к перспективе новых революций. Десять лет спустя кредит доверия к демократическим институтам будет исчерпан полностью, и «республика без республиканцев» станет легкой добычей гитлеровской клики.

Пока же перед Германией открывалась перспектива внешне– и внутриполитической стабилизации. В апреле 1924 г. комиссия экспертов под руководством американского банкира Чарльза Дауэса разработала новый план репараций, делавший акцент не на военно-административные, а на хозяйственные рычаги их взимания. Ежегодные суммы платежей увязывались с прогрессом немецкой экономики, для стабилизации национальной валюты Германии выделялся международный кредит. Репарации финансировались за счет приватизации железных дорог с иностранным участием и введения косвенных налогов на потребительские товары, включая главный национальный продукт – пиво. Рейхсбанк и крупнейшие промышленные предприятия должны были находиться под контролем иностранных наблюдателей, чтобы обеспечить «прозрачность» бюджетного баланса Германии. План Дауэса принес явное облегчение не только экономике, но и политической атмосфере в стране, хотя националистам казался более утонченной формой

кабалы.

Выборы 4 мая 1924 г. стали своего рода запоздавшей местью населения власти за потрясения прошедшего года. Наибольший прирост голосов получили те силы, которые не смогли победить республику «своими» методами – коммунисты (12,6 %) и праворадикальный блок (26 %). В декабре того же года немцам вновь пришлось идти к избирательным урнам из-за того, что правительственные партии не смогли договориться о путях реализации плана Дауэса. Новый состав рейхстага стал символом стабилизации – он единственный полностью отработал свой легислатурный период. То, что за эти четыре года в Германии сменилось шесть правительств, уже никого не удивляло. Чехарда кабинетов подрывала в глазах населения и без того невысокий престиж парламентской системы. Занимавшие пост рейхсканцлера в годы стабилизации Вильгельм Маркс и Ганс Лютер являли собой скорее тип «управляющих делами», нежели творчески мыслящих политиков.

Немецкая экономика в годы стабилизации демонстрировала скорее качественный, нежели количественный рост. Внешнеэкономическая изоляция и слабость национальной валюты заставили предпринимателей сосредоточить свое внимание на повышении эффективности производства прежде всего за счет технологических новаций. К концу 20-х гг. страна давала 100 % мирового производства синтетического бензина и красителей, 80 % – искусственных азотных удобрений. Веймарская Германия смогла вернуть себе мировое лидерство в отраслях, ставших символом победы человека над пространством и временем – автомобилестроении и авиации. Бизнес продвигался как вширь, так и вглубь – с 1918 по 1922 гг. число зарегистрированных акционерных предприятий выросло втрое, параллельно шел процесс концентрации производства. Удачно использовав инфляционную конъюнктуру, Стиннес создал крупнейший в Европе концерн, состоявший из 2890 предприятий. Ключевые позиции в химической индустрии занимал созданный в 1925 г. трест «ИГ Фарбениндустри», Стальной трест контролировал 45 % национального производства чугуна и стали.

На фоне всемирного «просперити» 20-х гг. Веймарская республика выглядела достаточно скромно (10 % мирового промышленного производства, 12 % мировой торговли). Лишь к 1929 г. достигнут объем промышленного производства довоенной Германии. Финансовая стабилизация держалась на зарубежных кредитах (с 1924 по 1929 год было получено более 11 млрд. долларов). Бремя репараций (до 2,5 млрд. марок в год), взимавшихся в основном за счет высоких налогов, тормозило

активность внутренних инвесторов. После 1923 г. правительство окончательно демонтировало механизмы «военной экономики», прибегая к мягким методам хозяйственного регулирования через налоговую и таможенную политику.

Параллельно правительству пришлось наполнять реальным содержанием установку Веймарской конституции на социально-ответственное государство. За четыре года стабилизации реальная заработной плата выросла на 60 %. Произошел почти полный охват работавшего по найму населения профсоюзами, которые превратились в одну из самых влиятельных лоббистских групп за кулисами германской политики. Но даже в эти годы число безработных в Германии не опускалось ниже 7 % от самодеятельного населения. Законом от 7 июля 1927 г. было введено обязательное страхование по безработице (Arbeitslosenversicherung), заменившее помощь неимущим (Erwerbslosenfuersorge). Рассчитанный на высокую коньюнктуру, закон сразу же стал давать сбои и превратился в яблоко раздора для партнеров по правительственной коалиции – если социал-демократы настаивали на увеличении выплат предпринимателей в фонд страхования по безработице, то их буржуазные партнеры выступали за сокращение размеров пособий самим безработным.

Негативные тенденции социальной перегруженности Веймарской республики нарастали из года в год – налоги к 1929 г. по сравнению с довоенным периодом выросли в 2 раза, а социальные расходы бюджета (одна из самых крупных его статей) – в 13 раз. В 1926 г. левыми силами была предпринята попытка пополнить государственную кассу за счет экспроприации «священных коров» – феодальных владений высшей аристократии. Один только Вильгельм Второй сохранял в Германии недвижимость на сумму до 200 млн. марок, которая была временно конфискована в ходе Ноябрьской революции. По инициативе КПГ и СДПГ 20 июня был проведен референдум о безвозмездном отчуждении собственности такого рода, собравший 36 % голосов избирателей. Результаты референдума оказались недостаточными для принятия соответствующего закона и в то же время показали хрупкость «гражданского мира» в стране. Республику терпели в основном из материальных соображений – пока дела шли в гору, противостоящим социальным силам удавалось достигать соглашений в ее рамках.

Политическая ситуацию Веймарской республики в годы стабилизации характеризовали не столько парламентские компромиссы, сколько подспудная реабилитация и реорганизация сил «старого режима». Первую и очень важную победу они одержали в ходе президентских выборов, последовавших за

неожиданной смертью Фридриха Эберта. Его неформальный наследник Отто Браун получил в первом туре, состоявшемся 29 марта 1925 г., около 29 % голосов, уступив кандидату правых партий Карлу Ярресу менее десяти процентов. Руководство СДПГ, посчитав, что победа и так уже в кармане, предпочло оставить Брауна на посту премьер-министра Пруссии и подключиться к либеральному блоку, сохранившему во втором туре кандидатуру Вильгельма Маркса.

Для аристократической элиты выборы президента являли собой последний шанс внутриполитического реванша – и она его использовала, выставив против Маркса фигуру национального масштаба. Фельдмаршал Гинденбург, которому уже исполнилось 77 лет, являлся скорее символом былой мощи Германии, нежели самостоятельным политиком. Ни для кого не являлось секретом его негативное отношение к демократическим партиям, якобы предавшим германскую армию на полях сражений мировой войны. Гинденбургу, опередившему своего соперника менее чем на миллион голосов, помогли коммунисты, не снявшие во втором туре президентских выборов своей партийной кандидатуры. «Избрание Гинденбурга сделало республиканскую форму правления более приемлемой для консервативной части Германии» (Г.А. Винклер). Верный присяге, в том числе и президентской, фельдмаршал помнил о том, что «второй Танненберг» обеспечили ему голоса миллионов избирателей, а не придворные интриги. То, что с его именем неразрывно связана печальная судьба Веймарской республики, было скорее следствием отсутствия опыта политической деятельности в условиях партийной демократии, чем результатом хладнокровного расчета или злого умысла. В отличие от Эберта Гинденбург полностью доверял своему военному и бюрократическому окружению. Искренне пытаясь сыграть роль «отца нации», второй и последний президент первой Германской республики не смог подняться над интересами своего класса и своего клана. Вскоре после выборов берлинская пресса писала о нем как о «якоре стабильности в бушующем море политических страстей», гораздо слабее были голоса тех, кто рассматривал Гинденбурга как балласт на корабле Веймарской демократии.

С избранием нового рейхспрезидента крупнейшая немецкая партия – СДПГ оказалась отодвинутой на обочину политической жизни. Отказавшись от участия в «буржуазных кабинетах» и в то же время поддерживая их внешнеполитические решения, социалдемократы не хотели отдавать правым партиям национально-патриотической тематики. В Гейдельбергской программе (1925 г.) СДПГ провозгласила себя народной партией,

рассматривая окружавшее ее общество как «организованный капитализм», достойный скорее совершенствования, нежели ниспровержения. Примирение с предпринимательскими кругами и четыре с половиной года «конструктивной оппозиции» принесли свои плоды – на парламентских выборах 20 мая 1928 г. партия получила 30 % голосов. Правительство социал-демократа Германа Мюллера, в которое вошли представители Центра, ГДП и ГНП, стало самым «долгим кабинетом» в истории Веймара, просуществовав 15 месяцев.

Принесенное Ноябрьской революцией освобождение от национальных и имперских догматов стремительно перекроило духовное пространство Веймарской республики. Ярчайший плюрализм 20-х гг. был как будто сложен из художественных осколков различных эпох, несводимых в целостную картину. Творческая интеллигенция Германии разделяла увлечения авангардизма, осваивая новые эстетические ценности и художественные методы отражения мира. Монументальные литературные произведения тех лет, обращенные к тайнам человеческой души, позволяют говорить о втором немецком просвещении. Особняком стоят книги, вышедшие из-под пера очевидцев войны от Эриха Мария Ремарка до Эрнста Юнгера, и выражавшие непостижимость того, как оказалась возможной подобная человеческая мясорубка среди цивилизованных наций. Параллельно в публицистике набирала обороты «консервативная революция», характерными чертами которой были национально окрашенная мистика и обращенный в прошлое романтизм.

Пресса действительно стала «четвертой властью» Веймарской республики, партийные газеты и литературные журналы переживали последний пик своего массового влияния. Излюбленный в кругах преуспевающей интеллигенции образ непризнанного пророка в своем отечестве как нельзя лучше подходил к республике, которую никто не хотел признать «своей». Карикатуры Георга Гроша, высмеивающие тупость берлинских нуворишей, беспощадная политическая сатира Курта Тухольского, призывы Томаса Манна к интеллигенции встать на сторону демократии – все это напоминало консилиум врачей у постели безнадежно больного. Хорошим тоном в творческой среде считалось быть «организованным» или по крайней мере меценатом того или иного политического движения, причем партийные привязанности менялись так же легко, как и любовные увлечения. Духовную атмосферу Веймара достаточно точно отражает образ политического кабаре, найденный авторами нашумевшего фильма с Лайзой Минелли в главной роли: все слишком ярко, слишком искусственно и слишком несерьезно.

Отсутствие объединяющих идеалов не позволило культуре сыграть стабилизирующую роль в годы Веймарской республики – пресыщенность благополучия одних лишь подчеркивала хрупкость существования других. Идеи «человеческой коммуны» левых интеллектуалов соседствовали с подчеркнутым индивидуализмом Мартина Хайдеггера, культурный Апокалипсис Освальда Шпенглера – с прагматизмом архитектурной школы Вальтера Гропиуса. Творческий хаос будил в массах, им не охваченных, скорее негативные эмоции. Они интуитивно чувствовали распад традиционных ценностей разумного стяжательства, жестко регламентированной порядочности, стабильности в своей социальнопсихологической нише. Культ денег, выставляемая напоказ аморальность, посрамление национальных кумиров и шумный успех экзотических художественных форм – все это рождало в обывательской среде подспудный протест и тягу к реваншу посредственности. Его пророки чувствовали близость своего звездного часа.

Рыхлая политическая культура Веймара создавала благоприятную среду для такого рода настроений. В конечном счете республику сгубило не обилие врагов, а отсутствие друзей. Как в государственном аппарате, так и среди интеллигенции преобладали демократы по расчету (Vernunftrepublikaner). Либеральные ценности сводились для большинства немцев к бесконечным голосованиям, не приносившим ни ясности, ни облегчения. Социальная зависть молодежи находила выход в антисемитизме, отныне увязывавшемся с демократией (евреи получили в годы Веймара все политические права). Отношение к побежденной Германии за рубежом давало немцам лишний повод убедиться в том, что право силы стоит гораздо выше силы права. Тот факт, что после войны страна вплотную соприкоснулась с иными культурами, также не был использован ей во благо.

Особую роль в послевоенном переселении народов играла российская эмиграция. В 20-годы Германия пережила три ее волны, состоявшие из русских военнопленных, этнических немцев, возвращавшихся на свою родину, и «бывших», т.е. собственно политических эмигрантов. По разным оценкам в России в годы первой мировой войны находилось от 160 до 180 тыс. немецких военнопленных, в германском плену томилось до миллиона русских солдат. Несколько десятков тысяч бойцов Красной Армии были интернированы на территории Восточной Пруссии в ходе советскопольской войны 1920 г. Большинство из этих вынужденных эмигрантов вернулось на родину, но известная часть сумела остаться в Германии, привлеченная более высоким уровнем жизни в этой стране, используя сложившиеся личные

контакты или просто на основе тяги к чему-то новому. До 1933 г. Россию покинуло более 100 тыс. российских немцев, во второй половине 30-х гг. процесс реэмиграции был заторможен сталинскими репрессиями. Еще труднее оценить общее количество и разбить на основные потоки эмигрантов революционной эпохи, прибывавших в Германию через Польшу и Прибалтику. По самым грубым подсчетам, на начало 20-х гг. там находилось более полумиллиона выходцев из России.

Влияние каждой из «русских волн» на культурную и политическую жизнь Германии было весьма различным. Лица физического труда быстрее адаптировались к новым условиям, дворянство и творческая интеллигенция искали контакты в соответствующих слоях немецкого общества, но в целом не стремились к интеграции, продолжая жить в русскоязычной среде. Германия подспудно оставалась врагом, на которого возлагалась ответственность как за развязывание войны, так и – опосредованно – за революционные потрясения на родине. Яркий, но крайне нестабильный феномен «русского Берлина» как раз и связан с тем, что для значительного числа эмигрантов пребывание в Германии выступало в качестве перевалочного пункта на пути в Париж или обратно на родину. Андрей Белый и Илья Эренбург, Владимир Набоков и Максим Горький – вот только самые выдающиеся имена «транзитных пассажиров». Мироощущение эмигрантов передают слова «берлинца» Виктора Шкловского, относящиеся к первой половине 20-х гг. – «я умру в летящем гробу берлинской подземки».

Отсюда пессимистически-высокомерное отношение к быту и культуре принявшей их страны. Прибывшего в Германию в 1923 г. Александра Вертинского удивил страх немцев перед свободой: «привыкшие повиноваться, тянуться и подчиняться, они, предоставленные самим себе, потерявшие «палку» над собой, в которую они слепо верили, растерялись до такой степени, что вызывало жалость у некоторых сердобольных людей. Они выглядели как стадо овец, выпущенных из темного хлева прямо на солнце». Широкую русскую душу коробила мелочная аккуратность немцев, их страсть к регламентации собственной жизни и жизни окружающих – «если у вас в комнате был, например, диван, и вы имели привычку сидеть в его правом углу, то вы находили записку хозяйки, где она просила вас переменить угол и сидеть в левом, чтобы просиживать диван равномерно».

Российское влияние на духовную жизнь Веймарской республики было несравненно большим, нежели во времена Вильгельмовской империи. Читающая публика открыла для себя Достоевского, немецкие переводы его романов в 20-е годы вышли

на уровень бестселлеров. Уже в 1922 г. в Берлине состоялась первая выставка, посвященная искусству новой России. Экзальтированность немецкой духовной элиты тех лет объясняла ее неподдельный интерес к творческим поискам как на Западе, так и на Востоке. Достаточно напомнить о том фуроре, который вызвал у немецкой публики фильм «Броненосец Потемкин». Высланные из России пассажиры «философского парохода», причалившего осенью 1922 г. в порту Штеттин, образовали в Берлине научный институт, который внес заметный вклад в прогресс естественных наук и философии межвоенного периода.

В свою очередь «униженная и оскорбленная» Германия оставалась важным фактором не только советской внешней политики, но и повседневной жизни. Появление Польши как «санитарного кордона» между двумя соседями несколько уменьшило страх Политбюро ЦК ВКП(б) перед новой агрессией, в 1923 г. даже утверждалось, что «Германию нельзя относить к империалистическим странам» (Н.И. Бухарин). Напротив, среди зажиточных крестьян, недовольных политикой большевиков, весьма популярным было убеждение о близком возобновлении войны: «придет немец и наведет порядок». В Москве и Ленинграде особой популярностью пользовались немецкие школы, превратившиеся в учебные заведения детей новой элиты. Всеобщее преклонение перед техническим уровнем Германии сочеталось со стремлением использовать ее нынешнюю слабость. Вот только одна характерная деталь: в комиссии Политбюро, обсуждавшей весной 1931 г. проблемы благоустройства Москвы, стоял вопрос о проектировании метрополитена. На предложение Молотова «пригласить к проведению этого дела иностранных специалистов Берлина, Парижа и Лондона» Сталин откликнулся лапидарно: «Достаточно немцев». И здесь же советский вождь отпустил в их адрес еще один комплимент: «Особое внимание надо обратить на Сокольники. Если бы такое место было у немцев, они сделали бы из него парк для отдыха и извлекли бы барыши». Особой главой истории индустриализации нашей страны являлась иммиграция в СССР германских рабочих и инженеров, в основном коммунистов, которые несли с собой не только убежденность в правоте социального идеала, но и конкретные научнотехнические знания.

Потеря Германией статуса великой державы если не облегчила деятельность веймарской дипломатии, то по крайней мере сделала ее задачи более прозрачными. Освобожденная от давления влиятельных групп имперского периода, которое трудно было привести к общему знаменателю (таможенная политика, военноморское строительство, колониальная экспансия и т.д.),

республиканская внешняя политика следовала одному требованию, объединявшему самые различные слои общества, – ревизии Версальской системы. Отныне интересы Германии лежали не за морями, а ограничивались собственными границами и взаимоотношениями с ближайшими соседями. Появление в мире такого фактора, как Советская Россия, объективно было на руку германской дипломатии, которая отныне могла не бояться «кошмара коалиции» своих западных и восточных соседей, преследовавшего еще Бисмарка, напротив, сама оказывалась в положении посредника, балансирующего между западной цивилизацией и большевизмом.

Попытка Германии разыграть антибольшевистскую карту в ходе Парижской конференции не удалась – Франция и Великобритания предпочли создать «санитарный кордон» вокруг Советской России из восточноевропейских государств. Вновь появившаяся на карте континента Польша получила значительные территориальные приращения за счет прусских земель, что запрограммировало ее латентный конфликт с западным соседом. В ходе советско-польской войны 1920 г. в руководстве рейхсвера всерьез размышляли о вмешательстве в ее ход на стороне большевиков. Поражение Красной Армии под Варшавой не только перечеркнуло надежды на скорый реванш, но и лишило две великие европейские державы, оказавшиеся париями Версаля, общей границы. Тем не менее и в последующие годы отношения между ними определял внутригерманский парадокс – за сотрудничество с «красной Россией» выступали (помимо коммунистов) правые националистические силы, в то время как западную ориентацию страны поддерживали партии «веймарской коалиции».

Советская дипломатия сумела использовать этот фактор, опередив державы Антанты и заключив в ходе Генуэзской конференции, посвященной проблемам послевоенного восстановления Европы, двустороннее соглашение с Германией. Рапалльский договор (16 апреля 1922 г.) предусматривал отказ от взаимных претензий, нормализацию дипломатических отношений и предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле. Его подписание было результатом острой борьбы в верхах германской делегации на Генуэзской конференции – после звонка наркома иностранных дел России Чичерина в ее штаб-квартире состоялась легендарная «встреча в пижамах». В ее ходе руководитель восточного отдела МИДа Аго фон Мальцан сумел убедить министра Вальтера Ратенау в преимуществах сепаратного договора с русскими перед весьма туманной перспективой уступок Антанты в вопросе о репарациях.

Подписание Рапалльского договора стало настоящей сенсацией для прессы и горькой пилюлей для остальных участников Генуэзского «саммита» – общеевропейская, а фактически англо-французская концепция послевоенной системы экономических отношений потеряла почву под ногами. Сразу же появились предположения о наличии в договоре секретных антипольских статей, а также разворачивании на его основе военнотехнического сотрудничества. На самом деле переговоры о нем велись задолго до Рапалло, и на протяжении 20-х г. Россия предоставляла Германии возможность испытывать боевую технику и готовить офицерский состав на своей территории. Тесные контакты Красной Армии и рейхсвера, давшие пищу нескольким внутриполитическим скандалам в Берлине, лишний раз подтверждали уже упомянутый парадокс: Кремлю было проще найти общий язык с военной элитой и правыми радикалами, нежели с социал-демократией, которую большевистская пресса клеймила как «социалфашистов» и одновременно «наймитов антантовского империализма». Этот парадокс отозвался эхом весной 1933 г., когда советская внешняя политика слишком спокойно отреагировала на приход нацистов к власти, и в августе 1939 г., когда Сталиным и Гитлером был найден стремительный компромисс континентального масштаба.

Нормализация отношений Германии с западными соседями была возможна лишь на основе признания Версальской системы, и в силу эмоциональной заряженности германского общественного мнения продвигалась вперед черепашьими шагами. Лишь оккупация Рура показала, насколько слаб потенциал реального сопротивления внутри страны. В свою очередь Франция убедилась в бесперспективности политики с позиции силы, которую отказались поддерживать США и Великобритания. Штреземан, ставший министром иностранных дел в кабинете Маркса, сосредоточил свое внимание на западном направлении политики балансирования. Ее понимание было изложено им в 1925 г. в письме к кронпринцу, находившемуся в голландской эмиграции: «Мы не можем стать «континентальной шпагой» для Англии, но мы не должны дать вовлечь себя в немецко-русский союз. Я предостерегаю от утопии кокетства с большевизмом». Прошедший в молодые годы школу практического бизнеса, Штреземан делал ставку на финансовый магнетизм – стратегическим союзником Веймарской республики могли выступить только Соединенные Штаты Америки, также заинтересованные в максимальной либерализации мировых хозяйственных связей. На конференции в Локарно (5-16 октября 1925 г.) была признана незыблемость границ Германии с

Францией и Бельгией. Гарантами Локарнского договора выступили Италия и Великобритания. Шансы ревизии западных границ представлялись любому здравомыслящему политику минимальными, поэтому ратификация договора не вызвала особых трудностей в рейхстаге. Спустя год Германия стала членом Лиги наций и получила дополнительные возможности для реализации своих интересов в международно-правовых рамках. Наряду с репарационным вопросом речь шла прежде всего о восстановлении государственного суверенитета над своей территорией. Обещание убрать свои войска из Рейнской зоны было выполнено Францией в июне 1930 г.

Веймарская дипломатия устами Штреземана не уставала повторять, что «мир и экономическая консолидация Европы могут оказаться под угрозой из-за… неверно определенных границ на Востоке». В Локарно западные державы уступили требованиям оставить открытым вопрос о восточных границах Германии, таким образом в Версальскую систему международных отношений был внесен опасный прецедент разного качества послевоенных границ. Предлогом к этому являлась нерешенная судьба немецкого национального меньшинства в Польше и Чехословакии. Оказавшись заложниками Версаля, эти люди (не являвшиеся гражданами Германии) чувствовали на себе финансовую и культурную опеку «рейха». Немецкое общественное мнение болезненно реагировало на истинные и мнимые нарушения их прав, дававшие германской дипломатии дополнительный рычаг давления на восточных соседей. В 1925 г. дело дошло до экономического бойкота Польши со стороны Германии, завершившегося лишь после прихода к власти маршала Пилсудского. Правящие круги восточноевропейских стран не без основания рассматривали этнических немцев как потенциальную «пятую колонну». Локарнский договор вызвал серьезную озабоченность и в Москве – перед большевистским руководством вновь возник призрак «единого антисоветского фронта» западных держав, на сей раз с германским участием. Вскоре Штреземан сумел выровнять внешнеполитический баланс – 24 апреля 1926 г. между СССР и Германией был подписан договор о дружбе и нейтралитете, развивавший линию Рапалло. Каждая из сторон брала на себя обязательство не участвовать в союзах, направленных против другой стороны.

Если камнем преткновения в советско-германских отношениях середины 20-х гг. продолжала оставаться политика Коминтерна, который рассматривал Берлин в качестве центрального поля битвы будущей пролетарской революции, то отношения Германии с ее западными соседями отравлял вопрос о

репарациях. План Юнга, принятый 7 июня 1929 г., имел не столь прорывной характер, как его предшественник, но восстанавливал национальный суверенитет над переданными в залог крупнейшими немецкими предприятиями и железными дорогами. На этот раз Германия была заинтересована в точном определении сумм и дат. Выплата оставшейся суммы в 112 млрд. марок была расписана до 1988 г. Попытка правых радикалов провести путем плебисцита закон о наказании «предателей немецкого народа», согласившихся с планом Юнга, не имела шансов на успех (за законопроект было подано 6 из необходимого 21 миллиона голосов), но обеспечила «раскрутку» лидера маргинальной НСДАП Гитлера как национального политика.

Внешнеполитические успехи Германии опирались на возрождение ее промышленной мощи, а та, в свою очередь – на частные инвестиции из США и экспорт дешевых немецких товаров во все страны Европы. Хрупкость такой пирамиды не являлась секретом для проницательных политиков. Тот же Штреземан в своем заявлении для прессы 14 ноября 1928 г. подчеркивал: «В последние годы мы живем за счет чужих денег. Если разразится кризис и американцы отзовут свои краткосрочные кредиты, мы окажемся в полном банкротстве». Символично, что он умер за пару недель до начала предсказанных событий. Современник писал о реакции Парижа: «Скорбь всеобъемлюща и неподдельна. Такое впечатление, что европейское отечество уже существует. Французы воспринимают Штреземана как европейского Бисмарка». Лауреат Нобелевской премии мира, он продемонстрировал возможность отстаивания национальных интересов не вопреки, а в согласии с интересами других государств. У Штреземана не оказалось достойных продолжателей. Военнополитическая элита Германии продолжала делать ставку на реванш иного рода.

С началом мирового экономического кризиса стабильность в стране рухнула как карточный домик. Его последствия пополнили собой и без того длинный список «смертных грехов» веймарской демократии. «Черная пятница» на нью-йоркской бирже (25 октября 1929 г.) отозвалась в Германии прежде всего оттоком иностранных капиталов. Внутренний рынок буквально вымер – на одного покупателя в таких отраслях, как автомобилестроение приходилось несколько продавцов. Падение платежеспособного спроса населения и свертывание производства тут же сказалось на доходной части бюджета, которой уже в 1929 г. не хватало семи миллиардов марок. В 1931 г. Германию охватила волна разорений банков – пострадали и мелкие вкладчики, и крупные предприятия, лишившиеся оборотных средств.

Помнящее о шоке гиперинфляции 1923 г. правительство в борьбе с кризисом сделало ставку на стабильность марки, а значит, режим жесткой экономии (Deflationspolitik). Распределение бюджетных средств сразу же стало стержнем политической борьбы. К государственной кассе выстроилась очередь желающих получить помощь – от банков, стремящихся застраховать свою ликвидность, до помещиков, потерявших рынки сбыта своей продукции. В ее хвосте оказалась самая массовая категория нуждающихся – безработные. Если в сентябре 1929 г. в Германии было зарегистрировано полтора миллиона безработных, то ровно через два года – 4,3 млн., а в январе 1933 г. их число достигло шести миллионов.

Уже в марте 1930 г. споры вокруг финансирования пособий по безработице взорвали социаллиберальную коалицию. ГНП и Центр выступили против увеличения отчислений с предпринимателей и финансирования этой статьи расходов за счет государственных займов. СДПГ вернулась в стан оппозиции, новым рейхсканцлером стал деятель партии Центр Генрих Брюнинг. Решение Гинденбурга вызвало удивление в парламентских кругах – его кандидат был слишком молод, являлся католиком и не имел опыта работы в правительстве. В пользу Брюнинга говорило то, что он прошел всю войну и имел прочные связи в руководстве рейхсвера. Политические идеи нового рейхсканцлера не отличались оригинальностью – он вслух мечтал о реставрации монархии по типу британской, а себя видел в роли Бисмарка. Находясь на вершине власти до лета 1932 г., Брюнинг не смог предотвратить заката Веймарской республики. В конечном счете он оказался просто корректным исполнителем, постоянно оглядывавшимся на президентское окружение, хотя время требовало от него нестандартных и самостоятельных решений.

Поставив на Брюнинга, Гинденбург рассчитывал, что эта компромиссная фигура станет своеобразной компенсацией «большой коалиции», на сей раз вне стен парламента. Отсутствие поддержки в рейхстаге новому рейхсканцлеру пришлось компенсировать обращением к 48-й статье Веймарской конституции, предусматривавшей возможность прямого президентского правления в чрезвычайных обстоятельствах. С июля 1930 г. важнейшие правительственные решения получали форму не парламентских законов, а президентских указов. Германия вернулась на три четверти века назад, когда Бисмарк решился пойти на конфликт с прусским парламентом из-за военного бюджета. На сей раз причина конфликта была куда более значительной – и ради успешной борьбы с экономическим

кризисом немцы согласились с устранением законодательной власти из политики.

Сентябрьские выборы 1930 г., состоявшиеся после того, как рейхстаг потребовал отмены президиального правления и был распущен президентом, принесли невероятный успех правым радикалам. НСДАП, не набравшая два года назад и трех процентов, получила 18,3 % голосов и 107 мест, став второй по величине фракцией рейхстага. Нацисты смогли отобрать избирателей у правоконсервативных партий, за них голосовали мелкие предприниматели и представители «свободных профессий», достаток и само существование которых были поставлены на карту в условиях кризиса. КПГ пополнила ряды своих сторонников за счет безработных и сумела обойти все буржуазные партии (13,1 % и 77 мест). Дебаты в рейхстаге нового созыва, который перестал заседать регулярно, превратились в пропагандистское шоу национал-социалистов и коммунистов, обращенное к улице и рассчитанное на эмоциональный отклик. Депутаты от радикальных партий не жалели сил, чтобы доказать своим избирателям никчемность парламентской системы в целом.

Исход выборов заставил политиков, ученых и публицистов обратить внимание на феномен националсоциализма. Если раньше НСДАП рассматривалась как партия маргиналов (Protestpartei), черпавшая свою идеологию в море шовинистической и антисемитской литературы и ориентировавшаяся на политическую практику итальянского фашизма, то теперь пришлось признать ее влияние на самые различные слои населения. Нацистское движение не воспроизводило характерный для Германии тип «идеологической партии» как союза единомышленников, его лидеры поставили более широкую задачу – собрать под свои знамена максимальное число сторонников, не удовлетворенных своим положением в современном обществе и потерявших традиционные пути социальной интеграции вроде сословной или конфессиональной принадлежности.

Для масс политика должна была выглядеть как нескончаемое шоу – парады, манифестации, факельные шествия и мистические действа вроде «прикосновения к революционному знамени». С этим также были связаны культ униформы и разнообразие организационных форм нацистского движения, от военизированных отрядов до специальных союзов для домохозяек, юношей и т.д. Наконец, пропаганда нацистов делала ставку на эмоциональное восприятие действительности, пугая, успокаивая или побуждая обывателя к активным действиям. В конечном счете «приверженцы иррационал-социализма» (К.

Краус) должны были не столько понять, сколько поверить в черно-белую картину мира, загипнотизированные кажущейся простотой его спасения.

Новый тип партии подразумевал строгую иерархию, наличие огромного аппарата функционеров, деление страны на партийные округа (Gau). Нацисты больше, чем другие партии, смогли обратить себе на пользу традиции «фронтового братства» – беспрекословное подчинение приказу, готовность любыми методами достичь поставленной цели. Появившиеся изначально для охраны партийных мероприятий, отряды штурмовиков (Sturmabteilungen) быстро расширили сферу своих действий, записывая на свой счет погромы в рабочих кварталах и политические убийства. Они не просто наводили ужас на противников, но и вели пропаганду действием в рядах самого националсоциалистского движения, доводя взгляды вождей до уровня завсегдатаев пивных кабачков. Это была эрзацсоциализация людей, война для которых вопреки всем своим ужасам оставалась самым «светлым» пятном личной биографии. К концу 1932 г. в рядах «нацистской армии гражданской войны» (А. Тирель) было уже около полумиллиона человек.

Правление НСДАП существовало только на бумаге, все решения принимались «фюрером» и его ближайшим окружением. После выхода из тюрьмы Гитлеру удалось свести под одну крышу правоконсервативные организации партии Баварии и просоциалистические организации Северной Германии, а также добиться решения о запрете внутрипартийных дискуссий. Успех его политической карьеры был связан прежде всего с недюжинными ораторскими способностями, умением почувствовать настроение аудитории и повести ее за собой. Первоначально нацистский лидер чувствовал себя мессией, призванным освободить Германию от цепей Версаля, позже он наращивает и оттачивает свой пропагандистский лексикон.

На этапе становления нацистского движения Гитлер выступал как гениальный имитатор, быстро схватывая, что можно взять из арсенала политического противника и обратить себе на пользу. Его привлекала массовость и революционный настрой рабочего движения – слово «социализм» в названии НСДАП должно было продемонстрировать не только ее обращенность в будущее, но и стремление отобрать массовую базу у СДПГ и профсоюзов. У коммунистов Гитлер позаимствовал жесткую внутрипартийную структуру и формы уличной работы. У правоконсервативных партий – ностальгию по прошлому и мистическое преклонение перед «народным духом», а также приемы закулисного

лоббирования власти. Не было недостатка в примерах для подражания и за пределами Германии. Военные диктатуры в странах Восточной и Южной Европы казались выразителями новой эпохи – эпохи харизматических лидеров и безоговорочного национализма. Интеграция СССР в межвоенную систему международных отношений показала, как легко западная цивилизация смирилась с большевистским режимом, галантно не замечая миллионов погибших в гражданской войне и жертв продолжавшихся социальных экспериментов. Гитлеру импонировал идеологический фарс партийной диктатуры, прикрывавший фактическую реставрацию Российской империи. При формировании «культа личности» и «культа фюрера» Сталин и Гитлер шли бок о бок, взаимно обогащая свои пропагандистские арсеналы. Не был оставлен без внимания и опыт западных демократий. В книге «Майн кампф» Гитлер восхищался способностью Великобритании к национальной мобилизации, а также системой военной пропаганды, которая позволила англичанам выиграть мировую войну. В США привлекала управляемость демократии, коммерциализация президентской гонки и широкое использование в ее ходе технических средств. В начале 30-х гг. в ходе предвыборной борьбы немцев агитировал самолет с надписью «Гитлер над Германией» («Hitler über Deutschland»), перефразировавшей первую сточку национального гимна «Германия превыше всего» («Deutschland über alles»).

Идеология национал-социализма также представляла собой пеструю смесь околонаучных заимствований, та или иная дозировка которых легко трансформировалась в угоду тактическим задачам. Она опиралась на «ремистификацию природы и естественных наук, облекавшую политику в религиозные формы» (М. Берлей). Из геополитики пришло учение о «жизненном пространстве», необходимом для развития нации, из социал-дарвинизма – взгляд на общество как живой организм, классовые противоречия внутри которого являются болезнью и могут быть устранены национальной властью. Для самого Гитлера было характерно биологическое понимание человеческого общества, прогресс которого определяется беспощадной борьбой за существование двух противоположных полюсов, будь то молодые и старые расы, народыхищники и народы-жертвы, арийские герои и противостоящие им «сорняки».

Заметное место в пропагандистском арсенале НСДАП занимали элитарные философские учения о «толпе и герое», теории о неравноценности человеческих рас, эзотерические сочинения. Нацистское движение омывало море литературы

националистического и антисемитского толка, находившей своих читателей в годы Веймара не только среди представителей «потерянного поколения». «Из основных идеологических потоков эпохи – социализма и национализма – Гитлер и его приверженцы выделили, используя институциональные пороки и беззащитную либеральность Веймарской республики, а также опираясь на всемирный кризис капиталистической системы, дурно пахнущий, но весьма доходчивый экстракт из антиреспубликанских лозунгов, который в сочетании с манипулированием массами и насаждением вождизма доказал свою эффективность и в конечном счете привел нацистов к власти» (К. Зонтхаймер).

«Доходчивый экстракт» состоял из предельно идеализированных образов арийского героя, непогрешимого фюрера, национального сообщества, выраставших в пропагандистские культы. Мистический образ героя, которого ведет провидение, накладывался на реальную биографию Гитлера как человека из народа, открывшего в себе дар пророчества. Биологическое истолкование расы лежало в основе тезиса об избранности немецкого народа, призванного владеть миром. Путь к светлому будущему преграждает всемирный «марксистско-еврейский заговор», составной частью которого является парламентская республика внутри и Версальская система вне Германии. Уничтожение и той, и другой было только первым звеном в цепи испытаний, которые предстояло пройти немецкой нации, чтобы доказать собственную жизнеспособность. Реванш за первую мировую войну и возврат колоний открывали путь к континентальной гегемонии и решению главной геополитической задачи нацистов – завоеванию жизненного пространства на востоке Европы и его «германизации».

В общественном сознании Веймара НСДАП выступала не как праворадикальная, а как еще одна «левая» партия. Она аккумулировала социальный протест ежечасно разорявшихся мелких предпринимателей и ремесленников, направленный против финансового и торгового капитала. Тот, в свою очередь, находился под гипнозом социалистической и антисемитской риторики НСДАП. Гитлеру еще предстояло доказать влиятельным представителям германской экономики, что приход к власти нацистской партии окажется для них «наименьшим злом». После начала экономического кризиса его призывы к «национальному обновлению» стали находить все более широкий отклик как в маргинальных слоях немецкого общества, так и среди консервативной элиты. Во всяком случае они выглядели ничем не хуже требований веймарских партий защитить обанкротившуюся республику или курса коммунистов на разжигание классовой

борьбы. Нацистские бонзы, и прежде всего ас первой мировой войны Герман Геринг, стали желанными гостями в политических салонах Берлина, в партийную кассу потекли отчисления от прибылей «королей угля и стали». Не только безграничная демагогия в сочетании с уличным террором, но и наличие влиятельных спонсоров легли в основу ошеломляющих успехов нацистской партии в борьбе за голоса избирателей.

После «пивного путча» Гитлер отказался от подпольно-революционной деятельности и поставил свою партию в легальные рамки. Демократия должна уничтожить самое себя, с фронтальной атаки акцент был перенесен на ее внутреннее разложение. Позор 1923 г. научил его не доверять союзникам и избегать коалиций, накладывавших на НСДАП хоть какие-нибудь ограничения. Приближавшиеся выборы рейхспрезидента открывали благоприятный шанс выхода на авансцену германской политики. Созданный с участием НСДАП 11 октября 1931 г. Гарцбургский фронт националистических партий не прожил и нескольких месяцев – Гитлеру не импонировала перспектива предвыборного блока, в котором его партия выступала бы только в качестве донора. Получив немецкое гражданство, он решил самостоятельно идти на выборы. Но в центре предвыборной борьбы вновь оказалась фигура Гинденбурга, которого буквально вынудили во второй раз выставить свою кандидатуру. Его шансы на переизбрание напрямую зависели от расстановки сил внутри рассыпавшегося республиканского лагеря.

Позиция СДПГ, поддержавшей немощного фельдмаршала как единственно возможную альтернативу Гитлеру, являлась закономерным следствием социалдемократической политики «меньшего зла». «Лучше декреты демократического президента, нежели законы красно-коричневого рейхстага», – утверждала партийная пресса после сентябрьских выборов 1930 г. Опасения, что новые выборы принесут еще более внушительную победу антиреспубликанским силам, имели под собой все основания. Отказ от поддержки Брюнинга (Tolerierungspolitik) означал бы полный крах веймарской коалиции, продолжавшей находиться у власти в Пруссии. Вопрос о возможных альтернативах породил не только поток мемуарной литературы лидеров СДПГ, но и острые публицистические дебаты в ходе левой волны рубежа 60-70-х гг. Большинство современных немецких историков считает, что дрейф влево и сближение с коммунистами, выдвинувшими на президентских выборах кандидатуру Тельмана, приблизили бы перспективу гражданской войны, предотвращение которой в первые годы республики СДПГ считала своей главной государственной заслугой. Напротив, в советской историографии

на социал-демократическую политику «меньшего зла» возлагалась едва ли не главная вина за процесс самораспада институтов веймарской демократии.

Так или иначе, но поддержка СДПГ и ориентировавшихся на нее профсоюзов обеспечили Гинденбургу солидное преимущество в 20 % голосов уже в первом туре президентских выборов 13 марта 1932 г. Сразу же после подсчета голосов Брюнинг, являвшийся главой предвыборного штаба Гинденбурга, предпринял попытку выйти из тени фельдмаршала. 13 апреля он добился подписания указа о запрете военизированных формирований нацистской партии. Ближайшее окружение Гинденбурга – сын Оскар, его однополчанин генерал Курт Шлейхер и высшие чины рейхсвера – использовали представившийся шанс, чтобы убедить рейхспрезидента, что этот шаг лишает его ореола «отца нации» и едва ли не превращает в марионетку левых сил. Сокращавшееся поле маневра в кадровых решениях подталкивало Гинденбурга в объятия военной аристократии и юнкерства. На пути туда стоял Брюнинг, олицетворявший собой чуждый мир Веймарской демократии. Скромные успехи его правительства в борьбе с последствиями экономического кризиса уже не имели никакого значения, равно как и согласие державпобедительниц на приостановку германских репараций. Сокращение государственных пособий остэльбским помещикам было воспринято Гинденбургом как личная обида и сделало опалу Брюнинга свершившимся фактом.

Новое правительство, формирование которого было поручено Францу Папену, просуществовало всего пять месяцев и вошло в историю как «кабинет баронов». Протекцию Папену, который ради получения высокого поста вышел из партии Центр, составил генерал Шлейхер, сам примерявшийся к креслу рейхсканцлера, но получивший лишь пост военного министра. Папен рассчитывал на постепенный демонтаж Веймарской системы, предложив рейхспрезиденту отложить выборы в рейхстаг за пределы положенного конституцией срока, и одновременно выдвинул идею «приручения» национал-социалистского движения. Гитлер казался ему менее опасным, нежели революционная риторика «марксистов». 16 июня был снят запрет партийной униформы и военизированных формирований НСДАП. Это породило новую волну уличных столкновений – провокационные марши штурмовиков по рабочим кварталам вызывали ответную реакцию их обитателей. Погромная атмосфера охватывала не только безработную молодежь, «чесались кулаки» и у ранее благонамеренных обывателей. Счет убитым шел на десятки, раненых полицейская статистика просто

не успевала фиксировать.

Важным шагом в политике уступок националсоциалистам стал государственный переворот в Пруссии, правительство которой потеряло парламентскую поддержку еще в апреле 1932 г. Прусская полиция, находившаяся под командованием социал-демократа Карла Северинга, наиболее последовательно противодействовала террору штурмовиков, но так и не смогла полностью овладеть ситуацией на улицах Берлина, Гамбурга и других городов. Это и стало поводом для смещения правительства Отто Брауна 20 июля 1932 г. – верховная власть в крупнейшей земле Германии перешла к Папену, специально назначенному «имперским комиссаром по Пруссии». В отличие от марта 1920 г. СДПГ и АДГБ не призвали своих сторонников к защите республиканских устоев – официальное объяснение заключалось в том, что всеобщая забастовка резко ухудшит материальное положение рабочих. На самом деле социал-демократия и ее союзники больше всего боялись покинуть почву легальности, ту самую почву, которая день за днем уходила изпод ног республиканцев. Один из лидеров ГДП Эрих Кох-Везер позднее сделал точное признание: «Тихое сползание в диктатуру опасней неожиданного срыва, ибо оно порождает иллюзию возможности в любой момент остановить этот процесс» Для КПГ прусские события были всего лишь эпизодом далеко зашедшей «фашизации» Германии.

Последнее требование национал-социалистов, заинтересованных в наращивании своих избирательных успехов, заключалось в скорейшем проведении новых выборов. Оно противоречило стратегии Папена, но было поддержано Гинденбургом, не желавшим нарушать букву Веймарской конституции. 31 июля 1932 г. граждане Веймарской республики вновь пришли к урнам для голосования. Надежды социал-демократов на то, что избиратели скажут свое «нет» «кабинету баронов», оправдались лишь отчасти – из-за своей тихой капитуляции в Пруссии партия получила на 3 % голосов меньше, чем в сентябре 1930 г. Итоги выборов стали подлинным триумфом НСДАП, бросившей на них всю мощь своего пропагандистского аппарата и фанатизм своих приверженцев. За нее проголосовало более трети избирателей, значительное число которых впервые воспользовалось этим правом – 37,4 %. В лагере рейхспрезидента очередная победа национал-социалистов была воспринята со смешанными чувствами. Министры разделились на два лагеря – на тех, кто выступал за установление президентской диктатуры для недопущения «коричневой революции сверху», и на тех, кто видел путь к нормализации в том, чтобы «назначить

главного браконьера лесничим». В конечном счете победили сторонники тактики «приручения» в главе с рейхсканцлером.

После выборов за Гитлером как потенциальным участником правительства развернулась настоящая охота – массовое влияние его партии представлялось весьма лакомым кусочком политикам элитарной пробы. Гитлер встал на позицию «все или ничего», потребовав для себя пост рейхсканцлера. На переговорах 6 августа Шлейхеру удалось отстоять для себя лишь пост военного министра, и он посчитал это достаточным условием для того, чтобы дать «зеленый свет» национал-социалистам. На следующий день Геббельс записал в своем дневнике: «Все произойдет на этой неделе. Шеф станет рейхсканцлером и премьер-министром Пруссии… Если рейхстаг не проголосует за предоставление чрезвычайных полномочий, пусть отправляется по домам… Мы никогда не откажемся от власти, разве что нас вынесут оттуда в качестве трупов».

Под давлением Папена Гинденбург согласился побеседовать с Гитлером. Накануне их встречи 13 августа последний отдал приказ о сборе отрядов штурмовиков вокруг Берлина – пример «похода на Рим» Муссолини не давал ему покоя. Пока это было лишь дополнительным рычагом давления на власть. Гитлер помнил о провале «пивного путча» и в конечном счете предпочел длительную осаду рейхспрезидента. Ее первый этап завершился жестоким разочарованием обеих сторон. Гинденбург был взбешен заносчивостью «богемского ефрейтора», повторившего свои требования и отказавшегося выступать в роли младшего партнера в какой бы то ни было коалиции. На следующий день президентская пресс-служба дементировала неумеренные амбиции лидера НСДАП, «отказавшегося поддержать идею национального правительства». В обычное время столь жесткое заявление нанесло бы непоправимый ущерб его политическому имиджу. Однако в условиях кризиса законной власти это пошло только на пользу Гитлеру – среди растерянных фигур полусвета он, публичный политик и прекрасный оратор, смотрелся очень выигрышно. Его образ вполне соответствовал тому типу харизматического лидера, который способен возглавить толпу в дни великих потрясений.

В день своего первого рабочего заседания 12 сентября 1932 г. рейхстаг, в котором НСДАП и КПГ обладали абсолютным большинством и который не оставлял никаких шансов на вотум доверия Папену, был распущен. И вновь Гинденбург не решился на формальное устранение парламента из политической жизни страны, посчитав, что высшая точка кризиса еще не достигнута. На выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г. надеждам национал-

социалистов на получение абсолютного большинства голосов не суждено было сбыться, напротив, НСДАП потеряла 4 % голосов. Отвернувшиеся от нее избиратели возвращались к традиционным предпочтениям – партия Гугенберга ровно на треть увеличила число своих избирателей. Казалось, выжидательная тактика Гинденбурга принесла свои плоды и его окружение могло всерьез заняться планами установления стабильного авторитарного правления. Но президент продолжал настаивать на формировании правительства, способного получить парламентскую поддержку.

Ноябрьские выборы изменили вектор опасений веймарской элиты. Неуклонный прирост голосов у КПГ, почти догнавшей социал-демократов, позволял заключить, что до нормализации политической обстановки дело еще не дошло. Комментарии прессы подчеркивали, что националистическую волну «коричневых», подточившую устои Веймарской республики, сменила «красная» волна коммунистов, готовая воспользоваться плодами работы своей предшественницы. Настроения в руководстве НСДАП были близки панике, раздавались даже упреки в адрес фюрера за его неспособность достичь соглашения с Гинденбургом после победы на предыдущих выборах. «Мы получили серьезную оплеуху» – записывал Геббельс в своем дневнике 6 ноября. Несколькими днями позже он констатировал печальное состояние партийной кассы и «полную невозможность собрать приличные суммы денег после такого поражения».

В этот критический момент Гитлер показал себя мастером закулисных интриг, организовав лоббирование Гинденбурга влиятельными деятелями политики и бизнеса. 19 ноября тот получил письмо двадцати предпринимателей, в том числе Хьялмара Шахта и Фрица Тиссена, где выражалась уверенность в том, что «передача поста главы правительства лидеру крупнейшей национальной группы позволит устранить слабости и ошибки, неизбежно присущие массовому движению, и использовать позитивный потенциал миллионов людей, до сих пор остающихся вне политической ответственности». Парадоксально, но именно отток избирателей помог Гитлеру совершить решающий рывок к власти. Гинденбург и его окружение решили, что национал-социалистская партия исчерпала потенциал своего массового влияния – теперь, когда она переходила от наступления к обороне, с ней было легче вести переговоры. Труднее всего было преодолеть барьер личной неприязни рейхспрезидента к нацистским «выскочкам», которая была замешана на аристократическом высокомерии. С этим обстоятельством был связан последний эпизод политической

агонии Веймарской республики – неожиданное для несведущей публики назначение на пост рейхсканцлера «друга семьи» генерала Шлейхера (3 декабря 1932 г.). Имея перед глазами опыт диктаторских режимов в странах Южной и Восточной Европы и внутренне соглашаясь с необходимостью его повторения, президент не хотел, чтобы это была «его» диктатура.

Оставив за собой пост военного министра, Шлейхер мог безоговорочно опереться только на армию, количественный и качественный рост которой был связан статьями Версальского договора. Отдавая себе отчет в недостаточности такой опоры, последний кандидат в «спасители демократии» (здесь уместны параллели с ролью генерала Корнилова в российских событиях 1917 г.) предпочел более сложную комбинацию. Шлейхер обратился с просьбой о поддержке к профсоюзам и «рабочему крылу» нацистской партии, попытавшись сломать их традиционные привязанности. Правительственная программа делала акцент на создание новых рабочих мест и усиление социальной помощи, что вызвало настоящее замешательство в среде аграриев и предпринимателей. Однако АДГБ отверг предложения «красного генерала», не желая ввязываться в слишком опасную политическую игру. Не удалась и попытка расколоть НСДАП – Шлейхер предложил второму человеку в партии Грегору Штрассеру пост вице-канцлера, но тот после консультаций с Гитлером отказался от заманчивого предложения.

Лишь после того, как мираж «национальносоциального фронта» (Querfront) рассеялся, Шлейхер вернулся к старым схемам реорганизации государственной власти. 16 января 1933 г. он обратился к Гинденбургу с предложением распустить рейхстаг и отложить новые выборы до осени. Фельдмаршал больше не доверял своему генералу, так и не выполнившему обещания создать широкую коалицию внепарламентских сил и обуздать уличную стихию. В Берлине появились слухи о подготовке Шлейхером военного переворота. Кампанию по дискредитации рейхсканцлера возглавил его предшественник на этом посту Папен, возобновивший активные контакты с Гитлером и рассчитывавший на собственный реванш в националсоциалистском обрамлении. Назначение нового главы кабинета министров было предрешено – но в колоде президентских кандидатов больше не осталось ни одной козырной карты.

Гитлер не был его выбором, что бы ни говорили о «роковой» роли решения 30 января современники событий и историки. Восьмидесятипятилетний Гинденбург просто устал от возложенной на себя ответственности, отдав бразды правления

своему окружению. Последнее, прежде всего его «не предусмотренный конституцией» сын Оскар, явно потеряло ориентацию в хитросплетениях аппаратных интриг. Президиальное правление, на первых порах обеспечившее необходимый минимум стабильности для проведения в жизнь непопулярных решений в социальной и экономической сферах, к середине 1932 г. приобрело противоположную динамику. Отсутствие парламентского контроля за деятельностью правительства и паралич конституционного механизма его формирования привели к тому, что формально остававшаяся республикой Германия погрузилась в трясину «тихой реставрации» монархии. Ее неспособность к оздоровлению общественной жизни с каждым днем становилась все более очевидной и подогревала поиск радикальных альтернатив выхода из тупика (Flucht nach vorne). У Гинденбурга, продолжавшего считать Ноябрьскую революцию не следствием, а причиной военного поражения Германии, было не меньше резонов повторить фразу своего предшественника на посту рейхспрезидента: «Я ненавижу революцию как смертный грех». Но тринадцать лет неудавшейся демократии сделали свое дело. Если в 1918-1919 г. лидерам СДПГ удалось удержать ситуацию под контролем, отстояв перспективу демократического и социального государства, то в 1932-1933 гг. она уже выработала свой ресурс.

Оставаясь в душе остэльбским помещиком, а потому приверженцем консервативных партий, Гинденбург вынужден был наступить на горло своему сословному высокомерию после того, как дрейф власти вправо завел ее в тупик. Надо было либо самому перешагивать через останки Веймарской конституции, отказавшись от созыва рейхстага, либо предоставить это дело другим. Решающие события сконцентрировались на последней неделе января 1933 г. В воскресенье 22 января встречу с глазу на глаз провели Гитлер и Оскар Гинденбург – последний посчитал лидера национал-социалистов человеком слова, получив, очевидно, определенные гарантии для себя лично. Окончательно склонило чашу весов в пользу Гитлера обещание Папена, что привлечение НСДАП в правительственные кабинеты охладит пыл ее штурмовиков на улицах германских городов. Рейхспрезидент посчитал достаточным для сохранения контроля над силовыми структурами назначение на пост военного министра лично преданного ему генерала Вернера фон Бломберга – он подписал соответствующий указ, даже не дожидаясь окончательного формирования нового кабинета. Сам Папен выторговал себе пост вице-канцлера, лидер ГННП Альфред Гугенберг должен был стать министром.

30 января решение о новом правительстве было принято. Помимо Гитлера в него вошли от НСДАП только Герман Геринг и Вильгельм Фрик. Их консервативные партнеры по коалиции были в явном большинстве. Они разделяли общее заблуждение, рассматривая новое правительство как еще один политический эксперимент, который можно прервать в любую минуту. К вечеру того же дня Папен утверждал в кругу своих единомышленников, что «все решает доверие Гинденбурга. Через два месяца мы так прижмем Гитлера, что он заскрипит». Рейхспрезидент, приняв присягу членов нового кабинета, удалился успокоенным. Как ему казалось, он вернулся на тропу формальной демократии, предложив формирование правительства сильнейшей партии парламента. Однако в результате поменялись не только фигуры на политическом поле – радикально изменились сами правила игры.

Такова «хроника пикирующей республики», которая так и не смогла переварить собственного плюрализма. Едва ли полтора десятка лет ее существования вместили в себя столько кризисов и угроз, что казалось, будто она притягивала к себе несчастья. Впрочем, можно расставить акценты и по-другому: удивительно, как долго просуществовала первая германская демократия, балансировавшая по всем осям своей внутренней и внешней политики. Можно порассуждать о том, почему ей так катастрофически не хватало немножко везения – еще одних парламентских выборов, чтобы демократическим путем распрощаться с коричневой угрозой, физического здоровья Эберта или Штреземана, способных удержать в руках руль государственной машины. Но прошлое не знает сослагательного наклонения, и после того, как политики не справились с ролью врачей больного общества, приходит очередь историков, призванных констатировать его гибель и проанализировать ее причины.

Было бы непростительным упрощением сводить причины гибели Веймарской республики к вопросу «кто виноват?» Тот, кто подсунул Гинденбургу указ о назначении Гитлера, кто жертвовал нацистам миллионы, кто голосовал за них или сам обряжался в коричневую униформу? Виноваты были не конкретные силы и лица, а исторические традиции Германии, подводившие ее к тоталитарной диктатуре: тяга к национальному превосходству и вера во всесилие государства, мировоззренческий характер партийных конфликтов и неспособность к социальнополитическому компромиссу. Выпестованный вильгельмовской империей культ силы и экспансии не только развязал первую мировую войну, но и добил первую германскую

демократию.

Профессиональные историки предпочитают рассуждать скорее о причинах ее слабости, нежели о силе ее врагов. Связь военного поражения и политической революции не обещала республике спокойной жизни. Наряду с изъянами государственного механизма и «версальским синдромом» немалую роль в ее печальной судьбе сыграл «эгоизм» парламентских партий, которые больше думали о процентах своих избирателей, нежели о прочности политической системы в целом. Роковым для республики стало именно то обстоятельство, что ее сторонники, завороженные темпами общественного прогресса на рубеже веков, были слишком уверены в безальтернативности исторического развития. Даже тот, кто воспринимал демократию как неизбежное зло, делал ударение на первом слове. «Историю Веймарской республики нельзя сводить к непреодоленному военному поражению», – утверждает Э. Йекель, в гораздо большей степени ее определяло стремление традиционных элит добиться внутриполитического реванша. Ставка на Гитлера была одним из ходов их закулисной игры в демократию. Но Гитлер, имевший неоспоримое преимущество публичного политика, в конечном счете оседлал своих самоуверенных покровителей.

Объяснение краха Веймарской республики расколом рабочего движения и оппортунизмом СДПГ было краеугольным камнем историографии «реального социализма», для которой фашизм и демократия являлись всего лишь двумя разными методами обеспечения классового господства буржуазии. Немецкие историки новой волны, вышедшие из студенческого движения 60-х гг, считали серьезной ошибкой веймарских рабочих партий то, что они не обратили внимания на созидательный потенциал, заложенный в советском движении. Пугающий опыт большевизма в России не должен был помешать левым силам реализовать собственную концепцию социальной революции, которая отрезала бы нацистскому движению легальный путь к власти. Противники политизированных объяснений прошлого признают, что существование первой республики как раз и держалось на компромиссе умеренных социалистов и либеральной части буржуазии. Они предъявляют партиям веймарской коалиции упрек в том, что этот компромисс не перерос в сознательное сотрудничество, а в условиях кризиса рассыпался под натиском общественного радикализма, соединявшего в себе националромантические и социальные утопии. Наконец, продолжает существовать точка зрения, рассматривающая годы Веймарской республики как сплошную полосу политического

экспериментирования и некритического заимствования опыта западных демократий, которая неизбежно должна была завершиться «революцией национальных ценностей». Тот факт, что во главе этой революции оказалась тоталитарная партия, стал причиной ее трагического исхода, но не должен вести к огульному отрицанию «особого пути» германской истории.

Не вдаваясь в историографические детали, можно свести суть споров немецких исследователей к следующей дилемме: была ли республика отягощена грузом прошлого или наоборот, витала в облаках социалистических иллюзий. И то и другое имело место и не давало ей прочно стоять на ногах. Но в конечном счете именно силы авторитарного прошлого, группировавшиеся вокруг президента-фельдмаршала и неспособные самостоятельно добиться политического реванша, отдали рычаги власти лидеру нацистского движения, который никогда не скрывал своей ненависти к «республике жуликов и предателей». Гитлер сумел распорядиться ими сполна, реализовав в конечном счете даже те части своей политической программы, в которые не верили и его ближайшие сподвижники.

Глава 3 «Третий рейх»

Германия 1933-1945 гг. навсегда останется в человеческой памяти символом политического режима, который противопоставил себя ценностям человеческой цивилизации и достиг невиданной дотоле динамики в достижении своих целей. Нацизм поставил крест на наивной вере в неизбежность светлого будущего, объединявшей широкий спектр политических сил от марксистов до либералов. Первая мировая война воспринималась общественным мнением как трагическая случайность до тех пор, пока она оставалась единственной. Развязанная Гитлером агрессия наконец-то вывела Европу из самодовольного оцепенения, привив не только политическим элитам, но и рядовым гражданам уверенность в том, что ход истории напрямую зависит от каждого из них. Послевоенная политика Запада, подточившая в конечном счете коммунистический эксперимент на Востоке, черпала свою энергию из печального опыта «мирного сосуществования» с нацистским режимом.

Цепь роковых политических решений, каждое из которых само по себе не ставило крест на первой республике, расчистила почву для гитлеровской диктатуры. 30 января 1933 г. занимает в этой цепи особое место. В первые дни работы нового кабинета министров казалось, что политика «приручения» националсоциалистов удалась, обещая власти массовую поддержку и сохраняя за рейхспрезидентом роль гаранта Веймарской конституции. Не менее значимым представлялось и укрощение уличной стихии – факельные шествия штурмовиков вечером 30 января 1933 г. скандировали лозунги не против, а в поддержку нового правительства. Уже на следующий день Гинденбург получил требование Гитлера о роспуске рейхстага – новые выборы были назначены на 5 марта. 1 февраля по радио прозвучало обращение рейхсканцлера к немецкому народу, утверждавшее, что «четырнадцать лет марксистского господства обратили Германию в руины. Один год большевизма уничтожит ее». Гитлер просил у немцев политического доверия на четыре года, обещая за этот срок разобраться с прошлым и «построить новый рейх».

Как и республиканское правительство в конце 1918 г., его кабинет должен был учитывать наличие традиционных центров власти, с влиянием которых на первых порах приходилось мириться. Рейхспрезидент и его окружение были на стороне Гитлера и Папена, по крайней мере до тех пор, пока те не ставили под вопрос прерогативы их собственной власти.

Предпринимательские союзы исходили из того, что хуже уже просто некуда и любая стабильность пойдет на пользу лежащей без движения экономике. Сложнее обстояло дело с имперской элитой, продолжавшей формироваться по происхождению и под покровом президиального правления вернувшей себе не только лоббистские возможности, но и рычаги прямого управления. Юнкерство, т.е. сельские помещики, составляли самую многочисленную, но отнюдь не самую влиятельную часть этого сословия. Служилая аристократия сохраняла ключевые позиции прежде всего в рейхсвере, а также на дипломатическом поприще. Ее отношение к Гитлеру и его правительству было достаточно осторожным и не выходило за рамки благожелательного нейтралитета. В какой то степени оно отвечало настроениям «буржуазных спецов» после большевистского переворота в России, уверенных, что новой власти без их помощи не продержаться. Но в отличие от Ленина, сделавшего ставку на слом старого государственного аппарата, Гитлер выступил за его интеграцию и подчинение целям нацистского движения.

Он прекрасно помнил, что именно давление генералитета позволило летом 1932 г. добиться отмены запрета штурмовых отрядов, которые рассматривались им как школа военно-патриотического воспитания кадров для массовой армии. Выступая год спустя в рейхстаге, Гитлер сделал немаловажное признание: «если бы в дни нашей революции армия не находилась на нашей стороне, мы не стояли бы сейчас здесь». Изначально воспринимая себя как попутчика, а не как действующее лицо Веймарской республики, генералы без сожаления с ней распрощались. Армия не играла активной роли в событиях весны 1933 г., но ее нейтралитета, опиравшегося на общность «национальных целей», оказалось достаточно для решающих побед национал-социалистов. Уже через три дня после своего назначения рейхсканцлером Гитлер изложил перед руководством рейхсвера свою программу: «Всеми средствами наращивать волю к вооруженной борьбе. Смертная казнь предателям родины. Самое жесткое авторитарное руководство государственными делами. Покончить с раковой опухолью демократии!» Не меньшей откровенностью отличались и его внешнеполитические идеи, в том числе «завоевание жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». Тезис о германской армии, которую нацисты вели к войне с завязанными глазами, давно уже опровергнут серьезными историческими исследованиями.

Силы противников Гитлера на 30 января 1933 г. были крайне распылены. Хотя НСДАП и оставалась крупнейшей фракцией

рейхстага, она не могла вместе со своими правыми союзниками блокировать парламентский вотум недоверия правительству. Роспуск рейхстага лишь на время решал эту проблему.

Республиканские партии активно готовились к новым выборам, рассчитывая, что они прояснят внутриполитическую обстановку. Еще более опасным для нацистов мог оказаться внепарламентский протест, прежде всего в рядах организованного рабочего движения. КПГ уже 30 января призвала своих сторонников к проведению всеобщей стачки. Однако этот лозунг из-за частого употребления потерял первоначальную остроту. Согласно партийным оценкам, диктуемым из Москвы по линии Коминтерна, германская демократия последние десять лет находилась в состоянии перманентной фашизации. Последняя отражала объективный процесс «загнивания» капитализма, и нацистское движение в рамках этой концепции выступало самым ярким, но не самым страшным врагом пролетарской революции. Пройдет всего несколько дней после формирования правительства Гитлера, и КПГ первой попадет в жернова государственного террора. Веймарская республика, которую коммунисты на протяжении всего ее существования воспринимали как «фиговый листок буржуазной диктатуры», могла бы сказать им вслед: «Вы меня еще вспомните!»

Влияние коммунистов распространялось на безработных, доведенных кризисом до нищеты лиц свободных профессий, но его явно не хватало для того, чтобы повести за собой значительную часть немецких рабочих. Последние ждали решений профсоюзного руководства, которое, в свою очередь, смотрело на СДПГ. Социал-демократы не решились прибегнуть к крайним методам политического протеста, полагая, что всеобщая забастовка окажется для нацистов удобным поводом для того, чтобы покинуть почву Веймарской конституции. В конце концов, Гитлер возглавлял законную власть и принял клятву на верность республике. Фетишизм легальности, довлевший над СДПГ, сослужил ей плохую службу. Кроме того, социал-демократы боялись того, чтобы накануне выборов их не спутали с коммунистами.

Наконец, приход к власти НСДАП грозил серьезными внешнеполитическими осложнениями – державы Антанты сохраняли свою ответственность за соблюдение статей Версальского договора, хотя их войска и были выведены в 1930 г. с территории Германии. «Гитлер – это война» – с такими заголовками вышли февральские номера парижских газет. Приход к власти партии, не скрывавшей своих реваншистских настроений, должен был вызвать жесткую реакцию не только

общественного мнения, но и правящих кругов этих стран. Но Запад больше волновали последствия мирового экономического кризиса, нежели судьбы парламентской демократии, удержавшейся лишь на северо-западной окраине европейского континента. Влиятельные силы зарубежного бизнеса не без интереса обращали свои взоры на Германию, рассматривая происходившее там как один из вариантов выхода из кризиса, который в случае успеха можно было бы опробовать и в своих странах.

Внутриполитические события, последовавшие за назначением Гитлера рейхсканцлером, следовали детально разработанному сценарию борьбы за абсолютную власть. Прежде всего предстояло выключить из нее противоположный полюс – коммунистов, чтобы показать себя в роли защитников порядка и бастиона на пути «красной анархии». Это обещало дополнительную поддержку средних слоев, которых продолжала шокировать риторика мировой пролетарской революции, равно как и дискредитацию рабочего движения в целом. Задача полной нейтрализации республиканских сил отодвигалась Гитлером на дальнейшую перспективу. Все силы решено было бросить на достижение решительной победы на парламентских выборах, чтобы обеспечить принятие законов, отменяющих основные статьи Веймарской конституции. Легальность формирования правительства «национальной концентрации» следовало дополнить легальностью установления его диктатуры. Подписи Гинденбурга для этого было уже недостаточно.

Гитлер сделал ставку на ошеломляющий темп реализации своих далеко идущих планов. «Демонтаж правового государства» начался сразу же после его назначения рейхсканцлером (В. Бенц). Уже 4 февраля появилось правительственное распоряжение о запрете враждебной прессы и уличных демонстраций, 21 февраля нацистами было захвачено здание ЦК КПГ. Фюреру уже не хватало погромной самодеятельности штурмовиков, ставших решением Геринга «вспомогательными отрядами» прусской полиции. На его противников должна была обрушиться вся мощь германской государственной машины – нужен был лишь подходящий повод для ее запуска. Поджог рейхстага, совершенный вечером 27 февраля 1933 г. анархистом-одиночкой Мариусом ван дер Люббе, голландцем по национальности, был приписан коммунистам. Он якобы должен был стать сигналом к вооруженному выступлению «марксистов» против легальной власти. Реальное значение этого события не стоит переоценивать – место пожара в истории «третьего рейха» мог занять взрыв памятника Фридриху Великому в центре Берлина, покушение на

Гитлера или на Гинденбурга. Звезда нацистских вождей задолго до 1933 г. взошла в созвездии мастеров политической провокации.

На следующий день после поджога рейхстага Гинденбург под давлением Гитлера воспользовался правом, предоставленным ему 48-й статьей Веймарской конституции. Указ о «защите народа и государства» вводил на территории всей Германии чрезвычайное положение и отменял гарантии прав и свобод граждан. Формально обращенный против «коммунистического насилия, направленного на подрыв государства», этот документ являлся наглядным образцом политики устрашения, предусматривая введение смертной казни за широкий спектр антигосударственных преступлений. Инициаторы и исполнители нацистского террора получили индульгенцию за свои прошедшие и будущие преступления. По всей стране стали появляться концлагеря, предназначенные для временной изоляции политических противников.

Развязанный нацистами «легальный» террор в сочетании с запретом «марксистской прессы» обеспечил очередной прирост голосов, поданных за НСДАП на выборах в рейхстаг 5 марта. 17,5 млн. немцев в той или иной степени находились под влиянием нацистского гипноза. И все же выборы не принесли нацистам ожидаемого триумфа – даже вместе со своими союзниками из ГННП нацисты не имели необходимого большинства голосов для того, чтобы изменить конституционное устройство страны.

Пожар в здании рейхстага был использован Гитлером для пропагандистского спектакля, призванного продемонстрировать «национальное возрождение». Открытие работы рейхстага нового созыва произошло в Гарнизонной церкви Потсдама, у могилы Фридриха Великого. Во внешнем убранстве церемонии уже ничего не напоминало о республике – повсюду веяли имперские черно-бело-красные флаги, Гинденбург появился в фельдмаршальском мундире, Гитлер – в непривычном для себя смокинге. «День германского единства» должен был произвести должное впечатление на депутатов рейхстага, которым так и не удалось собраться в полном составе. На основе указа 28 февраля был аннулирован 81 мандат коммунистов, ряд депутатов от СДПГ также был вынужден перейти на нелегальное положение. На повестке дня первого рабочего заседания рейхстага (23 марта 1933 г.) стоял закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий (Ermächtigungsgesetz), фактически исключавший парламент из структур политической власти. Выступая перед парламентом, Гитлер обещал использовать свои

полномочия только во благо республики. Столь масштабной лжи стены рейхстага еще не слышали, а за ними бушевала стихия коричневой толпы, ждущая только сигнала к расправе. Закон сроком на четыре года получил необходимые две трети голосов. Все фракции демократических партий, за исключением СДПГ, подписали вердикт о собственном самоубийстве.

В мае-июне все германские партии кроме нацистской были либо запрещены, либо вынуждены принять решения о своем самороспуске. Появившийся 14 июля 1933 г. «закон об образовании новых партий» подразумевал нечто прямо противоположное своему названию – НСДАП была провозглашена единственным выразителем «государственной идеи». Подобной унификации подверглись и профсоюзы, сведенные в «Германский рабочий фронт» – самую массовую организацию нацистского режима, в рядах которой к 1942 г. находилось более 25 млн. человек. Глубокие перемены затронули не только национальные политические и общественные центры, но и всю вертикаль государственного и местного управления. 31 марта появился закон об унификации земель, проводивший в жизнь отказ от федеративного устройства Германии. Сохранившись как административные единицы, земли потеряли свою автономию по отношению к центру, в январе 1934 г. были распущены их парламенты – ландтаги. Земельные правительства, формируемые демократическим путем, сменил институт штатгальтеров, назначаемых из Берлина. На местах штурмовики действовали революционными методами, врываясь в городские ратуши и изгоняя оттуда тех бургомистров и чиновников, которых они считали «марксистами». Правоохранительные органы бездействовали – еще не подвергнувшись нацистской унификации, они находились в состоянии столбняка, пассивно фиксируя происходившее и будучи не в состоянии более отличать действия, санкционированные властью, от преступной анархии.

Не заставила себя ждать и чистка государственного аппарата, инициированная «законом о восстановлении профессионального чиновничества» (7 апреля 1933 г.), привела к массовым увольнениям по политическим и расовым мотивам. Несмотря на огромное количество «партейгеноссен», готовых занять освобождающиеся теплые местечки, «никакая другая партия не была так плохо подготовлена к принятию власти, как НСДАП в 1933 г.» (П. Диль-Тиле). Амбиции вождей разбивались о дилетантство низовых функционеров, зачастую пытавшихся реализовать собственные представления о благе нации и социальной справедливости. Министр внутренних дел Фрик был вынужден издать специальное распоряжение о том, что национал-

социалистскую революцию следует считать законченной, а потому призывы к ее продолжению будут рассматриваться как подрывная деятельность (10 июля 1933 г.). Обещая избавить страну от коррумпированных демократов (Parteibeamtentum) и заменить их профессиональным чиновничеством, нацистская партия создала в государственном аппарате собственную систему неформальных связей и кланов.

Политическое движение Гитлера пришло к власти, эксплуатируя идею нового государства, отрицающего веймарские устои и вернувшегося к «национальным» ценностям. Трудно указать на общие черты «третьего рейха» с первыми двумя – с империей Фридриха Барбароссы его сближала только подвижность границ, определявшаяся военными успехами, с империей Вильгельма Второго – националистический угар и вера в безграничность германской мощи. «Третий рейх» был столь же искусственной конструкцией, сколь и претензии Москвы на роль «третьего Рима». Историческая легитимация власти была уместна на пороге абсолютизма, но не в XX веке, когда человечество уже выработало более совершенные механизмы формирования власти. Вопрос о том, почему они не сработали в Германии начала 30-х гг., остается и по сей день полем научных дискуссий.

Пытаясь вписать нацистский режим в историю XX века, политологи предложили модель тоталитарного общества, призванную выявить общие признаки современных диктатур. Все они выросли из первой мировой войны, ставшей подлинной катастрофой европейской цивилизации, все они делали ставку на политическую мобилизацию масс, воздействуя на их инстинкты и возбуждая таким образом мессианское сознание. Сформировавшиеся тоталитарные режимы отличают монолитная идеология, единственная партия, сросшаяся с государственным аппаратом и контролирующая все сферы общества, подконтрольная государству экономика, милитаризация внутренней жизни и внешняя экспансия. Прогрессирующая атомизация структур гражданского общества (Х. Арендт) заменяется жесткой административной вертикалью, над которой воздвигается культовая статуя вождя. Война становится миром, а мир войной, политика перестает быть искусством возможного, компромисс становится признаком слабости, а ненависть – движущей силой прогресса.

Историков больше волнует не статичный образ новой политической системы, а ее динамика, причины и последствия ее успехов в национальной и международной ретроспективе. Здесь на помощь приходит понятие революции. Споры о том, можно ли считать приход нацистов к власти политической революцией,

берут свое начало еще в середине 30-х гг. Они благополучно обошли стороной лишь советскую историографию, которой была спущена свыше установка считать фашизм вообще (и нацизм в частности) особой формой классового господства крупного капитала. На совести такой трактовки, берущей свое начало еще из Коминтерна, жизни десятков тысяч германских коммунистов, уверенных до своего последнего часа, что «после Гитлера мы». В чем были правы лидеры КПГ, так это в том, что для Германии 1929-1932 гг. вполне подходило ленинское определение революционной ситуации, когда «верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому».

Вне идеологически заданных критериев допускается более широкое толкование революции, например, в рамках модели запаздывающей модернизации Германии, вызвавшей к жизни практику националсоциалистского «скачка». О втором издании прусской революции сверху, в рамках которого Гитлер выступал продолжателем дела Бисмарка, говорил левый историк Фриц Фишер. Заслуживает внимания утверждение его научных оппонентов, что победа нацистов является составной частью «эпохи всемирной гражданской войны» (Э. Нольте), открывшейся большевистским переворотом в России. Праворадикальное истолкование этого тезиса вписывает национал-социалистское движение в широкий фронт сопротивления Запада «красной угрозе», что слабо соотносится с реальными историческими фактами. Между историографическими фронтами расположилась биографическая литература, рассматривающая проблему востребованности Гитлера с позиций психоанализа. Тезис о его «демоническом» характере разделяют и профессиональные ученые. 1933 год не носил характера исторической необходимости, а вырос из трагической цепи политических ошибок, личного тщеславия и неудачных интриг, утверждает патриарх изучения «третьего рейха» Карл Дитрих Брахер. В таком же ключе выдержано сравнение прихода нацистов к власти с историческим Чернобылем, т.е. с «реализацией худшего из всех возможных сценариев политического развития Германии после первой мировой войны» (Э. Йекель).

И все же на первом плане при анализе причин победы Гитлера продолжают оставаться не социальные, а духовные аспекты вторжения масс в большую политику. «Он оказался первым революционером во главе правительства после революции 1918 г.» (Голо Манн). Сами нацисты считали, что их «национальная революция» противостоит политической традиции, заложенной французами в 1789 г. То, что происходило в Германии после января 1933 г., на самом деле являлось

гражданской войной в самом точном смысле этого понятия – войной против гражданского достоинства личности и против гражданского общества в целом. Следует иметь в виду, что «с приходом Гитлера к власти завершилась не только история первой германской демократии – прекратило свое существование правовое и конституционное государство, появившееся задолго до 1918 г.» (Г.А. Винклер). Частое упоминание в тексте этой главы «законов» не должно вводить читателя в заблуждение – это были политические акты, шаг за шагом отменявшие законность как таковую. Сохранив формальную преемственность германской правовой системы, нацистское руководство наполнило ее новым содержанием. Воля фюрера – высший закон, утверждали придворные юристы «третьего рейха».

Тоталитарная власть не знает компромиссов – расчеты «доброжелателей» из консервативного лагеря на ее благодарность оказались построенными на песке. Жертвами нацистского режима стали не только левые партии, но и традиционная политическая элита в целом. Лидеры НСДАП, вышедшие из социальных низов, не скрывали своего недоверия к «аристократам». Последним удалось удержаться в основном на дипломатической и военной службе, то есть там, где кадровый потенциал нацистов был особенно слаб. Взаимная ненависть имперского служилого сословия и новой власти не ослабла и после стабилизации «третьего рейха». Военный переворот 20 июля 1944 г. был не только «восстанием совести», о чем писали в своих предсмертных записках его участники, но и вполне рациональной попыткой германской консервативной элиты взять реванш за поражение, которое нанесла ей тоталитарная партия на демократическом поле.

Процесс установления нацистской диктатуры в Германии (Machtergreifung) приобрел необратимую динамику уже весной 1933 г., но завершился только год спустя. После смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г. Гитлер наследовал его пост, а его партийное звание – «фюрер» – стало высшим государственным титулом. Этот процесс включал в себя не только репрессии по отношению к политическим противникам и интеграцию потенциальных попутчиков, но и перестройку структур и функций самой НСДАП, которая из движения протеста превратилась в стержень нового государства. Через нее стал проходить кадровый отбор, она контролировала выполнение решений фюрера, неважно, были ли они облечены в форму правительственных постановлений или партийных директив. Лидеры НСДАП сохраняли за собой роль арбитров в случае возникновения ведомственных конфликтов, определяли новые акценты

партийной идеологии. И все же главное поле деятельности партии-государства находилось не на вершине власти, а у ее подножия, оно заключалось в передаче политической линии низам, в индоктринации масс и контроле за их ежедневным поведением. Споры о том, следует ли сохранить НСДАП после завоевания власти и построения нового государства, разрешил Геббельс: партия остается для того, чтобы немцы оставались национал-социалистами.

В отличие от Вильгельмовской империи, исходившей из «естественной связи» кайзера и его подданных, нацистским функционерам «третьего рейха» приходится поворачивать вспять далеко зашедший процесс освобождения личности от страха перед властью. Жесткая иерархия партийной структуры распространяется на все сферы общественной жизни. Этот процесс нельзя сводить к одному насилию – обывателям, уставшим от бесполезной свободы Веймарской республики, нравится подчиняться, они вновь чувствуют свою незаменимость в цепочке вождей и исполнителей от блокляйтера до гауляйтера в НСДАП, от унтергруппенфюрера до группенфюрера в СС. Продвижение наверх гарантирует не только сужение круга начальников и расширение полномочий, но и новые привилегии. Деньги теряют свою роль главного регулятора общественных связей – гораздо важнее попасть в дом отдыха для избранных, получить приглашение на прием к фюреру или право на ношение особой униформы. Гитлер не сдерживал приток в НСДАП прагматичных приверженцев, которым нужен был партийный значок для карьеры, в результате чего его партия в начале 40-х гг. включала в свои ряды около 8 млн. человек. Для расширения массовой базы нацистского движения существовали вспомогательные организации (Nebenorganisationen), компенсировавшие тягу немцев к общественному досугу – националсоциалистские союзы учителей, врачей, домохозяек и даже кролиководов, куда входило (включая «Германский рабочий фронт») подавляющее большинство взрослого населения страны.

Проникая во все поры общества, партиягосударство одновременно пытается сохранить свою элитарность. Согласно Дж. Орвеллу в условиях «научно-фантастического» тоталитаризма сосуществуют внутренняя и внешняя партии, каждая из которых имеет собственные функции и особые законы. Созданные Генрихом Гиммлером в конце 20-х гг. охранные отряды СС (Schutzstaffel), задуманные в качестве телохранителей лидеров НСДАП, становятся после захвата власти элитой нацистского движения со строгими критериями отбора, собственной символикой (впрочем, отчасти копировавшей регалии гусарских

полков кайзеровской армии) и даже судопроизводством. Если в 1933 г. их состав насчитывал 52 тыс. человек, то на закате «ретьего рейха» – уже около полумиллиона «истинных арийцев». В отличие от простых членов партии, которым позволялось сохранять свои религиозные привязанности, эсесовцы должны были исповедовать мистические культы, стержнем которых была слепая верность «фюреру и нации». Гиммлеру удалось превратить СС в своего рода «государство в государстве», отвечавшее за сохранение чистоты арийской расы, а после начала войны и за «германизацию» захваченных стран. На балансе СС находились партийные школы, сеть издательств и домов отдыха, и даже специальные бордели, где размножались обладатели ярко выраженных нордических признаков.

Самым страшным орудием СС стала система государственного террора, получившая свое окончательное воплощение в Управлении имперской безопасности, созданном в сентябре 1939 г. и возглавленном Рейнхардом Гейдрихом. В него вошли как подразделения СД, выступавшие до того в роли партийной разведки и контрразведки (Sicherheitsdienst), так и политическая полиция (Gestapo), без труда освоившаяся с расширенным фронтом работы в условиях начавшейся мировой войны. Сам Гиммлер, получивший звание «рейхсфюрера СС и шефа германской полиции», олицетворял собой партийное руководство карательными органами, гарантируя им неприкосновенность в случаях, когда их действия вступали в вопиющее противоречие с неотмененными правовыми нормами Веймарской республики и встречали протест судов или прокуратуры.

Сращивание партийных и государственных учреждений является чертой, позволяющей говорить о тотальном характере того или иного политического режима. Параллельно меняется сама система власти, ее открытые институты постепенно отходят на второй план – регулярно проводимые плебисциты дают более 90 % голосов в поддержку внешней политики Гитлера, изредка собирающийся рейхстаг становится лишь удобной трибуной для его «мирных инициатив», замирает деятельность кабинета министров – последний раз он собирается в 1938 г. Решающим фактором становятся личные связи, принадлежность к определенному клану, возглавляемому тем или иным лидером первого эшелона. Особое значение имеет постоянный доступ к фюреру – его адъютанты и секретари (вспомним хотя бы Мартина Бормана) имеют в новой системе больший вес, нежели второстепенные министры. Внешне политика продолжает делаться в правительственном квартале Берлина, на самом деле

ее источник смещается в сферу политической биографии Гитлера. Его «застольные разговоры» на личной вилле Берхтесгаден или в военной ставке под характерным названием «Волчье логово» – вот те откровения, которые усилиями ближайшего окружения превращаются в законы и приказы, определяющие судьбу восьмидесяти миллионов немцев, а затем и полумиллиарда европейцев.

Несмотря на огромное количество трудов, посвященных государственным механизмам «третьего рейха», источники их эффективной работы продолжают оставаться научной загадкой. Ученым до сих пор не удалось объяснить «несоответствия между претензией режима на монолитное господство и поликратическими структурами власти, отношения между которыми определялись неразберихой компетенций и складывались в систему «управляемого хаоса» (К.Д. Брахер). В определенной степени историков выручал биографический подход к истории «третьего рейха», которая оказывалась производной от демонической воли всемогущего вождя (И. Фест). Однако чем детальнее становились исследовательские проекты, тем меньше их результаты вписывались в рамки персонифицирующих объяснений. Тоталитарный подход, для которого стабильность и самодостаточность нацистской системы власти являлись чем-то само собой разумеющимся, на исходе 60-х гг. подвергся серьезной критике со стороны историков-ревизионистов. Последние трансформировали «управляемый хаос» в «неуправляемый», делая различие между внутренним содержанием и внешним обликом новых политических структур и предостерегая коллег от переоценки их рациональности (М. Брошат). Постоянные битвы различных ведомств за ресурсы, подковерные конфликты в ближайшем окружении Гитлера – все это говорило о «третьем рейхе» как историческом экспромте с преобладающей тенденцией к саморазрушению. Причины тех или иных зигзагов его внутренней и внешней политики с точки зрения ревизионистов следует искать не столько в программных установках национал-социализма, сколько в среднем арифметическом ведомственных интересов. Свою долю критики от представителей нового направления в историографии получил и устоявшийся образ Гитлера, который оказался скорее «слабым диктатором», уклоняющимся от принятия решений и озабоченным сохранением лишь собственного престижа (Г. Моммзен).

Спор традиционалистов и ревизионистов продолжается и по сегодняшний день, хотя обе партии проявляют склонность к все более умеренным оценкам и даже предпринимают попытки

синтеза крайних подходов. С точки зрения Себастиана Хафнера нацистское руководство прекрасно понимало, что асболютное господство невозможно в условиях нормально функционирующего государства, ему был нужен хаос, доказывавший его собственную незаменимость. Герой двухтомной биографии Гитлера, вышедшей из-под пера английского историка Яна Кершоу, выступает как лидер «харизматического сообщества» крайних радикалов, которые сумели обратить себе на пользу авторитарные инстинкты масс и навязать им свое видение будущего Германии..

В пользу традиционного взгляда на Гитлера как политика, способного единолично принимать и проводить в жизнь упреждающие решения, свидетельствуют события 30 июня 1934 г., вошедшие в исторический лексикон как «ночь длинных ножей». Согласно официальной версии группа заговорщиков, близких фюреру, готовила государственный переворот, который своевременно удалось предотвратить. Само понятие «длинных ножей» было позаимствовано из лексикона штурмовиков, требовавших «пустить кровь богатеям». Их лидер Эрнст Рем, стоявший у истоков НСДАП, не расстался с честолюбивыми планами и после того, как приход партии к власти отодвинул на второй план его сторонников социальной революции в нацистском движении. На их недовольство накладывались опасения руководства рейхсвера, что его буквально затопит «партийная армия» штурмовиков, достигшая трех миллионов человек. Поставленный перед выбором, Гитлер ни минуты не колебался, лично приехав в Баварию арестовывать Рема и его сподвижников.

«Ночь длинных ножей» избавила Гитлера от потенциальных конкурентов из прошлого и будущего. Это был двойной удар – как против вольницы нацистов первого поколения, так и против своих консервативных попутчиков времен агонии Веймарской республики. Генералы Шлейхер и Бредов были казнены, Папен чудом избежал их участи, Брюнинг сумел эмигрировать в Великобританию. Для оправдания репрессий по отношению к десяткам тысяч немецких граждан, замученных штурмовиками или брошенных в концлагеря, оказалось достаточным закона от 23 марта 1933 г. Для того, чтобы задним числом придать расстрелу 85 своих вчерашних соратников правовой характер, Гитлер вместе с министрами юстиции и внутренних дел подписал специальный закон о защите государства. Вот его полный текст, свидетельствующий о том, как далеко зашло «правотворчество» нацистского режима: «Меры, принятые 30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. для пресечения действий заговорщиков и предателей,

являются вынужденной защитой государства (Staatsnotwehr) и носят правовой характер».

События 30 июня 1934 г. показали, что террор стал сущностной характеристикой нацистской диктатуры. Он имел разные лица – политические убийства со стандартной формулировкой «застрелен при попытке к бегству», концлагеря, через которые к началу второй мировой войны прошло около миллиона немцев, доносы добровольных помощников режима, проникавших буквально в каждый дом и каждую семью. Еще на пути к власти Гитлер не оставлял никаких сомнений в том, какая судьба ожидает противостоящие ему силы: «После нашей победы марксизм будет уничтожен до основания, здесь нет места снисхождению. Мы не успокоимся, пока не уничтожим последнюю газету, не разберемся с последней организацией, не закроем последний кружок и не обратим последнего марксиста в нашу веру или сотрем его с лица земли». После того, как с политическими противниками было покончено, нацистский террор стал приобретать расовый характер. Расчеты консервативных попутчиков на то, что обещание Гитлера «разобраться с еврейской угрозой» окажется пропагандистской пустышкой, явно не оправдались. Уже с 1 апреля 1933 г. развернулась кампания бойкота еврейских магазинов, которой дирижировал Геббельс, неделю спустя начал действовать закон об увольнении с государственной службы чиновников «неарийского происхождения».

Образ смертельного врага был необходим нацистам не только для завоевания власти, но и для втягивания широких слоев населения в преступное сообщество. В противоположность позитивным качествам немецкой нации евреи воплощали в себе все негативное, и тем не менее правили миром, выступая в образе финансовых воротил, творцов массовой культуры, героев парламентской говорильни. Если исторический антисемитизм видел корень зла в иудаистском вероисповедании, то теперь речь шла о генетическимистическом понятии «крови». Подобно тому, как в средние века феодальная знать занималась своим генеалогическим древом, немцам вновь пришлось копаться в семейных архивах, чтобы доказать отсутствие в своей родословной неарийских предков. В противовес индивидуальному пути спасения души в религии нацизм пытался навязать миру коллективный путь спасения через жертвоприношение целого народа. «Нюрнбергские законы», принятые на съезде НСДАП 15 сентября 1935 г., стали юридической основой государственного антисемитизма. Евреи были лишены гражданских прав, им запрещались сексуальные

контакты и браки с арийскими женщинами.

Использовав покушение еврейского юноши на германского дипломата в Париже, нацисты провели 9 ноября 1938 г. массированную акцию возмездия, получившую кощунственное название «хрустальной ночи». По всей стране были подожжены или разграблены синагоги, более 26 тыс. евреев брошены в концлагеря. Без судебного решения конфисковалось их имущество, на все еврейское население Германии была наложена контрибуция в 1,2 млрд. рейхсмарок. В результате нараставших репрессий эмиграция превратилась в паническое бегство – около 170 тыс. евреев (около трети еврейской общины на 1933 г.) успели покинуть Германию до начала второй мировой войны. Остальных ждала судьба, которую невозможно было предугадать. «Хрустальная ночь» стала важным звеном в трансформации расовой политики нацистов от бойкота евреев в немецком обществе к их физическому уничтожению.

Жертвами государственного террора оказывались не только евреи, но и цыгане, сектанты, гомосексуалисты, «праздношатающиеся», асоциальные элементы – все те, кто не вписывался в нацистский стандарт полезного члена общества. Представители каждой из этих групп, попадая в концлагерь, получали соответствующий значок на полосатой робе – немецкая страсть к порядку проявляла себя и здесь. Список лиц неарийского поведения постоянно дополнялся, и параллельно росла тяга к радикальным решениям (Endlösung), которые будут реализованы уже в ходе второй мировой войны. Влияние террора на сознание немцев не следует переоценивать – он был одним, но не единственным механизмом обеспечения политического господства НСДАП. Взгляд на Германию тридцатых годов как на один большой застенок являлся скорее пропагандистским приемом, который использовало международное антифашистское движение тех лет. Довоенные концлагеря являлись средством устрашения, а не изоляции и физического уничтожения. Пребывание в них было, как правило, кратковременным (за исключением лидеров оппозиционных партий), а выход на свободу ставился в зависимость от готовности прекратить политическую деятельность и стать негласным сотрудником гестапо. К сентябрю 1939 г. в архипелаге нацистских концлагерей находилось около 25 тыс. человек. Спецификой нацистского террора был его превентивный характер – «речь шла скорее не о подавлении любого протеста, а о своевременном предупреждении его появления. Недовольство могло быть сколь угодно большим, но оно не представляло опасности для тоталитарного режима, пока оставалось неорганизованным. Важнейшим инструментом

системы обеспечения безопасности нацистского режима были не столько концлагеря, сколько обычные канцелярские папки, где собиралась информация о малейшем проявлении недовольства» (М. Штейнерт).

Пропаганду «третьего рейха» можно без преувеличения назвать идеологическим террором. Если эсесовские питомники занимались биологическим отбором расово чистых экземпляров, то Геббельсу было поручено духовное формирование нового человека. Возглавляемое им Министерство пропаганды и народного просвещения не имело аналогов в мировой истории. Принципы, сформулированные его шефом: простота, размах, концентрация, реализовывались в ежедневной работе огромной империи средств массовой информации. Правда в ней допускалась ровно настолько, насколько она соответствовала интересам режима. Ложь была гораздо удобнее – она не знала границ и позволяла сотрудникам Геббельса чувствовать себя архитекторами человеческих душ. После запрета либеральной прессы ставка была сделана на согласованность пропагандистских кампаний, не только сопровождавших, но и предварявших принципиальные внутри– и внешнеполитические решения. В своем конкретном исполнении эти кампании весьма напоминали коммерческую рекламу, обращаясь к подсознанию потребителей, делая ставку на доходчивость и отделяя рекламный образ того или иного «продукта» от его реального содержания. Одной из первых организованных сверху «спонтанных акций протеста» было сожжение неугодных новому режиму книг студентами университетов 10 мая 1933 г. Позже в качестве субъектов идеологической цензуры выступало около полусотни партийных и государственных учреждений, список запрещенных и изымаемых из библиотек книг исчислялся десятками тысяч названий.

«Пропаганда должна доходить до каждого» – реализуя этот принцип, геббельсовский аппарат проявлял неистощимую выдумку. Сюда относилось и использование технических новшеств вроде радио, позволявшего напрямую воздействовать на настроения миллионов домохозяек, проводивших свое время на кухне, и обязательные пропагандистские журналы (Wochenschau) перед киносеансами, и книга «Майн кампф» в качестве обязательного подарка молодоженам. Пропаганда воздействовала даже на гастрономические вкусы населения – в условиях курса на автаркию и экономию валюты была развернута кампания за отказ от натурального кофе, а сливочное масло попало в разряд продуктов, подрывающих обороноспособность Германии (rüstungsfeindlich).

Специфической чертой тоталитарной пропаганды является то, что она не просто манипулирует общественным мнением – она его создает, превращаясь в «центральный инструмент социального контроля» (П. Лонгерих). На любой из вопросов, волнующих того или иного человека, у нее должен иметься готовый ответ.

Нацистская пропаганда была вездесущей, простираясь от скромной кухни до циклопического сооружения в Нюрнберге, где ежегодно проходили съезды НСДАП.

Очевидцы воспринимали их как незабываемое шоу – днем бесконечные парады и апофеоз появления Гитлера на трибуне, ночью замки из лучей света, создаваемых тысячами прожекторов, и массовые факельные шествия.

Главным для участников того или иного съезда, число которых доходило до сотни тысяч, было не обсуждение политического курса и принятие решений, а эмоциональный подъем и чувство сопричастности к происходящему. «Фюрер думает за нас» – эта культовая формула избавляла многих немцев от угрызений совести за соучастие в преступных деяниях режима.

Превращение искусства в часть пропагандистской машины символизировало назначение Геббельса куратором «Имперской палаты деятелей культуры» (Reichskulturkammer), созданной 15 ноября 1933 г. В рамках этой полусословной структуры государство гарантировало художникам материальное благополучие в обмен на выполнение политического заказа. Место свободы творчества заняло следование коньюнктуре и ремесленное мастерство. Зачастую решение о том, считать или не считать то или иное произведение частью «немецкого искусства», зависело от вкусов и личного покровительства высших руководителей НСДАП. Ряд сфер и направлений искусства просто вымер, из других (например, кино) исчезли элементы социальной критики, и они превратились в часть индустрии развлечений (Ablenkungskultur). Из тысячи полнометражных кинофильмов, появившихся в Германии 1933-1945 гг., около 150 носили явную пропагандистскую направленность.

Художественные произведения, не отвечавшие нацистским эстетическим канонам, были собраны на выставке «Деградировавшее искусство», кочевавшей с 1937 г. по германским городам. «Ее экспонаты с их экспрессионистски-культурбольшевистскими или еврейско-искаженными формами должны были произвести впечатление издевательства над врожденным достоинством и красотой формирующегося германского человека» (Й. Херманд). Подлинное искусство с точки зрения идеологов национал-социализма должно

обращаться к массам, воспитывать обывателя в национальном духе, а не шокировать его. Стиль «третьего рейха», вошедший в лексикон искусствоведения, легко узнаваем – его отличают гигантомания, апелляция к античной классике, перегруженность деталями и героизирующий натурализм. Личным пристрастием фюрера, наряду с любовью к музыке Рихарда Вагнера, была архитектура. Он принимал самое активное участие в разработке масштабных планов перестройки Берлина и других германских городов, призванных продемонстрировать вечность новой империи. Гранит, необходимый для помпезных сооружений, почти ничего не стоил, ведь он добывался в каменоломнях заключенными концлагерей.

В большей степени, нежели все ее европейские соседи, вместе взятые, нацистская Германия занималась пропагандой на зарубежную аудиторию. Здесь ее достойным соперником мог выступить только СССР, напрямую и через посредство коммунистических партий пытавшийся завоевать «друзей социализма» во всем мире. В отличие от интернационалистского характера советской пропаганды ведомство Геббельса делало ставку на завоевание симпатий этнических немцев, прежде всего в странах Восточной Европы. Их организационным сплочением занималась специальная структура в НСДАП во главе с Альфредом Розенбергом. Продовольственные посылки с пропагандистскими материалами доходили до немецких колонистов даже в удаленных уголках сталинской России. Сокращение территории Германии после первой мировой войны обострило проблему «иностранных немцев», и творцов Версальской системы международных отношений здесь есть за что упрекнуть. Приняв лозунг самоопределения наций, они дали Гитлеру удобный повод рассуждать о немцах как изгоях Версаля. Эту карту пыталась разыграть еще дипломатия Веймарской республики, но Гитлер радикально поменял тон и масштабы претензий Германии к своим соседям. Австрия и Чехия рассматривались как части «первого рейха», возвращение которых в третий являлось только вопросом времени. Претензии территориального плана выдвигались к Польше и Литве, Бельгии и Франции, хотя до поры до времени оставались «частным мнением» тех или иных лидеров НСДАП.

Вторым по значимости внешним адресатом пропагандистских усилий Геббельса являлись праворадикальные националистические группы в европейских странах, заметно активизировавшиеся после прихода Гитлера к власти. Массовые акции фашистов проходили даже в таких странах, как Франция и Великобритания, не говоря уже об авторитарных режимах в

странах Центральной и Восточной Европы, лидеры которых испытывали едва ли не родственные чувства к национал-социалистскому движению. После военного переворота в Испании «фашистский Интернационал» перешел от слов к действиям, открыто выступив на стороне генерала Франко. События испанской гражданской войны продемонстрировали слабость западного общества, расколотого в своих симпатиях и потому неспособного к решительным действиям, и в конечном счете стимулировали реализацию агрессивных планов Гитлера.

Третьей линией пропагандистского фронта являлось формирование у внешнего мира позитивного образа Германии. На первом этапе центральное место занимали мирные инициативы Гитлера, будь то сокращение вооружений или посредничество в разрешении международных конфликтов. Колоссальные инвестиции были затрачены на проведение Олимпиады летом 1936 г. в Берлине, нацистским поборникам расовой чистоты пришлось смириться с участием в ней негритянских атлетов. С 1937 г. акцент был перенесен на демонстрацию военной мощи Германии и требование признать ее равноправие в Европе. Западное общественное мнение в целом доверчиво относилось к подобным спектаклям, позиции воинствующего антифашизма занимало незначительное меньшинство деятелей культуры и искусства, не говоря уж о представителях политической элиты, которым откровенно импонировала антибольшевистская риторика нацистов. В отличие от сталинской России, так и не сумевшей добиться перелома общественных симпатий в свою пользу на протяжении 30-х гг., гитлеровскому режиму удавалось драпировать свою сущность и агрессивные намерения вплоть до начала 1939 г.

Использование тоталитарной модели помогает исследователям понять механизмы политического господства, ведущие от власти к массам, но ничего не говорит о характере и формах обратной связи. То, что существование любой диктатуры напрямую зависит от поддержки или по крайней мере непротивления ее подданных, очевидно, равно как и то, что террором и пропагандой не исчерпывается набор условий для решения этой задачи. Если большевистская диктатура имела прежде всего идеологическую легитимацию, опираясь на социальные низы и не останавливаясь ни перед какими препятствиями для уничтожения предпринимательской, политической и духовной элиты Российской империи, то «третий рейх» рассчитывал на внутриполитическую стабильность путем достижения самого широкого социального компромисса. Для большевиков государство было и оставалось орудием класса-

победителя, перекраивающего мир под собственный размер, для нацистов – мистическим выражением «национального духа», вносящим порядок в хаос общественной жизни и выполняющим в ней функции судьи и палача.

В отличие от первых десятилетий советской истории, когда правящий режим был заинтересован в обстановке перманентной гражданской войны для навязывания обществу программных утопий, первые годы существования нацистской диктатуры принесли «освобождение от разрывающей нацию классовой борьбы», обещанное правыми партиями еще в манифесте Гарцбургского фронта. Ответ на вопрос о том, почему большинство немцев нашло свое место в реальностях «третьего рейха» и солидаризировалось со стратегией Гитлера, невозможно найти только в сфере безудержной демагогии и политических репрессий. В речи социал-демократа Отто Вельса в рейхстаге 23 марта 1933 г., ставшей последним легальным выступлением республиканской оппозиции, содержалось характерное утверждение: «разрушение существующей системы еще не является революцией. Народу нужны позитивные дела». И социалисты, и либералы как в Германии, так и за ее рубежами были уверены в том, что нацистский режим рухнет, как только дело дойдет до выполнения его предвыборных обещаний. Получилось как раз наоборот – жесткое следование новой власти своим программным ориентирам шаг за шагом сближало ее и немецкий народ, подавляющее большинство представителей которого бежало от мысли о том, куда приведет дорога, вымощенная намерениями «фюрера, думающего за нас».

Вопреки утверждениям нацистской пропаганды об органичном строении «народного сообщества» социальные перегородки между отдельными категориями населения никуда не исчезли. Напротив, возрождение сословной структуры консервировало их, заставляя принимать довольно причудливые формы. Новое было в другом – каждый из классов, социальных слоев или сословий был напрямую связан с властью, контролировался ею и изолировался от своих потенциальных контрагентов и соседей. Общество приобретало вид слоеного пирога, рыхлые социальные прослойки которого перемежались с политическими мембранами, чутко реагирующими на их настроения и в то же время обеспечивающими удивительную прочность всей конструкции.

Наиболее наглядно это проявлялось во взаимоотношениях власти и самой широкой категории индустриального общества – рабочего класса. Еще недавно единственный обладатель «собственной» партии, выступавшей носителем социального и

демократического мировоззрения, он по историческим меркам моментально превратился в опору нового режима. Политический раскол международного рабочего движения и коммунистическое влияние, ни в грош не ставившее ценности буржуазного общества, являются необходимым, но недостаточным объяснением произошедшего поворота. Еще в меньшей степени он являлся заслугой «социалистической» составляющей самого нацистского движения – о социализме в годы мирового экономического кризиса говорила едва ли не каждая вторая германская партия.

Для того, чтобы понять состояние и настроения рабочих в годы «третьего рейха», нужно покинуть небеса идеологии и вступить на твердую почву прагматики. В годы кризиса многие из них вернулись к состоянию, когда им уже нечего было терять. Даже тот, кто не пополнил собой многомиллионную армию безработных, чувствовал на себе ее дыхание. Стоимость рабочей силы упала до 60-70 % от докризисного уровня. Нацистская политика экономического регулирования (о ней пойдет речь ниже) привела к постепенному рассасыванию безработицы и ее полному исчезновению к 1936 г. Чтобы противодействовать обратному процессу – погоне предпринимателей за квалифицированной рабочей силой – была введена система «трудовых книжек» и льгот, привязывавшая того или иного человека к своему рабочему месту. Хотя реальная заработная плата (официально она была заморожена на уровне 1932 г., но загруженные военными заказами фабриканты охотно платили сверхурочные) преодолела докризисную планку лишь к 1938 г., рабочим было с чем сравнивать свое нынешнее материальное положение.

Не меньшее значение в расширении социальной базы режима играли и внеэкономические мероприятия, ответственность за проведение которых брало на себя государство. Вытеснение женщин из сферы наемного труда преследовало цель не только вернуть авторитет семьи и добиться увеличения рождаемости, но и поднять производительность труда. Нацистское руководство сохранило темпы строительства социального жилья, преимущество в получении которого имели многодетные семьи. Благотворительная организация «Сила через радость» культивировала проведение отпуска рабочими в комфортабельных домах отдыха, в заграничных круизах, не забывая напоминать им, кого они должны благодарить за новое качество жизни. Широкий резонанс не только в Германии, но и за границей получила программа «моторизации немецкого народа», включавшая в себя строительство 4000 км скоростных дорог (Autobahn) и массовое производство автомобилей для каждой

семьи (Volkswagen).

Наконец, новая власть приняла превентивные меры по недопущению любых проявлений социального протеста. Согласно закону о регулировании национального труда (январь 1934 г.) предприниматели и рабочие организации сохраняли формальное равенство, в случае их конфликтов роль арбитра принимали на себя специальные государственные учреждения (Treuhand der Arbeit). Любая стачка в таких условиях превращалась в антигосударственное деяние. В свою очередь закон о «подготовке органического строения германской экономики» (27 февраля 1934 г.) ставил союзы предпринимателей под контроль соответствующего министерства. Бюрократическое регулирование хозяйственного процесса, явный примат политики над экономикой порождали среди рабочих настроения социального злорадства («и капиталистов запрягли в общую телегу»), игравшие на руку власти. Люди из низов почувствовали, что она уже не смотрит на них со страхом и презрением, как раньше. Постепенно формировался некий социальный контракт – заплатив населению авансом в 30-е годы, Гитлер вернул его себе сполна в годы второй мировой войны.

Если по отношению к рабочему классу нацистский режим проводил достаточно гибкую политику, реагируя на смену настроений в его среде, общее состояние экономики и собственные задачи, то по отношению к крестьянству преобладала детальная, но благожелательная регламентация. «Продовольственное сословие» получало задания на производство тех или иных видов сельскохозяйственной продукции, государство гарантировало ее закупки по твердым ценам. Промышленный подъем и курс на автаркию создавали весьма благоприятные условия для развития аграрного сектора экономики, что еще больше привязывало крестьянство, сочувственно относившееся к нацистскому движению еще в годы Веймара, к новой власти. Принятый 29 сентября 1933 г. закон о наследовании крестьянских хозяйств (Reichserbhofgesetzt) запрещал их дальнейшее дробление и освобождал от уплаты налогов. Закон преследовал не только хозяйственные, но и далеко идущие социальные цели. Рассматривая крестьянство как «источник расово чистой крови для немецкого народа», руководство «третьего рейха» пополняло выходцами из него разраставшийся партийногосударственный аппарат и армию. Горожане в первом поколении, они сочетали в себе крестьянскую основательность и трудолюбие со слепой верой в идеалы нацистского движения и беспрекословным подчинением его вождям.

Свою долю при перераспределении общественного пирога получили и городские средние слои. Воссоздание замкнутого ремесленного сословия, запрет уличной торговли и закрытие «неарийских» универмагов подтверждали обещания нацистской пропаганды, что жизнь вернется к полузабытому благополучию имперской эпохи. Лица интеллектуальных профессий стояли перед индивидуальным выбором. Мало кто был готов к крайним решениям, таким как усвоение нацистской идеологии и карьера под контролем местной организации НСДАП, либо «внутренняя эмиграция», подразумевавшая увольнение из университета, отзыв адвокатской лицензии, бойкот врачебной практики и т.п. Подавляющее большинство считало достаточным сохранение «личной порядочности» и достижение разумного компромисса с новой властью, продолжая играть роль благополучных пассажиров, сосредоточенно глядящих в окно и пытающихся не замечать хулиганов, бесчинствующих перед их собственным носом. Индивидуализм, которым так гордились либералы рубежа веков, оказался нежизнеспособной альтернативой коллективистским идеологиям двадцатого столетия.

Благодатной почвой для их распространения выступало межвоенное молодое поколение. Отсутствие социальной перспективы в условиях экономического кризиса, внешнеполитическая униженность Веймарской республики, минимальный жизненный опыт и стремление быть непохожим на отцов – все это делало его особенно восприимчивым к нацистской пропаганде. Та стремилась не перегибать палку, сочетая в себе явную лесть («кому принадлежит молодежь – тому принадлежит будущее») и учет стремления к самоорганизации («молодежь должна вести по жизни молодежь»). В рамках политики унификации союз национал-социалистской молодежи «Гитлерюгенд», насчитывавший к концу 1932 г. лишь 100 тыс. членов, пополнил свои ряды за счет партийных, протестантских и спортивных молодежных организаций. В конце 1934 г. в его рядах было уже 3,5 млн. человек. Ввиду того, что нацизм делал акцент на различие социальных ролей у юношей и девушек, последние получили собственную организацию – «Союз немецких девушек». Дети от 10 до 14 лет объединялись в особые группы, находившиеся под покровительством «Гитлерюгенда». Лидерам последнего во главе с Бальдуром фон Ширахом удалось привязать к нацистской идеологии широкий спектр форм работы с молодежью, сочетавших в себе романтику туристских походов и блеск факельных манифестаций, соревновательность спортивных состязаний и благотворительность кампаний помощи неимущим (Winterhilfe). Умело играя на свойственном молодому поколению

тщеславии, они воспитывали в нем готовность к ежедневной борьбе за утверждение собственного превосходства.

Стержнем молодежной политики нацистского режима оставались военная подготовка и националистическая индоктринация. 16 марта 1935 г. Гитлер открыто провозгласил введение всеобщей воинской повинности – она трактовалась как «почетный долг», от исполнения которого устранялись нечистокровные немцы. До призыва в вермахт каждый юноша и каждая девушка должны были полгода отработать на общественнополезном поприще. «Трудовой фронт» не только решал проблему молодежной безработицы, но и выступал в качестве скрытой военной подготовки. Как считают немецкие историки, к началу второй мировой войны массовую базу вооруженных сил Германии составляло уже «нацистское поколение», прошедшее полный курс перевоспитания и по крайней мере внешне демонстрировавшее приверженность установкам гитлеровского режима. Лишь на его периферии оставались группы молодежи, сохранившие традиционные ценности, но не имевшие возможности самоорганизации.

Достаточно непростым было и отношение новой власти к самому стабильному мировоззренческому феномену – религии. Экспериментируя с традиционными и новыми культами, идеологи НСДАП не скрывали своей враждебности к существовавшим церковным организациям, воспринимая их как конкурентов в борьбе за души людей. Католическая (21,2 млн. прихожан) и протестантская церкви (40,9 млн.) оставались единственными структурами гражданского общества, которые продолжали существовать в условиях нацистской диктатуры. Естественно, они испытывали на себе ее давление, не отказываясь от компромисса, а в ряде случаев проявляя готовность к сотрудничеству. Уже летом 1933 г. национал-социалистская организация «Немецкие христиане» сумела объединить в своих рядах две трети протестантского духовенства. Ее лидеры проводили курс на «ариизацию» религии, рассматривая свою деятельность как вторую реформацию. В результате Христос оказывался арийцем, пострадавшим от евреев, исподволь объединялись культы земного вождя и небесного божества. Не признавшие нововведений протестантские священники образовали «Исповедальную церковь» (Bekennende Kirche), настаивавшую на независимости веры от политики.

Католическая церковь, имевшая жесткую социальную доктрину, являлась для новой власти на первых порах неприступной крепостью. До 1933 г. лишь каждый восьмой из поданных за НСДАП голосов принадлежал католикам.

Отказавшись от прямой атаки, Гитлер предпочел в этом случае подписать своего рода пакт о ненападении, разграничив сферы компетенций. Конкордат с Ватиканом (20 июля 1933 г.) позволил католической церкви в обмен на отказ от политической деятельности сохранить религиозную независимость и молодежные организации. Контроль за невмешательством обеих церковных организаций в светскую жизнь осуществляло специальное министерство по делам церкви, созданное 16 июня 1935 г.

Отдавая «кесарю кесарево», христианские священники настаивали на соблюдении норм человеческого общежития. Отношения власти и церкви резко обострились после того, как в 1939 г. началась реализация нацистской программы «эвтаназии», т.е. умерщвления психически и безнадежно больных, жертвами которой стало более 70 тыс. человек. После протестов церковных иерархов, получивших широкий общественный резонанс, Гитлер был вынужден пойти на попятную, тайно отменив свое решение. Не приносили особого успеха и антирелигиозные акции режима вроде попытки Мартина Бормана заменить преподавание религии в школах «нацистским часом». Отношения между режимом и христианскими организациями никогда не выходили за рамки холодного нейтралитета. Этому не противоречит ни интеграция ряда церковных иерархов в нацистскую элиту, ни участие значительного числа священников в движении сопротивления, набиравшее силу по мере того, как прояснялось истинное лицо гитлеровской диктатуры.

Само понятие антифашистского сопротивления проделало за пять с половиной десятилетий, прошедших с момента краха «третьего рейха» значительную эволюцию,, трансформируясь в соответствии с требованиями политической конъюнктуры в ФРГ, ГДР и других странах. В немецкой научной литературе последнего десятилетия преобладает «интегральная модель сопротивления», включающая в него любые проявления несогласия с системой независимо от их мотивации. Сюда включается неучастие в официальных мероприятиях, «внутренняя эмиграция», нонконформистское поведение и многое другое, становившееся уголовно наказуемыми деяниями в условиях нацистской диктатуры. Признание столь широкого подхода к сопротивлению не должно заслонять собой очевидного факта, что наиболее опасной для гитлеровского режима являлась организованная и политически мотивированная деятельность, направленная на разоблачение его сущности и подготовку его свержения. Признание того, что «коммунисты играли ведущую роль в движении сопротивления» (Г. Вебер), не без труда

утвердилось в историографии ФРГ. Те из них, кто продолжал политическую работу в Германии и пытался копировать тактику большевистского подполья, несли тяжелые потери. Из 300 тыс. членов веймарской КПГ в годы третьего рейха» подверглось репрессиям около половины. Социал-демократы, напротив, делали ставку на работу вне Германии, используя свои связи в Социалистическом рабочем интернационале для мобилизации мирового общественного мнения против нацистского режима. В рядах эмиграции оказались не только левые политики Веймарской республики, но и видные писатели, ученые. Их творчество и их антифашистская борьба стали символом «другой Германии», хотя и не могли привести страну к свержению гитлеровского режима.

Наиболее дальновидные представители служилой элиты также пытались противодействовать авантюристическому курсу. Оппозиционные настроения имелись даже в вермахте, который не был подвергнут нацификации – ветеран войны Гитлер был уверен в том, что офицерский кодекс чести и присяга, принесенная лично ему, окажутся достаточными гарантиями лояльности вооруженных сил. 5 ноября 1937 г. на секретном совещании в рейхсканцелярии Гитлер изложил детальную программу военно-политического реванша. После оснащения вермахта новейшим вооружением следовало разгромить Австрию и Чехословакию, чтобы затем развязать полномасштабную войну на западных границах Германии.

Далеко идущие планы фюрера поддержали далеко не все. Министр иностранных дел Константин фон Нейрат, военный министр Вернер фон Бломберг и главнокомандующий сухопутных войск Вернер фон Фрич, представлявшие аристократическую элиту в нацистском государстве, посчитали невероятным реализацию программы Гитлера без развязывания новой европейской войны. Под разными предлогами Гитлер отправил своих осторожных оппонентов в отставку, сам возглавив командование вермахтом. Нейрата сменил германский посол в Лондоне Иоахим Риббентроп. Начальник генерального штаба вермахта Людвиг Бек, слагая с себя полномочия, написал летом 1938 г. в рапорте: «отказываюсь одобрять любые националсоциалистические авантюры. Окончательная победа Германии невозможна». Вокруг него сложилась группа единомышленников, рассчитывавших с помощью Великобритании осуществить в стране военный переворот. Однако Лондон отказался вмешиваться во внутригерманские события, и дальше общих планов дела у заговорщиков не пошли.

Для того, чтобы вести политику с позиции силы на

международной арене, «третьему рейху» не хватало стальных мускулов. Параллельно с политической «унификацией» разворачивается процесс огосударствления германского хозяйства. Для этого 15 июля 1933 г. был создан Генеральный совет немецкого хозяйства, куда наряду с высшими чиновниками вошел ряд крупнейших предпринимателей. Утверждения ряда биографов Гитлера о том, что их героя, «фанатика власти», не интересовали вопросы экономики, следует воспринимать с известной осторожностью. В доказательство этого часто приводится его высказывание: «То, в чьих руках собственность, не меняет сути дела. Нам не нужна социализация банков и фабрик. Мы социализируем души людей». Действительно, фюрер не был связан марксистскими догмами о примате собственности над властью, напротив, он стремился и сумел доказать обратное. Легальный приход к власти с опорой на консервативные элиты политики и бизнеса закрыл для нацистов перспективу социальной революции. В неменьшей степени, чем ход первой советской пятилетки, их привлекал опыт принудительной экономики Германии периода первой мировой войны, позволившей мобилизовать для фронта все имевшиеся ресурсы.

Принято считать, что правительство Гитлера просто воспользовалось оживлением экономической конъюнктуры, хотя в истории ничего не происходит само по себе. С одной стороны, новый режим опирался на антикризисные законы, принятые еще правительством Брюнинга – должно было пройти определенное время, чтобы они заработали в полную силу. С другой – вернувшийся в рейхсбанк советник Гитлера по вопросам экономики Хьялмар Шахт проводил политику, во многом близкую кейнсианским рецептам. Она включала в себя организацию общественных работ, щедрое кредитование предприятий, выпускавших стратегически важную продукцию или разрабатывавших технологии производства синтетических материалов, наращивание денежной массы при одновременном подавлении инфляции административными мерами (в октябре 1936 г. в Германии были заморожены цены на основные потребительские товары).

Финансирование экономики велось с расчетом на то, что военная добыча компенсирует затраченные инвестиции. Отказ от свободной конвертации рейхсмарки и увязанный с курсом на автаркию выход Германии из международной системы разделения труда увеличивали возможности государственного регулирования. Режим строгой экономии во всех отраслях промышленности с подключением пропаганды («долой металлические заборы перед нашими домами») отражал

неспособность правительства справиться с дефицитом стратегического сырья. Строительство металлургического концерна «Герман Геринг», который должен был работать на низкокачественной руде, показывало, что нацистский режим переносит ставку на нерыночные рычаги управления экономикой. Все это вызывало скрытое недовольство в тех отраслях, на которые не пролился золотой дождь государственных инвестиций (легкая промышленность, бытовая электротехника). Однако надежды тех предпринимательских кругов, которые мечтали в годы кризиса о «суровом и твердом руководстве» (Г. Крупп), были в целом оправданы. Мелочная опека нацистских чиновников компенсировалась стабильными государственными заказами, прежде всего для отраслей, связанных с военным производством. С 1933 по 1939 гг. государственные расходы выросли в семь раз, за тот же период прибыли кампаний, работавших на войну, выросли в несколько десятков раз.

Летом 1936 г. Гитлер посчитал первый этап унификации германской экономики законченным и предложил развернутый меморандум о перспективах ее развития. «Темп роста нашей военной мощи не может быть слишком быстрым… Если нам не удастся в кратчайший срок превратить вермахт в первую армию мира, Германию ждет бесславный конец». Документ был выдержан в ультимативном тоне: «Либо германское хозяйство примет новые экономические задачи, либо оно покажет собственную несостоятельность как раз в то время, когда Советское государство принимает свои громадные планы. Но это приведет не к гибели Германии, а к краху ее отдельных предпринимателей». На основе меморандума осенью 1936 г. был разработан четырехлетний план, успешное завершение которого подразумевало готовность Германии к ведению войны континентального масштаба. Ведомство Геринга (о коррумпированности последнего как раз в сфере распределения государственных заказов ходили легенды), которому был поручен контроль за ходом «четырехлетки», получило законодательные права в экономической области. Это не смогло предотвратить снижения показателей прироста промышленного производства, достигшего в 1935 г. 15 %, в 1937 г. – 11 % и в 1938 г. – лишь 2,3 %. Тридцать девятый год принес с собой явные признаки стагнации, нарастание диспропорций в пользу тяжелой промышленности, дефицит потребительских товаров и инфляционные ожидания населения. С точки зрения историковревизионистов это подталкивало режим к внешнеполитическим авантюрам, Тим Мейсон говорит даже о «бегстве в войну». Их оппоненты считают, что кризис можно было

разрешить дальнейшим «закручиванием гаек» внутри страны (Э. Нольте), а к мировой войне вели другие пути. Так или иначе, Гитлер остался верен своему тезису о примате политики над экономикой.

Подготовка Германии к новой войне не ограничивалась только милитаризацией экономики или дипломатической сферой. Она пронизывала буквально все сферы общественной жизни, от военно-спортивных праздников до мероприятий по повышению рождаемости. Если применительно к первой мировой войне можно спорить о ее причинах и виновниках, то единоличная ответственность нацистского режима за развязывание второй мировой войны сомнений не вызывает. Дискуссии разворачиваются в иных плоскостях, прежде всего вокруг соотношения тактических и конечных целей Гитлера. Являлись ли они простым следствием его мировоззренческих установок или были порождены прагматическими соображениями, и даже ведомственными интересами? Был ли диктатор запрограммирован на достижение мирового господства или мог ограничиться завоеванием Европы, что он считал более важным – реванш за поражение 1918 г. или завоевание «жизненного пространства» на Востоке?

Попробуем сформулировать несколько тезисов, объединяющих большинство научных трудов. Внешняя политика Германии в 1933-1939 гг. была политикой Гитлера, который подчинял или устранял несогласных с ней дипломатов, пусть даже в ранге министра иностранных дел, как это произошло в 1938 г. с Нейратом. Она определялась идеологией национал-социализма, а не традиционными взглядами на баланс международных сил и интересов, и была ориентирована на экспансию, далеко выходившую за рамки межвоенных границ. Характерное для тоталитарного режима отрицание компромиссов, в том числе и во внешнеполитической сфере, делало неизбежным военное столкновение Германии со своим геополитическим окружением после того, как последнее отказывалось от односторонних уступок. Если для Клаузевица война являлась лишь продолжением политики иными средствами, то для нацизма война была ее целью, оправдывавшей само существование «третьего рейха». В отличие от ситуации внутри страны 1933 год не принес с собой резкого поворота германской внешней политики. «В первые годы своего правления Гитлер скорее тормозил действия военного и внешнеполитического ведомств, направленные на срыв переговоров о разоружении и форсирование политики реванша» (В. Михалка). Опираясь на заявление ведущих держав Запада о

соблюдении принципа равноправия на предстоявшей конференции Лиги наций по разоружению (11 декабря 1932 г.), Гитлер забросал их «мирными инициативами», подразумевавшими ремилитаризацию страны. Помимо внутреннего пропагандистского эффекта они дали повод для выхода Германии из Лиги наций (14 октября 1933 г.).

Каждый из контрагентов нацистского режима рассчитывал на то, что этот новый фактор международной политики удастся если не обратить себе на пользу, то по крайней мере нейтрализовать. Так, дипломатия СССР продолжала исходить из растущей опасности включения гитлеровской Германии в единый антисоветский фронт. Полпред в Берлине Л.М. Хинчук 7 июля 1933 г. сообщал в Москву, что главная цель нацистов находится на Востоке, т.к. «если великие державы им позволят против кого-либо воевать, то только против СССР». «Я считаю, что нам тоже, сближаясь с Францией, Польшей и другими государствами, не следует прежде времени сбрасывать маску и начинать безудержную антигерманскую кампанию… Если мы открыто признаем, что от советско-германских отношений осталось пустое место, то это лишь понизит нам цену в глазах противников Германии»[1]. Подобные размышления лежали в русле «европейского концерта», Гитлер же мыслил категориями мирового господства, которые были предельно откровенно изложены в его книге «Майн кампф».

После того, как установление тоталитарной диктатуры, в течение нескольких месяцев сломившей сопротивление демократических сил, стало фактом, в советском руководстве перестали воспринимать Гитлера как марионетку в руках крупного капитала или западных держав. Двойственное отношение Сталина к нацистскому режиму проявилось задолго до лета 1939 г. Рассматривая Германию как фактор подрыва Версальской системы, позитивный для СССР, он всерьез опасался того, что западные державы путем незначительных уступок смогут направить агрессивную энергию «третьего рейха» на Восток. Если выход Германии из Лиги наций вызвал в Кремле скорее удовлетворение, то последующие события давали почву для все большей озабоченности. Германо-польский акт о ненападении, заключенный в январе 1934 г., превращал территорию главного западного соседа СССР из «санитарного кордона» в плацдарм возможной агрессии.

Перед европейской дипломатией середины 30-х гг. открывались два пути – либо пассивная реакция на действия Гитлера, становившегося все более агрессивным, либо создание системы коллективной безопасности. Пропагандистское

контрнаступление антифашистского движения, наиболее ярким примером которого стал сорванный процесс о поджоге рейхстага, поворот Коминтерна вправо и готовность европейских коммунистов войти в правительства «народного фронта», наконец, заключение советско-французского договора о взаимопомощи (2 мая 1935 г.) свидетельствовали о реальности второго пути.

Для Гитлера вопрос заключался в утверждении собственных внешнеполитических комбинаций. Придя к власти, он сохранил верность своей давней идее об оси Лондон-Берлин-Рим, которая должна была сменить Версальское окружение Германии. С Муссолини его связывала идейная общность, Великобритания оставалась бесспорным арбитром европейской политики. Первоначально фюрер не мог выложить на стол ни одной козырной карты, ограничиваясь созданием пропагандистского плацдарма вокруг своей «миротворческой» деятельности. В январе 1935 г. состоялся плебисцит в Сааре, до того находившемся под контролем Лиги наций. Более 90 % голосовавших высказалось за возвращение в Германию. Итоги саарского референдума не вызвали серьезной озабоченности на Западе. Общественное мнение Великобритании и Франции считало, что Версальская система зашла по отношению к немцам слишком далеко, и с сочувствием относилось к требованиям обеспечить им право на самоопределение. Гитлер и его окружение сумели обратить этот фактор в свою пользу, тем более что он соответствовал их программным требованиям о возрождении и собирании германской нации. Кроме того, этнический акцент во внешней политике позволял соединить ревизию итогов первой мировой войны с идеями «великогерманского объединения», невыполненным завещанием германской революции 1848-1849 гг.

Лишенная на первых порах силовой поддержки, внешнеполитическая машина «третьего рейха» сделала ставку на подрыв соседних государств изнутри, на все сто процентов используя очаги этнической напряженности, порожденные Версальской системой. Тайная поддержка нацистского движения в Австрии и германских националистов в Судетской области Чехословакии, где проживало около 3 млн. немцев, принесла свои плоды лишь годы спустя. Первая попытка присоединить Австрию в июле 1934 г. не удалась. После убийства канцлера Энгельберта Дрейфуса и неудавшейся попытки путча Гитлеру пришлось официально открещиваться от своих австрийских сторонников.

Вторым разочарованием стала жесткая позиция Италии, отодвинувшая на второй план перспективу фашистско-

нацистского союза. Введя войска в Южный Тироль, Муссолини сорвал планы «великогерманского объединения». Пока он еще не воспринимал всерьез своего немецкого единомышленника.

7 марта 1936 г. Германия пошла на разрыв Локарнских соглашений, введя войска в Рейнскую демилитаризованную зону. Гитлер позже признавался, что это была игра ва-банк – «если бы французы решились выступить, нам пришлось бы убираться». Сопротивление Франции тормозила Великобритания, правящие круги которой не прочь были подправить общеевропейский баланс за счет контролируемого возрождения германской военной мощи. Пропаганда Геббельса подавала ввод сил вермахта на левый берег Рейна как «дружескую руку, протянутую французскому народу», внешнеполитическое ведомство распространяло проекты новых договоров о «вечном мире». Победа публичной политики нацистов оказалась даже более весомой, нежели изменение военно-стратегической обстановки на западных рубежах Германии. В итоге шанс остановить агрессию на одном из первых рубежей был упущен, напротив, Гитлер почувствовал вкус к политике силового давления. О том, что она не ограничится «округлением» границ, свидетельствовал подбор союзников Германии. Продолжая рассчитывать на благожелательный нейтралитет Великобритании, Гитлер активизировал дипломатическую игру с Муссолини. Помощь Италии и Германии войскам генерала Франко в гражданской войне в Испании ускорила формирование оси БерлинРим, скрепленной тайным соглашением от 25 октября 1936 г. Ровно через месяц был подписан Антикоминтерновский пакт с Японией, Италия присоединилась к нему в ноябре 1938 г.

Западное направление внешней политики Гитлера накануне второй мировой войны прикрывало его скрытую агрессию на Востоке, начало которой было положено оккупацией и присоединением (Anschluss) Австрии в марте 1938 г. Эта акция, которой геббельсовская пропаганда подобрала название «марша цветов», действительно встретила поддержку большинства австрийцев, сохранявших ностальгию об утраченном величии Дунайской монархии и издерганных внутриполитической нестабильностью 30-х гг. Сразу же после присоединения в стране началась нацистская «унификация», сочетавшая в себе политический террор против социалистов (только в Вене гестапо арестовало около 70 тыс. человек) и конфискацию собственности влиятельной еврейской общины. Австрия, переименованная в Восточную провинцию (Ostmark) оказалась первым государством, которое исчезло с политической карты межвоенной Европы.

Следующей жертвой должна была стать Чехословакия, также

возникшая на развалинах АвстроВенгерской империи. Выгодное военно-стратегическое положение и стабильная демократия делали эту страну неприступной крепостью в Центре Европы. Сценарий «троянского коня», на сей раз с опорой на немецкое этническое меньшинство, начал реализовываться и здесь. Пропагандистская машина Геббельса не жалела сил для живописания притеснений судетских немцев, из них формировались отряды самообороны с нацистской окраской. Гитлер призывал своих генералов быть готовыми к вооруженному выступлению в любой момент. Сам он в узком кругу считал оптимальной провокацией убийство немецкого посла в Праге (этот вариант уже отрабатывался применительно к Вене), очевидно, помня о событиях кануна первой мировой войны. Как и с Австрией, первая попытка не принесла успеха – в ответ на заведомо неприемлемый ультиматум партии судетских немцев, предъявленный чехословацкому правительству, последнее провело 20 мая 1938 г. мобилизацию. После того, как западные державы подтвердили свою готовность обеспечить территориальную целостность Чехословакии, Гитлер временно отступил, но не отступился от своих планов.

Чехословакия 1938 г. вполне могла оказаться в роли Сербии 1914 г., став запалом новой мировой войны. То, что этого не случилось, говорит не в пользу противников Гитлера. Франция, связанная с Чехословакией союзническими обязательствами, поставила пассивное миролюбие выше реальной логики событий. Парижская пресса называла вещи своими именами – «мы не хотим умирать за чехов». В отличие от своих противников, Гитлер не боялся повторить июль четырнадцатого – на съезде НСДАП в сентябре он заявил, что вермахт войдет в Судеты во что бы то ни стало. Диктатор вновь блефовал, и вновь Запад принял его условия игры. В результате «кризисный менеджмент» британского премьера Невилля Чемберлена свелся к обсуждению вопроса о том, в какие международно-правовые рамки будет введена эта агрессия. 29 сентября в Мюнхене было подписано соглашение, фактически означавшее раздел Чехословакии, суверенного государства, мнения которого вообще никто не спросил. Под договором стояли подписи руководителей Германии, Франции, Италии и Великобритании. Через день механизированные колонны вермахта уже пересекали чешско-германскую границу. Здесь уже не было цветов, даже «вернувшиеся в рейх» судетские немцы проявляли сдержанность, предчувствуя худшее. В результате подписания Мюнхенского договора был потерян оборонительный пояс Чехословакии в Судетах (граница проходила отныне в 40 км от Праги), ее правительство де-факто

попадало в зависимость от Берлина.

Вернувшись в Лондон, Чемберлен заявил: мир обеспечен на целые поколения. Гитлер действительно заключил специальные соглашения о сохранении мира с Великобританией и Францией. Утверждение советской историографии о том, что лидеры этих государств в Мюнхене рассчитывали повернуть германскую агрессию на Восток, следует отнести к разряду пропагандистских штампов. И после событий марта 1939 г. СССР и Германия не имели общей границы, а лежащая между ними Польша являлась слишком ценным объектом для того, чтобы воспользоваться ею как новой приманкой для Гитлера. Политика Запада заслуживает серьезных упреков за другое – за нежелание признать реальность германской агрессии в Европе и пассивно-оборонительные настроения. Чемберлен и его французский коллега Эдуард Даладье продолжали мерить Гитлера собственным аршином, они всерьез воспринимали его стремление собрать всех немцев в границах «рейха» и ждали, что он успокоится, решив этот вопрос.

Гитлеру нравилось обманывать своих партнеров по Мюнхенскому соглашению, которых он в застольных разговорах именовал не иначе как «жалкими червяками». В марте 1939 г. вермахт оккупировал Чехию, на территории которой был образован протекторат Богемии и Моравии. Получившее формальную независимость словацкое государство также оказалось вассалом Германии. После того, как «собирание немцев» уступило место неприкрытым аннексиям, мировое сообщество вычеркнуло нацистский «рейх» из числа своих членов. Ослепленный легкостью собственных успехов, Гитлер не заметил этой перемены. Аппетит приходит во время еды, и он продолжает наращивать темпы дипломатической подготовки новых завоеваний. В апреле 1939 г. Гитлер разрывает соглашение о соотношении военноморских флотов с Великобританией, подписанное менее чем за четыре года до этого, открыто выдвигает претензии на бывшие колонии Германии. 22 мая 1939 он подписывает Стальной пакт с Муссолини, уже захватившим Албанию.

Следующая цель гитлеровской агрессии не вызывает сомнений – это Польша, государство, воссозданное в рамках Версальской системе, где также проживало немало этнических немцев. Гитлер прибегает к излюбленному приему, грозя и обещая одновременно. После того, как Польша отвергла его утопические предложения союза против СССР и участия в разделе Украины, Гитлер наращивает претензии к ней самой – предоставление экстерриториального коридора в Восточную Пруссию, возвращение находящегося под контролем Лиги наций

крупного порта Данциг. Дипломатическая атака прикрывает развертывание армии вторжения. План «Вайс», содержавший детали военной операции против Польши, был подписан Гитлером уже 11 апреля 1939 г.

Трудно найти рациональные объяснения гитлеровской спешки с завоеваниями 1938-1939 г. В конце концов, в рамках четырехлетки он ожидал перестройки немецкой экономики на военный лад и появления боеспособного вермахта лишь к исходу 1940 г. Как азартный хищник, не успев переварить одной добычи, Гитлер набрасывался на другую. Его главным врагом и союзником одновременно выступало время – рассчитывая обогнать своих противников, он панически боялся не дожить до воплощения своих планов. Постоянным рефреном выступлений Гитлера являлось утверждение, что «я могу быть в любой момент уничтожен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом». Все остальные препятствия не казались ему столь же существенными.

Самоуверенность нацистского вождя имела под собой серьезные основания. Население страны с восторгом встречало все новые подтверждения могущества Германии. На внешнем фронте дела обстояли как нельзя лучше. Мир был буквально загипнотизирован успехами Гитлера, правительства соседних стран оказывались перед ним в положении кролика перед удавом. Призывы к формированию единого фронта перед лицом нацистской агрессии звучали как глас вопиющего в пустыне. Каждое из государств-соседей, включая самых малых, уверяло себя, что она обойдет его стороной и даже пыталось извлечь выгоду из сложившейся ситуации (достаточно напомнить об участии Польши в разделе Чехословакии – через несколько месяцев ее собственная территория станет добычей не только Германии, но и СССР, Литвы и Словакии). Ведя масштабную дипломатическую игру, Гитлер не боялся идти на уступки, рассчитывая в ближайшем будущем получить все. Лишь весной 1939 г. последние оптимисты на Западе поняли неизбежность военного конфликта с гитлеровской Германией. Среди этих последних находились «миротворческие» лидеры Франции и Великобритании, которые несут свою долю ответственности за втягивание Европы во вторую мировую войну. В ответ на подписание Стального пакта Запад гарантировал неприкосновенность польских границ, но «по сравнению с 1914 г. Польша была слабой заменой России в политике окружения Германии» (Голо Манн). Наступив на горло собственной песне, Великобритания и Франция отодвинули на второй план свое неприятие сталинской диктатуры и начали переговоры о военном

союзе с СССР.

Реакция Сталина на происходившее в Центральной Европе накануне второй мировой войны была более спокойной. Большевистская доктрина всегда исходила из ее неизбежности, а агрессивные действия Гитлера объективно срывали казавшиеся реальными планы «единого антисоветского фронта». У Сталина оказывались развязанными руки для того, чтобы опробовать обе альтернативы – либо достичь компромисса с западными державами для предотвращения германской агрессии, либо использовать ее для укрепления западных рубежей СССР. В августе 1939 г. обе альтернативы сосуществовали буквально бок о бок, разделенные несколькими кварталами московских улиц. Кремль выставил себя на аукцион и напряженно следил за ростом ставок. После того, как западные державы решили, что обойдутся без непредсказуемого СССР, Сталин понял, что без Гитлера он окажется в опасной изоляции. 23 августа два главных диктатора XX века подписали пакт о взаимном ненападении.

Согласно секретному приложению к нему отказываясь от претензий на огромную территорию к востоку от Карпат, Буга и Немана, Гитлер выигрывал главное, что тогда его интересовало – гарантию от войны на два фронта. Пакт стал сенсацией только для тех, кто всерьез воспринимал взаимные пропагандистские атаки двух режимов. Не было большого секрета и в том, что стало ценой их внезапно возникшей дружбы. И тем не менее подписание пакта буквально всколыхнуло общественное мнение во всех европейских странах. Коммунистические партии, поклонники Советского Союза среди западной интеллигенции долго не могли оправиться от шока, для них погас последний луч надежды на Востоке. Напротив, сторонники теории «тоталитарного родства» России и Германии радостно потирали руки, считая, что теперь окончательно прояснилась линия фронта. В конечном счете ошиблись и те, и другие. Это был не брак по расчету, а скорее «водяное перемирие», которое автоматически заканчивалось с изменением погоды на континенте.

«Сейчас весь мир у меня в кармане», – ликовал Гитлер, узнав о подписании пакта. Если верить Герману Раушнингу, записывавшему застольные разговоры своего вождя, еще в 1934 г. тот сказал буквально следующее: «Вероятно, мне не избежать союза с Россией. Я придержу его как последний козырь. Но он не удержит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе. Глупо было бы думать, что мы всегда будем действовать прямолинейно… Мы будем менять фронты, и не только военные».

О позиции и настроениях Сталина в августовские дни 1939 г. мы знаем гораздо меньше. Воспоминания его соратников говорят о том, что он выглядел успокоенным, считая, что ему удалось перехитрить Гитлера. На фотографии в момент подписания пакта он, стоя за спиной Риббентропа, даже улыбается. Вопрос о том, дал ли пакт зеленый свет войне или Гитлер не решился бы выступить против Польши, имея перед собой перспективу войны на два фронта, остается гипотетическим и по сей день. Так или иначе, Сталин не мог строить свою политику, исходя из надежды на оптимальный вариант – западноевропейские политики уже обожглись на собственном миролюбии. Он боялся, что после Польши Гитлер предложит мир Западу и двинется против СССР. И здесь пакт как продукт национального эгоизма давал стране и геополитическое пространство, и мирную передышку. Вряд ли правомерно взвешивать на одних весах полученные преимущества или утверждать, что «Сталин дал ослепить себя блеском немецких предложений» (И. Флейшхауер). Поставим точку после признания, что каждый из двух диктаторов видел в заключении пакта свой исторический шанс.

Тезису биографов о железной воле фюрера противоречит тот факт, что он несколько раз откладывал дату нападения на Польшу. Только 1 сентября 1939 г. соединения вермахта перешли ее границу. На сей раз предлогом было избрано нападение переодетых в польскую униформу эсесовцев на радиостанцию в пограничном немецком городке Глейвиц. К подобного рода провокациям со стороны «третьего рейха» мир уже привык, поэтому правительства Великобритании и Франции ультимативно потребовали от Германии отвести войска с территории Польши. 3 сентября срок ультиматумов истек, и началась вторая мировая война.

Историки спорят о том, был ли готов Гитлер к такому повороту событий, или рассчитывал, что Запад проглотит и эту агрессию. Сам он попытался реализовать следующий сценарий: получив в Польше необходимый плацдарм для продолжения агрессии на восток, попытаться сыграть на антисоветских настроениях западных держав. Открыто и тайно осенью 1939 г. Гитлер постоянно заявлял о своей готовности к достижению «вечного мира в Европе». Пойди Великобритания на эту сделку, и летняя кампания 1940 г. началась бы не на Западе, а на Востоке, и ее главной целью оказался бы Советский Союз, продемонстрировавший в ходе «зимней войны» 1939-1940 гг. свою слабость. Наличие пакта о ненападении не стало бы сколько-нибудь существенным препятствием для реализации подобного сценария – в любой момент на свет могли появиться

его секретные статьи, выставлявшие геополитические амбиции СССР в крайне неприглядном свете. Но то, что оказалось возможным реализовать со Сталиным, не прошло по отношению к Чемберлену. Великобритания отдавала себе отчет в том, что в данной ситуации она связана с Францией общей судьбой. Для правительства последней подписание осенью 1939 – весной 1940 г. мирного договора было равносильно признанию гегемонии Германии в Европе.

Так или иначе, объявление войны еще не означало ее активного ведения. Крупных операций на западном фронте, где 31 немецкой дивизии противостояли 85 французских и 10 английских, отмечено не было. «Странная война» на Западе сопровождалась быстрым продвижением вермахта вглубь польской территории, несмотря на героическое сопротивление польских войск. 17 сентября с востока границу Польши перешли части Красной армии, начав выдвижение на рубежи, согласованные секретным приложением к пакту Сталина-Гитлера. 6 октября был уничтожен последний очаг сопротивления польской армии – молниеносная операция удалась в полной мере. Уже первые месяцы оккупации Польши показали, что с захватом ее территории война не закончилась, а только разворачивалась. Это была та война, о которой мечтал Гитлер – истребление беззащитных «недочеловеков», расчистка жизненного пространства для расы арийских господ. Западная часть Польши вошла в состав «третьего рейха» и активно заселялась этническими немцами. На остальной ее части, куда выселялось славянское и еврейское население, было создано генералгубернаторство, введена трудовая повинность и развязан массовый террор. Первоначально он был направлен против социальных верхов, но вскоре приобрел расовую направленность. Уже в 1940 г. на территории генерал-губернаторства появились первые концлагеря, специально предназначенные для уничтожения местного населения.

Имея перед собой уроки 1914-1918 гг., Гитлер стремился любой ценой не допустить войны на два фронта. Вновь на вооружение была взята идеология «блитцкрига», разгрома противников поодиночке. 9 апреля 1940 г. под предлогом защиты морских коммуникаций были оккупированы Дания и Норвегия. Европейцы продолжали считать, что на большее у Гитлера не хватит сил. Он же, напротив, все жестче требовал от командования вермахта скорейшего проведения военной операции против Франции. Дата ее начала переносилась в общей сложности 29 раз – генералы оттягивали рискованное мероприятие, ссылаясь на неподготовленность коммуникаций и

плохие погодные условия. Наконец, 10 мая соединения вермахта перешли границы Франции, Бельгии, Люксембурга и Нидерландов. Гитлер настоял на прорыве танковых соединений через Арденны. Для «западного похода» ему удалось собрать 135 дивизий, его противники, имевшие численное превосходство, уступали в боевом опыте и качестве вооружений.

Мобильные соединения вермахта уже через десять дней вышли к Ла-Маншу, замкнув в котле у Дюнкерка более чем трехсоттысячную группировку англофранцузских войск. Ее спасло только чудо – Гитлер отдал «стоп-сигнал» танковым группам генералов Клейста и Гота, посчитав, что те находятся на пределе своих возможностей. 28 мая капитулировала полумиллионная бельгийская армия. 14 июня немецкие войска вошли в Париж, объявленный открытым городом. Через неделю Франция подписала акт о капитуляции. Большая часть ее территории подверглась оккупации, лишь на юговостоке страны был создан очередной протекторат «третьего рейха», отданный в управление коллаборационистам во главе с маршалом Анри Пэтеном. Для предотвращения голода и ослабления тыла германские войска наладили безжалостную эксплуатацию завоеванных территорий. Оккупация Западной Европы отнюдь не означала примирения ее населения с нацистским господством – «французы сначала сделали вид, что сражаются, а затем, что подчиняются». Непокоренными оставались и великие державы европейской периферии, прямое столкновение с которыми не сулило повторения «прогулки на Париж». Герхард Вайнберг сравнил Европу 1938-1941 г. с артишоком, в центре которого находилась Германия, которая, проглатывая изнутри листок за листком, приближалась к находившимся на его поверхности главным действующим лицам второй мировой войны.

Секрет военно-стратегических успехов вермахта заключался не в нем самом, и уж тем более не в гениальности «фюрера». Достигнутый к концу 30-х гг. уровень развития военной техники (прежде всего танков и авиации) привел к результату, противоположному ситуации в первой мировой войне: наступающий обладал почти полной гарантией успеха до тех пор, пока его тыловая инфраструктура была в состоянии освоить завоеванное пространство. Можно не сомневаться, что наступление англо-французских сил осенью 1939 г. привело бы к результату с точностью до наоборот. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что солдаты и офицеры вермахта горели желанием отомстить за поражение страны в первой мировой войне. С каждой новой победой головокружение от успехов усиливалось, и, подобно наркотику, оно исподволь начало разрушать военный

организм. Сменявшие друг друга пропагандистские конструкции реванша, блицкрига, тотальной войны, чудо-оружия и т.д. скрывали от немецкого народа очевидный факт: каждое приращение подконтрольной «третьему рейху» территории, каждый новый покоренный народ делали все более призрачной надежду на окончательную победу Германии во второй мировой войне.

После триумфального западного похода Гитлер окончательно уверовал в собственную непогрешимость. До июня 1941 г. его планы быстротечных кампаний дали осечку только один раз. Непокоренной оставалась Великобритания, и именно ей на протяжении целого года пришлось выносить на себе всю тяжесть мировой войны. Продолжавшиеся и после капитуляции Франции предложения сепаратного мира не возымели на правительство Уинстона Черчилля никакого влияния. Маски были сброшены, и поверить в миролюбие нацистского режима мог только сумасшедший. Таковым был объявлен заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, 10 мая 1941 г. самостоятельно прилетевший на Британские острова с миссией миротворца.

Подготовленный к осени 1940 г. план высадки германских войск в Великобритании (операция «Морской лев») так и не был реализован. Гитлер попытался вначале добиться полного превосходства в двух других стихиях. Массированное применение Германией подводных лодок, в том числе и на атлантических коммуникациях, поставило Великобританию на грань морской блокады. За первый год войны немецкие подводники, применявшие тактику «волчьей стаи», уничтожили более 1000 кораблей, потеряв только 66 лодок. С 13 августа 1940 г. началась война в воздухе, массированные бомбардировки английских городов носили скорее характер акций устрашения. Отсутствие дальних истребителей (один из промахов «плановой экономики» Геринга) и большие потери заставили Гитлера отказаться от продолжения бомбардировок и задуматься о необходимости новых ярких побед, к которым стало привыкать не только его фанатичные поклонники, но и подавляющее большинство «обычных» немцев.

В отличие от августа 1914 г. сентябрь 1939 г. не принес с собой волны патриотического воодушевления, еще слишком свежи были воспоминания двадцатилетней давности. Оно пришло позже, после первых ошеломляющих побед. Вряд ли многие всерьез воспринимали нацистские мечты о мировом господстве, но, безусловно, подавляющее большинство немцев продолжало жить имперскими традициями, памятуя о «месте под солнцем», которого окончательно была лишена Германия в 1918 г. Видеть в

сегодняшних победах завтрашние поражения были способны только одиночки, прислушивавшиеся к голосу собственной совести. Их было чрезвычайно мало, но они были во всех слоях немецкого общества. 8 ноября 1939 г. подмастерье Георг Эльзер заложил бомбу в мюнхенской пивной, где должны были собраться «герои пивного путча». Взрыв прозвучал через несколько минут после того, как Гитлер покинул собрание. Неудавшееся покушение антифашиста-одиночки не поколебало уверенности фюрера в сплоченности «внутреннего фронта».

Исключения, подобные покушению Эльзера, арестованного на швейцарской границе и погибшего в концлагере, лишь подтверждали известное правило – от побед не принято отказываться. Кадры кинохроники показывали немецких солдат, марширующих по улицам европейских столиц, Гитлера, любующегося видами Парижа. Вера в его гениальность и полководческий талант стала превращаться из обязательного пропагандистского штампа в главный фактор высокого боевого духа вермахта. Немцы стали привыкать к войне – это было тем легче, что ее дыхание практически не сказывалось на будничной жизни. Для эмигрантки из России княжны Васильчиковой, приехавшей в Берлин в 1940 г. и оставившей уникальный дневник, неудобства военного времени свелись первоначально лишь к запрету принимать ванну в рабочие дни недели. Еще одним специфическим выражением военной тревоги стала пропажа туалетной бумаги в здании министерства иностранных дел, куда Васильчикова благодаря аристократическим связям смогла устроиться на работу. Неудобства светомаскировки и суррогатный кофе с лихвой компенсировались лучшими французскими винами и чувством сопричастности к «великим победам». Второе издание «гражданского мира» также имело свою цену. Только из оккупированных в ходе первого этапа войны стран Европы было переведено на баланс «рейха» разного рода ценностей в размере 12 млрд. золотых марок. Награбленное в порядке инициативы снизу и отправленное в Германию полевой почтой не поддается никакому учету.

«Можно без преувеличения сказать, что националсоциалистская система была зафиксирована на эту войну. Для фюрера вопрос заключался не в том, стоит ли нападать на Советский Союз, а в том, когда напасть» (П. Ян и Р. Рюруп). Он так и не решился отдать приказ о высадке вермахта на Британские острова, пока в тылу оставался такой опасный «союзник», как СССР. Попытка Гитлера решить вопрос миром, путем раздела английских владений направив советскую экспансию на юг, к Индийскому океану. Сталин разгадал маневр

своего визави, предлагавшего разделить шкуру еще не убитого медведя, и в своих директивах Молотову накануне его визита в Берлин в ноябре 1940 г. сосредоточил внимание на Юго-Восточной Европе. 12 ноября Молотова принял Гитлер, предложивший Советскому Союзу присоединиться к военному союзу Германии, Японии и Италии. Гитлер уклонился от уступок в балканском вопросе, доступ к румынской нефти оставался для него главным приоритетом в этом регионе. Не было достигнуто серьезного прогресса в отношении Финляндии, попавшей в советскую сферу интересов (в этом случае нацистское руководство волновали бесперебойные поставки шведской руды). Вторую беседу с Молотовым Гитлер закончил сожалением, что «ему до сих пор не удалось встретиться с такой огромной исторической личностью, как Сталин, тем более, что он думает, что, может быть, и сам попадет в историю». Это можно было понимать и как неуклюжую лесть, и как скрытую угрозу. Визит Молотова в Берлин показал, что СССР и Германия «скорее уперлись грудь в грудь, чем стоят спина к спине» (Ю. Ферстер).

Гитлер давно уже потерял интерес к дальнейшей торговле, и более проницательный политик, нежели Молотов, мог бы это заметить. Гораздо большую роль, чем неуступчивость советских партнеров по переговорам, не желавшим соглашаться с ролью вассалов, в этой перемене сыграли ошеломляющие военные успехи летней кампании 1940 г. Нацистский режим стал заложником собственных побед, действовавших как наркотик. На следующий год предстояло совершить нечто не менее масштабное, и на выбор оставались лишь две европейские державы – Советский Союз и Великобритания. За Великобританией стоял мощный союзник США, поэтому на молниеносную войну против нее рассчитывать не приходилось. Напротив, за СССР находилась Япония, готовая при первом же удобном случае высадиться на Дальнем Востоке.

Поражение Великобритании заставило бы ее признать гегемонию Гитлера на европейском континенте, но вопроса о физическом выживании англичан не стояло. Иное на Востоке. Война с СССР должна была обеспечить завоевание ресурсов и жизненного пространства для его «германизации». Ни о каком соглашении со Сталиным в ходе или после войны на уничтожение (Vernichtungskrieg) речи быть не могло.

Донесения военной разведки подчеркивали слабость Красной Армии, гнет режима и готовность порабощенных народов к сопротивлению, особенно в только что присоединенных западных республиках. Гитлер окончательно пришел к выводу о том, что СССР – «колосс на глиняных ногах», и в узком кругу предпочитал

говорить о его «обезвреживании». План военной операции «Барбаросса» был подписан им 18 декабря 1940 г., но его подготовкой генеральный штаб занимался несколько месяцев до этого. Начало африканской кампании (11 февраля 1941 г.) и военный разгром Югославии в апреле-мае 1941 г. стали только эпизодами, на некоторое время отвлекшими Гитлера от стратегической задачи.

В конечном счете направление кампании 1941 г. определили прагматические соображения. Весной в рейхе были снижены нормы потребления ряда продовольственных товаров. Чиновники из министерства продовольствия давно уже прорабатывали восточный сценарий: «Войну можно продолжать только в том случае, если весь вермахт на третьем году военных действий будет питаться за счет России. При этом от голода погибнут несколько десятков миллионов человек, если мы вывезем оттуда необходимое для нас продовольствие». С точки зрения нацистского руководства все складывалось как нельзя лучше – обеспечение германской армии само собой решало проблему «избыточного населения» европейской России. Дело было за малым – эту территорию еще следовало завоевать. Теперь вермахту обещали войну особого рода – массовое убийство представителей низшей расы без правил и ограничений, без разбора между солдатами и партизанами, военными и гражданским населением. Разница между евреем, украинцем или русским сводилась только к очередности уничтожения. 13 мая специальным декретом фюрера была провозглашена амнистия участникам предстоявшей войны против СССР за любые военные преступления (Kriegsgerichts-barkeitserlass). Преступный режим с каждым днем втягивал все большее число своих подданных в акты геноцида, и солдаты вермахта не являлись исключением из этого правила.

Наличие пакта о ненападении и формально «дружественные» отношения с СССР осени 1939 – весны 1941 гг. не позволяли ведомству Геббельса провести солидную пропагандистскую подготовку похода на Восток. В этом не было большой необходимости – антирусские настроения сидели достаточно глубоко в общественном сознании, и аргументы от истории делали свое дело. Новый крестовый поход, вторая волна колонизации Востока (Drang nach Osten), извечное противостояние арийской культуры и русской азиатчины – об этом трубила нацистская пресса уже 22 июня 1941 г. На традиционные предрассудки накладывалось общее для западного мира неприятие большевизма как общественной системы (идеологи нацизма предпочитали говорить о «еврейско-

большевистском мировом заговоре»), которую по возможности следует удалить с лица земли хирургическими методами. Народы Советского Союза выступали скорее соучастниками, чем жертвами этой системы, что оправдывало установление внешнего контроля над ними.

Сразу же после начала военных действий на восточном фронте в ход была пущена версия о «превентивном характере» войны – гениальный фюрер предвосхитил действия Красной Армии, готовой обрушиться на Германию. Не вдаваясь в детали скорее публицистической, чем историографической дискуссии вокруг этой темы, отметим, что ни в одном из германских документов первой половины 1941 г. не зафиксировано серьезных опасений по поводу возможных наступательных действий Красной Армии. Напротив, продвижение ее частей к западной границе СССР рассматривалось немецкой военной разведкой как укрепление оборонительных рубежей. Это совсем не означает, что у Сталина не было планов вмешаться в ход второй мировой войны – но только дилетант мог пустить их в ход тогда, когда вермахт находился на вершине своих успехов. Ноябрьский визит Молотова в Берлин показал, что советское руководство вполне устраивала политика возрастающих компенсаций за свой нейтралитет. Другое дело, что она уже не устраивала Гитлера. Больше, чем открытие военных действий, его волновало возможное присоединение СССР к блокаде Германии, повторяющее сценарий первой мировой войны. Иррациональная уверенность фюрера в непобежденности немецкой армии осенью 1918 г. переросла в миф о ее непобедимости, окончательно рухнувший для него лишь весной 1945 г.

Двух диктаторов объединяла не только слепая вера в собственное превосходство над окружающим миром, но и неспособность трезво оценить силы противника. Точно так же, как Сталин осенью 1939 г. недооценил финнов, Гитлер год спустя недооценил потенциал сопротивления Советского Союза. В первом случае количественный учет соотношения сил скрыл эмоциональный подтекст – боевой дух маленького народа и его готовность к защите родины. Во втором, наоборот – фанатичная убежденность в превосходстве арийской нации не позволила реально оценить мобилизационные возможности государственной экономики, не говоря уж о неисчерпаемых людских и сырьевых ресурсах СССР. В окружении фюрера давно уже не было никого, кто мог бы противопоставить ему свою точку зрения.

Взгляды Гитлера определяли военно-стратегическое планирование войны с Россией. Согласно плану «Барбаросса» ставка делалась на массированное применение танков и

фронтовой авиации для проведения скоротечных операций по окружению и разгрому противника. Боеспособные части Красной Армии должны были быть уничтожены западнее линии Днепр – Западная Двина, чтобы затем вермахт мог, практически не встречая сопротивления продвигаться до рубежа Архангельск-Астрахань. Вопрос о направлении главного удара пока еще не стоял – наступление предусматривалось осуществлять одновременно тремя группами армий в направлении Ленинграда, Москвы и Северного Кавказа. Очередной «блицкриг» следовало завершить до наступления осенней распутицы. Гитлера не смущал ни опыт Наполеона, ни разумный отказ германских генералов первой мировой войны от продвижения вглубь России. Наряду с фанатичной верой в превосходство арийской расы над славянскими «недочеловеками» его убаюкивал опыт французской кампании 1940 г., показавшей безграничные возможности мобильных соединений контролировать завоеванное пространство. За несколько дней до начала войны на востоке Геббельс отмечал в своем дневнике: «Фюрер считает, что кампания продлится четыре месяца, мне кажется, что меньше. Большевизм развалится как карточный домик, мы накануне победы невиданного масштаба».

На рассвете 22 июня 1941 г. немецкие войска перешли границы Советского Союза. Почти двукратное преимущество армии вторжения перед частями Красной Армии, сосредоточенными в приграничных округах, многократно усиливалось качественным превосходством вермахта. Первые недели войны на Востоке принесли ошеломляющие успехи тактике охватывающих ударов с массированным применением танков.

Только под Киевом попало в плен около 600 тыс. советских солдат. Всего за полгода наступательных операций вермахтом захвачено около трех миллионов пленных, лишь каждый десятый из которых дожил до освобождения. Отдельные очаги героического сопротивления – оборона Брестской крепости, попытка контрнаступления под Смоленском – не меняли общей трагической картины. Сказывались и потеря управления войсками, и отсутствие продуманной стратегии оборонительных боев. Опыту солдат и офицеров вермахта, чувствовавших себя профессиональными военными, противостояло неумение и нежелание воевать красноармейцев, многие из которых едва успели пройти школу молодого бойца. Сталинская система, убаюкавшая народ сказкой о своих «исторических преимуществах», не показала их на первом этапе войны. Наоборот, ей пришлось платить по счетам прошлых лет – свою

роль сыграли и репрессии по отношению к офицерскому корпусу 1936-1938 гг., и свертывание антифашистской пропаганды в первые годы второй мировой войны. За этот период военная промышленность «третьего рейха» выросла более чем в два раза, в СССР же только разворачивалось массовое производство новейших образцов вооружения.

Уже 4 июля Гитлер посчитал войну в России оконченной и начал переносить акцент на внеевропейский театр военных действий, рассматривая своей следующей целью захват Гибралтара, Суэцкого канала и всего Ближнего Востока. Высадка на Британские острова не предусматривалась, ставка была сделана на их блокаду и методичное уничтожение английской военной машины германской авиацией. Параллельно он активизировал контакты с японскими дипломатами, поощряя своего восточного союзника к вступлению в войну. Тем более неожиданным оказалось зимнее контрнаступление Красной Армии под Москвой, начавшееся 5 декабря 1941 г. и перечеркнувшее надежды на завершение «русской кампании». Оно имело прежде всего психологический эффект – впервые считавшемуся непобедимым вермахту пришлось отступать. Советский Союз доказал свое право на лидирующую роль в антигитлеровской коалиции, которая окончательно сложилась только после вступления в войну США.

Перелом в войне обеспечил не только материальный перевес держав антигитлеровской коалиции, но и моральная убежденность их народов в правоте своего дела. Сталинградская битва нанесла сильнейший удар по самолюбию фюрера, ведь это именно он вопреки мнению своих генералов настоял на двойном ударе в направлении Кавказа и Волги. Начавшееся 19 ноября контрнаступление привело в «котел» между Волгой и Доном более 300 тыс. немецких, итальянских и испанских солдат. В Германии замалчивали масштабы катастрофы, постигшей армию генерала Паулюса. Гитлер не имел серьезных планов затяжной войны, и срыв «блицкрига» на Востоке привел военную машину «третьего рейха» в состояние беспорядочного дрейфа. После того, как вермахт потерял стратегическую инициативу, конечной целью его боевых действий стало продление жизни нацистского режима. 24 января 1943 г. в ходе Касабланкской конференции Рузвельт и Черчилль приняли решение вести войну до безоговорочной капитуляции Германии. Пока Советский Союз приковывал к себе главные ресурсы «третьего рейха», западные союзники вели успешные боевые действия на периферийных направлениях и морских коммуникациях. 13 мая 1943 г. был закрыт африканский фронт. В Тунисе капитулировало около 250 тыс. немецких и

итальянских солдат. 28 августа 1943 г. командование германского ВМФ было вынуждено констатировать, что «в стратегическом плане Германия с прошлого года превратилась из молота в наковальню».

Если в Западной и Северной Европе германская оккупация подразумевала некое соглашение военных властей и местного населения, то на Балканах, в Польше и России оккупация лишь переводила войну на уничтожение в иную плоскость. Здесь не было места компромиссу или пассивному принятию «нового порядка». Движение Сопротивления, партизанская война в тылу врага стали естественным ответом народов на угрозу их существованию, а отнюдь не «нарушением международных норм ведения войны», как продолжает утверждать и по сегодняшний день еще не вымершая праворадикальная публицистика ФРГ. Практика карательных отрядов (Einsatzkommandos), состоявших из эсесовцев и полицейских, включала в себя планомерное уничтожение «диверсантов» (комсомольских активистов, прошедших начальную военную подготовку), «комиссаров» (под это понятие подходил любой партийный или советский работник вплоть до библиотекаря), интеллигенции, лиц еврейской национальности.

По отношению к славянскому населению применялось правило «заставлять работать, не давая есть». Еще до начала войны в Генеральном совете по четырехлетке была составлена подробнейшая программа эксплуатации ресурсов европейской части СССР. Если для министерства экономики на первом месте стояло выкачивание сырья, то для Гиммлера, ответственного за выполнение «Генерального плана Ост», речь шла прежде всего о «германизации» завоеванных территорий. Конкуренция ведомств не мешала им достигать компромисса в теории и на практике. Для 80-90 млн. славян было предусмотрено переселение за Урал, порядка 15 млн. должны были остаться для обслуживания новых господ. При разработке подобных программ называлась цифра в 30 млн. человек, которые оказывались «лишними едоками» и были обречены на гибель. Новейшие оценки потерь Советского Союза в войне, близкие этой цифре, показывают, насколько точной была нацистская механика смерти, и насколько далеко творцы «нового порядка» смогли продвинуться к осуществлению своих целей за пару лет господства на оккупированных территориях.

Внутреннее положение Германии радикально изменилось на четвертом году второй мировой войны. С весны 1942 г. начались методичные бомбардировки англо-американской авиацией немецких городов – «асы» Геринга оказались не в состоянии

нанести ей серьезный урон. Бомбардировки в большей степени преследовали устрашение гражданского населения, нежели подрыв промышленного потенциала Германии. Под бомбами и руинами домов погибло около полумиллиона немцев, ежемесячно разрушалось около 25 тысяч жилых домов. Настроения простых людей стали выходить из-под контроля нацистской пропаганды, вранье и наигранный оптимизм Геббельса уже раздражали. Выступая в Берлине 18 февраля 1943 г., тот нарисовал картину сражающегося на Востоке вермахта как «единственного защитного вала против натиска степи на наш континент», а затем объединил степь, большевизм и всемирное еврейство в едином образе «демона разрушения». Раз за разом в ходе своей речи Геббельс спрашивал собравшихся: «Хотите ли вы тотальной войны?», и каждый раз ему отвечало фанатичное воодушевление, вряд ли отражавшее реальные настроения немцев в десятую годовщину установления «третьего рейха».

Смертная казнь за самые различные проявления неповиновения (вроде распространения враждебных слухов), объявленная в рамках «тотальной войны», усилила атмосферу террора в тылу, но не могла спасти нацистский режим. Если в годы первой мировой войны в Германии за государственные преступления было казнено 50 человек, то в годы второй – около 30 тысяч. В меморандумах СД, предназначавшихся высшему руководству «третьего рейха», особое внимание обращалось на пораженческие настроения, охватившие молодежь допризывного возраста. В крупнейших городах стали стихийно возникать альтернативные объединения молодежи полукриминального характера, называвшие себя «пиратами». Брожение тыла постепенно начинало охватывать и армию, введение должности офицера по национал-социалистскому воспитанию не компенсировало падения боевого духа солдат. Проведенная в июле 1944 г. сверхтотальная мобилизация дала всего 300 тыс. новых солдат, хотя для простой компенсации людских потерь вермахта было необходимо более миллиона.

В еще большей степени, чем первая, вторая мировая война была войной моторов, соперничеством хозяйственных механизмов и борьбой за истощение материальных ресурсов противника. Руководство вермахта так и не сумело сломить сопротивление предпринимателей и стоявших за ними местных нацистских бонз для того, чтобы сосредоточить в своих руках контроль за производством военной продукции. Призывы потуже затянуть пояса и отказаться от привычек мирной жизни не встречали должного понимания населения в условиях скоротечных побед. После первых массовых мобилизаций резко

ухудшилась ситуация на рынке труда – в отличие от первой мировой войны нацисты не решились пойти на массовое привлечение женщин в производственный процесс. Геринг явно не справлялся с возложенными на него задачами установления «хозяйственной диктатуры», его сменил Фриц Тодт, назначенный на пост министра вооружений в марте 1940 г. На первом этапе войны хозяйственные проблемы решались путем новых завоеваний и загрузки производственных мощностей западноевропейских стран германскими военными заказами.

Еще до нападения на Советский Союз Гитлер потребовал перенести акцент оборонной промышленности на модернизацию военно-воздушных сил и флота. Однако «восточный поход» не завершился в отведенные ему шесть недель, на российских просторах вермахт нес огромные потери в боевой технике. Расчеты на украинскую пшеницу и уголь Донбасса оправдались лишь на несколько процентов. Тодт заявил Гитлеру уже 29 ноября 1941 г., что в военно-экономическом смысле война проиграна. После его таинственной гибели полномочия по контролю за экономикой были переданы Альберту Шпееру, который еще не так давно являлся придворным архитектором фюрера. Он предложил программу закрытия мелких предприятий, не работавших на военные нужды, и избавил крупные фирмы от мелочного контроля со стороны вооруженных сил, сосредоточив в своем министерстве общее директивное планирование. Шпеер делал ставку на опыт самих предпринимателей, привлекавшихся к выработке решений (так, в комиссии по танкам работали капитаны автоиндустрии, в частности Фердинанд Порше). Минимальное обеспечение гражданского сектора экономики сырьем и рабочей силой позволило в три раза по сравнению с довоенным уровнем поднять производство вооружений.

Отдельные успехи ведомства Шпеера, например, скорейшее восстановление разрушенных бомбардировками предприятий и транспортной инфраструктуры, не могли переломить общей негативной тенденции. Историки говорят о том, что промышленность избрала тактику «пассивного сопротивления» тотальной мобилизации своих возможностей (Р.Д. Мюллер). Экономическая составляющая войны нагляднее всего демонстрировала несбыточность нацистских планов установления мирового господства. Уже к 1942 г. в странах антигитлеровской коалиции было сосредоточено три четверти мировых ресурсов. После битвы под Курском Германия потеряла плоды шестимесячного производства танков и четырехмесячного – орудий. С осени 1944 г. началось неуклонное снижение объемов промышленного производства. Гитлеру оставалось надеяться

только на «чудо-оружие» вроде реактивных снарядов «Фау», которые возобновили бомбардировки английских городов.

Затягивание военных действий на всех фронтах и дефицит людских ресурсов заставили нацистское руководство изменить свой подход к «неарийским нациям». Сразу после завоевания Франции появился бредовый план выселения 3 млн. евреев из Европы на остров Мадагаскар для их «естественного» вымирания. Вступление в войну США сделало бессмысленным использование еврейского населения в качестве заложников, гарантирующих американский нейтралитет. Решение об «окончательном разрешении» (Endlösung) еврейского вопроса, вероятно, было отдано Гитлером устно, историки пока не нашли его документальных подтверждений. Оно было переведено в практическую плоскость на Ванзейской конференции (20 января 1942 г.) представителей «заинтересованных» ведомств. Уникальность масштабов и технологии нацистского геноцида во многом связана с тем, что его исполнители из ближайшего окружения фюрера, находившиеся в жесткой борьбе за влияние на него, использовали эту акцию для того, чтобы обойти конкурентов. В очередной раз режим заговорил о превентивном ударе – Гиммлер, выступая перед высшими чинами СС 4 октября 1943 г., заявил о «полном моральном праве, даже обязанности уничтожить народ», угрожавший существованию германской нации.

Их было более семи миллионов – евреев, цыган, славян, представителей всех национальностей Европы, в том числе и самих немцев, которых самая человеконенавистническая из людских идеологий обрекла на гибель в лагерях уничтожения. В самом крупном из них – Освенциме неподалеку на территории в 40 квадратных километров было уничтожено около 3 млн. человек. Историки говорят о «технологически совершенном геноциде» – только из Освенцима «на хозяйственные нужды» было вывезено 60 тонн человеческих волос. Если на протяжении военных лет холокост неуклонно набирал обороты, то по отношению к восточноевропейским народам нацисты стали переходить от политики тотального истребления к использованию их рабочей силы. Летом 1944 г. на предприятиях «третьего рейха» трудилось около 8 млн. иностранцев из военнопленных и завербованного гражданского населения, в том числе 3 млн. советских граждан. Это составляло треть от общего числа занятых на производстве и в сфере услуг Германии.

Чем хуже обстояли дела «третьего рейха» на фронтах второй мировой войны, тем более смелыми были эксперименты нацистского руководства, нацеленные на пополнение людских

ресурсов вермахта. С 1943 г. предпринимались попытки сформировать национальные части из перебежчиков, военнопленных и местного населения от эсесовских легионов в Прибалтике до Русской освободительной армии генерала Власова. Гитлер, узник собственной идеи о превосходстве арийской расы, им не доверял, да они и не отличались особой боеспособностью. Все это, равно как и разговоры о «чудо-оружии», способном в один момент изменить ход войны, лишь оттягивало агонию нацистской диктатуры. В течение 1944 г. Красная Армия, проведя уникальные наступательные операции, отвоевала большую часть территории Советского Союза и осенью вступила во владения «третьего рейха». 6 июня 1944 г. англоамериканские войска высадились в Нормандии, открыв долгожданный «второй фронт».

Понимание неизбежности национальной катастрофы активизировало действия тех немцев, которые были готовы пожертвовать своей жизнью ради избавления страны от преступного политического режима. Их было немного, и у них практически не было шансов остаться незамеченными для отлаженного механизма политической полиции. В Мюнхене действовала подпольная группа «Белая роза», распространявшая среди студентов антифашистские листовки, достаточно широко известна деятельность организации «Красная капелла» в Берлине, связанной с советской разведкой. В условиях тотальной войны и террора гестапо к актам сопротивления, понимаемого как «часть универсального движения в защиту прав человеческой личности» (П. Штейнбах), немецкие историки причисляют неподчинение приказам властей, помощь жертвам нацизма и военнопленным, открытое осуждение внутренней и внешней политики режима, будь то проповедь с церковного амвона или беседа в очереди за продуктами. Во всех случаях лицам, замеченным в «разложении боевого духа немецкой нации», грозила смертная казнь, но это не останавливало тех, для кого голос собственной совести звучал громче, чем инстинкт самосохранения. Но поставить под вопрос существование нацистской диктатуры мужественные протесты одиночек были не в состоянии.

«Предпосылкой успехов деятелей организованного сопротивления гитлеровскому режиму могла быть только их известная близость власти» (Г.А. Винклер). Сюда следует добавить и внутреннюю сплоченность, даже кастовость, позволявшую группам заговорщиков оставаться незамеченными для добровольных доносчиков и профессиональных шпионов ведомства Гиммлера. Этим требованиям отвечала военная верхушка, значительную часть которой продолжали составлять

выходцы из аристократических семей. Связанная присягой Гитлеру, она стояла за ним до тех пор, пока он двигался от успеха к успеху. После того, как на карту была поставлена судьба Германии и немецкого народа, далеко не все офицеры оказались готовы и дальше подчинять свои убеждения самоубийственной политике фюрера.

Планы заговорщиков сводились к убийству Гитлера и аресту его ближайшего окружения, захвату военного командования, передачи власти временному правительству и скорейшему достижению перемирия на фронтах второй мировой войны. Политические ориентиры послевоенной Германии выглядели для них весьма туманно, сводясь к восстановлению правового государства и примирению с западными соседями. Доступ в ставку Верховного главнокомандования облегчал участникам заговора выполнение их главной задачи. После ряда неудач полковнику Клаусу фон Штауфенбергу 20 июля 1944 г. удалось взорвать бомбу в непосредственной близости от Гитлера. Еще не зная о том, что фюрер не пострадал, соратники Штауфенберга попытались овладеть опорными пунктами в германской столице. Фактически они контролировали только свои рабочие места в штаб-квартире сухопутных войск в центре Берлина (Bendlerblock), выжидая дальнейшего развития событий. После того, как Гитлер выступил по радио с обращением к нации, заговор был подавлен в течение нескольких часов.

Пытаясь объяснить немцам причины неудавшегося покушения в «Волчьем логове», геббельсовская пропаганда вспомнила об одной из самых живучих легенд первой мировой войны – об ударе кинжалом в спину немецкой армии. То, что на сей раз удар пришелся изнутри, придавало новой версии старой легенды особую пикантность. Несмотря на близость военного поражения, Гитлер пошел на самые жестокие репрессии по отношению к истинным и мнимым участникам заговора 20 июля из среды армейской элиты. Всего было репрессировано около 7 тыс. человек, среди них 700 генералов и высших офицеров. Члены их семей отправлялись в специальные лагеря (Sippenhaft), детей отдавали на воспитание в школы СС.

Отдавая должное мужеству Штауфенберга и его соратников, следует помнить и о другом, пусть менее ярком сопротивлении, и о том, что среди заговорщиков были лица, принимавшие до того самое активное участие в военной агрессии «третьего рейха». При всей натянутости масштабных исторических параллелей, попытка военного переворота 20 июля 1944 г. имеет нечто общее с восстанием декабристов 1825 г. – та же близость его участников авторитарной власти, та же расплывчатость политических

программ, та же крохотность контролируемого политического пространства и обреченность попытки переворота. Однако «дело их не пропало». Участники антигитлеровского путча помогли реанимировать демократическое самосознание немцев уже после гибели «третьего рейха». События 20 июля 1944 г., понимаемые как «восстание совести», и по сей день продолжают оставаться центральным моментом системы политического воспитания ФРГ.

Несмотря на свое поражение, попытка военного переворота символизировала начавшуюся агонию «тысячелетнего рейха», лидеры которого помышляли только о том, чтобы оттянуть его бесславный конец. 25 сентября 1944 г. Гитлер отдал приказ о формировании народного ополчения – «фольксштурма», куда полупринудительно записывались все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Вооружение фольксштурмистов в лучшем случае ограничивалось противотанковыми фаустпатронами, отсутствие боевой выучки превращало их в пушечное мясо. Не большим успехом завершились и попытки местных организаций НСДАП создавать партизанские отряды (Wehrwolf) после того, как союзнические войска форсировали Одер на востоке и Рейн на западе Германии.

Вопреки всем запретам властей, из восточных областей страны продолжалось массовое бегство гражданского населения, подталкиваемого пропагандистскими кампаниями о «зверствах русских». Вместе с сотнями тысяч беженцев из разбомбленных городов они блокировали транспортные пути, делали невозможным нормальное функционирование карточной системы. Тем не менее нацистскому руководству удавалось сохранять свою власть над фронтом и тылом, на протяжении почти шести лет война оставалась главной гарантией его существования. Так и не воплотив на практике образ «истинного арийца», гитлеровский режим в полной мере эксплуатировал национальные качества, присущие реальным немцам – доверие к власти и верность долгу, рассудительность и способность находить оптимальный выход в экстремальной ситуации. Их не хватало для того, чтобы покончить с нацизмом, но было достаточно для продолжения самоубийственного сопротивления внешнему врагу. Потерявшие управление воинские части сражались на свой страх и риск, гражданское население проявляло чудеса изобретательности для того, чтобы обеспечить себе минимум жизненных благ. И тех, и других Геббельс сумел убедить в том, что поражение Германии равнозначно их собственной смерти. Бомбардировки и репрессии в тылу разрывали последние социальные связи, способные стать центрами кристаллизации организованного протеста. Последним

выражением «благодарности» нацистского режима своему народу стал приказ Гитлера о «тактике выжженной земли» (19 марта 1945 г.), предписывавший воинским частям и гражданской администрации при отступлении уничтожать все, что только возможно.

В отличие от своего вождя некоторые представители его окружения предпочитали, уходя, не хлопать дверью, а напротив, оставить ее приоткрытой уж если не для облегчения судьбы Германии, то по крайней мере для личного спасения. Благодаря бессмертному телесериалу о Штирлице у нескольких поколений советских телезрителей сложилось впечатление, что переговоры нацистских эмиссаров зимой-весной 1945 г. велись под покровительством шефа СС Гиммлера. На самом деле его контакты были не более чем эпизодом в зондировании возможностей заключения сепаратного мира, нити которого вели к Риббентропу. Решающим аргументом немецкой дипломатии продолжала оставаться антибольшевистская карта. Так, посол в Ватикане Эрнст фон Вайцзекер изложил во время аудиенции 1 марта папе Пию XII следующую альтернативу: «западные союзники осознают коммунистическую угрозу и прекратят свои военные операции на суше и в воздухе против Германии, чтобы немцы смогли прогнать русских, а затем подпишут почетный мир, способный предотвратить третью мировую войну, или Германия бросится в объятья коммунизма и нанесет тем самым непоправимый ущерб Англии и Соединенным Штатам». Не питая особый иллюзий в отношении послевоенной политики Сталина, лидеры Запада помнили и о печальных итогах собственной политики «умиротворения» Гитлера. Хотя накануне решающей победы никто не стал бы связывать себя обязательствами по отношению к нацистскому режиму, его лидеры до последнего дня сохраняли надежду на раскол антигитлеровской коалиции. Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. вызвала настоящий приступ эйфории у Гитлера, увидевшего в ней «руку небес». Но это была только галлюцинация умирающего.

В тот момент, когда сфера его безраздельного господства ограничивалась несколькими сотнями метров вокруг выхода из подземного бункера рейхсканцелярии, фюрер продиктовал свое политическое завещание. Этот документ явился результатом последнего приступа демагогии, когда-то так очаровывавшей немцев. Теперь именно они оказались виноватыми в том, что воссозданная Гитлером германская империя рухнула под напором «народов Востока». Уходя в физическое небытие, фюрер почти дословно повторил обвинения в адрес мирового еврейства, с которыми он вышел на политическую арену в 1919 г. В своем

завещании Гитлер исключил Геринга и Гиммлера из НСДАП и назначил своим преемником адмирала Карла Деница. На следующий день, 30 апреля, он покончил жизнь самоубийством. За Гитлером последовали Геббельс и еще несколько человек. Для тех, кто оставался верным режиму в его последние минуты, темные подвалы рейхсканцелярии напоминали погребение заживо.

2 мая 1945 г. битва за Берлин, стоившая жизни 300 тыс. советских солдат и офицеров, была закончена. В тот же день вступила в силу капитуляция германских войск в Италии. Последняя весна мировой войны стала первой весной европейского мира. Продолжись боевые действия еще пару месяцев, и над крупнейшими городами Германии могли бы подняться зонтики ядерных взрывов. Державы антигитлеровской коалиции отказывались иметь дело с политическими наследниками нацизма, поэтому акт о капитуляции германской армии, подписанный 7 мая в Реймсе, а 8-го в Берлине, был скреплен подписями только военных. 23 мая был арестован адмирал Дениц, правительство которого занималось переправкой частей вермахта на запад, чтобы те смогли избежать советского плена. Наконец, 5 июня 1945 г. союзники официально объявили о переходе всей полноты власти на территории поверженной Германии в руки своих военных администраций.

Итоги второй мировой войны известны – около 70 млн погибших, из них 6,5 млн. немцев. Материальные потери по подсчетам специалистов превышали фантастическую сумму в 4 триллиона долларов. В отличие от своей предшественницы вторая мировая война велась не за новые территории и не за внешнеполитическое влияние. Речь шла о жизни и смерти европейской цивилизации, которой угрожала бесчеловечная политика нацистского режима. На сей раз окончание боевых действий означало не просто дискредитацию германского государства, но его полное уничтожение. Стрелки часов истории для немцев остановились, и вряд ли кто-то из выживших в руинах германских городов взялся бы предугадать, кто запустит их вновь.

Глава 4 Германия после Гитлера. Предыстория ФРГ

Один из самых известных биографов Гитлера Иоахим Фест приводит следующее высказывание своего героя, датированное 1938 годом: «Немецкий народ пережил войны с римлянами… Немецкий народ пережил Тридцатилетнюю войну. Немецкий народ пережил наполеоновские войны, он пережил даже мировую войну, даже революцию – он переживет и меня!». В завещании, написанном за несколько дней до самоубийства, запертый в своем подземном бункере диктатор, напротив, не оставлял немцам никакой надежды на дальнейшее существование. В мае сорок пятого казалось, что это загробное пророчество почти сбылось. Наследство «третьего рейха», просуществовавшего едва ли сотую долю из обещанной тысячи лет, измерялось только смертью и разрушением. Безвозвратные потери военнослужащих вермахта превышали 4 млн. человек, из них почти половину составляли пропавшие без вести, прежде всего на восточном фронте. Около 500 тыс. человек гражданского населения стали жертвами бомбардировок союзнической авиации и боевых действий. Еще 200 тыс. немцев в годы войны погибли в нацистских концлагерях и тюрьмах. Эти страшные цифры составляли лишь незначительную часть тех человеческих жертв, которые понесли в годы второй мировой войны народы, подвергшиеся германской агрессии.

Частью национальной трагедии был нескончаемый поток беженцев (Flüchtlinge), покидавших насиженные места в страхе перед наступавшей Красной Армией, а также вынужденных переселенцев (Vertriebene) с территорий, отошедших Советскому Союзу и Польше, а также из Судетской области Чехословакии. Из 12 млн немцев, попавших в послевоенную статистику по этим категориям, порядка 5 млн. бежали из восточных областей под давлением приближавшейся линии фронта, именно они составили львиную долю 2 млн погибших и пропавших без вести в ходе последнего в европейской истории переселения народов. Детям, женщинам и старикам пришлось расплачиваться за преступления режима, которому они оказались безразличны.

Разрушений такого масштаба, как в 1945 г., Германия не знала со времен Тридцатилетней войны. Города лежали в руинах, промышленного производства больше не существовало. Особенно чувствительной для населения была потеря железнодорожной инфраструктуры, являвшейся когда-то гордостью Германии.

Грузовики и подводы на улицах заменили тачки и детские коляски. Нескончаемые потоки людей перебирались со скарбом по шатким мосткам, заменившим разбомбленные мосты через Рейн и Эльбу. Первым послевоенным летом те немцы, кому удалось пережить самое страшное, не испытывали ни радости, ни облегчения. Их жизнь определялась стремлением поскорее добыть еду, найти сносное жилье, разыскать разбросанных войной близких. Вновь возделывались огородики в палисадниках городских квартир, разбирались завалы битого кирпича на улицах, откапывались кровати, кастрюли и другой нехитрый скарб. В ежедневных заботах люди гнали от себя мысли о прошлом и будущем, чувство вины за произошедшее, страх обреченности на милость победителя.

Ответственность за будущее Германии приняли на себя державы антигитлеровской коалиции, разгромившие военную машину «третьего рейха» и объявившие вне закона его политические структуры. 23 мая было арестовано правительство адмирала Деница, 5 июня союзники объявили о переходе государственного управления в руки военных властей. Задача, стоявшая перед ними, не имела аналогов в мировой истории. До сих пор любая оккупация подразумевала собой либо выкачивание ресурсов завоеванной территории, либо предваряла ее присоединение к владениям победителя. После завершения второй мировой войны речь шла об ином. Перед участниками антигитлеровской коалиции стояла задача наказания виновных в «германской катастрофе» (Ф. Мейнеке), обеспечения гарантий от ее повторения и возвращения крупнейшего народа Центральной Европы в мировое сообщество. Слова Сталина о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается», тысячами транспарантов висели над поверженным Берлином.

Судьба послевоенной Германии занимала союзников по антигитлеровской коалиции еще тогда, когда вермахт продвигался к Москве и Суэцкому каналу. С позиций, еще более жестких, чем версальские, рассматривал этот вопрос план американского банкира Генри Моргентау, появившийся в конце 1941 г. В его основе лежала идея расчленения и аграризации страны, а также жесткого контроля союзников за властью в новообразованных немецких государствах. Первоначально Сталин и Черчилль поддерживали подобные идеи, считая целесообразным после войны отделить Рейнскую область и Баварию от Пруссии. Их позиция определялась соображениями классической геополитики, согласно которой результатом войн являются новые границы и репарации, определяемые по принципу

«горе побежденному». То, что она облекалась в различные идеологические формулы («расширение социализма» или «восстановление демократии»), не мешало поиску компромиссов. Помня о провале системы коллективной безопасности в предвоенные годы, СССР потребовал установления «санитарного кордона» наоборот, пояса дружественных государств на своих границах, с чем его западные партнеры были вынуждены согласиться.

С приближением победы очертания германской политики держав антигитлеровской коалиции становятся все более определенными, включая в себя требование безоговорочной капитуляции, оккупацию всей страны и использование ее промышленного потенциала для возмещения ущерба пострадавшим народам. В ходе Ялтинской конференции (3-11 февраля 1945 г.) Сталин, Рузвельт и Черчилль фактически обращались к самим немцам, подчеркивая, что «нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения. Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира».

Согласование военных операций в Ялте проходило более гладко, нежели определение деталей послевоенной политики. «Декларация об освобожденной Европе», говоря о свободе выбора форм правления, фактически подразумевала раздел континента на две сферы влияния. Сопротивление Черчилля в этом вопросе блокировалось уступками Рузвельта, стремившегося обеспечить участие СССР в войне против Японии. По настоянию Сталина была согласована передача Восточной Пруссии Советскому Союзу, а также признание его западной границы такой, как она проходила по условиям пакта с Гитлером. Жаркие споры вызвала будущая польско-германская граница, передвинутая на Запад до рек Одера и Нейсе. Черчилль, считавший, что от столь обширных приращений «у польского гуся будет несварение желудка», сумел добиться лишь принятия формулировки, согласно которой эта территория оставалась под польским управлением до подписания мирного договора. В Ялте было подтверждено разделение Германии на зоны оккупации, оперативное управление страной после уничтожения нацистского режима возлагалось на Союзнический контрольный совет (СКС), который должен был принимать решения на основе консенсуса. 1 июля 1945 г. американские войска покинули территорию, которая по условиям Ялтинской конференции переходила под советский контроль.

Параллельно гарнизоны США, Великобритании и Франции вошли в Берлин, разделенный на четыре сектора с общей союзнической комендатурой.

Потсдамская конференция держав антигитлеровской коалиции (называемая в литературе также Берлинской, т.к. местом ее работы из соображений безопасности был выбран дворец Цецилиенхоф, находящийся между Берлином и Потсдамом), проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. и стала последней встречей «большой тройки». После окончания боевых действий в Европе изменилась и ее атмосфера, и состав участников. Умершего президента Рузвельта сменил Гарри Трумэн, проигравшего парламентские выборы Черчилля – Клемент Эттли. Настроения новой администрации США выразил американский посол в Москве Джордж Кеннан, отметивший летом 1945 г. в своем дневнике, что «идея вместе с русскими управлять Германией является безумием». В Потсдаме была подтверждена приверженность союзников сохранению единства послевоенной Германии, конкретизированы принципы обращения с ней, переведенные журналистами в формулу четырех «де» – денацификации, демилитаризации, декартелизации и демократизации. Историки указывают на важность пятого «де», укрывшегося от внимания современников – децентрализации власти, определявшейся произошедшим разделом страны на зоны оккупации. Конференция санкционировала начало работы СКС, сформированного 30 июля 1945 г. Несмотря на уязвимость Потсдамского соглашения с точки зрения юридических норм (оно являлось лишь официальным протоколом конференции), для Германии и послевоенной Европы оно стало одним из важнейших правовых актов.

В ходе последней встречи «большой тройки» было санкционировано выселение немцев из Судетской области и с территорий, передававшихся Польше. Можно осуждать методы проведения этой акции, затронувшей около 4 млн. человек, но сама она диктовалась опытом межвоенного периода, когда немецкое национальное меньшинство оказалось тем рычагом, который позволил Гитлеру стронуть с места Версальскую систему границ в Восточной Европе. Начало процессу собирания этнических немцев из этого региона на территории «третьего рейха» было положено ведомством Гиммлера еще в 1939 г., но успело затронуть менее миллиона человек. Гораздо более масштабными были результаты операции по обеспечению германской военной промышленности иностранной рабочей силой. На момент капитуляции в Германии находилось около 10 млн. человек, насильственно оторванных от своей родины

(согласно западной терминологии displased persons), причем большую часть из них составляли не военнопленные, а гражданское население. Оккупационным властям приходилось прилагать немало усилий, чтобы удержать этих людей от попыток самосуда над местным населением.

Одной из самых острых тем в Потсдаме оставалась проблема репараций. Еще в ходе Ялтинской конференции Сталин настаивал на определении конечной суммы, предложив 20 млрд. долларов США (половина этой суммы должна была достаться Советскому Союзу), но не нашел поддержки западных партнеров. Согласно Потсдамскому соглашению каждая из державпобедительниц возмещала понесенный ущерб «изъятиями» из собственной зоны, что в перспективе стало существенным фактором раскола Германии. Исключение было сделано для СССР как наиболее пострадавшей страны, получавшего 25 % репараций из западных зон (10 % безвозмездно и 15 % в обмен на поставки товаров из своей зоны), при этом Советский Союз обязывался из своей доли удовлетворить репарационные претензии Польши. На практике репарации взимались в трех формах: единовременные конфискации, ежегодные товарные поставки и использование труда немцев. Для СССР решающее значение имел демонтаж промышленного оборудования, означавший не только возмещение военных потерь, но и импорт новейших технологий. Английские власти рассчитывали на поставки угля из рурского бассейна, находившегося в их зоне оккупации. Офицеры американской военной администрации охотились прежде всего за мозгами, находя порой звезды первой величины. Достаточно напомнить судьбу создателя реактивных снарядов «Фау» Вернера фон Брауна, который стал одним из отцов космической программы США.

26 марта 1946 г. СКС принял экономическую программу для послевоенной Германии, которая предусматривала запрет развития ряда отраслей (производство синтетического горючего, подшипников, тяжелых тракторов и многое другое), а также демонтаж около 1800 предприятий, прежде всего точного машиностроения, оптики и химического синтеза. Согласно этому документу уровень германского промышленного производства в будущем не должен был превышать 55 % довоенного. Историки называют его высшей точкой сотрудничества союзников в реализации Потсдамских соглашений, за которой последовала полоса обострявшихся конфликтов. Уже в мае того же года США отказались выполнять поставки для СССР, мотивируя это тяжелым положением населения в Западной Германии. В первые послевоенные годы особую линию в оккупационной политике

проводила Франция, рассчитывавшая на постепенную аннексию своей зоны оккупации, включавшей в себя левобережье Рейна от Карлсруэ до Кобленца. После того, как ее не пригласили для участия в Потсдамской конференции, она объявила ее решения необязательными для себя и заблокировала создание общегерманских административных структур. Предложение США объединить три зоны оккупации без участия Франции, прозвучавшее в октябре 1945 г., не нашло поддержки СССР, т.к. в новой системе управления не было заложено право «вето».

Областью, где сотрудничество четырех держав было длительным и достаточно конструктивным, являлась политика денацификации, имевшая двойную цель: наказание главарей и перевоспитание попутчиков нацистского режима. Решениями СКС были распущены все организации НСДАП, ее членам и функционерам запрещалось занимать государственные посты, самые активные из них подвергались интернированию (в 1945 г. в четырех зонах оккупации было арестовано 270 тыс. лиц с нацистским прошлым) и ожидали суда. Для населения, утверждавшего, что оно ничего не знало о преступлениях гитлеровского режима, проводились принудительные экскурсии в концлагеря. В американской зоне началось сплошное анкетирование взрослого населения, призванное облегчить процесс поиска функционеров НСДАП. Показательный характер имел Нюрнбергский судебный процесс, впервые в юридической практике выдвинувший обвинение в «преступлениях против мира и человечества. На скамье подсудимых находилось 22 человека, включая Геринга, Гесса, министров гитлеровского правительства Риббентропа, Фрика, Шпеера, фон Папена, военачальников Кейтеля и Деница. Он завершился 16 октября 1946 г. казнью главных обвиняемых. Позже в Нюрнберге состоялось еще 12 процессов, каждый из которых вскрывал ту или иную сторону страшной повседневности нацистского режима. Значительное количество высших чинов вермахта и СС было подвергнуто суду в странах Восточной и Западной Европы, там, где они творили свои преступные деяния.

Обеспечение минимальных потребностей населения, восстановление транспортной и производственной инфраструктуры – все это в первые дни и недели после капитуляции легло на плечи военных комендантов, еще совсем недавно являвшихся боевыми офицерами. Многие их решения носили характер импровизаций, выходивших за рамки указаний сверху. Так, согласно директиве президента США, направленной верховному главнокомандующему 26 апреля 1945 г., «Германия оккупируется не для освобождения, а как побежденное

враждебное государство… В ходе оккупации и управления Вы должны проявлять справедливость, но оставаться твердыми и непреклонными. Следует категорически запретить любое панибратство с немецкими чиновниками и населением». Однако уже к концу 1945 г. на местном уровне началась передача полномочий гражданской администрации, кадровые назначения в которую проходили в соответствии с идеологическими пристрастиями той или иной оккупационной власти. В советской зоне предпочтение при занятии административных постов отдавалось немецким коммунистам, многие из которых прошли соответствующую подготовку в московской эмиграции. Это стало основой особого пути Восточной Германии после 1945 г., о котором речь пойдет в следующей главе.

Возрождению традиций немецкого федерализма способствовало решение СКС о ликвидации Пруссии, признанной оплотом милитаризма и реакции. Бывшие провинции Пруссии были повышены в своем статусе и стали землями. В конце 1946 путем референдума были приняты конституции Баварии, Гессена, Бадена и Вюртемберга. Параллельно Великобритания и США договорились об объединении своих оккупационных зон. Новое образование, которое немцы стали называть Бизонией, должно было устранить топливный и продовольственный кризис в Западной Германии, однако вскоре стало приобретать политический характер. Экономический совет Бизонии, члены которого избирались ландтагами, играл роль предпарламента, руководители отдельных ведомств формировали подобие правительства – Административный совет, деятельность которого находилась под оперативным контролем оккупационных властей. Взгляд на объединение двух зон как на «зародыш Федеративной республики Германии» (В. Бенц) не является преувеличением.

Публицисты часто сравнивали послевоенную Германию с разбуженным муравейником. Беженцы из Восточной Пруссии, Померании, Силезии и Судет составляли основную, но не единственную часть тех, кто был вынужден сняться с насиженных мест. Еще более 3 млн. горожан, в основном матери с маленькими детьми, были эвакуированы на завершающем этапе второй мировой войны в сельскую местность. Многим из них после массированных бомбардировок Кельна, Гамбурга или Дрездена уже некуда было возвращаться. Еще около миллиона человек переселились на Запад из советской зоны оккупации в первые послевоенные годы. До трети населения оккупированной Германии, составлявшего в 1946 г. 66 млн. человек, статистика заносила в разряд лиц, потерявших старое место жительства (entwurzelte).

В не меньшей степени, чем приток беженцев, новую социальную реальность определял дефицит работоспособных мужчин. Их заменили «женщины руин» (Trümmerfrauen), которым своим физическим трудом удалось сдвинуть с места движение к нормальной человеческой жизни. К концу войны в плен попало около 11 млн. немецких солдат и офицеров, многие из них считались на родине пропавшими без вести. За первый послевоенный год вернулось около половины из них, но это еще не означало воссоединения семей, разорванных годами войны. Поиск пропавших родственников, жены, мужа, детей становился смыслом существования для сотен тысяч немцев. Процесс возвращения военнопленных на родину растянулся на десять лет – как правило, это были уже другие люди, неспособные вернуть свое место в казавшейся безвозвратно потерянной мирной жизни.

В то же время всеобщее обнищание и массовая миграция военных и первых послевоенных лет имели и позитивные моменты. Они завершили процесс стирания классовых различий, инициированный курсом НСДАП на создание «народного сообщества» (Р. Дарендорф). Кроме того, наплыв беженцев привел к размыванию местечкового патриотизма отдельных немецких земель. «Чужаков» вокруг становилось так много, что местное население теряло свою идентичность – и баварцы, и фризы, и гессенцы начинали ощущать себя прежде всего немцами. Массовая миграция второй половины 40-х гг., завершила процесс формирования «полуторной» немецкой нации. Проведенная военными властями реорганизация земель, особенно на югозападе Германии, отличавшемся сепаратистскими настроениями, открыла возможность перехода от исторического к рациональному федерализму.

Состояние умов в «час ноль немецкой истории» было под стать хаосу на улицах германских городов. Впервые со времен раннего средневековья немцы потеряли собственную государственность, превратившись, подобно обанкротившемуся предприятию, в объект внешнего управления. Тотальное поражение не оставляло шансов для возрождения реваншистских настроений, теперь уже нельзя было спрятаться за легенду о непобедимой немецкой армии, об ударе кинжалом в спину. Сохранение коричневого подполья и акции диверсантских групп «Оборотень», которых готовили буквально в последние часы «третьего рейха», также оказались мифом. Фанатичных сторонников нацистского режима как будто ветром сдуло с поверхности земли. Остались только «обманутые жертвы», «сбитые с толку попутчики», которые пытались представить все произошедшее результатом трагического недоразумения.

Потсдамский тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления гитлеровского режима, которая сделала неизбежной оккупацию страны, был отвергнут общественным мнением, но вопрос о причинах произошедшей катастрофы оставался для него центральным. Интеллектуалы подчеркивали роковое стечение обстоятельств, рассуждали о незрелости первой германской демократии, о Гитлере как новоявленном антихристе. В массах преобладала апатия и отторжение большой политики веймарского образца, на деятелей которой возлагалась ответственность за закулисные махинации, приведшие к власти НСДАП. Согласно донесению американских спецслужб от 12 августа 1945 г. «более 90 % опрошенных показывают свою усталость от политики, считая, что она ведет к войне и в будущем будет проводиться через головы немцев».

Но было и активное меньшинство, которое не хотело отдавать судеб своей страны в чужие руки. Социал-демократы и коммунисты, священники и либеральные журналисты, представители политического католицизма и деятели антифашистского сопротивления – все они отдавали себе отчет в необходимости лояльного сотрудничества с державамипобедительницами, шли к военным комендантам, брали в свои руки управление, создавали производственные советы, начинали расчистку руин, налаживали снабжение населения самым необходимым. Многие из них еще недавно были заключенными нацистских концлагерей, и пребывание там убедило их в необходимости совместных действий всех демократических сил. Отношение военных властей к спонтанно возникавшим антифашистским комитетам, пытавшимся выступить в роли органов самоуправления, было в целом негативным. Они воспринимались скорее как опасные конкуренты, нежели как союзники в борьбе за новую Германию. Это касалось и советской зоны оккупации, хотя там в антифашистских комитетах лидировали бывшие функционеры рабочего движения. Активисты первого часа помнили о том, кто помог Гитлеру забраться на самую вершину власти, кто вольготно чувствовал себя в годы «третьего рейха» и сколотил немалые состояния на военных поставках. Эмоционально окрашенные социалистические лозунги, звучавшие на первых митингах среди руин, отражали искреннее желание вырвать немецкий народ из рокового круговорота его новейшей истории.

Раннее разрешение деятельности политических партий в советской зоне оккупации подстегнуло аналогичные акции западных военных властей. Американская концепция возрождения демократии в Германии делала ставку на

перевоспитание населения, прежде всего молодежи, а также скорейшее проведение выборов по принципу «снизу вверх». Вернувшиеся в прокат голливудские фильмы являлись лучшей рекламой западного образа жизни, перед кинотеатрами выстраивались многочасовые очереди. Первые немецкие газеты, появившиеся уже летом-осенью 1945 г., делались буквально на коленях. Напоминавшие из-за дефицита бумаги листовки, они шли нарасхват, настолько силен был голод населения по свободному слову. Сохранявшаяся цензура оккупационных властей была ничтожной по сравнению с еще свежими воспоминаниями о прессе геббельсовской пропаганды.

В ходе военных действий на территории Германии спецслужбы снабжали передовые части «белыми списками» демократически настроенных политиков и чиновников, на которых можно было бы положиться в первые дни оккупации. Бывший обер-бургомистр Кельна Конрад Аденауэр был назван первым в одном из таких списков. Сразу же после освобождения города американскими войсками он был восстановлен в своей должности, но после того как Кельн попал в британскую зону, Аденауэр был уволен с формулировкой «за недостаточную компетентность» и занялся партийной политикой. Англичанам он казался слишком консервативным, симпатии лейбористского правительства всецело принадлежали немецким социал-демократам.

Возрождение СДПГ – крупнейшей германской партии до взлета НСДАП и ядра веймарской коалиции – в идеологическом плане отталкивалось от анализа ошибок прошлого. Лидер послевоенной социал-демократии в Западной Германии Курт Шумахер, инвалид первой мировой войны, был одним из депутатов рейхстага, кто в марте 1933 г. голосовал против предоставления Гитлеру чрезвычайных полномочий. Одиннадцать лет, проведенных в концлагерях, усиливали образ воинствующего демократа и антифашиста, являвшегося к тому же блестящим оратором. Программа, излагавшаяся Шумахером в 1945 г., отличалась воинствующим радикализмом: он требовал «немедленного введения социализма в экономике и демократии в политике», скорейшей передачи власти немецким органам, выступал против новых границ Германии, определенных на Потсдамской конференции. Жесткая антикоммунистическая позиция Шумахера заблокировала поиск компромисса с восточногерманским центром СДПГ, в результате чего тот согласился на объединение с КПГ. Первый съезд западногерманской социал-демократии состоялся в Ганновере уже в мае 1946 г. Принятая на нем программа действий включала

в себя национализацию крупнейших предприятий и введение самоуправления на производстве (Wirtschaftsdemokratie), радикальную аграрную реформу и компенсацию имущими слоями общества ущерба, нанесенного Германии годами нацизма и войны.

Остальные партии в западных зонах оккупации формировались гораздо медленнее, т.к. не имели организационной преемственности с веймарским периодом. Ядро Христианско-демократического союза (ХДС) образовали политики, разделявшие настроения «нового начала», но видевшие его в утверждении парламентской демократии и прав человека исходя из религиозной этики. Во многом такая позиция диктовалась прагматическим расчетом, связанным с особой ролью церкви в послевоенной Германии. Стремясь вернуть себе общественное доверие, как католики, так и протестанты начали с покаяния. Первая конференция католических епископов, состоявшаяся в августе 1945 г., признавала: «Многие немцы, в том числе и из наших рядов, позволили одурманить себя лживым учением национал-социализма, оставались равнодушными при виде преступлений против человеческой чести и свободы, многие своим поведением помогали совершать эти преступления, многие сами стали преступниками. … Тяжелая ответственность лежит на тех, кто не использовал своего влияния, чтобы предотвратить произошедшее». Однако ни одно имя из тех деятелей католического клира, кто стоял рядом с Гитлером на трибунах съездов НСДАП, так и не было названо.

В отличие от веймарской партии Центра ХДС воспринимал себя как межконфессиональная партия, его бесспорным лидером в британской зоне оккупации стал Аденауэр. До 1950 г. ХДС оставался достаточно рыхлым объединением земельных организаций (Arbeitsgemeinschaft), с этим связано то, что его баварская ветвь сохранила свое первоначальное название Христианско-социальный союз (ХСС). Программное развитие ХДС/ХСС следовало политической конъюнктуре, пройдя в послевоенные годы значительный путь от христианского социализма («время неограниченного господства капитализма прошло») через поиск «третьего пути» между плановой экономикой и сохранением частной собственности вплоть до заимствованной у либералов концепции «социального рыночного хозяйства», на десятилетия ставшей визитной карточкой партии.

Внешнеполитические взгляды блока христианских партий развивались в русле «холодной войны». Уже в октябре 1945 г. Аденауэр называл раскол Европы «свершившимся фактом» и выступал за «интеграцию незанятой русскими части Германии в

Западную Европу».

Секретом успеха христианских демократов как раз и оказалась расплывчатость их идейно-политических устоев, создававшая образ объединяющей, «народной партии». В лице Аденауэра ХДС/ХСС приобрел хладнокровного прагматика, умеющего извлечь политический капитал из любой, даже самой невыгодной ситуации. Характерно его отношение к левым экспериментам, высказанное еще в 1946 г.: «при слове социализм к нам придут пять человек, а уйдут двадцать». В поисках массовой поддержки Аденауэр обращал особое внимание на миллионы беженцев и вынужденных переселенцев, играя с реваншистскими лозунгами (требование пересмотра восточных границ Германии) и в то же время добиваясь скорейшей социальной интеграции этой категории населения..

Наиболее медленно шел процесс консолидации сторонников традиционных либеральных ценностей, близких таким партиям Веймарской республики, как ГДП и ГНДП. Как правило, они представляли интеллектуальную и промышленную элиту общества, подчеркивали свою конфессиональную независимость и не были связаны работой в управленческих структурах, созданных оккупационными властями. В отличие от ХДС в либеральном лагере не было ярко вынужденного лидера, лишь в 1948 г. солидарные с ним политические группы отдельных западногерманских земель объединились в рядах Свободно-демократической партии (СвДП), которую возглавил публицист Теодор Хейс.

Хотя в течение первого послевоенного года партийные ландшафты, формировавшиеся в советской и западных зонах оккупации Германии, внешне ничем не отличались друг от друга, реальные отношения власти внутри каждого из них претерпели необратимые перемены. В надежде на то, коммунисты станут решающей силой новой Европы, Сталин делал ставку только на них. Остальным партийно-политическим силам в понятиях большевистской доктрины отводилась роль «полезных идиотов». Идеологическая связанность советского курса в послевоенной Германии делала неизбежным конфликт с западными участниками антигитлеровской коалиции, хотя на первых порах стороны пытались скрыть его от немецкого населения. Характерен тон информационной справки СВАГ, направленной в ЦК ВКП(б) в ноябре 1945 г. Имея в виду политику западных военных администраций, ее авторы откровенно передергивали факты: «Трудно завоевать симпатии народа, проводя политику нейтралитета, а подчас и прямой поддержки нацистских элементов, одновременно запрещая и подавляя всякую

политическую и профсоюзную деятельность». Отождествление интересов СССР и демократии, бескомпромиссная поддержка «своих» по обе стороны внутригерманской границы, перенесение методов сталинского режима в страны Восточной Европы – все это было слишком очевидным, чтобы укрыться от глаз ведущих политиков Запада. Уверенные в материальном и моральном превосходстве собственной системы, они не желали оставаться в долгу. Характерно, что в своей знаменитой фултонской речи (5 марта 1946 г.) Черчилль провел «железный занавес» по восточной границе Германии, которой предстояло отныне стать центральным полигоном «холодной войны». В разворачивавшейся на нем пропагандистской битве Запад выступал в образе защитника немцев от коммунистической экспансии.

6 сентября 1946 г. в ходе своего визита в Европу секретарь госдепартамента США Джеймс Бирнс, выступая перед офицерами военной администрации и немецкими политиками, высказался за скорейшее воссоздание независимого германского государства. Хотя речь шла об образовании временного правительства из представителей всех четырех зон оккупации, наблюдатели справедливо отмечали, что за этим демаршем стояла новая линия США в германском вопросе, рассчитывавшая поставить СССР перед свершившимся фактом. Объединение оккупационных зон Великобритании и США, где проживало 39 миллионов немцев и был сосредоточен основной промышленный потенциал Германии (62 % индустриального производства, 82 % добычи угля, 90 % выплавки стали), вполне соответствовало этой линии. Популярная среди западных политиков теория экономического магнетизма утверждала, что подъем Бизонии неизбежно вовлечет в орбиту ее притяжения советскую и французскую зону оккупации.

События первой половины 1947 г. оставляли открытой возможность положительного решения германского вопроса, то удаляя, то приближая ее. Конференция министров иностранных дел государств антигитлеровской коалиции, проходившая с 10 по 24 марта в Москве, почти вплотную приблизилась к разрешению этой задачи. Беседа нового госсекретаря США Джорджа Маршалла и Сталина открывала шанс достижения договоренности, но ее основные положения не были поддержаны остальными участниками конференции. Помимо глобального конфликта двух общественных систем путь компромисса блокировали и национальные интересы: так, Великобритания сопротивлялась введению международного контроля над рурским угольным бассейном, французская сторона выступала за присоединение Саара. Стремлением остановить сползание к

расколу страны была продиктована мюнхенская встреча премьер-министров всех германских земель, состоявшаяся в июне 1947 г. по инициативе руководителя баварского правительства Ганса Эхарда. Ее ход копировал «большие» переговоры Востока и Запада. Прибывшие на встречу представители восточногерманских земель потребовали поставить первым вопросом образование общегерманского правительства, а после отказа их западных коллег обсуждать столь радикальные предложения покинули Мюнхен.

План Маршалла, предусматривавший стратегическую помощь США Западной Европе, включая западные зоны оккупации Германии, поставил точки над «i» в германском вопросе. От Лондонской конференции министров иностранных дел (25 ноября – 15 декабря 1947 г.) уже никто не ждал чудес. СССР требовал от своих союзников по антигитлеровской коалиции подтверждения их приверженности единству Германии, но для Запада этот вопрос уже потерял свою актуальность. Сохранять даже видимость совместной оккупационной политики в этих условиях не было смысла. 20 марта 1948 г. маршал Соколовский объявил о прекращении работы Союзнического контрольного совета.

Немцы, проживавшие в Бизонии, далеко не сразу почувствовали не себе плоды нового курса Запада в германском вопросе. Их будничная жизнь продолжала определяться борьбой за существование. Кризис 1946/1947 гг. стал самым жестоким за все послевоенные годы. Нехватка угля, поставлявшегося в счет репараций, и продовольствия (его конфискованные запасы кончились, поставки из Восточной Германии прекратились, а крестьяне уклонялись от продажи плодов своего труда по заниженным ценам) в условиях необычно суровой зимы привели к массовому голоду, которого население Германии не знало и в годы войны. Немалую долю ответственности за такое развитие событий несло сохранение западными оккупационными властями основ принудительной экономики, появившейся в годы войны. Ее отличала замена рыночных механизмов административным контролем за сферой производства и потребления. «Экономический дирижизм на три года пережил нацистское государство» (А. Мюллер-Армак).

Система, сносно функционировавшая на исходе «третьего рейха», отказывалась работать в условиях оккупационного режима. Только в хозяйственных ведомствах Бизонии работало несколько тысяч чиновников, учитывавших и распределявших абсолютно все вплоть до бритвенных лезвий и детских колясок. Коррупция административного аппарата стала притчей во языцех, сокрытие товаров от учета – любимым занятием фабрикантов и

торговцев. Неизбежное в условиях тотального дефицита сохранение карточной системы не спасало положения. Особенно туго приходилось рабочим и служащим, жившим на замороженную с 1936 г. зарплату, выдававшуюся к тому же в обесцененных рейхсмарках. Чтобы прокормить семью, приходилось отправляться на «черный рынок», цена килограмма масла на котором превышала среднемесячную зарплату. Здесь, в теневой сфере экономики (зачастую не без участия сотрудников оккупационной администрации) в те годы создавались целые состояния. Чтобы удержаться на плаву, предприятия занимались бартерной торговлей, выдавали зарплату своему персоналу произведенной продукцией.

В условиях, когда самой твердой валютой являлись американские сигареты и шоколад, в послевоенном обществе начала складываться новая иерархия. Наверху оказались те, кто имел доступ к закрытым магазинам и складам военных администраций, затем шли предприниматели и ремесленники, производившие из доступного сырья предметы первой необходимости от буржуек до зажигалок, наконец, крестьяне, вернувшиеся к натуральному хозяйству и без труда выменивавшие у горожан, осаждавших деревни, любые предметы роскоши. У подножия социальной пирамиды оставались инвалиды войны, жившие на мизерное пособие, потерявшие нажитое переселенцы, индустриальные рабочие и служащие, не имевшие доступа к контролю за товарными потоками. Излишне говорить о том, какое влияние принудительная экономика первых послевоенных лет оказывала на состояние умов большинства населения. Немцев «мариновали» до тех пор, пока у них не выветрились социалистические настроения. Попытки обобществления тяжелой промышленности, прежде всего в Руре, были свернуты англичанами со ссылками на недопустимость экспериментов в условиях жестокого дефицита угля и стали. Американская военная администрация действовала более жесткими методами, отменив аналогичный закон, принятый в Гессене, хотя вопрос о социализации стоял отдельным пунктом конституционного референдума, проведенного в этой земле 1 декабря 1946 г.

Политика торможения социально-экономических перемен, которую на свой страх и риск проводил глава военной администрации США в Германии генерал Люциус Клей, в конечном счете получила одобрение из Вашингтона. Новая директива президента Трумэна, принятая 17 июля 1947 г. предписывала американским оккупационным властям «показать немцам преимущества экономики свободной конкуренции».

Подкреплявший ее план Маршалла обеспечил инвестирование в Западную Германию с 1948 г. по 1957 г. полутора миллиарда долларов. В условиях «холодной войны» стремление США поскорее поставить на ноги своего потенциального союзника не вызывало сомнений. Свою роль сыграл и страх перед повторением межвоенного сценария в самой Германии, когда проблема репараций стала питательной средой для реваншистских сил с партией Гитлера во главе.

Новые акценты вполне соответствовали интересам западногерманских политиков. Одним из центральных требований Людвига Эрхарда, занявшего в апреле 1948 г. пост главы экономического ведомства Бизонии, стало скорейшее оздоровление финансовой сферы. Инфляционное финансирование войны привело к обесцениванию рейхсмарок, которые продолжали ходить во всех зонах оккупации. Блокирование банковских счетов нацистских организаций и бонз не могло решить проблему избыточной денежной массы. Первоначальные проекты денежной реформы содержали в себе решение вопроса о справедливом перераспределении социальных тягот между теми, кто безболезненно пережил годы нацизма и теми, кто потерял абсолютно все. Так, в документе, предложенном США осенью 1946 г., предусматривалось наложение 90 % ипотеки на собственность, приобретенную в 1933-1945 гг. Позже к разработке подобных планов подключились политики Бизонии, причем их позиция определялась отнюдь не национальными интересами. На встрече с военными властями весной 1948 г. Эрхард заявил: «вероятно, для всех четырех зон можно было бы разработать единую денежную реформу, но нельзя создать единое экономическое руководство. Коллективистская экономика победит демократическое рыночное хозяйство».

Уже в октябре 1947 во Франкфурт-на-Майне из Нью-Йорка прибыли первые ящики со свеженапечатанными банкнотами. 1 марта 1948 г. был образован Банк германских земель, в ведение которого планировалось передать эмиссию новых денег. Генерал Клей не скрывал, что «денежная реформа будет в высшей степени непопулярной… и мы преисполнены решимости взвалить ее на собственные плечи». За дипломатическими формулировками скрывалось нежелание допускать немецких политиков к принятию стратегических решений. В рамках сложившегося разделения труда последним предстояло. Западные военные власти находились в полной боевой готовности, ожидая лишь принципиальных политических решений. И они не заставили себя ждать – 7 июня 1948 г. завершилась Лондонская конференция

США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, открывшая дорогу формированию западногерманского государства.

Хорошо информированная гамбургская газета «Ди Вельт» писала во вторник, 15 июня: «Наступила решающая неделя послевоенной германской истории». Накануне члены Экономического совета вручили оккупационным властям собственные предложения по проведению налоговой реформы. Это был ясный сигнал – немецкие политики требовали пересмотра сложившегося разделения труда, отказываясь выступать в роли простых исполнителей военных приказов. 17 июня в бизональном парламенте состоялись три чтения «Директив о рационировании и ценовой политике после денежной реформы». Документ делал ставку на «интенсивное включение рынка для повышения эффективности производства и распределения», скорейший отказ от бюрократического распределения товарных запасов и регулирования цен. Обосновывая его перед парламентариями, Эрхард признал риск «прыжка в холодную воду». Социал-демократы, игравшие роль оппозиции, парировали: «бросить больного человека в холодную воду – значит обречь его на неминуемую смерть». Принятие «Директив» означало переход командных высот в экономике Западной Германии от оккупационных властей к немецким представителям. Сам факт предоставления ведомству Эрхарда особых полномочий в условиях оккупационного режима выглядел достаточно необычно. По мнению историка Т. Эшенбурга, нечто подобное происходило в германской истории только однажды, когда чрезвычайное законодательство 1923 г. смогло остановить гиперинфляцию в Веймарской Германии.

Было уже утро пятницы, 18 июня, когда члены Экономического совета Бизонии покидали зал франкфуртской биржи. Вечером того же дня был оглашен закон военной администрации № 61, определявший сроки и методы проведения денежной реформы. Принятие «Директив» прошло незамеченным – прессу гораздо больше занимала атмосфера разбуженного муравейника, порожденная общим стремлением запастись материальными ценностями и любой ценой избавиться от старых денег. С начала июня владельцев магазинов охватило отпускное настроение, добрая половина булочников занялась ремонтом своих печей, крупные предприятия попросту перестали отгружать продукцию потребителям. Тех, кто имел хоть какие-нибудь сбережения, напротив, охватило «сумасшествие покупательства». Газеты сообщали, что косметику покупают чемоданами, хотя цены на нее в июне выросли в 15 раз. Работники почты не

успевали принимать денежные переводы в адрес «тетушки в восточной зоне».

В ночь на воскресенье огромные очереди выстроились перед пунктами обмена денег. Согласно закону № 61 каждый житель западных зон мог обменять 60 «рейхс-» на 40 «дойчмарок» (еще 20 подлежали выплате позже). Юридические лица получали по 60 новых марок на каждого работающего. Все вклады в банках и сберкассах замораживались на не-определенное время. Старые деньги подлежали декларированию в течение недели, чтобы избежать отмывания нелегальных состояний, нажитых на «черном рынке». Пропорцию их будущего обмена определял специальный закон. Цены, зарплаты, пенсии и прочие пособия сохраняли свои номинальные размеры.

Первые дни после появления новых денег общество было шокировано чудом полных витрин. Люди безмолвно двигались от магазина к магазину, рассматривая товары, вид и запах которых казался символом безвозвратно ушедшего прошлого. Ось послевоенного существования, «черный рынок» потерял всякий смысл и тихо скончался. Как оказалось, в предшествовавшие годы западногерманская экономика работала отнюдь не вхолостую. Наибольшие возможности для спекуляции получили фирмы, занимавшиеся импортом сырья и продовольствия. По оценкам экспертов, за счет товаров, оплаченных и ввезенных до реформы, а проданных после нее, было получено более 1,2 млрд. прибыли.

Реальное значение денежной реформы 1948 г. для простых людей проявилось сразу же после того, как были потрачены первые сорок марок. «Введение новых денег было проведено еще более жестко, чем этого ожидал Эрхард, и означало резкое увеличение социальной амплитуды и несправедливости» (Х. Клессман). Заявления политиков о том, что реформа сделала всех одинаково бедными, явно грешили против истины. В отличие от мелких вкладчиков, деньги которых в конечном счете обменяли в соотношении 100:6,5, крупные собственники и акционеры не практически пострадали. Обложение их капиталов в пользу неимущих, знаменитое «выравнивание социальных тягот», перекладывалось на плечи германских властей и отодвигалось в неопределенное будущее.

Огромный отложенный спрос подстегнул инфляцию, цены за вторую половину 1948 г. выросли на 33 %. Хотя рост стоимости жизни по сравнению с довоенным уровнем достиг 190 %, зарплаты работающих по найму были разморожены лишь в ноябре. Денежная реформа вызвала два противоположных процесса: стремление не участвовавших в производстве слоев населения найти себе работу («биржи труда осаждают женщины»

– писали газеты летом 1948 г.). Число официально зарегистрированных безработных выросло более чем в два раза, профсоюзы были вынуждены предъявить Экономическому совету ультиматум. После его отклонения 12 ноября 1948 г. в Западной Германии прошла всеобщая забастовка, в которой приняло участие более 9 млн. человек.

Несмотря на резко возросшую социальную напряженность, главный результат денежной реформы заключался в динамике рыночных отношений, разбуженной 20 июня. На следующий день ведомство Эрхарда в соответствии с полномочиями, полученными от Экономического совета, начало публиковать списки товаров, освобождаемых от рационирования. В них упоминались детские коляски, столовые приборы, ведра и даже пружинные матрасы – наглядное подтверждение того, какие уродливые формы приобрел «экономический дирижизм» в период своей агонии. Протесты военных властей, удивленных самовольным изменением их хозяйственных директив, встретили хладнокровную реакцию Эрхарда: «Я не изменил их, а отменил». Несмотря на словесные и эпистолярные дуэли, американские офицеры и немецкие политики работали в тандеме, разделив между собой и ответственность за непопулярные решения, и конечный успех своей экономической стратегии.

Нормализация денежной системы создавала условия для появления главного стимула расширения производства – прибыли, вела к борьбе за снижение себестоимости и повышению качества продукции.

Инвестиционный голод утоляли кредиты, начавшие поступать в западные зоны оккупации согласно плану Маршалла. Промышленное производство в них выросло за первую половину 1948 г. с 47 до 51 % к уровню 1936, а за вторую половину достигло отметки 79 %. Достигнув пика накануне рождества, цены начали снижаться. В начале следующего года Экономический совет принял первые законы о компенсациях жертвам фашизма. Хотя они не затрагивали основной массы населения, его настроения стали меняться к лучшему – людям было с чем сравнивать свою нынешнюю ситуацию. И речь шла не только о годах послевоенных лишений, но и о положении немцев в советской зоне оккупации.

Еще накануне денежной реформы туда хлынули обесцененные рейхсмарки. Тот факт, что администрация СССР не была поставлена в известность о ее проведении, следует рассматривать как составную часть западной стратегии экономического магнетизма. Надпись на изготовленных в США новых банкнотах: «Германский эмиссионный банк, Берлин»,

выглядела грустной усмешкой вслед несбывшимся планам союзнической кооперации, предвосхищая новые проблемы и конфликты. С 23 июня денежная реформа началась и в советской зоне, из-за отсутствия новых банкнот на старые просто наклеивали специальные марки. Общая пропорция обмена также составляла 1:10, хотя мелкие вкладчики могли обменять свои сбережения по льготному курсу. Одновременно СВАГ объявила о запрете хождения западногерманской валюты на подконтрольной территории, включая весь Берлин, и начала блокаду транспортных путей в западные сектора германской столицы. Их судьба казалась предрешенной, так как для обеспечения военных гарнизонов и гражданского населения оставался только воздушный коридор, согласованный в Союзническом контрольном совете еще в 1945 г. Предложение Клея об организации автоконвоев с танковым сопровождением не нашло поддержки в Вашингтоне, так как ставило обе сверхдержавы на грань вооруженного конфликта. На нехватку продовольствия и топлива в городе накладывалось отключение электроэнергии, разрыв путей сообщения с пригородами, где проживали многие берлинцы. Вскоре западным союзникам удалось наладить воздушный мост, по которому за десять месяцев блокады было переброшено полтора миллиона тонн грузов. О масштабах акции свидетельствует тот факт, что западноберлинский аэропорт Темпельхоф принимал в день до 1400 военно-транспортных самолетов.

В сентябре перестал действовать общеберлинский магистрат, бургомистром западной части города стал социал-демократ Эрнст Рейтер, принадлежавший когда-то к числу руководителей КПГ. Блокада не привела к дискредитации западногерманской марки среди берлинцев или к параллельному хождению в городе двух валют. Уже к началу 1949 г. за одну «тризональную» марку в меняльных конторах Западного Берлина давали несколько восточных. Гораздо более существенными были политические последствия этого шага, который никак нельзя отнести к успехам советской дипломатии. Не столь уж далеко от истины предположение, что Сталин в обмен на ставшее неизбежным образование западногерманского государства попытался получить в свои руки контроль над всем Берлином. Международная атмосфера 1948 г. не оставляла шанса для полюбовных соглашений между союзниками, подобных Ялтинским.

Блокада Западного Берлина стала символом бесплодной конфронтации, привела к падению престижа СССР и утверждению в общественном мнении образа США как спасителя западной

цивилизации. Попытка противодействовать расколу страны, сохранив в своих руках германскую карту, обернулась для советского руководства собственной противоположностью. Ссылки на катастрофическое положение Берлина являлись важным фактором давления западных военных властей на заключительном этапе предыстории Федеративной республики Германии. Завершение блокады (12 мая 1949 г.) не привело ни к возобновлению деятельности общегородских структур, ни к нормализации отношений между оккупационными администрациями. Расколотый Берлин на десятилетия стал символом «холодной войны» и на несколько месяцев опередил развитие событий во всей Германии.

Присоединение французской зоны оккупации к западногерманской денежной реформе означало отказ от самостоятельной позиции Франции в германском вопросе. Лишь по отношению к Саарской области она продолжала настаивать на особых правах. 1 июля 1948 г. во франкфуртской штаб-квартире военной администрации США состоялась передача премьерминистрам одиннадцати западногерманских земель решений Лондонской конференции. Они содержали в себе проект конституционного устройства будущего западногерманского государства, предложение административно-территориальной реформы и основные положения Оккупационного статута. Последний сохранял за западными державами верховные полномочия в ряде ключевых сфер государственной деятельности (контроль над выполнением решений Потсдамской конференции, внешняя и военная политика).

Первую реакцию премьер-министров определяли стоявшие за их спинами фигуры партийных политиков, считавших Франкфуртские документы неприемлемыми. По мнению Шумахера и Аденауэра следовало отказаться от столь рискованного подарка, который не менял реального положения дел, но вешал на немецких политиков ярлык виновников раскола страны. Их главным контраргументом было указание на недопустимость создания государственных структур до проведения всеобщих германских выборов. Кризис доверия был преодолен намеками американских представителей на неизбежность сдачи Берлина, если их немецкие партнеры пойдут на конфликт. Состоявшееся 8-10 июля 1948 г. совещание премьер-министров, обсудив альтернативу – сохранение малопривлекательного status quo или продолжение движения вперед – высказалось за второй путь. Скорее для того, чтобы сохранить собственное лицо, руководители западногерманских земель выдвинули несколько встречных предложений,

подчеркивавших переходный характер создаваемого государства (Provisorium). Они сводились к драпировке реалий дипломатическими терминами – так, будущую конституцию предлагалось назвать Основным законом. Принять его должен был не всенародный референдум, и даже не Конституционное собрание, а Парламентский совет, созванный из представителей ландтагов. «В конечном счете словесные оговорки лишь успокоили общегерманскую совесть западногерманских политиков» (К. Зонтхеймер). После некоторых колебаний главы трех военных администраций согласились с этими предложениями.

Из 65 делегатов, собравшихся 1 сентября 1948 г. в зоологическом музее небольшого рейнского города Бонн на первое заседание Парламентского совета, по 27 представляли ХДС\ХСС и СДПГ, остальные мандаты распределялись между СвДП, КПГ, Центром и консервативной Германской партией. К началу работы этого органа группой экспертов был подготовлен конституционный проект, содержавший в себе несколько возможных формулировок большинства статей. Предполагаемым названием будущего государства должен был стать «Союз германских земель».

Ход работы немецких политиков над проектом Основного закона определялся пониманием того, что «речь шла о подконтрольной западным оккупационным властям выработке конституции, при которой следовало соблюдать определенные директивы» последних (К. Зонтхеймер). Лишь в вопросе о компетенциях федерального центра возник серьезный конфликт между большинством Парламентского совета и генералом Клеем. Социал-демократы, стремившиеся ввиду предстоявших парламентских выборов предстать в образе национальной партии, отстаивали финансовую независимость центральной власти. Это стало одной из причин того, что в марте 1949 г. одобренный в трех чтениях проект Основного закона был отправлен оккупационными властями на доработку. В результате посреднических усилий британской администрации, симпатизировавшей СДПГ, конфликт был улажен в пользу последней. В обмен на сохранение финансовых рычагов за федеральной властью земли получили широкую автономию в вопросах культурной политики и образования. Уступчивость военных властей объяснялась их стремлением поскорее подвести под крышу здание западногерманского государства. В четвертую годовщину капитуляции Германии Основной закон ФРГ был принят в окончательной редакции. Против голосовали делегаты баварского ХСС, Германской партии и КПГ. Своим последним

решением Парламентский совет постановил считать столицей «временного государства» провинциальный Бонн.

Его конституция открывалась положением о том, что «человеческое достоинство неприкосновенно и подлежит защите». Легкость, с которой нацисты расправились с каталогом прав и свобод Веймарской конституции, привела к ряду важных нововведений Основного закона ФРГ. Так, его основополагающие статьи не подлежали изменению, использование политических свобод во вред демократическому строю преследовалось в уголовном порядке. Никто не мог быть против своей воли лишен германского гражданства. Права и свободы граждан ФРГ были дополнены указанием на то, что «никто не может быть принужден помимо своей воли к военной службе с оружием в руках». Памятуя о нацистских плебисцитах, творцы Основного закона отказались от включения в него элементов прямой демократии.

Политическая воля населения ФРГ должна была выражаться в ходе парламентских выборов, проводившихся раз в четыре года на основе пропорционального избирательного права. Депутаты бундестага имели несвязанный мандат, т.е. не могли быть отозваны своими избирателями, но свобода их решений на практике ограничивалась партийной принадлежностью. Исполнительная власть сосредотачивалась в руках главы федерального правительства (Bundeskanzler), который формировал кабинет министров. Нововведениями, направленными на недопущение парламентской чехарды, характерной для Веймарской республики, стал опробованный в 1953 г. пятипроцентный барьер для партий, представленных в бундестаге, а также процедура конструктивного вотума недоверия правительству. Последнее отныне могло быть отправлено в отставку только при наличии в бундестаге большинства, способного сформировать ему замену. Принципиальной ревизии были подвергнуты полномочия президента. Первоначальные проекты Основного закона ФРГ вообще не предусматривали этого поста, в ходе работы Парламентского совета он был введен, но получил репрезентативные функции. Федеральный президент избирался сроком на пять лет непрямым голосованием и в повседневном политическом процессе выступал не в качестве самостоятельной силы, а как посредник между партиями и группами интересов. В случае, если президентского авторитета уже не хватало, к разрешению конфликтов между ветвями власти подключался конституционный суд.

Правоведческие исследования Основного закона акцентируют свое внимание на его отличиях от Веймарской конституции, хотя такой подход кажется историкам преувеличенным. Политическая

система ФРГ рассматривала себя как развитие и исправление, а не как отрицание первой германской демократии. Перефразируя известное изречение: «Бонн – не Веймар» (Ф.Р. Аллеман), можно сказать, что без веймарской трагедии не было и боннских успехов. Главная гарантия соблюдения конституции заключалась не внутри ее самой, а в готовности общества жить по ее законам. После 1945 г. изменилась не буква, а дух эпохи: были дискредитированы разного рода утопии «светлого будущего», Западная Европа окончательно потеряла свой патент на мировое лидерство. Если в Веймарской Германии верность конституции являлась предметом коалиционного торга, то в ФРГ радикальные силы справа и слева были отрезаны от реального влияния на политику. Демократические ценности проросли в массовое сознание, превратились из заученных формул в руководство к действию. Поэтому не следует понимать буквально распространенное мнение о том, что «Основной закон в своих основных положениях больше напоминает имперскую конституцию 1871 г., нежели конституцию Веймарской республики» (Э. Йекель). Оно справедливо в деталях, но не в общей характеристике новой политической системы. Так, преемственность в развитии германского права сохраняла в ФРГ кастовую замкнутость чиновничества, составлявшего особую социальную группу (Berufsbeamtentum). На практике это привело к преобладанию в судейском корпусе лиц с нацистским прошлым, далеко не все из которых превратились в убежденных демократов.

Еще одним связующим звеном с историческим опытом Германской империи стала реабилитация федерализма как вертикальной опоры нового государства. Еще в ходе работы Парламентского совета острые споры разгорелись по вопросу о том, какой быть второй палате парламента – сенатом или представительством отдельных земель. Спорящие партии разделились по географическому признаку, южане в силу антипрусских традиций настаивали на втором варианте. Поддержка военных властей Франции и США (хотя именно в этих странах верхняя палата парламента являлась сенатом), увидевшими в нем известную гарантию от повторения нацистской унификации, обеспечила победу сторонникам палаты земель. В окончательной редакции Основного закона ФРГ она получила название «бундесрат», дословно – совет федерации, формировавшийся из представителей земельных правительств. Полномочия этого органа были расширены по сравнению с имперским и веймарским рейхсратом, в частности, он получил право законодательной инициативы и отлагательного вето на решения нижней палаты парламента.

Ссылки на временность создаваемого государственного объединения отличали Основной закон ФРГ от мировой конституционной практики. В преамбуле говорилось о том, что его действие распространяется и на тех немцев, которые лишены права свободно выражать свое мнение. Впоследствии это стало правовой основой для претензии Бонна на единоличное представительство национальных интересов. Статья 146 предусматривала, что после воссоединения страны будет созвано Национальное собрание и разработана новая конституция. Временный характер Основного закона стал одним из секретов стабильности западногерманской демократии – в нем содержался минимум положений, заимствованных из партийных программ и способных стать поводом для затяжных идеологических дебатов. Члены Парламентского совета, собравшиеся в провинциальном Бонне, в целом избежали давления влиятельных общественных организаций, таких как христианские церкви или Объединение германских профсоюзов. Открытость социально-экономических основ будущего государства (статья 14 подчеркивала, что собственность должна служить благу общества, статья 15 предусматривала возможность социализации отдельных предприятий, а статья 20 содержала понятие социального государства, не раскрывая его) резко контрастировала с общественными настроениями первых послевоенных лет, нацеленными на перспективу социалистических преобразований.

Несмотря на дефицит времени и эмоциональное воздействие берлинской блокады, работа над Основным законом ФРГ была проделана с немецкой тщательностью. Его ключевые положения оказали значительное воздействие на государственное строительство стран Восточной Европы после их освобождения от коммунистической диктатуры. Многие формулировки российской конституции 1993 г. выдают заимствования из Основного закона ФРГ, ставшего необходимым, хотя и не достаточным условием формирования стабильного правового государства с эффективно действующей многопартийной демократией.

Первые шесть лет истории ФРГ сферу его действия ограничивал Оккупационный статут, принятый на Вашингтонской конференции в апреле 1949 г. Три западные державы сохраняли за собой контроль над соблюдением (Beachtung) государственного законодательства, проведение демилитаризации и обеспечение выплаты репараций, эксплуатацию рурского бассейна и даже содержание в тюрьмах нацистских преступников. «В случае нарушения собственной безопасности, угрозы демократической форме правления в Германии или вследствие иных международных обязательств»

они могли вернуть себе всю полноту исполнительной власти. После провозглашения ФРГ функции контроля над соблюдением положений Оккупационного статута были возложены на «Союзническую высокую комиссию», местопребыванием которой стала резиденция Петерсберг в пригороде Бонна. Великобритания, США и Франция продолжали рассматривать свои сектора в Берлине как особую административную единицу. Тем не менее на нее было распространено западногерманское законодательство, представители этого полугорода-полугосударства вошли с правом совещательного голоса во все федеральные структуры.

Еще до вступления в силу Основного закона (23 мая 1949 г.) на территории будущей ФРГ развернулась острая предвыборная борьба. Националистические выпады, личные оскорбления, обилие компрометирующего материала о контактах той или иной партии с покровительствующей ей военной администрацией – все это заставило мировую прессу вспомнить худшие традиции политической культуры Веймара, когда-то приведшие к власти партию Гитлера. Впрочем, мнения о «неисправимости» немцев были явно преувеличенными – присутствие оккупационных властей и шок тотального поражения, который определял общественное сознание и на Западе, и на Востоке Германии, не оставлял реваншистским силам шансов легальной политической деятельности.

Главным полем предвыборных баталий стала альтернатива «плановое хозяйство или свободная рыночная экономика», отвечавшая социально-экономическим программам двух крупнейших партий. Если бы выборы состоялись на полгода раньше, социал-демократам удалось бы собрать под свои знамена большинство населения, недовольного рискованным «прыжком в холодную воду». С точки зрения неолибералов «социальная справедливость являлась конечной целью экономического подъема, а не его отправной точкой, на чем настаивала СДПГ» (Т. Эшенбург), что делало их позицию особенно уязвимой в условиях всеобщей нужды и хозяйственного хаоса. Однако к лету 1949 г. признаки оздоровления западногерманской экономики были уже налицо, и формально беспартийный Эрхард стал главным агитатором (Wahllokomotive) ХДС/ХСС. Многим импонировали его хладнокровие и самоуверенность, способность убеждать военные власти в своей правоте, избегая громких конфликтов с ними. Наконец, профессорский титул Эрхарда как нельзя лучше дополнял политические инстинкты лидера христианских демократов.

Против социал-демократов играл не только подъем

рыночного хозяйства, но и воинствующая риторика их лидера. Видя в Аденауэре «символ политического банкротства целого класса», Шумахер продолжал настаивать на безальтернативности социалистического развития послевоенной Германии. Это отпугивало от СДПГ крестьянство и широкие слои мелких предпринимателей, только-только почувствовавших под ногами твердую почву. В большей степени прагматическим интересам ХДС, нежели действительной позиции СДПГ соответствовали лозунги «социализм или христианство», заменившие собой традиционные клише «красной угрозы». В отличие от социал-демократов и коммунистов буржуазные партии получали значительные пожертвования от предпринимательских кругов, которые тратились на технические средства пропаганды. На западных немцев обрушилось целое море предвыборных листовок, и сбор макулатуры на некоторое время стал достаточно доходным бизнесом.

Исход выборов в бундестаг, состоявшихся 14 августа 1949 г., почти без изменений воспроизвел расстановку сил в Парламентском совете. Главным итогом предвыборных баталий стала высокая активность западногерманских избирателей. 31 % голосов был отдан блоку ХДС/ХСС, 29 % получила СДПГ, 11 % – СвДП. Независимо от предстоявших переговоров о формировании правительства эти три партии образовали «боннскую коалицию», стоявшую на почве признания ценностей западной демократии, положений Основного закона ФРГ, атлантической солидарности и бескомпромиссного антикоммунизма. Вне этой коалиции, включавшей в себя и мелкие либеральные партии, оставалась только КПГ, оказавшаяся по итогам выборов на четвертом месте (5,6 % голосов). Хотя этот результат заслуживал уважения ввиду жесткой антисоветской политики оккупационных властей, рассматривавших коммунистов как «агентов Москвы», он не оставлял шансов для формирования антизападной оппозиции, идею которой неоднократно излагал Сталин в своих послевоенных беседах с немецкими политиками. Чтобы объяснить очевидное поражение коммунистов, Управление информации СВАГ в своих донесениях делало акцент на их «антидемократическом характере, режиме террора и ограничения свобод, который был создан оккупантами и их немецкой агентурой в период выборов».

7 сентября 1949 г. на свое первое заседание собрался бундестаг, в котором 139 мест получил блок ХДС/ХСС, 131 – СДПГ и 52 – свободные демократы. 12 сентября федеральное собрание избрало президентом ФРГ Теодора Хейса. На 15 сентября были назначены выборы канцлера, имевшие решающее

значение для будущего политического курса страны. Находившийся еще во власти предвыборных эмоций Аденауэр отказался от большой коалиции с СДПГ, что сделало его избрание весьма проблематичным. В ходе голосования его кандидатуры на пост главы правительства «за» проголосовало 202 депутата, «против» – 200. Впоследствии Аденауэр шутил, что решающим голосом оказался его собственный. Интересно, что первым «бундесканцлером» в германской истории стал в 1867 г. Бисмарк, но на это в 1949 г. никто не решался указывать. Традиции в послевоенной Германии были не в чести, ставка делалось скорее на амнезию исторической памяти немцев. В этом ключе было выдержано заявление первого правительства ФРГ, отказавшееся от обширных экскурсов в прошлое и повторявшее удачные обороты предвыборной кампании христианских демократов. Отличие возникшего государства и от нацистского, и от восточногерманского режимов заключалось, по мнению Аденауэра, не только в личной свободе, но и в свободной экономике, противопоставлявшейся принудительному хозяйству. Внешнеполитическую часть его выступления перед рейхстагом отличали слова примирения по отношению к Франции и жесткие упреки в адрес СССР и Польши, якобы самовольно аннексировавших территорию Германии к востоку от Одера и Нейсе.

За первыми шагами правительства ФРГ внимательно следили в Москве, спешно подготавливая провозглашение государства в советской зоне оккупации. Взаимное непризнание сопровождалось пропагандистской дискредитацией «боннского режима», который советская пресса на протяжении нескольких лет отказывалась называть государством. Позже и вплоть до конца 80-х гг. его официальное название выглядело следующим образом: Федеративная республика Германии (родительный падеж в последнем слове должен был подкрепить неприятие ее претензии на единоличное представительство интересов всех немцев). В 1949 г. на такие мелочи никто не обращал внимания – огонь велся из пропагандистских орудий самого крупного калибра. На следующий день после того, как Аденауэр стал бундесканцлером, «Правда» писала: «ублюдочный парламент избрал главой марионеточного правительства ярого поклонника Гитлера и Муссолини». За крайне жесткой словесной риторикой скрывалось разочарование советского руководства, вынужденного распрощаться с последними надеждами на то, что национальные чувства немцев перечеркнут любые попытки сепаратных решений германского вопроса.

История знает немного примеров столь тщательной и

целенаправленной подготовки к созданию государства, как это случилось с Федеративной республикой, ставшей результатом удавшегося разделения труда между представителями западных держав и немецкими политиками. Новейшие исследования и публикации документов показывают, что область самостоятельных решений последних была гораздо больше, чем это представлялось современникам. Атмосфера «холодной войны», предопределившая создание на территории Западной Германии бастиона демократии, исключала проведение политических экспериментов. В отличие от внутренней политики, неизбежно возвращавшейся к основам первой немецкой демократии, новое бесспорно преобладало в духовной и внешнеполитической сферах. «Нацистская революция освободила немцев от их собственного прошлого» (Голо Манн), исключив любую попытку Германии противопоставить себя европейским соседям и остальному миру.

Поэтому спор о соотношении реставрации прошлого и ростков нового в послевоенной германской истории является предметным только применительно к социально-экономической сфере. Критическая историография считает, что из-за давления американской администрации западным немцам не дали извлечь правильные уроки из прошлого, покончить с господством капитала и взять судьбу страны в свои руки. Ее расцвет пришелся на период ломки традиционных ценностей, начавшийся молодежным протестом конца 60-х гг., и в целом определялся тем же постулатом об «упущенных возможностях», что и оценка Ноябрьской революции. Та роль, которую в ее ходе должны были сыграть, но не сыграли рабочие советы, после 1945 г. переносится на антифашистские комитеты. Несмотря на противодействие оккупационных властей их инициативам, вплоть до 1947 г. Германия двигалась в направлении «нового общественного строя (Neuordnung), опиравшегося на лишение власти старых капиталистических элит» (Г. Фюльберт).

Оппоненты критической школы, на сегодняшний день оставшейся экзотическим островком в немецкой исторической науке, напротив, приветствуют окончательное возвращение ФРГ в лоно западной цивилизации, невозможное без восстановления основ рыночной экономики. Тезис о реставрации, по их мнению, подразумевает признание революционного характера нацистской диктатуры, которая в таком случае не могла быть одним из вариантов политического господства крупного капитала. Г. – П. Шварц выступил против «мифа о социализации», к которой якобы стремились все политические силы в первые послевоенные годы. Лидеры социально-исторического направления в немецкой

историографии Х. Клессман и Ю. Кока занимают среднюю позицию, считая, что предыстория ФРГ сочетала в себе и реставрацию капиталистических структур, и прорыв к реальной демократии.

Если представить себе чисто гипотетическую возможность воссоздания единого германского государства, то можно с уверенностью сказать, что оно в гораздо большей степени отразило бы в своем облике новое начало немецкой истории. Возрождение народного хозяйства с учетом сохранившейся инфраструктуры и регионального разделения труда, социальноэкономические преобразования на базе Потсдамского соглашения и доминирования рабочих партий, строительство «моста между Востоком и Западом» в сфере внешней политики, возрождение национального диалога деятелей искусства и культуры – подобная перспектива требовала готовности к компромиссу не только от лидеров антигитлеровской коалиции, но и от партийно-политических сил внутри страны. Однако это понятие отсутствовало в лексиконе полководцев и оруженосцев «холодной войны» по обе стороны от «железного занавеса». Во вторую половину XX века вошли два германских государства, ФРГ и ГДР, каждое из которых считало себя единственно правильным.

Глава 5 ГДР: «строительство социализма» в эпоху Ульбрихта

После 1945 г. мы имеем дело с феноменом двух германских историй, которые развивались параллельно и зависимо друг от друга. Общее прошлое и неразделенность национального самосознания немцев в Западной и Восточной Германии противостояли обостренной идеологической конкуренции, а порой и силовому противостоянию их политических элит, каждая из которых имела за своей спиной мощь соответствующего лагеря «холодной войны». Попытки ряда немецких историков написать общую историю ФРГ и ГДР, понимаемую в «диалектическом единстве противоположностей» (К.Д. Эрдман) или как минимум «освободить ее от разъединяющих скобок» (Х. Клессман) трудно признать удавшимися. Собранный материал непроизвольно разбегается на «здесь» и «там», изложение теряет внутреннюю логику и приобретает лоскутный характер. Стремясь избавить читателя от скачков и блужданий, автор предпочел традиционный подход, внеся в него существенную поправку. В отличие от Западной Германии, контуры будущей государственности которой начинают вырисовываться только на рубеже 1947/1948 гг., развитие советской зоны оккупации демонстрирует гораздо большую преемственность между событиями первых послевоенных лет и собственно историей ГДР, что и привело к решению объединить их в одной главе.

Писать историю Германской Демократической Республики после того, как она сама стала историей, и просто, и сложно. Устоявшийся алгоритм ее восприятия сводится либо к реализации немецкими коммунистами большевистской модели (в понятиях западной историографии), либо к построению под руководством рабочего класса социалистического общества на немецкой земле (постулат историков ГДР и СССР). За внешней непримиримостью двух формулировок скрывается общий тезис о завершенном социальном эксперименте и стабильной политической системе, который никем всерьез не оспаривался вплоть до осени 1989 г. Сложности начинаются, когда исследователь покидает привычную дихотомию власти и подданных, опускается с высших этажей государственного руководства и стерильной идеологии в сферу реальных общественных отношений, менталитета, политической и производственной культуры как «низов», так и их прямого начальства. Очевидная узость источниковой базы подобных

аспектов истории ГДР не означает их отсутствия вообще, и масштабы их научного освоения, опирающегося на экономическую мощь и политический интерес современной ФРГ, достойны стать предметом не только зависти, но и подражания российских исследователей. История «второй германской диктатуры» открывает гораздо больше возможностей для сопоставления с развитием послевоенного СССР, нежели броские параллели между гитлеровским и сталинским режимами.

Восточная Германия, как когда-то Советская Россия, стала заложником массовых настроений «нового начала» и «светлого будущего», о которых шла речь в предыдущей главе. ФРГ заслужила упрек реставрации, приняв на себя ответственность за трагедию «третьего рейха», за наследие Потсдама и Веймара, чтобы на этой основе прийти к синтезу старого и нового, интеграции национальных традиций и европейской политической культуры. ГДР, напротив, заявила о себе как антитезе всей германской истории, которая закономерным образом привела к победе нацизма. Антифашизм как одна из несущих идеологических конструкций ГДР был и оставался идеологией отрицания. Целясь в «третий рейх», он наносил удар и по первой германской демократии, и по вильгельмовской империи. Выбирая себе подходящее прошлое, политический режим ГДР неизбежно переходил к его конструированию. В результате официально превозносимые традиции немецкого социалистического движения от Карла Маркса до Розы Люксембург превращались в удобную идеологическую упаковку партийной диктатуры. Вопреки всем усилиям ее пропагандистов и агитаторов новая страна между Одером и Эльбой продолжала жить в сетке координат германской истории. Более того, многие черты немецкого национального характера оказались законсервированными в ГДР, ставшей для проницательных наблюдателей своего рода «заповедником прусского духа».

Что же можно выделить в качестве ключевых детерминант ее собственной истории? Весной 1945 г. на территории Восточной Германии оказалось два миллиона советских солдат. М.И. Семиряга, сам ветеран войны, справедливо отмечает, что «немало наших военнослужащих, оказавшихся на германской территории, считало, что им как победителям здесь все позволено, в том числе и бесчинства по отношению к мирному населению». Последнее, запуганное волной насилия и мародерства в первые дни оккупации, а еще больше геббельсовской пропагандой о «нашествии степных орд», жаждущих возмездия, не испытывало к ним никаких чувств, кроме панического страха. Налаживание мирной жизни проходило достаточно противоречиво, включая в

себя и поощряемые младшими командирами рейды солдат за «трофеями», и кормежку из армейских кухонь горожан, переживших последние месяцы войны в подвалах и руинах.

Не без труда в головах офицеров Советской армии происходила трансформация представлений о подконтрольной территории как военной добыче к пониманию своей деятельности как замены государственного управления. Советская военная администрация в Германии (СВАГ), созданная 6 июня 1945 г., была отделена от оперативного командования войск, находившихся на этой территории, и напрямую подчинена Совету народных комиссаров. На первых порах ее конкретные исполнители на местах имели немалую свободу маневра, шла ли речь о починке водопровода или возобновлении работы театра. Посты бургомистров и ландратов получали прежде всего люди с опытом административной работы, не запятнавшие себя активным сотрудничеством с нацистским режимом. В июле 1945 г. были образованы правительства в пяти восточногерманских землях (Бранденбург, Мекленбург, Саксония, СаксонияАнгальт и Тюрингия), с октября им было разрешено по согласованию со СВАГ издавать собственные законы. Параллельно в Берлине начали свою работу одиннадцать зональных ведомств, курировавших экономику, транспорт и социальную сферу.

Будни оккупационной политики во многом определялись ведомственными и личными конфликтами, согласование которых происходило не в Карлсхорсте, где находилась штаб-квартира СВАГ, а в Москве. Достаточно указать на сопротивление политработников (только в Управлении пропаганды насчитывалось до 1500 сотрудников, всего в СВАГ, включая местные структуры, работало около 50 тыс. человек) деятельности «репарационной банды» – представителей советских министерств, откомандированных в Германию для вывоза новейшего оборудования и технологий, и обладавших в первый год оккупации исключительными полномочиями. Позже на первый план вышли коллизии между офицерами СВАГ с армейским прошлым и представителями НКВД-МГБ в советской зоне оккупации, имевшими собственные представления о методах обеспечения безопасности существующей власти. Запутанность компетенций дополнял политсоветник СВАГ, представлявший интересы внешнеполитического ведомства в Союзническом контрольном совете. Этот пост сохранялся вплоть до установления полномасштабных дипломатических отношений между СССР и ГДР в сентябре 1955 года, его занимал В.С. Семенов.

Было бы упрощением утверждать, что глава СВАГ (первоначально им являлся Г.К. Жуков, вскоре его сменил В.Д. Соколовский) реализовывал установки Кремля гораздо жестче, чем американская оккупационная администрация – директивы президента США. Влияние военных властей имело разный характер, и для оценки его эффективности не подходят количественные показатели. Американцы делали ставку на отбор немецких политиков, убежденных в преимуществе западной общественной модели и способных утвердить ее как минимум в их собственной зоне оккупации. СВАГ имел готовый резерв коммунистов, которым поручалось сформировать новую политическую элиту по образу и подобию сталинской номенклатуры. «Германская Демократическая Республика – государство, нация и «общество» – возникла прежде всего как результат взаимодействия русских и немцев советской зоны. Своими успехами, неудачами и окончательным крахом она обязана тем основам и традициям сотрудничества, которые были заложены в первые послевоенные годы». С этим утверждением американского ученого Нормана Неймарка трудно поспорить. Его немецкий коллега Герман Вебер указывает на вторую детерминанту истории ГДР: традиции германского коммунизма.

Функционеры и активисты КПГ, находившиеся в московской эмиграции, понесли тяжелые потери в годы сталинского террора и репрессий начального периода войны. Партийное руководство – Вильгельм Пик и его заместитель Вальтер Ульбрихт – сделало ставку на молодежь, многие представители которой являлись эмигрантами уже во втором поколении. Не меньшее значение имел отбор кадров «будущей Германии» из выпускников антифашистских школ, действовавших в советских лагерях для военнопленных. Планы послевоенных преобразований, разработанные немецкими коммунистами и одобренные Сталиным, отнюдь не подразумевали «социалистической революции» по образцу и подобию большевистской. Сохраняя в целом марксистско-ленинскую лексику (годы нацистского режима рассматривались как «империалистический путь под пятой германского финансового и монополистического капитала») со сталинской спецификой (среди ошибок Ноябрьской революции назывался «отказ от чистки всего государственного аппарата от врагов народа»), они выдвигали новые политические акценты. На первом месте стояло доведение до конца демократических преобразований, возможное только под руководством широкого фронта антифашистских сил («блок боевой демократии») и открывавшее перспективу создания «народно-демократического режима»..

Приближение советских войск к Берлину позволило германским коммунистам перейти от теории к практике. В апреле 1945 г. из Москвы в Восточную Германию были переброшены две группы функционеров КПГ, которым на месте предстояло выяснить возможные перспективы послевоенной политики и возглавить гражданскую администрацию в освобожденных районах. Отчитываясь о проделанной работе в отделе международной информации ЦК ВКП(б) 7 июня, Антон Аккерман, Вальтер Ульбрихт и Густав Соботка отмечали тягу активистов первого часа к политическому единству и критиковали левацкие настроения вышедших из подполья коммунистов. В докладе сохранялись негативные оценки социал-демократов, которые «ничему не научились и ни капли не изменились», продолжают враждебно относиться к Советскому Союзу и т.д. Балласт взаимной враждебности, накопленный обеими рабочими партиями в годы Веймарской республики, грозил лишить их свободы политического маневра и после «третьего рейха».

10 июня 1945 г. Главноначальствующий СВАГ маршал Жуков подписал приказ о разре№шении 2 деятельности антифашистских политических партий в советской зоне оккупации. На следующий день КПГ выступила с развернутым политическим манифестом, который являлся итогом ее теоретической работы в эмиграции. Основные положения этого документа были разработаны в Москве и согласованы со Сталиным, «планы которого в отношении Германии определялись опытом Веймарской республики, оставившим глубокий след в его сознании» (В.К. Волков). Советский лидер настоятельно рекомендовал коммунистам отмежеваться от советской модели и сделать акцент на формирование блока антифашистских сил.

Манифест КПГ точно определял самое чувствительное место общественного сознания немцев летом 1945 г. – стремление не допустить повторения трагедии прошлого, его отличал воинствующий антифашизм, который недвусмысленно указывал на необходимость социально-экономических перемен. Наряду с преодолением вызванных войной бедствий ближайшей задачей назывались демократические преобразования, «завершение революции 1848 г.». Государственноправовая формулировка стратегических задач КПГ выглядела следующим образом: «создание антифашистско-демократического режима, парламентскодемократической республики со всеми правами и свободами для народа». О социалистической перспективе в манифесте ничего не говорилось, напротив, специально подчеркивалось, что путь навязывания Германии советской модели был бы порочным. Вряд ли это было только политической

хитростью, скорее здесь сказывалась ориентация КПГ на открытую позицию СССР в германском вопросе, решение которого находилось в исключительном ведении держав антигитлеровской коалиции.

Напротив, воссозданный берлинский центр СДПГ во главе с Отто Гротеволем выдвинул в своем обращении от 15 июня 1945 г. радикальные лозунги: «демократия в государстве сверху донизу, социализм в социально-экономической сфере», а также немедленное объединение марксистских рабочих партий. Послевоенной Германии отводилась роль моста между Востоком и Западом, социал-демократы отрицали тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления нацистского режима, выступали против тотального демонтажа промышленного потенциала Германии и определения ее новой восточной границы по рекам Одеру и Нейсе. Выдвижение социалистических требований как задачи дня и главной гарантии от повторения роковых событий новейшей германской истории, национальная риторика в большей степени соответствовали настроениям масс, чем осторожные лозунги манифеста КПГ. Возвращение под партийные знамена массовой базы, в отличие от коммунистов не столь затронутой репрессиями гестапо, привело к тому, что в конце 1945 г. СДПГ стала крупнейшей партией советской зоны оккупации, насчитывавшей в своих рядах уже более полумиллиона членов.

Чуть позже в Берлине конституировались еще две партии – Христианско-демократический союз, опиравшийся на традиции политического католицизма, не очень прочные в Восточной Германии, и Либеральнодемократическая партия, выступившая наследницей веймарской ГДП. Обе партии, которые в документах СВАГ рассматривались как «буржуазные», на самом деле отдавали должное настроениям «нового начала» германской истории. Уже 14 июля в советской зоне оккупации был оформлен блок четырех партий как результат учета «уроков прошлого» – раскола антифашистских сил накануне прихода Гитлера к власти. Его программа включала в себя как актуальные задачи нормализации послевоенной жизни и искоренения нацистского наследия, так и перспективу воссоздания демократического правового государства в Германии. Каждая из входивших в блок партий сохраняла за собой право вето на принимаемые решения, что должно было продемонстрировать единство политической воли и подвести черту под «парламентской чехардой» Веймарской республики, но в то же время блокировало формирование оппозиции и выдвижение альтернативных программ.

Свое место в антифашистско-демократическом блоке

получили и общественные организации, созданные в советской зоне оккупации, но рассматривавшие себя в качестве будущих общенациональных центров. В Союз свободных немецких профсоюзов к осени 1945 г. входило уже 2 млн. человек. В июле 1945 г. по инициативе писателя Йоханнеса Бехера в Берлине был создан «Культурбунд» – союз творческой интеллигенции, поставивший своей целью проведение «демократической реформации» в Германии. Повсеместно возникали молодежные и женские комитеты, получавшие поддержку оккупационных властей.

Достаточно лояльным было отношение последних к духовным иерархам, в среде которых шли острые дебаты об ответственности протестантской и католической церквей за преступления нацистского режима. «Советская администрация первоначально пыталась завоевать церковь на свою сторону» (Х. Клессман), признавая за ней роль интегрирующего фактора в условиях почти полного распада социальных связей и потери духовных ориентиров. За исключением конфессиональных структур коммунистам достаточно быстро удалось захватить руководящие посты в общественных организациях Восточной Германии, хотя их влияние не афишировалось. Ульбрихту приписываются следующие слова, обращенные к партийным эмиссарам, направлявшимся на места: «Все должно выглядеть демократично, но все должно быть под нашим контролем».

Форсированная реанимация общественнополитической жизни в Восточной Германии не привела к такому доминированию КПГ над остальными партиями, которое позволило бы безбоязненно провести выборы в региональные органы власти. К осени стало очевидно, что немцы сохраняют традиционные политические привязанности и на выборах слабость массовой поддержки коммунистов станет очевидной. В соответствии с коминтерновскими традициями единого рабочего фронта КПГ при поддержке советских военных властей начала проводить политику «смертельных объятий» по отношению к социал-демократам, лидировавшим в процессе восстановления партийных организаций и завоевания симпатий будущих избирателей. В информационной записке СВАГ, направленной Сталину в ноябре 1945 г., говорилось открытым текстом: «Если объединения рабочих партий не произойдет, то на предстоящих выборах мы потерпим поражение». Ульбрихт, посетивший Москву в начале февраля следующего года, сумел убедить советское руководство в необходимости скорейших решений. Отчитываясь позже о проделанной работе в ЦК ВКП(б), начальник Управления пропаганды СВАГ С.И. Тюльпанов с гордостью говорил: «Мы до

мая месяца жили одной идеей – объединить эти партии».

Сопротивление берлинского центра СДПГ, отказавшегося от первоначальных планов воссоздания единой социалистической партии после того, как стала очевидной их прокоммунистическая направленность, таяло день ото дня. В декабре 1945 г. на паритетной «конференции шестидесяти» социал-демократам удалось уйти от принятия обязывающих решений со ссылкой на то, что вопрос об объединении с коммунистами может быть решен только на всегерманском съезде СДПГ. Однако лидеры западногерманской социал-демократии не допускали и мысли о сотрудничестве с коммунистами как «агентами Москвы». Решающее значение имел визит Гротеволя в английскую зону оккупации в феврале 1946 г. В ходе переговоров с Куртом Шумахером стало очевидно, что тот считал перспективу общегерманской социал-демократии иллюзорной и отказался от поиска компромиссных решений, фактически списав со счетов своих товарищей по партии в Восточной Германии как «жертв большевизма». С марта берлинский ЦК СДПГ последовательно проводил курс на объединение с коммунистами вопреки сопротивлению местных партийных организаций в западных секторах Берлина. Последним удалось провести референдум (Urabstimmung), по итогам которого 82 % западноберлинских социалдемократов высказалось против немедленного объединения с коммунистами, но 62 % – за продолжение политического сотрудничества с ними.

Тот факт, что зональное объединение будет означать запрет на деятельность СДПГ в Восточной Германии и станет фактором раскола возрождавшейся политической жизни страны, не брался в расчет советским руководством, уверенным в необратимости дальнейшей экспансии собственной системы. Характерной была реакция Сталина на фултонскую речь Черчилля: «Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Их влияние выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Миллионы простых людей, испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития». Последний являлся директивой для деятельности национальных компартий и военных властей в той части Европы, которая в ходе Ялтинской конференции была признана зоной влияния Советского Союза. И Восточная Германия не была здесь исключением.

Объединительный съезд СДПГ и КПГ, состоявшийся в

Берлине 20-21 апреля 1946 г., принял решение об образовании Социалистической единой партии Германии, в которую влились 600 тыс. коммунистов и 680 тысяч социал-демократов. Партийные органы сверху донизу формировались на основе паритета, в ЦК СЕПГ (Zentralausschuss) вошло по семь социал-демократов и коммунистов. Организационные меры не могли в один момент устранить взаимного недоверия, накопившегося за почти три десятилетия отнюдь не мирного сосуществования двух рабочих партий. В документах СВАГ отмечались фракционные собрания членов СЕПГ по принципу бывшей партийной принадлежности, в ряде мест предпринимались даже попытки слежки за социал-демократами, занимавшими высокие посты. Тем не менее многие из них проявляли готовность к лояльной работе в СЕПГ, стремясь таким образом попасть в новую партийно-административную элиту. Приходилось наступать на горло своим претензиям на единоличное руководство и коммунистическим функционерам, для которых еще не так давно само слово «социал-демократия» являлось страшным ругательством.

Уже в силу своей массовости новая партия была обречена на политическое доминирование, хотя решающую роль в этом играли ее особые отношения с советскими властями. Многие немцы поддерживали СЕПГ из прагматических соображений, считая, что только ее представители могут в нужный момент «замолвить словечко», чтобы облегчить как оккупационный режим в Восточной Германии, так и положение военнопленных, находившихся в СССР. В сентябре 1946 года Тюльпанов признавал, что «пропаганде СЕПГ не удалось убедить население, что она является настоящей немецкой партией, а не агентурой оккупационных властей». Последние также старались избегать методов управления, характерных для сталинского режима в СССР. Как и в случае с объединением рабочих партий, они отказывались от прямого вмешательства в политический процесс, обеспечивая скорее «благоприятную среду» для успеха. В первые послевоенные годы офицерам СВАГ приходилось учитывать факторы, немыслимые в Советском Союзе – реальную многопартийность, наличие оппозиционной прессы, независимость судей и т.д. Исаак Дейчер, посетивший советскую зону оккупации осенью 1945 г. в качестве корреспондента британской газеты, нашел точную формулировку происходившему: «В деятельности военной администрации русских вызывает удивление не то, насколько она пытается укоренить в Германии тоталитарные методы управления, а то, насколько она от них воздерживается».

И все же эти методы уверенно пробивали себе дорогу. Наряду со стратегической линией Сталина на «подвод» стран Восточной Европы к социалистическим преобразованиям сказывался низкий уровень политической культуры и отсутствие опыта гражданского управления у работников СВАГ, зачастую подменявших закон приказом и видевших в страхе единственный источник послушания. Гордость победителей нередко порождала высокомерие в общении с немцами, стремление любой ценой решить поставленную задачу – такие рычаги давления на них, как обеспечение «прогрессивных деятелей» особыми пайками или скорейшее освобождение из плена их родственников. Хотя в ряде случаев советским офицерам приходилось сдерживать напор лидеров СЕПГ, стахановскими темпами стремившихся к установлению собственного господства, это не меняло общей картины.

Латентный конфликт военных властей с теми политиками Восточной Германии, которые отказывались играть по их правилам, приводил к постоянным кадровым перетряскам среди партий антифашистскодемократического блока. В декабре 1945 были сняты со своих постов руководители ХДС Андреас Гермес и Вальтер Шрейбер, которые выступили против аграрной реформы СВАГ, их сменили представители левого крыла партии, сторонники христианского социализма Якоб Кайзер и Эрнст Леммер. Давление военных властей резко усилилось накануне земельных выборов осени 1946 г., работники местного и зонального административного аппарата, представлявшие ХДС и ЛДПГ, фактически принуждались вести кампанию против собственных партий. В правлении этих партий обсуждалась тактика бойкота земельных выборов, лишь угрозой роспуска союзники СЕПГ по антифашистскодемократическому блоку отказались от столь резкого шага. Хотя в результате выборов Социалистическая единая партия Германии получила незначительное большинство голосов в Саксонии, Тюрингии и Мекленбурге, для советских военных властей это выглядело едва ли не поражением. Реальное положение дел в случае выхода СЕПГ на общенациональную сцену отразили выборы в четырех секторах Берлина, где эта партия получила менее 20 % голосов и оказалась на третьем месте. По итогам земельных выборов в пяти восточногерманских землях были сформированы коалиционные правительства, все пять постов министров внутренних дел оказались в руках у членов СЕПГ, бывших коммунистов.

Вторым по значению рычагом обеспечения коммунистам доминирующих позиций в Восточной Германии являлась политика денацификации. В соответствии с коминтерновской

трактовкой фашизма как диктатуры реакционных кругов монополистического капитала она наносила главный удар по представителям старой экономической элиты, прежде всего юнкерства. Параллельно проводилась массовая чистка государственного аппарата. Более 520 тыс. чиновников лишились своих постов, на их места военные власти назначали выдвиженцев антифашистско-демократического блока. Особенно наглядно стремление военных властей сломать «машину классового гнета» проявилось при реформе органов юстиции, в ходе которой было заменено 85 % судей, являвшихся членами НСДАП. Взамен было организовано годичное обучение «народных судей», приговоры которых руководствовались скорее соображениями политической целесообразности, нежели пониманием сути юридического процесса.

Конкретный ход денацификации находился в руках советских органов госбезопасности, остававшихся автономным образованием в структуре СВАГ. Упрощенная процедура определения ответственности «главарей и приспешников нацистского режима» напоминала деятельность сталинских «троек». В Восточной Германии продолжали действовать «специальные лагеря», в том числе Бухенвальд и Заксенхаузен, предназначенные для их изоляции. Согласно новейшим данным, через них прошло 122 тыс. немцев, далеко не все из которых имели коричневое прошлое – под общую гребенку попадали и «реакционеры», если они выступали против диктатуры СЕПГ, и «западные шпионы» (в этом случае речь шла как правило о социал-демократах, поддерживавших связи с Восточным бюро СДПГ в Западном Берлине). Постепенно рядовые члены НСДАП и массовых нацистских организаций (Mitläufer) реабилитировались, решением СВАГ от 16 августа 1947 г. им вернули политические права. Весной 1948 г. процесс дальнейшей денацификации был передан германским органам юстиции, тогда же началось освобождение заключенных «спецлагерей», около трети из которых погибло в ходе заключения.

Экономическая составляющая Потсдамского соглашения диктовались стремлением не допустить возрождения военного потенциала Германии и наказать нацистских преступников, вопрос о выборе той или иной системы производственных отношений оставался открытым. Каждая из четырех зон оккупации в той или иной степени испытывала на себе воздействие военных властей, формировавших социально-экономическую систему по образу и подобию собственной страны. Для Восточной Германии было характерно форсирование преобразований в этой области, которое было призвано поднять

популярность СССР среди населения и поставить западных союзников перед свершившимися фактами.

В аграрном секторе советской зоны оккупации преобладали крупные поместья, либо самостоятельно обрабатывавшие сельскохозяйственные угодья, либо сдававшие их в долгосрочную аренду. Значительное число их владельцев, наслышанных о политике СССР в этой сфере, бежало на Запад в последние месяцы войны. Планы военных властей о скорейшем проведении земельной реформы встретили бесспорную поддержку не только сельскохозяйственных рабочих, но и огромного числа вынужденных переселенцев с Востока, пытавшихся найти себе опору в новой жизни. Уже осенью 1945 г. началась конфискация поместий размером более 100 га, сосредоточенных в руках у 7 тыс. землевладельцев. Землю общей площадью в 2,1 млн. га и средства для ее обработки получило около полумиллиона крестьян, что позволило избежать голода и даже снабжать продовольствием западные зоны оккупации.

Антифашистскую мотивацию имели и первые реформы в промышленно-финансовой сфере. По решению СВАГ были блокированы банковские счета юридических лиц и пособников нацистского режима, что «связало» около 70 млрд. рейхсмарок и стало серьезным барьером против инфляции в советской зоне. В октябре 1945 г. было принято решение о конфискации всей собственности германского государства, НСДАП и ее функционеров. Активы и ценности переводились на репарационный баланс, промышленное оборудование, как правило, вывозилось в СССР и Польшу. 30 июня 1946 г. в Саксонии был проведен референдум о судьбе 3500 предприятий, принадлежавших активным деятелям нацистского режима. Три четверти голосовавших высказались за их безвозмездную национализацию. Саксонский опыт был распространен и на другие земли Восточной Германии уже без проведения подобных плебисцитов, национализации стали подвергаться фабрики и заводы, владельцы которых сбежали на Запад. Для ускорения процесса «первоначального социалистического накопления» использовалось судебное преследование предпринимателей как саботажников, позволявшее к тому же переложить на них ответственность за срывы в снабжении населения товарами первой необходимости.

В результате к началу 1948 г. национализированный сектор экономики советской зоны оккупации включал в себя около 40 тыс. предприятий, дававших более 40 % объема промышленного производства. Оперативное управление ими осуществляла Немецкая экономическая комиссия,

разрабатывавшая полугодовые планы развития народного хозяйства и являвшаяся прообразом будущего правительства ГДР. В июне 1948 г. по решению СЕПГ начался переход к директивному планированию с двухлетним циклом. Новая система, во многом напоминавшая советскую экономику на исходе нэпа, создала все необходимые предпосылки для последовавшего в начале 50-х гг. скачка к социализму, хотя в манифесте КПГ от 11 июня 1945 г. говорилось о «неограниченном развитии свободной торговли и предпринимательской инициативы на основе частной собственности».

Главным фактором, препятствовавшим хозяйственному подъему Восточной Германии, оставалась советская политика демонтажей. Бессистемный вывоз промышленного оборудования и специалистов, практиковавшийся военными властями в первые месяцы оккупации (особенно спешили с «зачисткой» западных секторов Берлина, отходивших союзникам), постепенно уступал место осмысленным с точки зрения экономики действиям.

Была налажена сопроводительная документация, особым «спросом» наряду с новейшими военными технологиями пользовались в СССР типографское и оптическое оборудование, установки химического синтеза. Население Восточной Германии, осведомленное о масштабах ущерба, нанесенного гитлеровской агрессией Советскому Союзу, с пониманием относилось к взиманию репараций и оплате оккупационных расходов, превышавших 2 млрд. марок в год. Сопротивление вызывала полупринудительная вербовка немецких специалистов для работы в СССР, так как условия их работы и жизни немногим отличались от положения заключенных.

С начала 1947 г. вместо сплошного демонтажа и вывоза в СССР того или иного завода, показавшего свою неэффективность (по прибытии на место оборудование часто оказывалось никому не нужным, отсутствовали квалифицированные специалисты, чтобы пустить его в ход), стал практиковаться их перевод в собственность СССР. Возникла уникальная правовая форма «советских акционерных обществ», число которых достигало 200. Они давали около 20 % промышленного производства Восточной Германии. Наиболее известное из них – «Висмут» в Тюрингии – занималось добычей урановой руды и таким образом внесло весомый вклад в реализацию советского ядерного проекта. По расчетам современных экономистов, общий объем репараций из советской зоны оккупации, а затем ГДР значительно превзошел сумму в 20 млрд. долларов, названную Сталиным в качестве репарационных претензий СССР на Ялтинской конференции.

Ответственность за перегибы в проведении экономических

реформ, вызывавшие сворачивание производства, отток капиталов, а то и просто бегство предпринимателей на Запад, делили между собой идеологи СЕПГ, настаивавшие на копировании советского опыта, и офицеры СВАГ, предпочитавшие проверенные рецепты «экспроприации экспроприаторов». Комиссия ЦК ВКП(б), побывавшая в Восточной Германии весной 1948 г., пришла к неутешительному выводу: «Органы СВАГ на практике проводят политику хозяйственного удушения мелкой и средней буржуазии. При распределении сырья, энергии, товаров запросы частных предпринимателей и торговцев не учитываются… Это создает у мелкой и средней буржуазии настроение неуверенности и растерянности, заставляет ее подозрительно относиться к советским оккупационным властям и СЕПГ и толкает ее в объятия реакции». Тем не менее немецкие соратники Сталина, большинство из которых пережило полосу внутрипартийных чисток в КПГ и репрессий в СССР, прекрасно знали, что их левацкие перегибы будут занесены в разряд оплошностей и станут поводом для отеческих поучений советского вождя, а уступки оппонентам наверняка обернутся обвинениями в оппортунизме и могут привести в политическое небытие.

Наиболее выпукло противоречивость происходивших в Восточной Германии преобразований проявлялась в духовной сфере. После избавления от нацистской диктатуры немцы испытывали настоящий голод по свободному слову, плюрализм культурных ценностей в какой-то степени компенсировал материальные лишения первых послевоенных лет. Однако их сразу же начали готовить к монополии на познание «законов исторического развития», лежащей в основе другой диктатуры. Зарегистрированные в Берлине независимые газеты объявлялись «рупором западного влияния», подвергались цензурным и судебным преследованиям. Офицерам СВАГ, читавшим их без прямого указания начальства, грозила отправка на родину и даже в сталинские лагеря. Безусловной заслугой военной администрации было возобновление работы типографий, призванных компенсировать нехватку книг, сожженных нацистами, утраченных в годы войны. Однако львиная доля дефицитной бумаги уходила на тиражирование «марксистско-ленинско-сталинской» литературы, не пользовавшейся спросом у населения. С 1948 г. библиотеки Восточной Германии начали систематически очищаться от «литературы буржуазного содержания».

Мощная пропаганда советских достижений, создававшая у восточных немцев образ страны-победителя, у которой есть чему

поучиться (так, решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1946 г. в Берлине был открыт Дом культуры СССР, существующий и по сегодняшний день) соседствовала со строгим запретом работникам СВАГ встречаться с немцами в нерабочее время. Спасение и сохранение культурных ценностей мирового масштаба, таких как Дрезденская картинная галерея (порой они находились в заминированных подвалах и штольнях) нередко сопровождались их тайным вывозом в СССР, очевидно, в надежде, что их «не скоро хватятся». Самой популярной единицей измерения отправляемых из Германии в качестве трофеев библиотек оставался «вагон».

И все же первые послевоенные годы у населения Восточной Германии преобладали позитивные настроения по отношению к тандему СВАГ – СЕПГ, после военных лишений люди почувствовали явное облегчение и демонстрировали осторожную готовность к сотрудничеству с новой властью. Общее мнение сводилось к тому, что после тех страданий, которые развязанная Гитлером война принесла народам СССР, «могло быть и хуже». Эти годы оказались своеобразной отдушиной между двумя диктатурами, когда демократическое содержание проводимых реформ явно превалировало над их идеологическим оформлением. Весной 1946 г. в советской зоне оккупации началось проведение реформы образования, устранившей кастовость и привилегии в этой сфере. Введение единой восьмилетней школы как базового элемента народного образования привело к резкому росту числа учеников в старших классах, которые до того ограничивались ремесленным обучением. Новым фактором социальной структуры стала солидная крестьянская прослойка, получившая землю в результате аграрной реформы. На настроениях населения сказывалась и то, что в целом Восточная Германия меньше пострадала от бомбардировок союзнической авиации, а ее аграрная специализация позволяла властям успешнее, чем в индустриальных центрах западных зон, решать продовольственную проблему.

Даже если тезис о «власти рабочего класса» оставался пропагандистской формулой СЕПГ, это все же была власть для рабочего класса. Возможности социального подъема предоставлялись не только в узких рамках партийной номенклатуры – достаточно упомянуть рабоче-крестьянские факультеты, выпускники которых в два раза увеличили прослойку выходцев из этих слоев общества в составе студенчества. СВАГ настаивала на «более смелом выдвижении на руководящие должности в немецких органах управления выходцев из среды

рабочего класса, бедняцко-середняцких масс крестьянства, из среды проверенной творческой интеллигенции», чтобы заменить ими профессиональных чиновников, считавшихся оплотом реакции и проводниками западного влияния. Становясь частью господствующей элиты, выходцы из рабочих теряли привычные ориентиры поведения и с готовностью принимали правила игры, установленные новой властью. Их некомпетентность лишь отчасти компенсировалась энтузиазмом «нового начала», собственные промахи увеличивали ненависть к старым кадрам, на которые партийные выдвиженцы пытались переложить ответственность за промахи в профессиональной работе.

Спектр общественных настроений был бы неполным без указания на вопрос о восстановлении национального единства, который занимал восточных немцев гораздо больше, нежели их соотечественников в западных зонах оккупации. Чувство оторванности от общих корней стимулировалось не только идеологическими новациями коммунистической пропаганды, но и ужесточением контроля на межзональных границах, становившихся все более непрозрачными. Хотя руководители СЕПГ постоянно выдвигали новые инициативы по сохранению единства страны, решающее слово оставалось за Сталиным. Его позиция в германском вопросе продолжает занимать умы историков, давая обильную пищу для научных гипотез и публицистических догадок. Сенсационные публикации протоколов встреч Сталина с лидерами СЕПГ, появившиеся в последние годы, мало приближают нас к окончательным истинам. Очевидно, что сталинская программа-максимум – втянуть всю Германию в орбиту советского влияния – не озвучивалась в ходе переговоров «большой тройки». Сталин так же мало верил в законы исторического развития, как Черчилль – в промысел божий. Надежды советского руководства на то, что США вновь, как и после первой мировой войны, тихо уйдут из Европы, не оправдались. Помимо противодействия союзников по антигитлеровской коалиции коммунистам пришлось бы столкнуться с явным перевесом прозападных политических сил внутри Германии.

Достаточно просто описать и минимум геополитических претензий СССР. Стратегически выгодно было бы провести границу социалистического лагеря по линии Одера-Нейсе, сделав ставку на славянскую общность как его цементирующий стержень. Присутствие советских войск в «несоветской» Германии позволило бы Сталину держать руку на пульсе внутригерманских событий и в то же время создавало бы санитарный кордон, защищающий Восточную Европу от западного влияния.

Нерешенность вопроса о статусе территорий, отошедших под польское управление, давало бы СССР возможность сколь угодно долго затягивать подписание мирного договора, ссылаясь на мнение своего союзника, и в то же время компенсировать напряженностью в германо-польских отношениях традиционную русофобию Польши.

Реальные сценарии послевоенного развития для советского руководства лежали в плоскости военного давления и дипломатического торга, в целом совпадавшей с контурами потсдамской Германии. Историографический спор о том, что преобладало в германской позиции Сталина – идеологические установки на расширение мировой системы социализма или внешнеполитические расчеты на обеспечение безопасности СССР – можно считать беспредметным. Они обуславливали друг друга, и менять одно на другое не имело никакого смысла. Даже маленький германский социализм обеспечивал Советской армии надежный плацдарм в центре Европы. При создании ГДР Сталиным принималось в расчет прежде всего мнение военного лобби в собственной стране, оперировавшего такими понятиями, как угроза германского реваншизма и недопущение американской агрессии на Восток. В 1947 г. ситуация еще не выглядела тупиковой, и Сталин был резко настроен против отказа от всегерманской перспективы. Принимая в январе делегацию лидеров СЕПГ, он неожиданно предложил: «Очень хорошо было бы иметь на Западе единую социалистическую партию. Там вы представлены только КПГ… Для социалистов и коммунистов выгоднее, чтобы там имелись единые социалистические партии, это облегчило бы многим элементам трудящихся приобщение к социализму. За количеством не тянитесь».

Следует иметь в виду, что немецкие коммунисты, а позже руководители Социалистической единой партии Германии не были простыми исполнителями приказов из Кремля, и их тактическая позиция могла расходиться с мнением Сталина. Для Ульбрихта и Пика не являлось секретом то, что соглашение лидеров антигитлеровской коалиции в германском вопросе будет означать крест на их собственной власти. В отличие от советского руководства, имевшего известную свободу маневра, их позиция определялась жесткой формулой: лучше четверть Германии контролировать полностью, чем всю Германию – на четверть. Реакция Восточного Берлина на появление «плана Маршалла» была еще более жесткой, чем в Москве. Специальная резолюция ЦК СЕПГ приравнивала его принятие к «ограничению суверенитета принимающих помощь стран и их подчинению интересам американских монополий», безосновательно

утверждая, что кредиты США в 20-е гг. привели Германию к кризису, фашизму и войне.

В то же время СЕПГ никогда не отказывалась от роли лояльного союзника СССР, подчиняя свою национальную программу его позиции в германском вопросе. Самой масштабной акцией стал созыв «Немецкого народного конгресса за единство и справедливый мир», в состав которого вошли видные политики, деятели науки и культуры. Запрет выборов в Народный конгресс в западных зонах оккупации привел к тому, что население этих зон на первом заседании конгресса в Берлине (6 декабря 1947 г.) представляли только коммунисты.

Его воззвания сводились к поддержке позиции СССР в ходе Лондонской конференции. После ее безрезультатного исхода Народный конгресс был использован для легитимации государственного строительства в Восточной Германии, а сама СЕПГ стала настаивать на паритетном участии немецких политиков в переговорах о будущем страны, заведомо неприемлемом для Запада. В конечном счете Сталину пришлось согласиться с курсом своих немецких единомышленников на максимальное разграничение двух будущих германских государств. Он явно переоценил тягу немцев к национальному единству, посчитав, что ради его сохранения Западу придется пойти на принципиальные уступки.

Отказ СССР участвовать в реализации «плана Маршалла» и переход к открытой конфронтации бывших союзников по антигитлеровской коалиции вызвал не только нарастание антисоветских настроений среди жителей Восточной Германии, но и кризис в СЕПГ. Донесения СВАГ отмечали в июле 1947 г., что «в партийной среде и даже среди функционеров усилились настроения о всесилии «доллар-империализма» и о возможной целесообразности получения американских займов для восстановления немецкого хозяйства». Бывшие социал-демократы в объединенной партии демонстрировали внешнюю покорность при затаенной враждебности, считая, что дни господства коммунистов уже сочтены. Слухи о страданиях военнопленных в Сибири, о принудительной работе немецких специалистов, вывезенных в СССР, еще больше накаляли ситуацию. Ни о каком проведении свободных выборов уже не могло быть и речи – поражение партии, выступавшей в качестве пособницы оккупационных властей, оказалось бы неизбежным.

Второй съезд СЕПГ (20-24 сентября 1947 г.) отразил внешний рост (1,8 млн. членов) и внутренний кризис партии, потерявшей способность к политической работе в условиях многопартийности. Отказ от паритета в распределении

руководящих постов, а также участие в работе съезда представителей КПГ из западных зон оккупации, усиливали недовольство бывших социал-демократов. Их открытые протесты вызвал выпад Пика против западногерманской СДПГ как профашистской партии. В страхе перед репрессиями властей функционеры объединенной партии, пришедшие из социал-демократии, переводили имущество на своих жен и даже отказывались фотографироваться на партийные документы. В ЦК СЕПГ нарастали трения между сторонниками уступок партийным низам и твердыми сталинистами, настаивавшими на форсированной «большевизации» партии.

В ходе беседы со Сталиным 26 марта 1948 г. Пик и Гротеволь получили согласие советского руководства на пересмотр дел лиц, находящихся в «спецлагерях», и дополнительную материальную помощь. Обострение «холодной войны» заставило Советский Союз приостановить демонтажи и расширить поставки продовольствия в свою зону оккупации, чтобы противодействовать «экономическому магнетизму» Запада. Как показывает протокол встречи, Сталин все еще находился во власти общегерманских решений. Он не оставлял надежды на то, что кампания по обсуждению будущей германской конституции, начатая Народным конгрессом, «заставит американцев капитулировать» и всерьез рассматривал планы объединения коммунистов и оппозиционных курсу Шумахера социал-демократов в западных зонах оккупации. Вопрос об оформлении восточногерманского государства, который осторожно ставили его немецкие собеседники, наталкивался на уклончивую реакцию советского вождя.

После мартовских консультаций в Москве инициатива перешла к сторонникам жесткой линии в руководстве будущей ГДР, на руку которым сыграл конфликт с Югославией, заставивший Сталина взять иной тон по отношению к остальным компартиям Восточной Европы. С народно-демократическими экспериментами было покончено, советский опыт был объявлен единственным источником побед. Осуждение теории «немецкого пути к социализму» было поручено ее творцу Аккерману, который заявил на пленуме ЦК СЕПГ, что она «явилась следствием отступления партии перед антисоветскими настроениями и была, в известной мере, объективным отражением имевших место стремлений отмежеваться от пути большевистской партии». Первая конференция СЕПГ (январь 1949 г.) взяла курс на создание партии нового типа, копировавшей организационное построение и программу ВКП(б), провозгласила одной из первейших задач борьбу с пережитками «социал-демократизма». В

созданное по решению конференции Политбюро ЦК СЕПГ вошли только два бывших социал-демократа. Сталинизм, пустивший корни и на немецкой земле, означал «абсолютное господство иерархически построенного партийного аппарата над всеми сферами общественной жизни при сохранении внешнего облика многопартийной демократии» (Г. Вебер).

Партии антифашистско-демократического блока должны были придавать более привлекательный облик новой диктатуре, их руководящие функционеры включались в формирующуюся «номенклатуру», получали особые пайки и обеспечивались автотранспортом наряду с функционерами СЕПГ. При проведении денежной реформы в советской зоне оккупации их финансовые средства (равно как и фонды всех общественных организаций) обменивались в пропорции 1:1.

Там, где привлекательность пряника оказывалась недостаточной, военные власти переходили к политике кнута. Лидеры христианских демократов Восточной Германии Кайзер и Леммер, отказавшиеся участвовать в движении Народного конгресса и выступавшие за принятие помощи по «плану Маршалла», в конце 1947 г. были сняты со своих постов в правлении ХДС и заменены лояльными политиками. Тот, кто ставил под вопрос политическое лидерство СЕПГ, сталкивался с давлением военных властей и, как правило, предпочитал бегство в западные зоны оккупации. Чтобы ограничить влияние ХДС и ЛДПГ и расширить социальную базу режима (Сталин еще в январе 1947 г. предлагал создать партию бывших фашистов для того, чтобы «разложить лагерь, ориентирующийся на англичан и американцев»), весной 1948 г. были образованы еще две партии, вошедшие в антифашистско-демократический блок: Национал-демократическая и Демократическая крестьянская партия. Весь аппарат новых партий подбирался отделом кадров СЕПГ, их лидеры до 1933 г. являлись членами КПГ.

Утверждение новой системы выходило за рамки чистой политики, проникая во все поры общества. Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ), основанный 7 марта 1946 г. как массовая организация, призванная способствовать демократическому воспитанию подрастающего поколения, все больше приобретал черты советского комсомола и становился кадровым резервом господствующей партии. В деятельности профсоюзного объединения ССНП отстаивание интересов рабочих перед работодателем уступило свое место борьбе за повышение производительности труда. Самой известной идеологической кампанией, копировавшей советский опыт, стало движение «активистов», начатое шахтером Адольфом Хеннеке, который 13

октября 1948 г. в четыре раза перекрыл норму добычи угля.

После начала работы Парламентского совета и неудавшейся блокады Западного Берлина Сталин расстался с концепцией наступательных действий, рассчитанных на распространение советского влияния на всю Германию. В ходе беседы с лидерами СЕПГ, состоявшейся в конце 1948 г., он уже сам интересовался деталями создаваемого восточногерманского государства – избирательной системой, составом правительства, формированием кадров будущей армии. Упрочение власти должно было оставаться приоритетом по отношению к социально-экономическим преобразованиям, Сталин несколько раз подчеркивал своим собеседникам, что «идти по пути народной демократии еще рано», «в Германии идти к социализму придется не прямым путем, а зигзагами». Было решено двигаться вперед, на полшага отступая от государственного строительства в Западной Германии, чтобы возложить на ее политиков ответственность за окончательное оформление раскола страны. События последнего года предыстории ГДР олицетворяли собой воплощение в жизнь указаний советского вождя.

Конституция будущего государства разрабатывалась для всей Германии и в целом повторяла основные положения Веймарской, избегая формулировок, которые можно было бы посчитать коммунистическими (Согласно предложениям Сталина, прозвучавшим весной 1948 г., «конституция не должна быть слишком демократичной, чтобы не отпугивать людей, но достаточно демократичной, чтобы ее приняли лучшие элементы Востока и Запада»). В ней сохранялся президентский пост, лишенный чрезвычайных полномочий веймарского периода, вся полнота власти должна была принадлежать избираемому всеобщим, прямым и тайным голосованием парламенту. Конституция содержала в себе полный каталог прав и свобод, характерный для демократического устройства, а также возвращалась к традициям германского федерализма. В отличие от Основного закона ФРГ в ней были отражены социальные интересы трудящихся, в частности право на забастовку (статья 14) и право на соучастие в управлении предприятием (статьи 17 и 18).

Несмотря на обрисованные в конституции формы правового государства, ей была отведена роль ширмы для партийной диктатуры, ее самые невинные положения истолковывались органами власти в удобном для себя духе. Так, в статье шестой наряду с запретом пропаганды расизма и войны провозглашалась недопустимость «выпадов против демократических учреждений и организаций» (Boykotthetze), что впоследствии превращало в

политическое преступление любую попытку усомниться в правомерности всевластия СЕПГ. Конституция будущей ГДР была принята в марте 1949 Народным советом (постоянно действовавшим органом Народного конгресса) как всегерманская. В мае 1949 г. в советской зоне оккупации прошли выборы в Народный конгресс третьего созыва, которые впервые проводились по единому списку, т.е. с заранее согласованным распределением мест между партиями и общественными организациями (СЕПГ – 25 %, ХДС и ЛДПГ – по15 %, остальные партии и общественные организации – по 7,5 % депутатского корпуса Народного конгресса).

16 сентября 1949 г. Пик, Ульбрихт и Гротеволь вновь прибыли в Москву (за день до того Аденауэр стал канцлером ФРГ), чтобы согласовать последние детали предстоявших событий. Их надежды на теплый прием и особое отношение к ним как государственным деятелям не оправдались. Находившийся на Кавказе Сталин передал немецким политикам свое согласие на образование ГДР. Для советского лидера это был далеко не оптимальный выход, означавший отказ от его стратегических замыслов в германской политике. 4 октября Пленум ЦК СЕПГ принял одобренный в Москве план мероприятий. В соответствии с ним Народный совет 7 октября провозгласил создание Германской Демократической Республики и трансформировался в ее парламент – Народную палату. 11 октября Народная палата на совместном заседании с Палатой земель избрала Вильгельма Пика президентом ГДР, а на следующий день утвердила состав правительства, премьерминистром которого стал Отто Гротеволь. Наряду с членами СЕПГ в него вошли три представителя ХДС и два – ЛДПГ. Сосуществование на территории послевоенной Германии двух новых государств стало свершившимся фактом.

Что изменилось во власти и в обществе после провозглашения «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле», как писала в те октябрьские дни газета «Новая Германия», орган ЦК СЕПГ? Лидеры правящей партии приобрели более высокий статус, в их компетенцию были переданы основные полномочия СВАГ, переименованной в Советскую контрольную комиссию. Западному тезису о «подконтрольной Советам зоне» пропагандистский аппарат СЕПГ мог отныне противопоставить все государственные атрибуты. Для населения мало что изменилось, с его точки зрения восточногерманский ответ на образование ФРГ был столь же нежелательным, сколь и неизбежным. Шок сепаратной денежной реформы, прошедшей за год до формального провозглашения двух германских государств, был для среднестатистического обывателя гораздо более

ощутимым. Последовавшая за ним блокада Западного Берлина лишний раз показала, что с СССР лучше не шутить. Считая себя его военной добычей, большинство жителей советской зоны оккупации предпочитало не идти на конфликт, а приспосабливаться. Политический протест меньшинства блокировался не столько страхом перед репрессиями, сколько и возможностью без особого труда «проголосовать ногами», покинув ГДР через открытую границу в Берлине.

Государственное строительство сочетало в себе формально-демократические процедуры и экспансию партийного аппарата во все сферы общественной жизни. В октябре 1950 г. состоялись выборы в Народную палату по единому списку антифашистскодемократического блока, в поддержку которого высказалось 99,7 % голосовавших (на выборах мая 1949 г. – 70 %). Несмотря на сохранение соотношения мест между участниками блока, все рычаги кадровых назначений в руках СЕПГ, обеспечившей своим функционерам посты премьер-министров всех пяти земельных правительств. В свою очередь чиновники, особенно послевоенного призыва, стремились стать членами СЕПГ, чтобы не попасть в число жертв той или иной идеологической кампании.

Частью доктрины нового государства стал образ классового врага, пытающегося разрушить мирную жизнь «социалистического лагеря». 8 февраля 1950 г. было образовано министерство государственной безопасности ГДР, сокращенное название которого – «штази» – стало для нескольких поколений граждан этой страны символом тотальной слежки и политических репрессий. Если первоначально в штатном расписании министерства было 1000 сотрудников, к 1957 г. их число достигло 17,5 тыс. Кампания по выявлению капиталистических агентов и американских шпионов должна была завершиться проведением масштабного показательного процесса, подобного тем, что проходили в СССР 1936-1938 гг. На роль главного обвиняемого планировался депутат бундестага ФРГ, член руководства западногерманской КПГ Курт Мюллер, арестованный в тот момент, когда он приехал за инструкциями в Восточный Берлин. Хотя до процесса дела не дошло (Мюллер был отправлен в печально известную Суздальскую тюрьму), только за 1950 г. органы юстиции ГДР вынесли около 78 тыс. приговоров по политическим преступлениям.

Составной частью системы контроля и репрессий стали внутрипартийные чистки, первая из которых прошла по решению Третьего съезда СЕПГ, состоявшегося в июле 1950 г. Чистка привела к исключению из партии 150 тыс. человек под разными,

зачастую надуманными формулировками – бывший нацист, неразоружившийся троцкист, скрытый социал-демократ. Атмосфера страха и слепого подчинения охватывала номенклатурных работников, проникая и на высшие этажи партийного аппарата. Избранный на Третьем съезде Генеральным секретарем ЦК СЕПГ Ульбрихт развернул кампанию против «западных эмигрантов», имевшую явные параллели с преследованием старых большевиков в годы сталинского террора. Ее жертвами стали члены Политбюро Пауль Меркер и Франц Далем. Согласно принятому на съезде новому уставу СЕПГ строилась на принципах «демократического централизма», подразумевавших замену выборности партийных руководителей всех уровней их назначением сверху. Для повышения квалификации высших кадров партийного и государственного аппарата начала свою работу система закрытых школ, где ученикам прививались не только основы марксизма-ленинизма, но и представление о собственной избранности. Напротив, массовая работа СЕПГ тонула в бессодержательных ритуалах, определявших даже то, где следует носить партбилет.

В апреле 1952 тройка лидеров ГДР после более чем двухлетнего перерыва вновь оказалась на приеме у Сталина. Попытка немецких политиков, явно шокированных далеко идущими предложениями мартовской ноты о восстановлении единства Германии, выяснить реальное положение дел в этом вопросе, наталкивается на вежливый отказ. Сталин предпочитает говорить о проблемах внутренней политики ГДР, предлагая ускорить работу по созданию собственной армии, укрепить внутригерманскую границу и усилить борьбу с западными шпионами. В соответствии с указаниями Сталина под крышей министерства внутренних дел ГДР были сформированы военизированные подразделения численностью до 50 тыс. (kasernierte Volkspolizei). 27 мая 1952 г. была закрыта внутригерманская граница, к востоку от нее началось создание пятикилометровой санитарной зоны, из которой выселялись неблагонадежные элементы. Призывая готовиться к отражению агрессии Запада, Сталин в ходе своей последней встречи с немецкими политиками выступил против провозглашения социалистической программы, несколько раз повторив своим собеседникам, что «надо не кричать о колхозах и социализме, а делать дело».

Частичная публикация протоколов подобных встреч вновь ставит проблему соотношения внешнего влияния и внутренних детерминант в ранней истории ГДР. Для сторонников тоталитарного подхода, многие из которых не дожили до

открытия архивов КПСС, решения советского руководства служили достаточным ключом к пониманию эволюции «социалистического содружества», включая ГДР. После исчезновения последней в центре внимания историографических дискуссий вновь оказался вопрос о том, избавляло ли советское присутствие немецких политиков от ответственности за принимавшиеся совместно решения. Их визиты в Москву не являлись простым «паломничеством к кремлевскому оракулу» (В.К. Волков), хотя в каждой их реплике сквозят пиетет и смирение. Но ход и результаты переговоров не так уж сильно отличаются от правил политического торга, согласно которым проходили встречи Аденауэра с руководителями западных оккупационных властей. Так, в декабре 1950 г. руководители ГДР сумели добиться от советского руководства серьезных уступок в вопросе о репарациях и снятии ограничений на развитие отдельных отраслей индустрии. Можно предположить, что в процессе приспособления к Сталину и сталинизму они имели достаточное пространство для самостоятельных и инициативных решений, определивших в конечном счете лицо «реального социализма» на германской земле. Историкам и политологам следует подумать о перенесении на политическую элиту стран Восточной Европы 40-х – 50-х гг. концепции «харизматического сообщества» (Я. Кершоу), которая дала интересные результаты применительно к периоду «третьего рейха».

Нежелание Сталина «говорить вслух о социализме» в апреле 1952 г. было связано с ожиданием встречных шагов Запада в ответ на мартовскую ноту. К лету ситуация прояснилась – «война нот» закончилась безрезультатно, ФРГ стала участником Европейского оборонительного сообщества. В заочном споре советских дипломатов и немецких коммунистов вновь победили последние. Вторая конференция СЕПГ (9-12 июля 1952 г.) провозгласила переход к планомерному строительству основ социализма в ГДР. Первый пятилетний план, реализация которого началась в 1951 г., предусматривал переориентацию внешнеэкономических связей на Восток, кооперирование в рамках Совета экономической взаимопомощи, куда ГДР вступила в сентябре 1950 г. В ходе административной реформы вместо исторически сложившихся земель было создано 14 округов (Bezirke), фактически разделенный Берлин оставался на особом положении. Реформа должна была покончить с традициями федерализма и самоуправления, противопоставив им жесткую вертикаль государственной власти.

«Антифашистско-демократический блок» был дополнен «Национальным фронтом», который формально возглавлялся

беспартийным и должен был бороться за восстановление единства страны, в том числе и в ФРГ. К 1952 г. все партии блока зафиксировали в своих программных документах ведущую роль СЕПГ. «Собственно, ГДР с самого начала являлась однопартийным государством, находящимся в руках коммунистической СЕПГ. В осуществлении своей власти она не была ограничена и конституцией» (К. Зонтхаймер). Тезис об усилении классовой борьбы по мере социалистического строительства, заимствованный правящей партией из новейшей истории СССР, требовал все новых жертв. Резко ухудшились отношения властей и церкви, в проповедях зазвучали слова о «новой диктатуре на немецкой земле». Вхождение (до 1969 г.) протестантской церкви ГДР в общегерманскую структуру придавало ей известную смелость в общении и с прихожанами, и с властями. Последние делали ставку на ее раскол и интеграцию лояльных священнослужителей, используя комсомольских активистов для раздувания богоборческих настроений. Лидер ССНМ Эрих Хонекер называл молодежную организацию протестантов не иначе как «прибежищем подстрекателей, саботажников и американских шпионов», ее члены исключались из вузов и старших классов школ.

В Союз свободной немецкой молодежи к началу 50-х гг. входило уже более 1,5 млн. членов, примерно такой же была и пионерская организация, подконтрольная ССНМ. Позиции восточногерманских комсомольцев были особенно сильны в вузах, число которых в первой половине 50-х гг. увеличилось более чем в два раза. Давление организаций ССНМ на профессорский состав университетов с требованиями изменить акценты в преподавании, учитывать пролетарское происхождение и иные заслуги отражали примитивные представления о «культурной революции», бытовавшие в их среде. Стержнем идеологической работы оставался культ Сталина как «лучшего друга немецкого народа», подразумевавший зубрежку его высказываний с детских лет, сведение общественных дисциплин к толкованию его трудов в высшей школе. Не менее противоречивым было восприятие новой политической системы рабочим классом. Строя «государство для рабочих», лидеры СЕПГ рассчитывали на замену материальных стимулов к труду сознательностью строителей социализма. Здесь их ждало жестокое разочарование. Уравнительные тенденции в оплате труда порождали пассивность и цинизм, пропагандистские кампании – завышенные ожидания. В среде рабочих старшего поколения сохранялись традиции самоорганизации и организованной борьбы за свои интересы, которые в критический

момент могли привести к массовым выступлениям протеста.

Использование СЕПГ национальных лозунгов для ускорения интеграции в социалистический блок («настоящий немецкий патриот должен быть другом СССР») порождало у большинства восточных немцев скрытую ностальгию по «досоветскому» прошлому и неистощимый поток «антисоветских» анекдотов. Напротив, пропагандистский тезис о ФРГ как «колонии американского империализма» с началом экономического подъема в этой стране терял свою эффективность. Массовое сознание все больше фиксировалось на том, чего люди лишены в Восточной Германии – политическая свобода увязывалась с материальным успехом, занимая свое место между солидным автомобилем и отпуском на Средиземном море. В то же время исход социально-экономической конкуренции двух германских государств еще не был определен, в начале 50-х гг. можно говорить о взаимном магнетизме. В пользу ГДР свидетельствовал подъем и общедоступность образования, единая система социального страхования, даже такие мелочи, как введение для женщин с детьми специального выходного дня раз в месяц (Haushaltstag). На упрочение восточногерманской диктатуры работала и память о лишениях первых послевоенных лет, а также общая динамика развития ГДР, позволявшая населению надеяться, что после создания материально-технической базы социализма очередь дойдет и до его скромных потребностей. В целом массовые настроения тех лет характеризовало скорее настороженное выжидание, нежели открытый протест или активная поддержка новой власти.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства ГДР ставил задачу увеличения промышленного производства в два раза. Три четверти его объема давали уже государственные предприятия, в состав которых влились в 1954 г. и Советские акционерные общества.

В соответствии с опытом СССР ставка делалась на форсированное развитие тяжелой индустрии, реализацию масштабных инвестиционных проектов, объявлявшихся ударными стройками социализма. Одной из них стал металлургический комбинат «Ост», возведенный вместе с городом Сталинштадтом неподалеку от границы с Польшей. К 1953 г. выплавка стали на территории ГДР вдвое превысила довоенный уровень, в то время как производство товаров народного потребления до него еще не добралось. В рамках СЭВ использовались традиции внутригерманского разделения труда (переработка сельхозпродукции, оптика Йены и электротехника Берлина, текстильные предприятия Саксонии), хотя они и были в

значительной степени подорваны демонтажами промышленного оборудования в советской зоне оккупации.

Хотя плановые задания первой пятилетки успешно выполнялись, они не привели к заметному подъему уровня жизни населения ГДР. В стратегию форсированного экономического развития была заложена диспропорция между накоплением и потреблением, инвестиции в тяжелую индустрию не обещали быстрой окупаемости. Государство обеспечивало средствами к существованию более 3 млн. беженцев, многие из которых были уже неработоспособны, субсидировало оплату коммунальных и транспортных услуг, низкие цены на рационируемые продовольственные товары. Своей доли бюджетный расходов требовал разраставшийся аппарат управления экономикой, особенно на местах. ГДР несла значительные расходы на содержание советской группы войск на своей территории, численность которой доходила до полумиллиона человек. Наконец, режим жесткой экономии диктовался необходимостью до 1954 г. выплачивать репарации СССР и Польше. Нараставшие «ножницы» в уровне жизни населения ФРГ и ГДР вели к тому, что с Востока на Запад все больше мигрировали уже не представители высших слоев общества, лишенные возможности заниматься предпринимательской деятельностью или опасавшиеся репрессий, а те самые «рабочие и крестьяне», для которых и создавалась Германская Демократическая Республика.

Смерть Сталина в марте 1953 г. стала для ее лидеров настоящим ударом, ибо ставшее у власти окружение вождя не забыло, что вопрос о начале строительства социализма в ГДР был согласован немецкими коммунистами через его голову. Тот факт, что Президиум ЦК КПСС уже весной 1953 г. вплотную занялся германскими проблемами, диктовался не столько кризисом в ГДР (хотя его приближение чувствовалось), сколько желанием наследников Сталина освободиться от тени умершего вождя и дать почувствовать своим соратникам в Восточной Европе сохранение «твердой руки». Л.П. Берия, которого многие считали преемником Сталина, выступил за отказ от социалистической риторики в ГДР и приостановку социально-экономических преобразований, с аналогичных позиций выступали и другие члены советского руководства.

Принятое в конце мая решение констатировало неудовлетворительное экономическое и политическое положение в Восточной Германии, ставшее следствием «курса на ускоренное строительство социализма без необходимых внутри– и внешнеполитических условий». Документ был выдержан в крайне жестких тонах и должен был послужить отрезвляющим душем для

лидеров СЕПГ. В нем содержалась подробная программа мероприятий по оздоровлению ситуации, подразумевавшая роспуск насильственно созданных сельскохозяйственных кооперативов, реабилитацию частного сектора в экономике, перенос акцента на производство товаров народного потребления, прекращение преследований церковных организаций и конфискации их собственности. Правящей партии предлагалось «исключить элементы голого администрирования в политической работе с населением», хотя содержание этой туманной формулировки не раскрывалось. Главной целью политики СЕПГ вновь должна была стать «борьба за воссоединение страны на демократической и миролюбивой основе», что отражало надежды нового руководства СССР на принципиальные подвижки в решении германского вопроса.

Решение Президиума ЦК КПСС было передано руководителям ГДР, прибывшим в Москву в начале июня. В соответствии со сталинскими традициями «головокружения от успехов» именно на них была переложена ответственность за ошибки прошлых лет. Об остроте дискуссий в ходе двухдневных переговоров свидетельствуют цитаты из выступлений советских руководителей, записанные Гротеволем: «Мы вместе с вами делали ошибки и не выступаем с упреками» (Берия), «столько ошибок, что исправлять их надо так, чтобы видела вся Германия» (Молотов), «если мы сейчас же не исправим положение, катастрофа неизбежна» (Маленков). Параллельно в Москве были намечены дополнительные меры помощи ГДР, главной из которых стало согласие СССР на 50 % снизить объем остававшихся репараций.

Вернувшись в Берлин, Пик и Гротеволь приступили к подготовке политического отступления. 9 июня Политбюро ЦК СЕПГ признало ошибки в форсировании строительства социализма и провозгласило «новый курс», направленный на улучшение условий жизни населения. Предусматривалось снижение налогов в частном секторе экономики, выделение кредитов на производство товаров народного потребления, меры по возвращению крестьян к брошенному хозяйству. Предполагались и политические перемены, в частности, «облегчение транспортного сообщения с Западной Германией», восстановление в школах и вузах учащихся и студентов, исключенных из-за принадлежности к церковным молодежным организациям. Несмотря на то, что решение 9 июня носило характер покаяния, в нем ничего не было сказано об отмене снижения производственных расценок, одобренного правительством ГДР буквально накануне. Идя на уступки

«нэпманам», власть еще слишком доверяла «своему» рабочему классу. Именно он не упустил своего шанса попробовать власть на прочность, ее уступки и колебания прибавили трудящимся дополнительной энергии.

Беспорядки в Берлине начались 16 июня с марша протеста строителей Аллеи Сталина, копировавшей в своем архитектурном исполнении помпезность Ленинского проспекта в Москве. На первых порах демонстранты ограничивались социально-экономическими требованиями, затем появился лозунг «Мы хотим быть свободными людьми!». У здания правительства ГДР стали раздаваться требования его отставки и всеобщей забастовки, проведения многопартийных выборов, обстановку не разрядило и обещание властей поднять расценки оплаты труда строителей. На следующий день волна протестов и демонстраций вышла за пределы Берлина, забастовками было охвачено около 600 предприятий. Массовые митинги и демонстрации проходили 17 июня в 250 населенных пунктах, в ряде крупных городов стачечный комитет заявлял о переходе власти в свои руки. Стихийные волнения выливались в освобождение из тюрем политических заключенных, стычки с полицией и разграбление магазинов.

Около полудня на всей территории страны было объявлено чрезвычайное положение, на улицах Берлина и других городов появились советские танки. Согласно воспоминаниям советского посла в ГДР Семенова, Москва требовала для разгона демонстраций вести огонь на поражение. Чтобы не накалять обстановку, советские военные власти ограничились выстрелами в воздух. И все же при разгоне демонстраций с обеих сторон появилось несколько десятков погибших, к 1 июля было арестовано 10 тысяч реальных и мнимых «подстрекателей» – на поверку 70 % из них оказались рабочими. Волнения 16-17 июня вызвали паралич руководителей СЕПГ, которые так и не решились пойти на прямой контакт с вышедшими на улицы людьми. Не найдя лучших объяснений, партийная пропаганда назвала случившееся «фашистской провокацией», руководимой из Бонна.

Внутрипартийный кризис был использован оппонентами Ульбрихта в Политбюро ЦК СЕПГ – министром госбезопасности Вильгельмом Цейсером и главным редактором центрального партийного органа Рудольфом Херрнштадтом – для того, чтобы заставить его отказаться от власти. Подготовленная ими платформа опиралась на положения московского документа, делая акцент на кризисе в самой партии. Превратившись в ядро административно-бюрократического аппарата, СЕПГ «потеряла

связь с широкими массами, доверие значительной части рабочего класса». Интересно, что в платформе ЦейсераХернштадта впервые указывалось на «культ личности» (Persönlichkeitskult) как одну из причин партийного перерождения. Попытка оппозиционеров свергнуть Ульбрихта на заседании Политбюро ЦК СЕПГ 7 июля не привела к успеху. Воспользовавшись арестом Берии в Москве, большинство Политбюро объявило Цейсера и Хернштадта его сторонниками, фактически записав на счет бериевского заговора и майское решение Президиума ЦК КПСС. Советское руководство, занятое внутренней борьбой, не решилось вторично вмешиваться в ход событий в ГДР, опасаясь еще более трагических последствий. Это позволило сохранившему рычаги власти Ульбрихту развернуть масштабную кадровую чистку, стоившую карьеры более чем половине партийных функционеров среднего звена.

Новый курс, сформулированный в постановлении ЦК СЕПГ от 23 июля 1953 г., имел немало аналогий с «нэповским» отступлением – правящая партия заявила о переносе акцента на удовлетворение потребностей населения, фактически был реабилитирован частный сектор экономики. Среди конкретных мер называлось снижение регулируемых государством цен на 10-20 %, пересмотр норм выработки в ключевых отраслях промышленности и повышение пенсий. В этом плане стихийные выступления 16-17 июня, несмотря на последовавшие репрессии власти, принесли трудящимся ощутимые перемены к лучшему. Советскому Союзу пришлось пойти на дополнительные уступки, чтобы стабилизировать ситуацию в ГДР. В 1954 г. было объявлено о прекращении взимания репараций, сокращена доля ГДР в затратах на содержание советских воинских частей. 4 мая 1955 г. Германская Демократическая Республика стала членом Организации Варшавского Договора – военно-политического союза социалистических стран – и приступила к созданию Народной армии численностью около 100 тыс. человек. В ходе своего визита в Берлин в июле того же года Н.С. Хрущев заявил, что воссоединение Германии будет возможно лишь при учете социалистических достижений ГДР. Договор об основах отношений двух стран, подписанный в Москве 20 сентября 1955 г., предусматривал роспуск советской Контрольной комиссии и восстановление полного суверенитета ГДР при сохранении на ее территории значительного контингента советских войск.

Весьма противоречивым было отношение политической элиты ГДР к процессам десталинизации, развернувшимся в Советском Союзе. Реагируя на сигналы, идущие из Москвы,

Ульбрихт уже 4 марта 1956 г. заявил, что «Сталин не был классиком марксизма», но глубокая дискуссия о пороках сталинизма как общественно-политической системы в ГДР не допускалась. Из СССР возвращались жертвы репрессий второй половины 30-х гг., дававшие в обмен на персональные пенсии обет молчания. То же происходило и при реабилитации представителей старой коммунистической гвардии, лишившихся своих постов в годы правления СЕПГ – Аккерман, Далем и Меркер уже не могли вернуть себе былого влияния. И все же критика Сталина, пусть даже в узких рамках «разоблачения культа личности», давала общественности ГДР выход для выражения своих взглядов, атмосфера «оттепели» порождала надежды на близкие перемены. В университетах проходили острые политические дискуссии, среди студенческой молодежи явный ренессанс переживали идеи «третьего пути» между Востоком и Западом. Широкую известность приобрела группа партийных интеллектуалов, лидерами которой являлись философ Вольфганг Харих и издатель Вальтер Янка. Их публикации и выступления требовали глубокого анализа существующей системы, высказывались за реформы в направлении демократического социализма.

Контрудар партийных консерваторов не заставил себя ждать. После подавления восстания в Венгрии осенью 1956 г. они активизировали свои действия, потребовав решительной борьбы с «ревизионизмом» в общественных науках. Янка и Харих были арестованы, их сторонники лишились своих постов и кафедр. Ульбрихт, прошедший в Москве суровую школу сталинских интриг, дождался спада «оттепели» и нанес решающий удар по своим оппонентам в феврале 1958 г., когда были обвинены во фракционной деятельности и сняты со своих постов член Политбюро Карл Ширдеван, считавшийся вторым человеком в партии, и министр госбезопасности Эрнст Вольвебер. Очередная чистка перетряхнула весь партийный аппарат, верхушка которого формировалась отныне по принципу личной преданности генеральному секретарю ЦК СЕПГ.

К концу 50-х гг. ГДР вышла на пятое место в Европе по уровню промышленного развития и на второе – в социалистическом лагере. В рамках разделения труда стран СЭВ Восточная Германия утвердилась в качестве производителя высокотехнологичных товаров, электроники и бытовой химии. Последняя активно развивалась благодаря поставкам нефти из СССР по льготным ценам. В годы второй пятилетки в ГДР был введен в строй крупнейший в мире комбинат по добыче бурого угля «Шварце пумпе», начал свою работу первый атомный

реактор. Пятый съезд СЕПГ, состоявшийся в июле 1958 г., утвердил курс на ускорение социалистического строительства, чтобы в 1961 г. обогнать ФРГ по основным социально-экономическим показателям, включая производство товаров на душу населения. Через год партийное руководство решилось на пересмотр второго пятилетнего плана в сторону его увеличения, приняв по примеру СССР программу семилетки. Под лозунгом «стандартизация – механизация – автоматизация» подразумевался отказ от экстенсивного развития промышленности, хотя решающим показателем успехов той или иной отрасли оставалось наращивание объемов производства. Экономические нововведения тех лет включали в себя робкие попытки децентрализации планирования и передачи рычагов управления местным хозяйственным советам, содержавшие в себе рациональное зерно, но натолкнувшиеся на непреодолимое сопротивление берлинских министерств. Более успешной оказалась кампания по привлечению рабочих к рационализации своего труда, обещавшая изобретателям не только почет, но и существенные материальные привилегии. В рамках введенных в 1956 г.

«производственных совещаний» профсоюзы значительно расширили возможности контроля за состоянием отдельных предприятий.

В ходе «кооперативной весны» 1960 г. в ГДР было образовано 19 тыс. новых колхозов (Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaft), обрабатывавших 85 % сельскохозяйственных угодий. В отличие от СССР здесь не проводилось репрессивной политики ликвидации кулачества как класса, ставка делалась на пропаганду колхозов и финансовые рычаги давления на «единоличников». Крестьяне получили возможность выбирать между различными видами кооперативов, в том числе и без обобществления скота и инвентаря. В то же время идеологическая увязка форсированной коллективизации с необходимостью дать отпор агрессивным планам боннского режима весьма напоминала «военную тревогу» конца 20-х гг., открывшую дорогу сталинской революции сверху. Если кулаки в Советском Союзе депортировались в Сибирь, то зажиточные крестьяне из деревень Мекленбурга или Померании предпочитали добровольное бегство на Запад. В 1959 г. цифры беженцев были минимальными за всю историю ГДР, следующий год принес с собой их увеличение на 50 тыс. человек, что в ряде исследований объясняется сознательным стремлением руководства СЕПГ обострить ситуацию вокруг границы в Берлине. Задаче обеспечения решающего перевеса государственного

сектора в восточногерманской экономике было подчинено сведение ремесленных предприятий в артели, а также выкуп государством 50 % акций в частных предприятиях. К концу 50-х гг. последние давали всего лишь 9 % промышленной продукции ГДР.

На базе экономических успехов и установок «нового курса» активно развивалась государственная система социальной поддержки населения. Густая сеть детских садов, профсоюзные дома отдыха, образцовые поликлиники, предоставление бесплатного жилья молодоженам – все это позволяет исследователям говорить о формировании своего рода «социального контракта». Отказываясь признавать власть «своей», граждане ГДР в целом смирялись с ее политикой, так как чувствовали, что о них думают и заботятся. Лояльность системе означала для них гарантию профессионального роста, обеспеченную старость для себя и получение образования для своих детей. Более двух третей взрослого населения имело своим работодателем государственные структуры, что накладывало серьезный отпечаток на его менталитет. Риск самостоятельных решений уступал место заданному извне образу жизни, по крайней мерее в производственной и общественной сфере. В октябре 1957 г. в ГДР была проведена денежная реформа, в последующие месяцы отменено рационирование мяса и сахара, но на основные продовольственные товары в системе государственной торговли сохранялись дотационные цены. Всячески поощрялось самообеспечение продуктами, в черте городов садоводческим товариществам раздавались пустующие участки земли. Обещая своим подданным «неуклонный подъем материального благосостояния», государственный аппарат шаг за шагом становился заложником своих собственных проектов, будучи не в состоянии в случае неудач или поражений объяснить населению их подлинные причины.

До тех пор, пока в массовом сознании были свежи воспоминания о лишениях 40-х гг. и о поражении 1953 г., эта проблема не казалась неразрешимой. Сложности начинались при сопоставлении ФРГ и ГДР, являвшемся любимой темой и прессы, и застольных разговоров по обе стороны от германо-германской границы. «10 принципов социалистической этики и морали», принятые на Пятом съезде СЕПГ, отражали стремление власти изолировать население от воздействия примера ФРГ путем формирования особого социалистического образа жизни. Было сокращено число парадных мероприятий, под лозунгом «борьбы с догматизмом» партийная пропаганда перенесла акцент на реальные проблемы общественной жизни. Закрытость

политического процесса в условиях диктатуры компенсировалась развитием индустрии развлечений, поощрением массового спорта и художественного творчества рабочих. Осторожность властей в духовной сфере отражало поощрение гражданской альтернативы (Jugendweihe) церковной конфирмации, которая первоначально наталкивалась на сопротивление большинства родителей. Излюбленной темой публицистов СЕПГ оставалась борьба за воссоединение Германии, которая постепенно теряла свой наступательный характер. Выражением новых подходов к национальной истории стал тезис о «заблудшей нации» (А. Абуш), которая только в ГДР смогла избавиться от груза реакционных традиций.

Реальный прогресс в германском вопросе на протяжении 50-х гг. был заблокирован «холодной войной», не допускавшей поиска компромиссных решений. Для советского руководства ценность Восточной Германии и как военного плацдарма, и как хозяйственного партнера из года в год возрастала. Запад в свою очередь наращивал давление на ГДР, дополняя концепцию экономического «магнетизма» практикой ее обескровливания и международной изоляции. В октябре 1957 г.

Западная Германия в соответствии с «доктриной Хальштейна» разорвала дипломатические отношения с Югославией, признавшей ГДР. Под разными предлогами ФРГ блокировала внутригерманскую торговлю, тратила вместе с США огромные средства на радиопропаганду, которая велась с территории Западного Берлина. Сохранение особого статуса этого города позволяло немцам преодолевать «железный занавес», разделявший две мировые общественно-политические системы, на городской электричке.

Лагеря для беженцев (Notaufnahmelager) в Западном Берлине ежегодно регистрировали в среднем по 200 тыс. беженцев из ГДР. Если первоначально среди них преобладали представители донацистской политической и интеллектуальной элиты, то затем на первый план выходят кадровые рабочие, инженеры, а со второй половины 50-х гг. среди беженцев нарастает процент молодежи, получившей бесплатное образование и квалификацию в ГДР. Политические мотивы уступали ведущее место материальным соображениям, нараставшая разница в уровне жизни наглядно отражалась в витринах берлинских магазинов. Массовое бегство жителей Восточной Германии усиливало диспропорции в плановой экономике, которая была не в состоянии учесть этот фактор. Люди просто не выходили на работу, бросали жилье, нажитый скарб, крестьянское хозяйство. Согласно претензии ФРГ на единоличное представительство интересов всех немцев

беженцы сразу же получали западногерманские паспорта и солидную материальную помощь, без труда находили жилье и работу.

В ноябре 1958 г. Хрущев попытался заговорить с Западом с позиции силы, ультимативно потребовав превращения Берлина в «свободный и демилитаризованный город». Военные гарнизоны иностранных государств должны были в течение полугода покинуть его территорию, в противном случае не исключалась очередная блокада путей сообщения. Западные союзники отреагировали жесткими заявлениями, начали усиливать свое военное присутствие в Берлине. Волна ажиотажа, поднятая в западногерманской прессе, заявления, что «мышеловка вот-вот захлопнется», стимулировали рост числа беженцев из ГДР. Война нервов продолжалась без малого три года. В июне 1961 г. в Вене прошла встреча Хрущева и нового президента США Джона Кеннеди, где советский руководитель повторил свой ультиматум о скорейшем выводе западных войск из Берлина. В ответ Кеннеди провозгласил три условия, определявшие позицию США в этом вопросе: сохранение присутствия западных союзников в Берлине, обеспечение свободы коммуникаций и политическое самоопределение двух миллионов жителей его западной части.

Граничившее с авантюризмом наступление советского руководства в берлинском вопросе только затянуло принятие реальных решений, способных стабилизировать ситуацию вокруг бывшей столицы Германии. Ставший в 1960 г. после смерти Пика официальным главой государства (пост президента был заменен постом председателя Госсовета ГДР) Ульбрихт неоднократно требовал от Москвы согласия на то, чтобы «закрыть берлинскую дыру», справедливо указывая, что в противном случае дни ГДР будут сочтены. Ввиду того, что его собственные ультиматумы не приводили к ожидаемым результатам, Хрущев шаг за шагом уступал нажиму «товарища Вальтера». Окончательное добро закрытию внутриберлинской границы было дано на совещании руководителей государств Варшавского договора, созванном по инициативе Ульбрихта в Берлине с 3 по 5 августа 1961 г. Выступая перед собравшимися, лидер ГДР нарисовал драматическую картину «открытой границы», через которую западногерманские и американские агентства вербуют граждан его страны, и выразил готовность к самым решительным действиям для пресечения подобной «торговли людьми». О политических причинах бегства людей из ГДР на совещании не было сказано ни слова.

Ровно через неделю, в ночь на воскресенье 13 августа 1961 на всем протяжении границы между советским и западными

секторами Берлина началось возведение бетонной стены. Ульбрихт выполнил устное требование Хрущева: «Ни миллиметра дальше». Уже утром легально перейти эту линию, отмеченную во многих местах лишь наспех проложенными рядами колючей проволоки, было невозможно. Первое время люди преодолевали заграждения под покровом ночи, прыгали из окон зданий, вплотную прилегавших к линии, в одну ночь объявленной государственной границей ГДР. Все это стало неистощимым информационным поводом для западногерманской прессы, отныне в течение без малого тридцати лет сообщавшей на первых полосах о каждом случае бегства через стену. Снаряжение неистощимых на выдумку беглецов, перебиравшихся на Запад вплавь, по воздуху или подземным коммуникациям, пополняло экспозицию уникального музея, открывшегося неподалеку от американского контрольно-пропускного пункта. В Западной Берлине по-явилась целая профессия проводников (Fluchthelfer), далеко не все из которых работали бескорыстно. Туннелями, прорытыми под стеной (самый длинный из них достигал 140 метров), пользовались не только жители ГДР, переправлявшиеся проводниками на Запад, но и агенты спецслужб.

Стена расколола надвое живое тело одного из крупнейших городов Европы. 53 тыс. жителей ГДР работали в Западном Берлине, многие западноберлинцы учились в Университете имени Гумбольдта, находившемся в советском секторе города. Через несколько дней в соседний дом, оказавшийся «за стеной», нельзя было даже позвонить по телефону. Городские управы и в Восточном, и в Западном Берлине столкнулись с огромными инфраструктурными проблемами – замуровывались станции метро, переносились трамвайные линии, прокладывались новые коммуникации. Под контролем полиции и пограничников ГДР сносились вполне пригодные для жизни здания, чтобы обеспечить положенную в таких случаях «нейтральную полосу». Пропаганда СЕПГ, называвшая события 13 августа 1961 г. «возведением антифашистского защитного вала», лишний раз демонстрировала неспособность государства говорить со своими подданными языком правды. На самом деле их перманентный конфликт загонялся внутрь, переносился из области «голосования ногами» в другие сферы, дававшие власти выигрыш во времени, но исключавшие возможность окончательного примирения.

Несравненно большим было символическое значение берлинской стены не только для обоих германских государств, но и для всей послевоенной Европы. Бетонная материализация «железного занавеса» завершила собой построение социалистического лагеря в восточной части континента.

Западные державы в целом спокойно отреагировали на окончательный раздел Берлина, так как их права не были нарушены. Консервация status quo заставила их искать новую стратегию сосуществования с СССР и его союзниками. Как это ни парадоксально, берлинская стена открыла дорогу разрядке международной напряженности в середине 60-х гг. В договоре о дружбе и сотрудничестве, подписанном Советским Союзом и ГДР 12 июня 1964 г., появилось упоминание о Западном Берлине как «самостоятельном политическом образовании», хотя де-факто эта часть города являлась анклавом ФРГ.

Появление берлинской стены знаменовало собой «второе рождение восточногерманской диктатуры» (Д. Стариц), ибо не только нейтрализовало воздействие на ГДР западногерманского магнита, но и вынудило жителей республики устраиваться в новых условиях всерьез и надолго. Многим из них действительно «спокойнее жилось под сенью стены. Мучительного выбора: бежать или остаться, больше не было» (Г.де Бруйн). Пропаганда СЕПГ выдвинула новый лозунг: «Мы все нужны республике, республика нужна всем нам», делая ставку уже не на воспитание самоотверженных строителей социализма, на политическую нейтрализацию тех, кто не попал в эту когорту.

Стержнем «консультативно-авторитарной системы ГДР» (П. – Х. Лудц) в 60-е годы оставалась Социалистическая единая партия Германии, выросшая до двух миллионов человек. Большинство из них уже не имело веймарского стажа и рассматривало свое членство в партии в качестве трамплина для профессионального и социального роста. Хотя массовую базу СЕПГ продолжали составлять рабочие от станка, «старую гвардию» на ключевых постах ее аппарата начали активно вытеснять специалисты с инженерно-техническим образованием. Это имело как позитивные, так и негативные стороны – к первым относилась способность быстрой мобилизации не только партийного базиса, но и всего персонала предприятий, будь то субботник или сверхурочные в конце квартала. В то же время партийные кадры все больше вмешивались в текучку производственного процесса, пытаясь совместить в своем лице индустриальных менеджеров и политических комиссаров. Новая программа, принятая на Шестом съезде СЕПГ (15-21 января 1963 г.), повторяла основные положения программы КПСС 1961 г. о завершении строительства социализма и переходе к коммунистическому обществу. В ней уже не осталось и следа от социал-демократической составляющей объединенной партии – СЕПГ называла себя марксистско-ленинской партией рабочего класса, ее цели воплощали в себе национальные чаяния всего немецкого народа.

Единственно возможным путем решения германского вопроса программа называла конфедерацию ГДР и ФРГ, учитывавшую произошедшие изменения общественнополитического строя в каждой из стран.

Закрытие границы на Запад привело к стабилизации социально-экономической ситуации и даже позволило говорить о запоздалом «экономическом чуде» и в ГДР. В 1969 г. объем промышленного производства в этой стране превысил уровень довоенной Германии. В 60-е годы ежегодный рост национального дохода держался на уровне 5 %, при этом производство предметов потребления начало обгонять развитие тяжелой индустрии. В ГДР первой среди социалистических стран было налажено массовое производство легковых машин, цветных телевизоров, сложной бытовой техники. Главной экономической проблемой для правящей партии оставалась несбалансированность развития отдельных отраслей, с которой не смогли справиться реформы конца 50-х гг.

Новая система планирования и управления народным хозяйством, обсуждавшаяся на Шестом съезде СЕПГ, была принята Советом министров ГДР в июне 1963 г. В качестве ключевой структуры экономики определялись 82 отраслевых объединения (концерна), получившие известную самостоятельность в поиске внутренних резервов развития и торговых партнеров, организации системы сбыта и т.д. Отношения между отдельными объединениями регулировались горизонтальными договорами при сохранении приоритета контрольных цифр государственного плана. Центральным элементом новой системы являлся возврат к экономическим рычагам планирования и управления народным хозяйством – решающим показателем стал размер полученной прибыли, а не объем произведенной продукции. Из прибыли предприятия сами должны были выделять средства на инвестиции, оплату труда и социальную сферу. Подобные положения легли в основу реформы хозяйственного управления, начавшейся в СССР несколькими годами позже. Запад увидел в частичной реабилитации рынка признак технократической конвергенции двух систем, однако радужным прогнозам не суждено было сбыться. Новая система управления народным хозяйством так и осталась масштабным экспериментом, продолжавшимся лишь до конца 1966 г. Влиятельные силы в СЕПГ увидели в децентрализации хозяйственного процесса подрыв руководящей роли партии. Дискредитации реформ способствовали и реальные проблемы, такие как дефицит сырья и вздувание цен на новую продукцию, требовавшие не сворачивания, а дальнейшего развития рыночных

начал экономики.

Социально-экономическую структуру ГДР в 60-е годы отличало от советской модели прежде всего сохранение ниш частной собственности, будь то домовладения, сфера услуг или ремесленные предприятия. Государство продолжало вести с ними «холодную войну», например, регулируя потолок взимаемой квартплаты или принуждая к расточительным инвестициям, но не переходило в решительное наступление. Выравнивание амплитуды доходов населения происходило не только через налогообложение, но и через субсидии в оплате продуктов, коммунальных услуг и т.д. Напротив, престижные товары оказывались в дефиците, что позволяло государству устанавливать на них запредельные цены. Появившийся в 60-е годы мини-автомобиль «Трабант» стоил 8 тыс. марок при среднемесячной зарплате рабочего в 600 марок, при этом очередь за двухтактным чудом технической мысли растягивалась на долгие годы. Для продажи «предметов роскоши» в 1962 г. в ГДР была создана специальная сеть магазинов. Тот факт, что к ним относились бананы или кофе, аксессуары молодежной моды или добротная обувь, являлся одним из противоречий социалистического быта.

Напротив, в сфере образования действия власти и интересы общества в целом совпадали. 25 февраля 1965 г. Народная палата ГДР приняла «закон о единой социалистической системе образования», включавшей в себя сеть дошкольных учреждений, обязательное десятилетнее обучение в средней школе и дополнительную двухгодичную программу для поступления в вуз (Erweiterte Oberschule). Учебные программы модифицировались в соответствии с требованиями научнотехнической революции, преимущество пролетарского происхождения отходило на второй план перед личными способностями учащихся. Бесплатность образования, его системный характер и профессиональная ориентация вывели школьную систему ГДР на одно из первых мест в мире. Двойственный характер имела реформа высшей школы, покончившая с остатками университетской автономии, и в то же время давшая толчок развитию системы вечернего и заочного обучения. Научные исследования, традиционно проводившиеся в рамках университетов, стали приоритетом Академии наук ГДР, в сети отраслевых и междисциплинарных институтов которой работало около 20 тыс. ученых.

Социальное развитие страны в 60-е годы было отмечено значительным подъемом уровня жизни – за десятилетие он вырос в полтора раза, и по этому показателю ГДР не имела себе равных в социалистической системе. Материальный достаток освободил

восточных немцев от каждодневных забот вроде возделывания огорода, домашних заготовок на зиму. С осени 1967 г. начался переход на пятидневную рабочую неделю при восьмичасовом рабочем дне. Увеличение количества свободного времени расширяло возможности осмысленного проведении досуга. Нормальным явлением для восточных немцев стал летний отдых не только на балтийском побережье или в горах Тюрингии, но и на Балатоне, в Татрах, на Черном море. Частная жизнь – святое для любого немца понятие – имела в ГДР особый смысл и ценность, позволяя хоть на время избавиться от вездесущего контроля партийных активистов. Важным фактором социального престижа оставались спортивные успехи, соревнования охватывали все возрастные категории и проводились буквально в каждой деревне. На летней Олимпиаде 1968 г. в Мехико ГДР уже выступала собственной командой и оставила далеко позади спортсменов ФРГ.

Продолжалось активное вовлечение женщин в производственный процесс – к 1970 г. они составляли 48 % от общего числа рабочих и служащих. За пропагандистскими лозунгами о равноправии полов скрывалась реальная проблема дефицита рабочей силы, и в то же время законодательство ГДР о защите материнства не имело себе равных, обеспечивая женщинам дородовой отпуск, гарантию сохранения рабочего места, гибкий график после возвращения на работу, практически бесплатные ясли, детские сады и группы полного дня в школах. Особая роль женщины в воспитании подрастающего поколения стала юридической нормой в семейном кодексе ГДР, принятом в декабре 1965 г. Тем не менее в высших звеньях партийно-государственного аппарата женщины оставались исключением, в Политбюро ЦК СЕПГ их не было вообще. Женская эмансипация имела и обратную сторону – ГДР находилась на одном из первых мест в мире по количеству разводов, падение уровня рождаемости обернулось в последующие десятилетия искривлением демографической пирамиды и дополнительной нагрузкой на молодежь.

Люди не только освобождались от повседневных забот, но и использовали в своих интересах известную либерализацию политического режима. В то же время «восточногерманское общество в огромной степени являлось конструкцией господствующей диктатуры» (Ю. Кока). СЕПГ, не отказываясь от претензии на монопольную власть, позволяла авторам сатирических журналов дозированную критику в свой адрес. В кинотеатрах можно было увидеть лучшие западные фильмы (пусть и на специальных сеансах поздно вечером), широкий

общественный резонанс имели выступления певца Вольфа Бирмана, переселившегося в ГДР из Гамбурга, критические литературные произведения Эрвина Шритматтера и Христы Вольф, авангардистские эксперименты молодых художников. В мае 1964 г. в Берлине под эгидой ССНМ прошла встреча молодежи ГДР и ФРГ (Deutschlandtreffen), породившая надежды на развитие неформальных контактов жителей двух стран. Освещавшая ход встречи радиостанция ДТ-64 стала символом запоздавшей «оттепели» в ГДР.

Во второй половине 60-х гг. не без воздействия холодных ветров, подувших из Кремля, начинается «закручивание гаек», связанное с выдвижением на первые роли в партийном руководстве Эриха Хонекера, курировавшего до того органы госбезопасности. Программный характер носила его речь на пленуме ЦК СЕПГ в декабре 1965 г., посвященном вопросам культуры. Под лозунгом «долой мещанский скептицизм» Хонекер выступил против видных деятелей культуры и искусства, «концентрирующих внимание на показе ошибок и недостатков ГДР» и тем самым льющих воду на мельницу западной пропаганды. Горячо обсуждавшийся в литературе вопрос о месте творческой интеллигенции в новой общественно-политической системе был сведен к примитивно понятой полезности. «Активная роль литературы и искусства, – подчеркивал Хонекер, – как раз и состоит в художественном отображении конструктивной политики партии и государства по преодолению противоречий сознательной человеческой деятельности в условиях социализма».

Не заставило себя ждать и изменение курса СЕПГ в молодежной политике – новым лозунгом стало «воспитывать, а не приспосабливаться». Борьба с декадентской музыкой и «битломанией», которую партийная пресса называла «оргией американской антикультуры», вела к тому, что молодежь все больше уходила из-под влияния ССНМ, формировала очаги альтернативной культуры. Введение в 1962 г. всеобщей воинской обязанности увеличило возможности власти по воспитанию «полезных членов общества». Национальная народная армия выступала для призывников в двух ипостасях – на идеологическом уровне как воплощение вооруженных сил рабочих и крестьян, на уровне повседневной службы – как носительница «прусского духа», культа выучки, порядка и подчинения. Исторические традиции отражались даже в армейской униформе, мало изменившейся по сравнению с вермахтовской.

Будучи полностью изолированной от Запада, ГДР искала

возможности прорыва внешнеполитической изоляции в «третьем мире». Помощь странам, освободившимся от колониальной зависимости, в условиях отсутствия дипломатических отношений шла в основном по линии обучения студентов. Первым ударом по «доктрине Хальштейна» стал визит Ульбрихта в Египет в феврале 1965 г., впрочем, не завершившийся обменом посольствами. Курс на воссоединение Германии в партийной пропаганде постепенно уступал свое место тезису о необходимости мирного сосуществования двух германских государств, были предприняты первые шаги по восстановлению гуманитарных контактов. Жителю Восточного Берлина было проще поехать на Байкал, чем искупаться в озере Ванзее, лежавшем в черте города. Лишь с 1964 г. пенсионеры из ГДР получили право посещения родственников в Западном Берлине и ФРГ.

Руководство СЕПГ в 1966 г. неожиданно согласилось с предложениями наладить диалог с западногерманской социал-демократией по идеологическим вопросам. Обмен выступлениями партийных лидеров перед массовой аудиторией в обеих странах, возродивший надежды населения на возврат либерального курса, так и не состоялся под предлогом того, что ФРГ отказалась предоставить восточногерманским лидерам гарантии безопасности. Большую роль в ужесточении внутренней политики режима играл страх перед повторением событий «пражской весны» 1968 г., которая вызвала у общественности ГДР спонтанные проявления солидарности. Реальный шанс нормализации германо-германских отношений открылся только после смены власти в Бонне – в ходе обмена визитами канцлера Брандта и председателя Совета министров ГДР Вилли Штофа весной 1970 г. был определен круг проблем, стоявших на этом пути.

Главным требованием руководства СЕПГ к новому правительству ФРГ было международно-правовое признание ГДР как «социалистического государства немецкой нации» – именно такая формулировка была записана в новой конституции страны. Ее принятию (9 апреля 1968 г.) предшествовала широкая общественная кампания, в ходе которой было проведено три четверти миллиона собраний (Volksaussprache), затем по проекту впервые в истории ГДР был проведен референдум (94 % его участников высказались в поддержку проекта). Новая конституция демонстрировала сближение правовых норм и политических реалий: ее первая статья была посвящена руководящей и направляющей роли партии в условиях социализма, за ней шел традиционный каталог прав и свобод, из которого исчезли право на забастовку и сопротивление

незаконным действием власти. Восьмая статья конституции приветствовала воссоединение всех немцев в одном государстве, но только после «преодоления вызванного империализмом раскола Германии». Статья 48 провозглашала органом высшей власти в ГДР Народную палату, при этом сохранение безальтернативного характера парламентских выборов гарантировало власти традиционные 99 % формальной поддержки населения.

Новая конституция не изменила реальных соотношений власти в ГДР, не могла стать препятствием нарастанию застойных явлений, прежде всего в сфере идеологической легитимации партийной диктатуры. Портреты Ульбрихта не сходили с первых полос берлинских и местных газет, печатались на почтовых марках всех цветов и достоинств. Ответом общественного мнения на гротескные формы культа личности стал «саксонский синдром» (Ульбрихт происходил из Саксонии), согласно которому представители этого региона, будучи беспринципными пронырами и приспособленцами, наводнили собой органы власти. Не лучшее мнение складывалось в провинции и о берлинцах, удачно устроившихся в «витрине социализма». В региональном сепаратизме находило свой выход недовольство населения замкнутостью партийной верхушки, изолированностью от процесса принятия политических решений. Поиск виновных в собственном неблагополучии вел к появлению в массовом сознании новых мифов, имевших известные параллели с бытовым антисемитизмом. Жителей Восточной Германии с малых лет пичкали «братской дружбой» с Советским Союзом, но из парадных мероприятий не вырастало искренних чувств, Присутствие значительного контингента советских войск на территории ГДР вызывало растущее раздражение. Местному населению не нравилось абсолютно все – закрытые военные городки и полигоны, расположенные в самых живописных местах, походы офицерских жен по магазинам и аварии во время маневров. «Левая» распродажа солдатами срочной службы автомобильного горючего пополняла бюджет многих семей в ГДР, но не вела к формированию у них образа Советского Союза как самой передовой страны мира.

Охлаждение отношений происходило и на высших этажах политической власти. В воспоминаниях современников отмечаются неприязненные отношения нового советского лидера Л.И. Брежнева с Ульбрихтом – последний оставался для него живым воплощением сталинского режима, о котором в СССР предпочитали не говорить. Сказывалось и несогласованность действий во внешнеполитическом курсе. Руководитель ГДР

настаивал на том, что он имеет преимущественное право на определение позиции «социалистического лагеря» по отношению к ФРГ. Крайне несвоевременно для Кремля, накануне вступления войск Варшавского договора в Прагу он выступил с инициативой нормализации отношений двух германских государств, которая была воспринята на Западе как свидетельство внутренних противоречий в лагере противника. После начала новой восточной политики социал-либеральной коалиции Ульбрихт, придерживавшийся своего рода «доктрины Хальштейна» наоборот, превратился в существенный тормоз нормализации отношений ФРГ с восточноевропейскими странами.

Особое раздражение в Москве вызывали постоянные теоретические новации из Восточного Берлина: так, в 1967 г. Ульбрихт заявил, что социализм является длительной общественно-экономической формацией, а в Восточной Германии сформировалось бесклассовое общество (Sozialistische Menschengemeinschaft). Тогда же появился его тезис о «развитом социализме», который в 70-е годы был заимствован руководством КПСС (без указания на его первоисточник). Создававшийся пропагандистским аппаратом СЕПГ образ ГДР как модели преобразований в высокоразвитой индустриальной стране воспринимался в Москве как скрытый протест против роли СССР как лидера социального прогресса. Брежнев, всерьез обеспокоенный нараставшими шатаниями в «социалистическом лагере» от Румынии до Польши, не мог рисковать его стабильностью на самом важном военно-стратегическом направлении.

Как и его западный визави Аденауэр, на закате своей политической карьеры Ульбрихт был окружен интригами своего ближайшего окружения. После декабрьского пленума ЦК СЕПГ 1965 г. о своих претензиях на партийное руководство заявила фракция Хонекера-Штофа, добившаяся в последующие годы установления «двоевластия» в Политбюро (М. Кайзер). Конфликт достиг своего апогея летом 1970 г., когда Ульбрихт фактически отстранил своего наследника Хонекера от работы в Политбюро. После вмешательства Москвы последний был реабилитирован и перешел в контрнаступление, переключив на себя административные рычаги и изолировав таявшие ряды сторонников Ульбрихта. Заручившись поддержкой большинства членов Политбюро, он направил в ЦК КПСС 21 января 1971 обстоятельное письмо, где обосновывалась невозможность совместной работы. Ульбрихт обвинялся в «попытках ориентировать партию на нереальные цели, навязывание ей далеких от жизни, псевдонаучных и отчасти технократических

теорий», ему вменялись в вину «грубость и обидчивость», поучительный тон и многое другое. И все же решающим аргументом для советского руководства оставалась отмеченная в письме перспектива потери ГДР по сценарию «пражской весны».

Решающий разговор состоялся в Москве во время XXIV съезда КПСС. 11 апреля Брежнев принял вначале Ульбрихта, затем Хонекера, заявив последнему: «ГДР для нас, братских стран социализма, является важным бастионом. Ее появление стало результатом второй мировой войны, нашим достижением, оплаченным кровью советского народа… Ульбрихту не удастся править без нашего согласия, предпринимать какие-либо шаги против тебя или других товарищей из Политбюро. У вас же стоят наши войска. Эрих, я говорю тебе со всей откровенностью, никогда не забывай того, что без нас, без мощи и влияния СССР ГДР существовать не сможет». Советский лидер добился полюбовного разрешения конфликта в пользу «молодого поколения» (разница в возрасте между двумя лидерами составляла двадцать лет). 3 мая 1971 г. было объявлено об уходе Ульбрихта по состоянию здоровья с поста первого секретаря ЦК СЕПГ. До своей смерти в августе 1973 г. он оставался председателем Госсовета ГДР, поскольку этот высший государственный пост не предполагал обладания реальными регалиями власти.

С уходом Ульбрихта, бывшего вначале «серым кардиналом», а затем официальным лидером ГДР, для этой страны закончилась целая эпоха – эпоха поисков исторического пути, альтернативного западногерманскому. Новейшие исследования показывают, что эти годы отличались невиданной социальной динамикой и реформами, пытавшимися выйти за рамки навязываемой в качестве образца советской модели. Тем не менее, и для Запада, и для собственного населения Ульбрихт оставался «наместником Москвы» (Х. Клессман), в то время как его наследник был уже продуктом не Сталина или Коминтерна, а внутригерманского развития – продуктом, олицетворявшим победу той части партийно-государственного аппарата, которая ставила сохранение собственной власти выше риска, связанного с проведением системных реформ. Это касалось не только внутренней, но и внешней политики. Парадоксально, но санкционированная советским руководством смена лидеров ГДР рассматривалась в большей степени как противовес опасному «сближению» двух систем, нежели как следствие политики разрядки в целом и новой восточной политики ФРГ в частности.

Глава 6 ФРГ: «экономическое чудо» в эпоху Аденауэра

«Вначале был Аденауэр» (А. Баринг), «канцлерская демократия» и даже «эра Аденауэра» (Г. – П. Шварц) – подобные характеристики преобладают в исследованиях, посвященных начальному периоду истории Федеративной республики Германии. Фиксирование на фигуре того или иного политического деятеля характерно для новейшей истории вообще, отражая как определенную зависимость научного поиска от журналистских суждений и читательского интереса, так и ее «размытость» и незаконченность. В условиях стабильной демократии политические фигуры возникают на партийном горизонте и движутся к зениту государственной власти согласно механике выборов, поэтому и в дальнейшем нам придется оперировать такими понятиями, как эпоха Вилли Брандта или Гельмута Коля, отдавая себе отчет в условности такой периодизации и все же используя ее за неимением чего-то лучшего.

Несмотря на то, что в первом кабинете Аденауэра не было министерства иностранных дел (оно появилось в марте 1951 г.), изложение начального периода истории ФРГ представляется целесообразным начать именно с ее внешней политики. По сравнению с предшествовавшими эпохами радикально изменилась степень ее свободы. Западная Германия оставалась «совместным протекторатом трех западных держав» (Т. Эшенбург), объектом воспитания, лишенным значительной части своего суверенитета. Ее восточная политика сводилась к пропагандистской риторике, ее западная политика определялась извне. США, Великобритания и Франция, признавая особую роль ФРГ в противостоянии коммунизму на европейской арене, не спешили выпускать из своих рук рычаги контроля. Все законодательство проходило проверку в Союзнической комиссии, и только при отсутствии возражений оттуда решения бундестага обретали силу закона. Символично, что ее резиденция располагалась на вершине горы, расположенной на высоком правом берегу Рейна и нависавшей над провинциальным Бонном, так и не почувствовавшим себя настоящей столицей. Регулярные восхождения канцлера и его министров на гору Петерсберг для общения с представителями трех западных держав замещали собой на первых порах международные контакты только что возникшего государства.

Тот факт, что уже в первые годы своего существования ФРГ вернула себе роль субъекта европейской политики, нельзя записать исключительно на счет Аденауэра. В ее пользу складывалась и конъюнктура «холодной войны», и внутриполитическая стабильность. И все же отдадим должное тактическому мастерству и постоянству этого политика в условиях, когда в его дипломатическом арсенале была только сила убеждения. Аденауэр не упустил ни одного шанса для того, чтобы доказать своим внешнеполитическим покровителям целесообразность иметь на переднем фронте конфронтации с коммунизмом сильную, преуспевающую и вооруженную Западную Германию. Выстроив для себя систему приоритетов, он шаг за шагом продвигался к поставленной цели, не останавливаясь ни перед обвинениями с Востока в углублении раскола страны, ни перед критикой оппозиции, считавшей его «бундесканцлером союзников» (К. Шумахер).

Уже 22 ноября 1949 г. между руководителями Союзнической комиссии и правительством ФРГ было подписано Петерсбергское соглашение, положившее начало ревизии Оккупационного статута. ФРГ получила право на открытие консульств в зарубежных странах, ей было разрешено вступление в международные организации и обещано скорейшее окончание демонтажей. В качестве платы за эти уступки Аденауэру пришлось признать сохранение контроля над Руром в руках шести западных держав. Неопределенность отношений собственности и судьбы индустрии этого региона тормозила необходимые инвестиции и вела сокращению экспорта из него, напоминая о печальном исходе оккупации Рура в 1923 г. Чтобы разрубить гордиев узел, министр иностранных дел Франции Роберт Шуман в мае 1950 г. выдвинул план создания общего рынка для горнодобывающей промышленности и металлургии в Западной Европе. ФРГ, заинтересованная в нормализации отношений с «наследственным врагом», поддержала эту идею. В 1951 возникло «Европейское сообщество угля и стали» (Montanunion), заложившее основу дальнейшей экономической интеграции.

Непризнание ФРГ «коллективной вины» немцев за преступления нацистского режима сопровождалось широкими жестами примирения по отношению к его жертвам, хотя финансовые выплаты производились только тем из них, кто проживал в западноевропейских государствах и США. Особое внимание уделялось отношениям с Израилем, получившим от Западной Германии стартовую помощь в объеме около 3,5 млрд. марок. 15 июня 1950 г. ФРГ вступила в Совет Европы, 9 июня

1951 г. западные державы заявили о прекращении состояния войны с Германией. Отказавшись от претензий на «особый путь» этой страны, приведший к двум мировым войнам, Аденауэр считал одним из главных критериев восстановления государственного суверенитета создание собственной армии. Уже в марте 1949, будучи только председателем Парламентского совета, он заявил о готовности немцев «внести свой вклад в оборону свободного мира», что не могло не импонировать администрации, уставшей в одиночку нести это бремя. После начала корейской войны пресса ФРГ заговорила об угрозе повторения ее сценария на немецкой земле. Перспектива вторжения штурмовых отрядов из ГДР являлась одним из фантомов «холодной войны», но она сделала свое дело. Вопрос об участии ФРГ в обороне западного мира от коммунистического нашествия был переведен в плоскость практических переговоров. Их результатом стало формирование Европейского оборонительного сообщества, договор о котором был подписан 27 мая 1952 г. В рамках этого объединения предполагалась передача национальных воинских контингентов ФРГ, Италии, Франции и Бенилюкса под общее командование под патронажем США.

Аденауэр, верный своей линии оплачиваемых услуг, сумел увязать с перспективой образования европейской армии очередной шаг к восстановлению суверенитета страны. 26 мая 1952 г. в Бонне был скреплен подписями «договор о Германии», согласно которому Франция, Великобритания и США провозгласили оккупационный режим в ФРГ законченным, сохранив свои права на Берлин и военное присутствие. Боннское правительство получило самостоятельность в вопросах внешней политики, включая и борьбу за воссоединение Германии. После того, как французский парламент в августе 1954 не ратифицировал договор о Европейском оборонительном сообществе, вопрос о западногерманской армии вернулся к своему исходному состоянию. Чтобы заполнить возникший военнополитический вакуум, в спешном порядке был пересмотрен Боннский договор, новая редакция которого позволила ФРГ 9 мая 1955 г. стать членом НАТО. Одновременно была распущена Союзническая комиссия, ее представители получили статус послов своих стран в ФРГ. После принятия соответствующего конституционного закона начался набор новобранцев в вооруженные силы ФРГ – бундесвер, численность которого уже в 1957 г. достигла 100 тыс. человек.

Серьезным препятствием на пути примирения Германии со своим главным западным соседом и «вековым врагом» оставался вопрос о Сааре, находившемся под контролем Франции. В

результате состоявшегося в октябре 1955 г. плебисцита более двух третей жителей этого региона высказались за присоединение к ФРГ. 1 января 1957 г. Саар стал десятым субъектом западногерманской федерации. Это сняло напряженность во французско-западногерманских отношениях, стимулировало процесс европейской интеграции. Римский договор о Европейском экономическом сообществе, подписанный 25 марта 1957 г., подразумевал, что через двенадцать лет в Западной Европе должен сформироваться «общий рынок» товаров, услуг и капиталов. Он же определил политические механизмы интеграции – Совет министров стран-членов ЕЭС и Европарламент, депутаты которого избирались национальными парламентами и заседали в Страсбурге.

Успехи на западном направлении внешней политики ФРГ не компенсировали отсутствия прогресса на востоке, где находился ключ к национальному воссоединению. Уже в первом официальном заявлении канцлера Аденауэра по германскому вопросу, прозвучавшем 21 октября 1949 г., подчеркивалось, что «Федеративная республика остается до воссоединения страны единственным легитимным государственным образованием немецкого народа… Только ФРГ имеет право говорить от имени всех немцев». Бескомпромиссная позиция Бонна, рассчитывавшая на скорое падение коммунистической диктатуры в ГДР, сводила германский вопрос к «политической риторике» (Х. Клессман). Столь же прагматичным, сколь и пропагандистски выгодным для ХДС/ХСС оставалось непризнание границы по Одеру-Нейсе, блокировавшее нормализацию отношений с восточноевропейскими странами. Прибавлявшая от выборов к выборам партия Аденауэра была крайне заинтересована в голосах нескольких миллионов выходцев из «отторгнутых областей».

Неприятным сюрпризом, грозившим перевернуть зыбкий status quo в Центральной Европе, стала для Аденауэра нота советского правительства от 10 марта 1952 г., предлагавшая Западу возобновить работу над мирным договором. Появившийся накануне подписания договора о Европейском оборонительном сообществе, этот документ пытался выжать хотя бы минимум возможного из германской карты, остававшейся на руках у Сталина. В нем предлагалось проведение выборов во всех зонах оккупации, открывавших перспективу единой, независимой и нейтральной Германии в границах, определенных Потсдамской конференцией. В течение года после заключения мирного договора страну должны были покинуть вооруженные силы иностранных государств. «Адресатом ноты Сталина была Западная Германия, хотя формально она была обращена к

западным державам» (Г.А. Винклер). В отличие от СДПГ, увидевшей в инициативе СССР шанс вывода германского вопроса из мертвой точки, Аденуаэр выступил резко против, и его позиция повлияла на формулировки ответных нот. Для него все сводилось к попытке Советов вбить клин между ФРГ и ее союзниками.

Активный обмен нотами продолжался до конца сентября 1952 г. Разногласия прежде всего вызывал вопрос о том, кто будет осуществлять контроль за выборами в законодательное собрание единой Германии. СССР настаивал на державах антигитлеровской коалиции, Запад считал достаточным контроль наблюдателей ООН. Берлинская конференция четырех держав по германскому вопросу (25 января – 18 февраля 1954 г.) также уперлась в различное истолкование формулы «свободных выборов». И ФРГ, и ГДР были готовы двигаться к национальному единству только вместе с собственной политической системой. Оппоненты канцлера позже заговорили о мартовской ноте Сталина как об «упущенном шансе», в современных научных дискуссиях также преобладает мнение, что она являлась искренним приглашением Запада к переговорам (Р. Штайнингер). И в то же время «нота от 10 марта 1952 г. запоздала. Пик оппозиции курсу Аденауэра в Западной Германии к тому времени был уже пройден. … Советские компромиссные предложения выглядели как уступка перед лицом свершившихся фактов, свидетельствовавшая об успехе натовской «политики силы»« (А.М. Филитов).

Изначально сделав ставку на капитуляцию Восточной Германии, Аденауэр не проявлял готовности к поиску компромисса и, более того, уводил от него своих западных партнеров. Он неоднократно заявлял в узком кругу, что стремится не к воссоединению страны, а «к освобождению 17 миллионов немцев из рабства». Пропагандистская миссия Моисея имела мало общего с реальным состоянием германо-германских отношений, находившихся на грани силового конфликта. Согласно «доктрине Хальштейна» (ее автор являлся статс-секретарем в министерстве иностранных дел) ФРГ разрывала дипломатические отношения с любой страной мира, признавшей ГДР. В 1957 г. она была опробована на практике, приведя к закрытию посольства ФРГ в Югославии. Западногерманская пресса обвиняла канцлера в неискренности его германской политики, и даже в том, что он боится возвращения протестантского населения Восточной Германии и размывания электората ХДС. Аденауэр хладнокровно парировал упреки, обещая своим оппонентам, что «когда Запад будет сильнее Советской России, я начну с ней переговоры».

Очевидно, такой момент наступил в сентябре 1955 г., когда

Аденауэр отправился в Москву. Многодневные переговоры, ход которых подробно описан в его мемуарах, не отличались дипломатической вежливостью. В ответ на обвинения советского руководства в реваншизме, Аденауэр взорвался: «Кто заключал пакт с Гитлером, вы или я?» В обмен на установление дипломатических отношений между двумя странами (для СССР как участника Потсдамской конференции было сделано исключение из «доктрины Хальштейна») председатель советского правительства Н.А. Булганин пообещал вернуть на родину немецких военнопленных, которые оставались в лагерях на территории СССР. Никаких подвижек в позиции сторон по германскому вопросу не произошло – участвовавший в переговорах Н.С. Хрущев заявил, что воссоединение возможно лишь при учете новой общественной системы, сложившейся в ГДР.

Взаимное непризнание двух германских государств отнюдь не означало их полной изоляции друг от друга. «Федеративная республика родилась в 1949 г. близнецом Атлантического пакта. Ее отцом была холодная война» (А. Гроссер). Если проблема отцовства особых споров не вызывает, то на вопрос о братьях и сестрах можно ответить и по-другому. Бесспорны общие год и место рождения ФРГ и ГДР, неразделенность их истории и самосознания их граждан. В первое десятилетие своего существования оба государства оставались сиамскими близнецами, переживавшими хирургическую операцию собственного разделения. Построение берлинской стены, о котором речь пойдет в следующей главе, стало ее завершающим моментом. Как мы знаем из практики медицины, после подобной операции один из близнецов оказывается нежизнеспособным. В истории установление этого факта может затянуться на целые десятилетия.

Появление берлинской стены лишило эффективности политику «экономического магнетизма» Восточной Германии, на которую делал ставку Аденауэр. На поиск иных решений у находившегося на закате своей политической карьеры канцлера уже просто не хватало времени. Он выжидал решительного ответа Запада, чтобы использовать его в свою пользу в ходе продолжавшейся предвыборной кампании. Лишь 22 августа 1961 г. канцлер прилетел в Берлин, и эта задержка стоила ХДС/ХСС нескольких процентов голосов на выборах в четвертый бундестаг. Не высказывая открытых протестов, Аденауэр пришел к выводу о необходимости отказа от безоговорочной ориентации на США, предприняв шаги навстречу Франции, усилившейся после возвращения к власти Шарля де Голля. Лебединой песней

внешней политики первого канцлера ФРГ стал французско-западногерманский договор о сотрудничестве (22 января 1963 г.), предусматривавший наряду с углублением союзнических отношений постоянные консультации глав обоих государств, поощрение общественных контактов и содействие европейской интеграции.

Если попытаться подобрать к первому десятилетию истории ФРГ самую краткую и популярную формулировку, то результатом наверняка окажется «экономическое чудо». Чудо заключалось не столько в абсолютных цифрах роста, сколько в том, что население Западной Германии, привыкшее к нужде оккупационного периода и помнящее о кризисной ситуации после первой мировой войны, его вообще не ожидало. Статистические данные 50-х гг. выглядят впечатляюще, но отнюдь не сверхъестественно. Валовой социальный продукт ФРГ за пять лет после проведения денежной реформы вырос на 68 %, объем промышленного производства – почти в три раза (по сравнению с довоенным уровнем – на 65 %). Благодаря позитивному внешнеторговому балансу резервы федерального банка к 1960 г. достигли 32 млрд. марок. Если к началу 50-х гг. число безработных в стране держалось на уровне 2 млн. и его не удавалось сбить из-за постоянного притока переселенцев из ГДР, то к середине десятилетия экономика стала испытывать дефицит рабочей силы.

Причины подъема и бескризисного развития западногерманской экономики вплоть до середины 60-х гг. заключались прежде всего в ее низкой стартовой позиции. Военные разрушения расчистили плацдарм для новых инвестиций и внедрения современных технологий. Как это ни парадоксально, «одной из тайных пружин «экономического чуда» ФРГ 50-х годов была политика бессмысленных в предпринимательском плане демонтажей союзников» (В. Бенц). Огромный отложенный спрос населения, значительной части которого приходилось обустраиваться на новом месте, стимулировал расширение производства. Первоначальный толчок, данный денежной реформой, был дополнен стабильной конъюнктурой тяжелой промышленности в годы корейской войны. Сказывалось и отсутствие расходов на вооружение, и финансовая помощь США. Согласно плану Маршалла и другим кредитным программам ФРГ получила к 1953 г. более трех миллиардов долларов, позже две трети этой суммы было списано американскими властями со счетов своего европейского партнера. Но главным источником «экономического чуда» стала продуманная политика властей Западной Германии, опиравшаяся на природное трудолюбие и предпринимательскую инициативу самих немцев.

Неолиберальная концепция развития экономики делала ставку на самодостаточность рыночных механизмов, ограничивая государственное вмешательство созданием равных условий конкуренции и снижением колебаний конъюнктуры. Реальная политика шла гораздо дальше. Было бы явным упрощением сводить деятельность министерства Эрхарда к отмене предписаний оккупационного периода и удовлетворенной регистрации промышленного роста. В начале 50-х гг. потребовались решительные меры для преодоления топливного кризиса, вызванного бумом сталелитейной промышленности в результате корейской войны. Чтобы избавиться от дефицита угля и необходимости его импорта, правительство было вынуждено направить в эту отрасль значительные государственные инвестиции. Помимо энергетики оно сохраняло жесткий контроль за сферой общественного транспорта, сельским хозяйством и рынком жилья, на котором только в 1950 г. появилось около миллиона новых квартир.

Дешевизна фиксированного курса западногерманской валюты по отношению к доллару (4,2:1), на которой настаивала Союзническая комиссия, в конечном счете обернулась на пользу промышленности ФРГ, так как стимулировала экспорт ее продукции. С 1958 г. немецкая марка стала свободно конвертируемой, с 1961 г. начался рост ее курса на мировых валютных рынках. Умеренные налоги и низкая учетная ставка банковского процента способствовали быстрому восстановлению разрушенных мощностей и расширению производства. Бонн распоряжался только третьей частью собираемых в стране налогов, главным получателем финансовых средств оставались земли, самостоятельно формировавшие те или иные статьи своих бюджетов.

Только после того, как экономика ФРГ начала уверенно набирать обороты, рыночное хозяйство стало дополняться социальными компонентами. Наряду с признанием бессмысленности «справедливого распределения нищеты» (Л. Эрхард) правительство Аденауэра помнило об уроках Веймара, когда перегруженность государства социальными программами подорвала его политическую стабильность. В то же время правящей коалиции приходилось учитывать, что терпение населения не безгранично и может вылиться в вотум недоверия в ходе следующих парламентских выборов. 14 августа 1952 г. бундестагом был принят центральный закон первого социального пакета – закон о выравнивании тягот, вызванных военными разрушениями (Lastenausgleich). Он предусматривал обложение крупных состояний одноразовым 50 % налогом, который

затронул около 3 млн. собственников. Собранные средства сводились в особый фонд, предназначенный для удовлетворения поступающих исков. Несмотря на запутанность бюрократической процедуры (расчетом индивидуальных компенсаций занимались особые ведомства) и невозможность реальной оценки утраченного имущества, открывавшую возможность злоупотреблений, закон заставил «верхи» поделиться своим богатством с «низами». До 1980 г. лицам, пострадавшим в период нацистской диктатуры и в послевоенные годы, было выплачено 104 млрд. марок.

Еще одной темой социального законодательства оставалось соучастие трудящихся в управлении производством, принципиальный лозунг рабочего движения со времен Веймарской республики. Под давлением профсоюзов (Объединение отраслевых профсоюзов ФРГ насчитывало в начале 50-х гг. около 6 млн. членов, т.е. более трети всех работавших по найму) 21 мая 1951 г. бундестаг принял соответствующий закон, хотя и ограничил его рамками тяжелой индустрии. Год спустя появился закон о структуре предприятий, предусматривавший подключение выборных органов персонала (Betriebsrat) к решению социальных и кадровых вопросов. Представители трудового коллектива получали треть мест в наблюдательном совете предприятия, если число занятых на нем превышало 500 человек. Лишь в горнодобывающей промышленности с особенно тяжелыми условиями труда допускалось паритетное представительство рабочих и предпринимателей. Решающее слово в производственных вопросах и в том, и в другом случае оставалось за менеджерами. Требования рабочего движения о введении пятидневки и 40-часового рабочего дня, выдвинутые профсоюзами в первые годы существования ФРГ, были реализованы лишь двадцать лет спустя.

Если принятие закона о соучастии в управлении производством записали на свой счет социалдемократы, то законодательство о выравнивании социальных тягот сразу же стало центром предвыборной агитации ХДС/ХСС. Выборы в бундестаг второго созыва, прошедшие 6 сентября 1953 г., дали христианским демократам 45,2 % голосов, благодаря новому избирательному закону партии правящей коалиции получили более двух третей депутатских мандатов. Исход выборов продемонстрировал растущую поддержку правительственного курса, от Аденауэра, построившего свою агитацию на тезисе «нам уже есть чем гордиться», ждали новых внутри– и внешнеполитических успехов. Впрочем, далеко не все выглядело так безоблачно, как на предвыборных плакатах. В 1955 г.

пятая часть населения ФРГ жила ниже установленной

законом черты бедности в 130 марок в неделю. К 1960 г. лишь 10 % квартир имели привычный на сегодняшний день набор коммунальных «удобств».

Как принято в большой политике, до пенсионеров, потерявших в ходе денежной реформы 1948 г. значительную часть своих сбережений, дело дошло в последнюю очередь. 21 января 1957 г. бундестаг принял закон о новой системе расчета пенсий, размер которых отныне увязывался с ростом валового социального продукта (dynamische Rente). Поддержка пенсионеров и стала тем тайным оружием, которое помогло ХДС/ХСС добиться абсолютного большинства на парламентских выборах 1957 г. Предвыборный лозунг партии Аденауэра отражал общее настроение – «никаких экспериментов». Насыщение рынка вело к неуклонному падению цен, на зарплату уже можно было купить не только продовольствие и товары первой необходимости. Предпринимателям приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы добраться до кошелька среднего потребителя. Бульварная пресса писала о настоящих эпидемиях спроса, охвативших западных немцев – гастрономической, туристской, автомобильной. Рост уровня жизни (в среднем в два с половиной раза за десятилетие) позволил подумать о долговременных инвестициях – двухэтажный дом с палисадником и гаражом в средствах массовой информации подавался как мерило жизненного успеха. В середине 50-х гг. на рынке жилья ФРГ появлялось до полумиллиона новых или восстановленных квартир ежегодно.

К началу 60-х гг. более трети западногерманских семей уже имели собственный автомобиль, хотя статистика включала в это понятие и трехколесные агрегаты с мотоциклетным двигателем, выпускавшиеся полукустарным способом. На смену им пришла эпоха «народного автомобиля» (Volkswagen), новейший завод по производству которого не был демонтирован англичанами, посчитавшими, что любимое детище Гитлера во всех отношениях устарело. Однако «жучок» вполне отвечал требованиям минимального комфорта и потеснил своих вместительных конкурентов даже на американском рынке. Экспансию «народного автомобиля» в 1961 г. дополнила эмиссия «народных акций» предприятия, его производившего.

Эпоха «экономического чуда» привела к трансформации социальной структуры ФРГ, новыми явлениями стало значительное сокращение числа занятых в сельском хозяйстве (на треть за десять лет) и горнодобывающей промышленности. Главное поле деятельности среднего класса переместилось из сферы производства в сферу услуг, достаток и успех для его

представителей обеспечивала уже не столько собственность, сколько образование, позволяющее стать юристом, врачом, менеджером с высоким уровнем жизни. Набирала силу тенденция к росту числа лиц, работавших на государство, и к понижению социального статуса профессионального чиновничества. В рамках складывающегося постиндустриального общества усилилась внутренняя консолидация, которая привела к окончательному исчезновению пролетариата как «класса угнетенных». Массовое жилищное строительство и концентрация производства вели к притоку населения в крупнейшие города страны – Гамбург, Мюнхен, Франкфурт, в рурскую агломерацию. Постепенно стирались различия между «местными и пришлыми», но возникали новые социально-культурные границы, связанные с потерей этнической однородности населения. Западногерманская экономика в условиях бума без проблем «переваривала» постоянный приток рабочей силы из ГДР, но после закрытия германо-германской границы была вынуждена вербовать иностранных рабочих. Число «гастарбайтеров», прибывавших в ФРГ из стран Южной Европы и Турции, в 1964 г. перевалило за миллион.

Стабильный экономический рост находил свое отражение не только в росте влияния христианских демократов, но и в консолидации партийной системы ФРГ в целом. По решению конституционного суда были запрещены радикальные партии – в 1952 г. Социалистическая имперская партия, имевшая явные неонацистские признаки, в 1956 г. – КПГ (последняя была вновь легализована в 1968 г.). Если в бундестаге первого созыва занимали свои места представители более десяти партий и объединений, то на выборах 1957 г. пятипроцентную планку смогли преодолеть только три «народные» партии. Абсолютное большинство, полученное блоком ХДС/ХСС, позволило Аденауэру отказаться от коалиции с либералами. Решением конституционного суда в 1958 г. было запрещено «спонсорство» предвыборной деятельности партий частными организациями, за которыми стояли предпринимательские союзы. Чтобы обеспечить представленным в бундестаге партиям равенство шансов, со следующего года началось их финансирование из бюджета в соответствии с количеством голосов, полученных на предыдущих выборах. Последствия подобного «огосударствления» были неоднозначны – они привели к доминированию функционерского аппарата над массовой базой и беспринципной погоне за голосами, и в то же время сделали партии более независимыми от частных интересов.

Если ХДС оставался вотчиной Аденауэра, то СДПГ после

смерти Шумахера в 1952 г. переживала затяжной кризис руководства. Социал-демократы, уступив инициативу в сфере экономических решений, перенесли акцент на оппозицию в германском вопросе. После подписания Парижских соглашений председатель СДПГ Эрих Олленхауэр направил Аденауэру письмо, в котором изложил доводы своей партии против вступления ФРГ в НАТО. Позитивная программа социалдемократов включала в себя противодействие демилитаризации Западной Германии, отказ от признания ГДР де-юре и ведения с ней прямых переговоров, сохраняла ставку на соглашение четырех держав. «Германский план», принятый Правлением партии в мае 1959 г., и содержавший идею поэтапного объединения двух государств в конфедерацию, стал последним всплеском «национальной» оппозиции СДПГ.

В условиях размывания пролетарского электората традиционные преимущества социал-демократов – жесткая организационная структура и дисциплинированность «базиса», сплоченного идейной платформой, превращались в собственную противоположность. Прагматики, опиравшееся на шумахеровское понимание «этического социализма», неуклонно набирали вес в партийном руководстве. Их требование избавиться от марксистского балласта должно было открыть путь к социал-демократии избирателям, не искушенным в тонкостях политических учений. Годесбергская программа СДПГ, принятая в ноябре 1959 г., стала решающей победой обновленцев. Она отказывалась от марксистского детерминизма и требования социализации средств производства, перенося акцент на ценностную мотивацию социализма и готовность партии взять на себя бремя власти.

Через год после абсолютной победы ХДС/ХСС на парламентских выборах СДПГ добилась такого же результата на выборах в законодательное собрание Западного Берлина. Этот успех дал толчок стремительной карьере представителя нового поколения в СДПГ Вилли Брандта, ставшего в 1958 г. правящим бургомистром города, а еще через год – социалдемократическим кандидатом на пост федерального канцлера. Берлинский кризис заставил партийное руководство пересмотреть свою линию в германском вопросе. Герберт Венер, выступая в бундестаге 30 июня 1960 г., признал, что воссоединение для СДПГ возможно только при учете интеграции ФРГ в западное оборонительное сообщество. Символом перехода социал-демократии к конструктивной оппозиции стал запрет членам партии участвовать в пасхальных маршах протеста, развернувшихся после того, как бундестаг 25 марта 1958 г. проголосовал за

принятие на вооружение средств доставки ядерного оружия, а также отказ от сотрудничества с «Социалистическим союзом немецких студентов», исповедовавшим идеи революционного марксизма.

Для критически настроенных современников лицо Западной Германии определялось торжеством сытого и ограниченного обывателя, вновь вернувшегося из руин к собственному садику, пиву и сосискам. Писатель Эрих Кестнер предложил назвать эту эпоху «моторизованным бидермайером». Он же заметил: «Теперь уже не нужно запрещать самобытные журналы – их просто не осталось». Творческой интеллигенции явно не хватало раскованности веймарской эпохи. Массы отвернулись и от писателя, и от политика, сосредоточенно стуча молотками на постройке собственного дома. Долгое время их обывательские настроения не вызывали интереса и у историков. 50-е годы рассматривались ими достаточно одномерно, с точки зрения Эрхарда и Аденауэра как единственных субъектов происходящего, сквозь призму экономического чуда и западной интеграции. Новую точку зрения предложил Г. – П.Шварц, считающий, что именно тогда западными немцами был совершен «беспримерный рывок модернизации» не только в материальной, но и в духовной сфере. Исследования последних лет подтверждают как наличие значительного авторитарного потенциала к началу истории ФРГ, так и принципиальную «смену вех» в ходе ее первого десятилетия.

Результаты опроса общественного мнения, проведенного в 1951 г., показали, что 42 % немцев продолжает считать лучшим периодом германской истории «третий рейх» (45 % – вильгельмовскую империю и только 7 % – Веймарскую республику). Амнезия исторической памяти защищала послевоенное поколение от шока правды о нацизме. Невероятная популярность мемуаров генералов о боевых подвигах вермахта соседствовала с замалчиванием истории антифашистского сопротивления. Признание нацистского режима преступным парадоксальным образом сочеталось с индивидуальной реабилитацией его действующих лиц, каждое из которых якобы всего лишь исполняло свой долг. Серия законов об освобождении от уголовного преследования военнослужащих, включая войска СС, скандальный прием Аденауэром генерала Эриха Манштейна накануне парламентских выборов 1953 г. вполне отвечали духу эпохи забвения.

«Антикоммунизм был определяющей идеологической эмблемой эры Аденауэра» (К. Зонтхаймер), деформируя историческое сознание ее граждан. Предвыборные плакаты ХДС/ХСС изображали оскаленного красноармейца в буденовке,

распростершего свои лапы над Европой. Во время своего визита в Москву Аденауэр так изложил свое представление о недавнем прошлом двух стран: «Да, это правда: германские войска вторглись в Россию. Это правда: произошло много плохого. Но также является правдой и то, что русские армии – в ответ, я этого не отрицаю, – вторглись в Германию и в ходе войны на ее территории совершили отвратительные деяния». Миллионы вернувшихся из плена солдат и офицеров вермахта все громче говорили за кружкой пива – «мы тоже боролись с большевизмом». В отличие от коричневых пятен в собственной биографии об «ужасах зоны» можно было говорить бесконечно. ГДР была удобным «пугалом», черным фоном белоснежной картины западногерманского успеха на всех фронтах.

На противоположном полюсе симпатий и антипатий населения ФРГ в 50-е годы расположились Соединенные Штаты Америки. Тот факт, что идеалом среднего бундесбюргера перестали быть национальные ценности, уже сам по себе являлся революцией. Истоки американизации следует искать в ранней предыстории ФРГ, в поведении армии США и оккупационных властей. Немцев, запуганных геббельсовской пропагандой о неизбежной мести победителей, подкупало буквально все – снисходительно-поучительная корректность, открытость в общении, щедрость состоятельных людей. Через голливудские фильмы в Западную Германию пришли стереотипы нового качества жизни – шикарный автомобиль, собственный дом, досуг в дорогом ресторане, заграничные путешествия – первоначально казавшиеся сказочными сюжетами. Следующим каналом проникновения american way of life стали средства массовой информации, ориентировавшиеся на стандарты заокеанской журналистики. Радио, а со второй половины 50-х г. и телевидение ФРГ превращали политический процесс в увлекательное шоу, симулируя эффект присутствия, делая слушателя и зрителя соучастниками событий и скандалов. Наконец, с конца 50-х гг. начался прорыв на музыкальном фронте – Элвис Пресли и Билл Хэйли были идолами западногерманской молодежи в не меньшей степени, чем американской. Поколение отцов так и не смогло взять в толк, как можно восхищаться песнями на иностранном языке. Преклонение перед рок-н-роллом было предвестником новых стереотипов социального поведения, которые станут основой молодежной культуры протеста в следующее десятилетие.

Индустрия развлечений, подчинившая себе массовый досуг жителей Западной Германии, отодвинула на второй план, но не смогла вытеснить из общественного бытия элементов высокой

культуры. Если для первых послевоенных лет был характерен «девятый вал» публикаций иностранной литературы, с которой немцы не могли познакомиться в условиях нацистской диктатуры, то позже набирает силу социальнокритическое направление на художественной сцене ФРГ. Традиции таких известных авторов, как Томас Манн и Бертольд Брехт продолжает молодое поколение литераторов, среди которых выделяются Генрих Белль и Гюнтер Грасс. «Отношения между духом и властью, писателем и политикой в Федеративной республике 50-х гг. нельзя назвать ни хорошими, ни раскованными. Причиной этого было жестокое разочарование многих эмигрантов, вернувшихся на родину, а также «брезгливая дистанция», которую держало подавляющее большинство писателей по отношению ко всему консервативному» (Х. Клессман).

Их произведения напоминали обществу о том, что оно хотело поскорее забыть, указывали на то, что оно упорно старалось не замечать. Шла ли речь о преступлениях нацизма и носителях авторитарной идеологии, надевших на себя маску блюстителей демократии, о предпринимателях, вновь почувствовавших себя хозяевами страны, о забытых инвалидах войны, о тех, кому не досталось плодов «экономического чуда» – каждый новый роман вызывал у читающей публики досадное чувство просыпающейся совести, а у властей – обвинения в том, что его автор льет воду на мельницу коммунизма. Именно в сфере художественного творчества укрывалась оппозиция сытости и довольству, «другая Германия», отнюдь не отождествлявшая себя с ГДР. Ее границы не замыкались кругом писателей, хотя голос последних звучал на общем фоне самодовольного молчания особенно отчетливо. Достаточно назвать философов Карла Ясперса и Юргена Хабермаса, публицистов Евгения Когона и Вальтера Диркса, историков Фрица Фишера и Вольфганга Абендрота, имена которых с полным правом войдут в число западногерманских «шестидесятников».

На рубеже своего второго десятилетия Федеративная республика начинает накапливать энергию перемен. Первые признаки нарастания застойных явлений пришли из большой политики. Берлинская стена поставила точку на политике насильственного «притягивания» Восточной Германии, результаты сентябрьских выборов того же года заставили ХДС/ ХСС, потерявший 4 % голосов, отказаться от однопартийного правления. Заколебались и устои исполнительной власти: если 50-е годы страна прожила с одним канцлером, то за последующие десять лет их сменилось уже четыре. «В ходе третьего легислатурного периода теневые стороны канцлерской

демократии становились все более очевидными» (Р. Морси). Первой ласточкой грядущих перемен, которая так и не сделала весны, стали выборы нового федерального президента в 1959 г., на которых Аденауэр выставил свою кандидатуру. Однако красивый уход восьмидесятитрехлетнего патриарха из большой политики не получился. После того, как фракция христианских демократов высказалась за кандидатуру Эрхарда на пост канцлера, Аденауэр тут же разрушил всю политическую комбинацию. Он сам хотел выбрать себе наследника, причем такого, который оттенял бы его собственное величие. Вторым президентом ФРГ стал малоизвестный политик от ХДС Генрих Любке, отвечавший до этого в правительстве за аграрный сектор. Во многом личными амбициями была продиктована попытка Аденауэра создать наряду с телеканалом АРД своего рода правительственное телевидение. Только после решения федерального конституционного суда, отвергнувшего 28 февраля 1961 г. подобную конструкцию как посягательство на свободу слова, канцлер отказался от своих планов.

Следующий удар по казавшемуся непререкаемым авторитету Аденауэра нанесла предвыборная борьба 1961 г. Инициатива оказалась у Вилли Брандта, показавшего себя политиком национального масштаба, способным на равных разговаривать с президентом США Джоном Кеннеди. Лидеры христианских демократов признавали собственное «отрезвление и разочарование в американцах, в мощь и решительность которых мы так слепо верили» (Г. Кроне). Однако разговоры о «национальном правительстве» с участием всех партий не имели политических последствий – Аденауэр ограничился коалицией с СвДП, которая настояла на уходе канцлера со своего поста через два года.

Последний звонок для него прозвучал в октябре 1962 г., когда в ФРГ разразился очередной внутриполитический кризис. На сей раз он был связан с журналом «Шпигель», опубликовавшим критический репортаж о состоянии вооруженных сил страны. Арест редакторов журнала вызвал протесты интеллигенции, увидевшей в этом очередную попытку власти поставить под свой контроль прессу. Аденауэр довольно неуклюже защищал в бундестаге действия прокуратуры, обвинив журналистов в забвении национальных интересов. После выхода свободных демократов из правительства он был вынужден начать переговоры с лидерами СДПГ о формировании «большой коалиции». Обстановку разрядил только уход со своего поста министра обороны Франца Йозефа Штрауса, на котором лежала большая часть ответственности за фабрикацию дела о

государственной измене.

Аденауэр выполнил свое обещание и подал в отставку 15 октября 1963 г. С его уходом христианские демократы ровно на два десятилетия потеряли не только признанного лидера, но и стратегическую инициативу. «Эра Аденауэра» означала нечто гораздо большее, чем режим его личного правления. Это был свод неписаных правил политической борьбы, признаваемый и властью, и оппозицией, своего рода вторая конституция ФРГ, которая без своего главного «гаранта» начала подвергаться необратимой эрозии. Но суть ее сохранилась и на сегодняшний день – она состоит в преобладании личного начала над институциональным, в замкнутости на бундесканцлера всего процесса принятия стратегических решений. Далеко не все из наследников Аденауэра на этом посту проявили себя сравнимыми с ним историческими личностями, но никто из них не сумел бы выбраться из правительственной рутины без авторитета «канцлерской демократии».

Политик с веймарским стажем, Аденауэр никогда не забывал печальных уроков первой германской республики. Стабильность для него была выше перемен, неуклонное следование избранной цели – важнее учета массовых настроений. Ему дважды пришлось иметь дело с оккупацией и диктатом военных властей, и каждый раз «хитрый лис» удерживался на кромке между конфликтом и подчинением. Не испытывая особой любви к своему бундесканцлеру, западные немцы прочно к нему привыкли, и это стало невысказанным комплиментом стилю его правления. Осенью 1963 г. западногерманская пресса в один голос утверждала, что отставка отца-основателя ФРГ приведет страну в состояние внутриполитического хаоса. «Федеративная Республика тождественна Аденауэру. В этом заключаются ее сила и ее слабость» (Р. Аллеман).

Мрачные прогнозы журналистов, до того не питавших особого пиетета к первому канцлеру, не оправдались. Не оправдались и надежды Аденауэра на то, что ему удастся самому определить своего преемника. Он всеми силами сопротивлялся назначению на пост канцлера Людвига Эрхарда, считая, что тот слишком технократичен и не имеет внешнеполитического чутья. Однако для лидеров ХДС/ХСС нового поколения автор «экономического чуда» оставался интегрирующей фигурой, символом успеха первого десятилетия ФРГ, и они не без оснований рассчитывали на благодарность избирателей.

Новый канцлер рассматривал достигнутое как максимум возможного, фактически вернувшись к старому лозунгу «никаких экспериментов». Не было заметно новых импульсов и во внешней

политике. «Сформированное общество, – утверждал Эрхард на съезде ХДС/ХСС в 1965 г., – является противоположностью унифицированному обществу социалистического образца или коллективистского духа, для его существования нет необходимости ни в империалистической эксплуатации других народов, ни тем более в коммунистической системе эксплуатации собственного народа». Деятельность правительства в новых условиях должна была сохранять верность неолиберальным основам социального рыночного хозяйства, т.е. противостоять лоббированию крупного бизнеса и стимулировать общественную солидарность. На деле же она все больше сводилась к регулированию растущих бюджетных потоков под влиянием политических и партийных симпатий. «Многие из предвыборных подарков являлись следствием уступчивости нового федерального канцлера перед растущими запросами со всех сторон. Хотя она и не подрывала популярности «толстяка», но постепенно вела к упрекам в его нерешительности и неспособности к руководству» (Р. Морси).

Парламентские выборы 1965 г. подтвердили прочность позиций христианских демократов, прибавивших несколько процентов и сохранивших коалицию с либералами. Однако позитивный эффект, вызванный сменой политического лидера, лишь на короткое время мог компенсировать страх власти перед реформами (Reformstau). Страна явно нуждалась в смелых политических экспериментах как во внутренней, так и во внешней политике. Фактором, свидетельствовавшим о росте общественного недовольства, стала активизация праворадикальных сил. Образованная в 1964 г. Национал-демократическая партия Германии несла в своей символике и идеологии явные черты неонацизма, и с первого захода сумела войти в парламенты нескольких земель. Ее шумная пропаганда, твердившая о самоуничижении немцев (Nestbeschmutzung) и требовавшая возврата к национальным ценностям, вызывала справедливые опасения европейских соседей ФРГ, что немцы опять взялись за старое.

Важным событием общественной жизни страны середины 60-х годов стал суд над нацистским персоналом концлагеря Освенцим, продолжавшийся во Франкфурте-на-Майне почти два года. Процесс носил показательный характер – от его исхода зависело то, какими путями в дальнейшем пойдет преодоление нацистского наследия (Vergangenheitsbewältigung). Согласно данным социологических опросов, более трети граждан ФРГ предпочитали не ворошить прошлое, считая проведенную западными оккупационными властями денацификацию

достаточным наказанием для «простых исполнителей преступных приказов. Государственные органы продолжали поощрять «организованное забвение» (Д. Гарбе), препятствуя деятельности антифашистских организаций и созданию мемориалов на месте нацистских концлагерей. Консервативным настроениям в политической элите подыграл Эрхард, заявивший в правительственном заявлении 10 ноября 1965 г. о том, что послевоенная эпоха закончилась. Приговор франкфуртского суда только накалил страсти – всего шесть обвиняемых получили пожизненное заключение, троих оправдали. Либеральная общественность не скупилась на упреки в адрес судей, многие из которых занимались своей профессией еще во времена «третьего рейха». Ее протесты привели к тому, что в отношении преступлений нацистского периода был отменен двадцатилетний срок давности, освобождавший от судебного преследования.

Поляризацию настроений дополнил экономический кризис 1966/1967 гг., перечеркнувший эрхардовские идеи «сформированного общества». В основе первого послевоенного кризиса лежали структурные проблемы, на которые долгое время закрывала глаза неолиберальная экономическая политика. Горнодобывающая промышленность Рура терпела огромные убытки из-за перехода энергетики и транспорта с угля на нефть, на мировых рынках товары с клеймом «Сделано в Западной Германии» начали теснить азиатские конкуренты. Высокий уровень зарплаты привел к скачку инфляции, как только промышленный рост приблизился к нулевой отметке. Для выравнивания государственного бюджета правительству пришлось срочно поднять ставку рефинансирования и урезать социальные программы, рассчитанные на десятилетия «просперити». Эрхард сопротивлялся прямому государственному вмешательству в экономику по кейнсианским рецептам, упреки в отсутствии у главы правительства воли к радикальным решениям стали раздаваться даже в его ближайшем окружении. Кризис быстро обнаружил свою политическую составляющую: 27 октября 1966 г. министры от СвДП вышли из коалиции, не согласившись с предложением федерального канцлера об увеличении налогов.

Краткая эпоха его правления не принесла ФРГ серьезных дивидендов и в сфере внешней политики. Ее западное направление определялось борьбой «атлантистов», не желавших отказываться от покровительства США, и «голлистов», выступавших за особые отношения Франции и ФРГ. Последних возглавлял лидер христианских социалистов Баварии Штраус, сумевший и после «аферы Шпигеля» остаться серым кардиналом блока ХДС/ХСС. Сохранение равновесия между де Голлем,

провозгласившим в 1966 г. выход Франции из военной организации НАТО, и президентом США Линдоном Джонсоном, развернувшим полномасштабную войну во Вьетнаме, стало неразрешимой проблемой для боннской дипломатии. Затормозился и процесс экономической интеграции Западной Европы, так как «голлисты» настаивали на ее континентальном толковании и тормозили сближение стран «общего рынка» с Великобританией.

Серьезных перемен не наблюдалось и на восточном направлении внешней политики ФРГ, хотя правительство Эрхарда испытывало на себе растущее давление не только общественного мнения, но и западных союзников. Международные наблюдатели подчеркивали, что «Федеративная республика плетется в хвосте разрядки из-за того, что на ее ногах остаются гири претензий на единоличное представительство Германии». В марте 1966 г. Эрхард выступил с инициативой пакта о неприменении силы с социалистическими государствами («Нота о разрядке и обеспечении мира»), но продолжал настаивать на международно-правовом характере границ Германии 1937 г. и «доктрине Хальштейна». За год до того сама ФРГ оказалась ее жертвой, когда обмен посольствами с Израилем привел к разрыву дипломатических отношений с рядом арабских государств. В противовес неповоротливости официальной внешней политики набирали популярность альтернативные концепции, разрабатывавшиеся в лагере социалдемократов. В их основе лежало признание того, что силовое давление на коммунистические режимы не привело к их краху, лишь раскрутив маховик глобальной гонки вооружений. Вместо него предлагалась политика компромиссов, провозглашалась готовность к контактам с коммунистами в надежде на их «изменение через сближение» (Э. Бар). В рамках тактики «малых шагов» летом 1966 г. западногерманские социалдемократы начали диалог с руководством СЕПГ.

Выход из правительства Эрхарда свободных демократов вызвал продолжительный внутриполитический кризис, в урегулировании которого ключевая роль принадлежала СДПГ, которая отныне могла позволить себе выбирать партнера по коалиции. Председатель партии Брандт высказывался за соглашение с СвДП, но его заместитель и оппонент Венер настоял на постепенности смены власти. Со стороны христианских демократов соглашение с СДПГ лоббировал сам Аденауэр, сохранивший пост председателя партии. Только 1 декабря 1966 г. правительство «большой коалиции» во главе с Куртом Кизингером получило вотум доверия бундестага. Вилли Брандт

стал вице-канцлером и министром внутренних дел, другой социал-демократ Карл Шиллер занял важный пост министра экономики. Вышедший из тени Франц Йозеф Штраус возглавил федеральное ведомство финансов.

На первый год правления «большой коалиции» пришелся пик экономического кризиса. Западным немцам, привыкшим к высоким темпам роста промышленного производства, пришлось довольствоваться нулевыми показателями. Зато практически в два раза выросло число безработных, что не замедлило сказаться на отношении среднего бундесбюргера к иностранным рабочим. Отработав свое на благо западногерманской экономики, они отнюдь не собирались возвращаться обратно, когда необходимость в дополнительной рабочей силе отпала. Хотя их дети уже успели пойти в немецкие школы, в целом они сохраняли традиционный уклад жизни и национальную замкнутость (это особенно касалось турецкой общины с приоритетом мусульманских ценностей). В результате создавалась благоприятная среда для пропаганды лозунгов типа «Германия для немцев», которые активно эксплуатировались праворадикальными силами.

Эрхардовские рецепты борьбы с кризисом, исходившие из высокого инвестиционного потенциала внутри страны и способности хозяйственного механизма к саморегулированию, явно устарели. Шиллер, автор известной формулы «конкуренция насколько возможно, планирование насколько необходимо», настаивал на государственном стимулировании спроса и переходе к перспективному планированию экономики в духе кейнсианства. Общий объем государственных кредитов достиг в 1967 г. восьми миллиардов марок, они направлялись в такие кризисные отрасли хозяйства, как угледобывающая промышленность и железнодорожный транспорт. 8 июня того же года бундестаг принял «стабилизационный закон», подразумевавший оперативное воздействие государства на рыночную конъюнктуру, принятие пятилетних финансовых планов, а также определение долгосрочных тенденций хозяйственного развития (Globalsteuerung). Предусмотренные законом меры должны были «обеспечить стабильность цен, высокий уровень занятости населения и равновесие внешнеэкономического баланса при постоянном и последовательном росте экономики». Поиск этого «магического квадрата», как его окрестили журналисты, остается императивом экономической политики ФРГ и по сегодняшний день.

Для преодоления кризиса правительству Кизингера удалось добиться перераспределения полномочий в финансовой сфере от

земель в свою пользу. Составной частью стабилизационного плана Шиллера-Штрауса стало согласование действий всех участников производственного процесса – предпринимателей, профсоюзов, федеральных и местных властей (konzertierte Aktion). Страх перед повторением катастрофы начала 30-х гг. заставил трудящихся согласиться с просьбой власти потуже затянуть свои пояса, оставив предпринимателям достаточную свободу для маневра. Позже, почувствовав себя обманутыми, рабочие тяжелой индустрии провели серию «диких стачек» вопреки воле профсоюзного руководства. Долгосрочного сотрудничества «равноправных социальных партнеров» не получилось. Психологический эффект кризиса 1966/1967 гг. сказался и в том, что противодействующие ему меры были приняты с солидным «запасом прочности». Это не только вернуло высокие темпы роста валового социального продукта (7,1 % в 1968 г. и 8,2 % в 1969 г.), но и явно перегрело рыночную конъюнктуру.

Деятельность «большой коалиции» стала увертюрой к эпохе реформ не только в экономической сфере.

Не меньшее значение имело приспособление законодательства к требованиям и возможностям постиндустриального общества, которое начало формироваться на Западе. Пересмотр уголовного кодекса привел к его серьезной либерализации, ряд деяний (богохульство, супружеская неверность, гомосексуализм) были вообще вычеркнуты из списка преступлений. В случае лишения свободы на первый план выдвигалась задача перевоспитания преступников (soziale Reintegration). 26 июня 1969 г. бундестаг принял закон об увеличении срока преследования нацистских преступлений до тридцати лет. Об увеличении роли законодательной власти в политическом процессе свидетельствовало введение постов парламентских статс-секретарей при федеральных министрах.

С явным опозданием в Бонне обратили внимание на систему среднего и высшего образования, которая не выдерживала сравнения с динамично развивавшейся «социалистической школой» ГДР. Система государственных стипендий расширила доступ в университеты детей из семей с низкими доходами, начался пересмотр учебных программ с точки зрения их практической пользы. Одним из условий формирования «большой коалиции» было обязательство провести реформу избирательного права, чтобы перейти к мажоритарной системе определения победителя. За этим стояло желание партнеров по коалиции утвердить в ФРГ двухпартийную систему по типу американской, чтобы избавиться от «политического довеска» в лице СвДП. Однако планы подобной реформы были отправлены в архив,

поскольку руководство социал-демократии все больше склонялось к перспективе союза со свободными демократами после предстоявших осенью 1969 г. парламентских выборов.

Не оправдались и надежды на поворот в восточной политике ФРГ, хотя и здесь пробивались ростки новых подходов. «Доктрина Хальштейна» была окончательно сдана в архив, в Бухаресте и Белграде появились западногерманские посольства. Летом 1967 г. начались эпистолярные контакты Кизингера и председателя совета министров ГДР Вилли Штофа. Камнем преткновения оставалось нежелание правительства ФРГ признавать послевоенные границы и существование ГДР. Расхождение позиций партнеров по «большой коалиции» в этих вопросах становилось все более заметным. Социал-демократы во главе с Брандтом демонстрировали готовность к «риску перемен», реагируя на импульсы со стороны предпринимательских кругов, рассчитывавших на советский рынок, а также левого молодежного движения, в целом солидарного с «социалистическим экспериментом» в Восточной Европе.

Применительно к 60-м годам ученые говорят о завершении «индустриальной революции», сопровождавшие ее социальные процессы приобрели необратимый характер. Число лиц физического труда в ФРГ за десятилетие уменьшилось на 30 %, в сфере работающих по найму оно сравнялось с числом служащих и чиновников. В крупных городах окончательно исчезли пролетарские кварталы (которым и так досталось более всего от бомбардировок англоамериканской авиации в годы второй мировой войны), вместе с ними исчезла и специфическая субкультура – противостояние «верхам», солидарность и чувство локтя, стабильное голосование за своих кандидатов. Достигнутый уровень материального благосостояния общества вел к трансформации социальной политики – отныне она уже выступала не как помощь сирым и убогим, а как гарантия достойного существования для всех. Государственное страхование от нужды увеличивало склонность молодого поколения к поиску нового «постматериального» стиля жизни, делало его все более независимым от стартовой помощи родителей.

В свою очередь дети в новых условиях перестали восприниматься массовым сознанием как гарантия обеспеченной старости, что вело к падению рождаемости и преобладанию малой семьи, быт которой формировали уже не нормы морали, а материальные возможности. Законодателем мод становится телевидение. После того, как развитие техники сделало возможным прямые трансляции, социологи заговорили о

«телекратии». Число телеприемников в ФРГ за 60-е годы выросло в четыре раза, популярные передачи собирали у их экранов большинство взрослого населения страны и подспудно вели к выравниванию стиля жизни и норм поведения западных немцев. Очевидно, с этим было связано и победное шествие журналов мод, и пик популярности книг о правилах хорошего тона. Телевизор изменил не только потребности, но и распорядок дня, открыв людям возможность проведения досуга в домашних тапочках. Программа передач на неделю стала семейной библией общества потребления.

И все же «послевоенная эпоха закончилась» совсем не так, как предполагал Эрхард. Опросы общественного мнения показывали поляризацию настроений при общей тенденции смещения политических симпатий влево. Совпадение экономического кризиса и избирательных успехов НДП только подлило масла в огонь. Общественное мнение в целом негативно восприняло появление «большой коалиции» как шаг в прошлое (сам Кизингер и несколько министров являлись в свое время функционерами НСДАП), формирование «олигархического однопартийного государства». Свободным демократам не хватало массового влияния для исполнения роли парламентской оппозиции, тем более что эта элитарная партия не пользовалась популярностью у молодежи, которая в конце 60-х гг. стала главным актером политического протеста.

Задолго до бурных событий весны 1968 г. западные социологи заговорили о революции поколений. «Отцы», имевшие твердую точку отсчета – «час ноль» 1945 г. и измерявшие оттуда свой успех, уступили место на политической авансцене «детям», недовольным собой и окружающим миром. Мини-юбки, прически под «Битлз» и сексуальное раскрепощение казались уже недостаточным средством выражения этого недовольства. Дети «экономического чуда» захотели политических чудес, им совсем не нравился дом, который построил Аденауэр. Они мечтали о советском самоуправлении и партизанских рейдах Че Гевары, учили наизусть высказывания Мао и протестовали против войны во Вьетнаме. Речь шла не только о большой политике, но и об образе жизни. Новое поколение хотело на себе испробовать пределы возможной свободы. Студенты захватывали пустующие здания, чтобы провозгласить в них коммуны с коллективным воспитанием детей, издавали собственные газеты, напоминавшие боевые листовки. Под лозунгом «запрещается запрещать» следовало взорвать рамки косного общества, выкинув заодно из университетов вековой хлам вместе с профессорами. Место «деидеологизированной» апологетики умирающего капитализма

должна была занять теория освобождения, опиравшаяся на ренессанс марксизма и критическую школу социальной философии. Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Т. Адорно стали живыми идолами студенчества, хотя далеко не все разбирались в их теориях.

Покушение на одного из лидеров молодежного протеста Руди Дучке (11 апреля 1968 г.) вызвало ответные акции его сторонников, заставившие прессу говорить о самой жаркой неделе в истории ФРГ. Это можно было понимать в прямом и переносном смысле – студенты пытались поджечь универмаги и здания концерна Акселя Шпрингера, считая его бульварные газеты подстрекателями мещанского протеста. Эскалация насилия совпала с обсуждением в бундестаге конституционных законов, предусматривавших действия исполнительной власти в условиях чрезвычайного положения. Оппозиционные силы, помня о печальном опыте соответствующих статей веймарской конституции, увидели в этом попрание конституционных прав граждан, наступление реакции и даже (в понятиях левых радикалов) «реставрацию западногерманского империализма». В «звездном марше» на Бонн, организованном федеральным центром профсоюзов для того, чтобы помешать принятию законов, приняло участие более 50 тыс. человек. На самом деле символика чрезвычайного законодательства, принять которое не смогла ни одна из предшествующих коалиций, заключалась в ином. Законодательная власть продемонстрировала способность к принятию непопулярных решений, идущих наперекор массовым настроениям. Этого в свое время не хватило веймарским парламентариям, неспособным противостоять давлению старых элит и новых радикалов. 30 мая 1968 г., когда бундестаг двумя третями голосов проголосовал за законы о чрезвычайном положении, стало последним аргументом, превратившим расхожую формулу «Бонн – не Веймар» из пожелания в реальность.

Признавая приоритет международных факторов, вызвавших к жизни молодежное движение конца 60-х гг., западногерманские политологи с гордостью подчеркивают его национальную специфику. «Главной заслугой молодежного протеста стало разрушение стереотипов повседневной политической культуры – мы стали более открыто говорить, свободней думать, социальный контроль над личностью стал менее жестким» (Ф. Брандес). В то же время «внепарламентская оппозиция доказала то, что она пыталась опровергнуть своими действиями: способность демократической системы к самореформированию» (Г.А. Винклер). Эпатаж молодежного протеста покончил с верой во

всесилие «отца-государства» (Obrigkeitsstaat) и поставил вопрос о моральном измерении большой политики. Символично, что в современное западногерманское правительство входит несколько ведущих политиков, чья карьера начиналась на демонстрациях и митингах весны 1968 г. Впитав в себя движение молодежного протеста, политическая система ФРГ сдала экзамен на зрелость, хотя свое совершеннолетие западногерманское государство и его первое поколение встретили по разные стороны баррикад.

На этом делают акцент те историки, которые считают молодежные протесты конца 60-х гг. деструктивными и ставят их в один ряд с подъемом правого радикализма. Волна насилия «избалованных детей» поставила под вопрос результаты двух десятилетий политического строительства. «Левые экстремисты бросили вызов либеральному государству», представление о них как о прогрессивной силе является мифом симпатизировавших им средств массовой информации (К. Хильдебрандт). Реабилитация лидерами молодежи коммунистической идеологии и раздувание антиамериканских настроений ставили под вопрос место Западной Германии в сообществе демократических государств и противодействовали политике разрядки международной напряженности. К. Зонтхаймер считает избавление общества от «детской болезни левизны» и политики от антипарламентской оппозиции символом второго рождения ФРГ.

Действительно, студенческому движению можно предъявить немало упреков. Его отличало отсутствие последовательности, идейные шарахания, изоляция от подавляющего большинства населения, в том числе и от рабочего класса, который неомарксистским теоретикам так и не удалось «разбудить». Отрицание конституции и готовность к применению насилия для достижения светлых идеалов находились в явном контрасте с требованиями морально чистой политики. Анализ поражений и перспективы борьбы, предлагавшиеся идеологами движения, имели известные параллели с историей российского народничества. Уже в мае 1968 г. Хабермас призывал «заменить тактику фиктивной революции долгосрочной стратегией просвещения масс». Хождение в народ приняло в последующие годы форму завоевания государственных учреждений «снизу» (der lange Marsch durch Institutionen), радикальное меньшинство ушло в подполье и обратилось к тактике политического террора.

Молодежный протест стал главным, но не единственным фактором смены власти в Бонне. Он прежде всего указал на очевидное отставание Федеративной республики в проведении модернизации по сравнению с ее западноевропейскими

партнерами. Христианские демократы, пребывавшие после смерти Аденауэра в 1967 г. в состоянии внутренней апатии, жили инерцией прошлых успехов и не могли предложить обществу стратегии реформ. Национально-консервативную часть их активных сторонников перехватили неонацистские группы, обращавшие в свою пользу страх обывателя перед радикальными формами студенческого движения. Фактором, на который обращают слишком мало внимания, является программная эволюция СвДП, сместившейся с правого края в центр политического спектра ФРГ. Свободные демократы отказались от экономического либерализма, выступили за примирение с СССР и восточноевропейскими странами. В январе 1969 г. СвДП предложила свой проект договора об установлении отношений между ФРГ и ГДР, уводивший оба государства от бессмысленной конфронтации. Приспособление к духу времени являлось для свободных демократов стратегией выживания – после пика избирательных успехов в 1961 г. (12,8 % голосов) партия неуклонно теряла свой электорат.

Прелюдию к смене власти олицетворяли собой выборы федерального президента, прошедшие в марте 1969 г. В результате тайного соглашения социалдемократов с лидером СвДП Вальтером Шеелем на этот пост был избран Густав Хайнеман, «политик с христианской душой», проделавший путь от ХДС к СДПГ. Модельный характер для политики федерального уровня имела успешная деятельность социаллиберальной коалиции в крупнейшей земле Северный Рейн – Вестфалия. Выборы в бундестаг ФРГ шестого созыва состоялись 28 сентября 1969 г. в обстановке особой нервозности – ни для кого не было секретом то, что государственный корабль потерял былую устойчивость. СДПГ, приняв на вооружение новейшие технологии предвыборной борьбы, обещала обновление: «Мы создадим современную Германию». Чтобы не допустить в бундестаг Национально-демократическую партию (которая так и не преодолела пятипроцентный барьер), западных немцев призывали голосовать за левую альтернативу правым радикалам.

Получив первые известия о результатах голосования 28 сентября (42,7 % голосов у СДПГ против 46,1 % у христианских демократов), Вилли Брандт отправился праздновать победу в студенческую пивную. Он многим был обязан этим молодым людям, поверившим в него. Несмотря на явный провал СвДП, потерявшей более трети избирателей, и противодействие ряда высших функционеров СДПГ, социал-либеральная коалиция состоялась. Правительство Брандта получило 21 октября 1969 г. одобрение бундестага с перевесом всего в шесть голосов. В него

вошли политики нового поколения, которым предстояло определять курс ФРГ в 70-80-х гг. – Вальтер Шеель, получивший пост вицеканцлера и министра иностранных дел, Ганс-Дитрих Геншер (СвДП, министерство внутренних дел), Гельмут Шмидт (СДПГ, министерство обороны) и Карл Шиллер, сохранивший пост министра экономики.

Значение «смены вахты на Рейне» осенью 1969 г., о которой писала вся мировая пресса, выходило за обыденные рамки. Дело было не только в том, что крупнейшая и старейшая партия Германии после сорока лет вновь возглавила правительственную коалицию. Речь шла о первой проверке эффективности демократического механизма смены власти, обозначенного Основным законом ФРГ. Послевоенная эпоха, эра Аденауэра и христианских демократов закончилась. Общество требовало от правительства Брандта серьезных реформ во всех сферах внутренней и внешней политики, однако минимальная парламентская поддержка не обещала ему спокойной жизни и рутинной административной работы. Груз завышенных ожиданий мог сломать ростки новых подходов, заложенные в годы правления «большой коалиции». За предыдущие два десятилетия Западная Германия продемонстрировала завидную стабильность, теперь ей предстояла проверка на способность к переменам.

Глава 7 ФРГ: новая восточная политика и контуры постиндустриального общества

Правительственное заявление социал-либеральной коалиции, прозвучавшее в бундестаге 28 октября 1969 г., утверждало, что накопленный страной потенциал стабильного развития позволяет приступить к обновлению государства и общества. Обещая проведение «открытой политики», новая власть обращалась ко всем гражданам Федеративной республики с просьбой разделить ответственность за судьбу реформ. Брандт нашел эффектную концовку своего выступления: «в последние годы кое-кто в нашей стране стал бояться, что вторая германская демократия разделит судьбу первой. Я в это никогда не верил, и сегодня верю меньше, чем когда-либо. Мы находимся не в финале демократического развития, мы только сейчас по-настоящему начинаем».

Первых шагов боннского правительства ждали не только широкие общественные круги внутри страны, сделавшие ставку на перемены, но и соседи ФРГ на Западе и Востоке континента. Во внешнеполитической части заявления Брандта акцент был перенесен с борьбы за воссоединение Германии, остававшейся стратегической целью, на учет интересов реальных людей по обе стороны границы, обеспечение им возможности взаимных контактов и достойных условий жизни. Речь шла прежде всего о нормализации положения Западного Берлина, остававшегося осажденной крепостью. По отношению к ГДР провозглашался переход от игнорирования к добрососедскому сосуществованию (über ein geregeltes Nebeneinander zu einem Miteinander). Новая трактовка открытости германского вопроса исходила из возможности и желательности конвергенции двух мировых систем – идеи, лежавшей в основе западного понимания разрядки международной напряженности. Одновременно подчеркивалось, что «о международно-правовом признании ГДР не может быть и речи. Даже если на территории Германии существуют два государства, друг для друга они не являются заграницей, их отношения должны иметь особый характер». По отношению к социалистическим странам Брандт повторил сделанное еще Эрхардом предложение заключить пакт о неприменении силы.

Новые акценты обещали поставить внешнюю политику Бонна на обе ноги, дополнив западную интеграцию примирением с Востоком. ФРГ, считавшая себя правопреемницей германского

государства, рано или поздно должна была признать свою ответственность за примирение со странами Восточной Европы, больше всего пострадавшими от нацистской агрессии. Два десятилетия военно-политического противостояния в Европе показали, что давление Запада оборачивалось ужесточением режима коммунистических диктатур по отношению к собственному населению, как в отдельных странах, так и в рамках всего «социалистического содружества». Августовские события 1968 г. в Чехословакии лишний раз подтвердили эту истину. Достигнутый Советским Союзом военно-стратегический паритет заставлял западных политиков думать о стратегии совместного выживания, прежде всего в точках соприкосновения двух мировых систем. Уже на следующий день после выступления Брандта с правительственным заявлением Шеель принял советского посла в ФРГ С.К. Царапкина и дал позитивный ответ на предложение СССР начать двусторонние переговоры (оно прозвучало 12 сентября 1969 г. и стало своевременным предвыборным подарком для новой коалиции). Ни для кого не было секретом, что речь на них пойдет не только об отношениях ФРГ и СССР, но и о ситуации в Европе в целом. 28 ноября 1969 г. ФРГ сделала первый шаг навстречу партнеру, присоединившись к договору о нераспространении ядерного оружия.

Новая восточная политика развивалась параллельно по нескольким направлениям. Весной 1970 г. главы правительств ФРГ и ГДР обменялись визитами в Эрфурте и Касселе. Несмотря на восторги восточногерманского населения, прорвавшего полицейские кордоны для того, чтобы приветствовать Брандта в столице Тюрингии, дипломатического прорыва на немецкой земле не получилось. Стороны присматривались друг к другу, отдавая себе отчет в том, что ключ к размораживанию их взаимоотношений продолжал находиться в Кремле. Ведущую роль в начавшихся тогда же переговорах с советским руководством принял на себя Эгон Бар, ставший статс-секретарем в ведомстве федерального канцлера. Гибкий политик, мастер точных формулировок («коммунизм нельзя победить, но можно изменить»), он обладал необычной для дипломатической службы свободой маневра, опираясь на безоговорочное доверие Брандта. Во время своих продолжительных визитов в Москву Бар сумел найти особый подход к министру иностранных дел А.А. Громыко, который не отличался личными пристрастиями.

Хотя первоначально позиции сторон казались несовместимыми (СССР настаивал на международноправовом признании ГДР и недействительности Мюнхенского договора, ФРГ подчеркивала особый характер германо-германских

отношений), им удалось найти компромисс в формуле, признающей нерушимость (а не неизменность) послевоенных границ. 12 августа 1970 г. Московский договор о сотрудничестве и отказе от применения силы подписан Брандтом и Н.А. Косыгиным. СССР и ФРГ заявляли о своей приверженности политике мира и разрядки, отсутствии территориальных претензий к любому из существующих государств и признании сложившихся в Европе реалий. Особое упоминание в тексте договора границы по Одеру и Нейсе, а также западных границ ГДР являлось несомненной победой советской дипломатии. Напротив, вопрос о Западном Берлине исключался из сферы его действия, поскольку по нему в то же самое время велись переговоры четырех державпобедительниц. В рамках протокола была согласована особая процедура, на которой настаивала западногерманская сторона. Параллельно с подписанием договора Шеель передал Громыко краткое «письмо о германском единстве», в котором подтверждалась приверженность мирному воссоединению Германии. Этот документ был без комментариев принят советской стороной и стал внутриполитической индульгенцией для правительства Брандта.

При всех своих недоговоренностях Московский договор являлся первым признанием ФРГ итогов второй мировой войны в Восточной Европе, открывая перспективу скорейшей нормализации отношений ФРГ с другими странами этого региона. 7 декабря 1970 аналогичный договор был подписан в Варшаве. В рамках дальнейших польско-западногерманских договоренностей была зафиксирована готовность к урегулированию взаимных претензий, оговорены условия выезда этнических немцев из Польши. Проблема компенсаций польским гражданам, пострадавшим в годы оккупации, была окончательно решена только в 1975 г. Западная Германия обязалась выплатить польскому правительству 1,3 млрд. марок и предоставить дополнительные кредиты на такую же сумму. Последний из серии договоров, ставивших на новую основу отношения ФРГ с восточными соседями, был подписан в Праге 11 декабря 1973.

Ратификация Московского и Варшавского договоров увязывалась правительством Брандта с решением вопроса о статусе Западного Берлина. Первоначальная позиция ФРГ, которую представляли на переговорах три западные державы, определялась принципом «все или ничего»: либо признать Западный Берлин частью ФРГ, либо распространить особый политической статус на весь Берлин. СССР на сей раз отказался от выдвижения ультиматумов, но настаивал на том, что западная часть города является «самостоятельным политическим

образованием». Соглашение СССР, США, Великобритании и Франции, подписанное 3 сентября 1971 г., представляло собой сложную систему взаимных уступок, закрепившую сложившийся status quo. Особый правовой статус Западного Берлина обменивался на гарантии свободного транзита из ФРГ, последней разрешалось представлять интересы жителей этой части города за рубежом. Соглашение подразумевало запрет проведения государственных актов ФРГ (например, выборов президента) на территории Западного Берлина, хотя и не противодействовало их будничному «срастанию». СССР был вынуждены пойти на серьезные уступки в этом вопросе в обмен на обещание Запада признать ГДР, без чего здание «новой восточной политики» оставалось бы недостроенным.

С конца 1971 г. в ФРГ началась кампания ратификации договоров ФРГ с СССР и Польшей, надолго ставшая темой номер один в средствах массовой информации. Диапазон мнений расходился от «распродажи национальных интересов» до «необходимости поставить точку во второй мировой войне». ХДС/ХСС увидел в этой процедуре шанс политического реванша, для реализации которого использовались все доступные методы борьбы вплоть до блокады парламента союзами изгнанных и «утечки» секретных правительственных документов. Оппозиция, усилившая свои ряды несколькими перебежчиками из фракций СДПГ и СвДП, 27 апреля 1972 г. впервые попробовала объявить конструктивный вотум недоверия правительству. Для победы ей не хватило всего двух голосов. Голосование 27 апреля стало самым грязным в парламентской истории ФРГ, сопровождаясь взаимным переманиванием депутатов и покупкой их голосов, за каждый из которых выплачивалось около 50 тыс. марок. Тем не менее, как для социал-демократов, так и для принимавших участие в торге спецслужб ГДР цель оправдала затраченные средства – ратификация восточных договоров вновь обрела реальные очертания. Итогом парламентского компромисса стала резолюция всех фракций бундестага, в составлении которой тайно принимал участие и посол СССР в ФРГ В.М. Фалин. В ней подчеркивалось, что «договоренности не предвосхищают перспективы заключения мирного договора со всей Германией и не создают международно-правовой основы для существующих ныне границ». Ожидаемые протесты Москвы и Варшавы стали спасением лица для депутатов от ХДС/ХСС, воздержавшихся 17 мая 1972 г. при ратификации восточных договоров.

Чтобы избавиться от патовой ситуации в бундестаге, правящая коалиция 20 сентября вновь поставила вопрос о доверии правительству и воздержалась при голосовании, что

открыло дорогу новым выборам. Обе стороны не без оснований рассчитывали на успех, т.к. выборы фактически являлись референдумом о новой восточной политике. Результаты голосования 19 ноября 1972 г. подтвердили наличие у нее серьезной общественной поддержки. СДПГ получила 45,8 % голосов и впервые стала крупнейшей фракцией бундестага, за свободных демократов проголосовало 8,4 % избирателей. В итоге социал-либеральная коалиция обеспечила себе солидный парламентский перевес в 36 голосов. Серьезным компонентом предвыборной борьбы, сыгравшим в пользу правительства Брандта – Шееля, стал договор об основах отношений между ФРГ и ГДР (его подписали 21 декабря 1972 г. Эгон Бар и Михаэль Коль – заместители министров иностранных дел обеих стран). «Национальные эмоции (с националистическими перехлестами на правом краю политического спектра) и чувство личной сопричастности в этом случае были несравненно большими», чем в любом из восточных договоров ФРГ (В. Линк). Первое официальное соглашение двух германских государств предусматривало взаимное признание, отказ от применения силы и нерушимость общих границ. Обмен постоянными представительствами вместо посольств должен был подчеркнуть особый характер германо-германских отношений. Договор об основах отношений ГДР и ФРГ облегчил подписание конкретных документов, регулировавших транспортное и почтовое сообщение двух стран, выдачу многоразовых виз для посещения родственников по ту сторону границы, спортивные и культурные контакты.

Новая восточная политика привела к росту международного престижа ФРГ, которая, сохранив старых союзников, приобрела новых партнеров. Администрация президента Ричарда Никсона, занятая войной во Вьетнаме, была вынуждена согласиться с появлением нового фактора в мировой политике. 21 июня 1973 г. оба германских государства стали членами ООН. Примирение ФРГ со своими восточноевропейскими соседями дополнило военную разрядку двух сверхдержав политической разрядкой в Европе, достигшей своего пика в Заключительном акте Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству. На середину 70-х гг.

пришелся бурный рост внешнеторгового оборота ФРГ с социалистическими странами, в том числе начало реализации долгосрочных проектов вроде поставок советского газа в обмен на трубы большого диаметра западногерманской фирмы «Маннесман».

И в то же время внешняя политика Брандта-Шееля после того,

как она проделала свою часть пути к признанию послевоенных реалий, уперлась в «железный занавес». Фактически в нем были построены лишь пограничные переходы, жестко контролируемые с восточной стороны. Заслугой социал-либеральной коалиции стало то, что она выжала максимум возможного из политики разрядки и в то же время показала иллюзорность надежд на либерализацию коммунистических диктатур, заставив Запад искать другие пути воздействия на своего глобального противника. Отдавая должное политическому мужеству Вилли Брандта, ставшего в 1971 г. лауреатом Нобелевской премии мира, следует иметь в виду, что свою часть пути навстречу партнеру прошел и СССР, отказавшийся от «права победителя» и идеологических предубеждений по отношению к «империализму ФРГ». Протокольные улыбки и даже совместный отдых Брандта и Брежнева в Крыму осенью 1971 г. не могли скрыть того, что каждый из партнеров в своих взглядах на перспективы мирового развития оставался приверженцем формулы «кто кого». Не оправдались и тактические расчеты Бонна на то, что через особые отношения с Москвой удастся в нужном направлении воздействовать на политику Восточного Берлина. Солидарность «социалистического лагеря» не ставилась советским руководством под сомнение ни при каких условиях, это было своеобразной платой восточноевропейским союзникам за их отказ от части собственного суверенитета.

Внутриполитические реформы социаллиберальной коалиции незаслуженно оказались в тени новой восточной политики, хотя победы здесь доставались в не менее трудной борьбе, чем на внешнеполитическом фронте. «Мы не можем создать идеальной демократии. Но мы хотим построить общество, которое будет давать больше свободы и требовать больше соучастия» – эта фраза из правительственного заявления Брандта была обращена в первую очередь к молодежи, которую власть отказывалась считать «потерянным поколением». Одной из первых реформ стало снижение возраста избирателей с 21 года до 18 лет (пассивное избирательное право вступало в силу с 21 года, а не с 25 лет, как ранее). Изменилось отношение властей к стихийным демонстрациям молодежи. Согласно новому законодательству полиции приходилось документально подтверждать участие каждого задержанного в противоправных действиях, что поставило крест на практике облав и массовых арестов. Параллельно была проведена амнистия для участников студенческих выступлений 1968 г. В целом либерализация правовой системы продолжала начатое в период правления «большой коалиции»: были пересмотрены в сторону снижения

наказания за политические и сексуальные преступления, расширена сфера применения условного лишения свободы, новое правительство отказалось от тюрем строго режима (Zuchthaus) и сосредоточило внимание на социальной реабилитации осужденных.

Серьезное сопротивление не только оппозиции, но и консервативных слоев общества встретили попытки вторгнуться в сферу семейных отношений. Права женщин продолжали определяться миром мужчин, хотя в третьей статье Основного закона ФРГ шла речь о равноправии полов. Законопроект о легализации абортов заставил вмешаться в большую политику обе христианские церкви, сумевшие добиться его радикального пересмотра (женщины получали разрешение на аборт лишь по «социальным показаниям»). Среди прошедших через бундестаг нововведений семейного законодательства важную роль играли государственные гарантии прав ребенка, в том числе защита от родительского насилия, самостоятельный выбор воспитателя при расставании супругов. Граждане ФРГ получили разрешение на вступление в брак с 18 лет (ранее – с 21), в случае развода выплата алиментов производилась в пользу того, кто оказывался социально незащищенным (как правило, в таком положении оказывались женщины-домохозяйки). Все эти законы вступили в силу только во второй половине 70-х гг. из-за сопротивления фракции христианских демократов, неоднократно апеллировавшей к федеральному конституционному суду.

Модернизация системы образования ФРГ являлась программным требованием СвДП еще с середины 60-х гг. Отставание этой сферы от других европейских стран, в том числе и ГДР, вело к появлению радикальных проектов, призванных обеспечить западногерманским гражданам «право на образование» (Р. Дарендорф). Проблема заключалась не только в том, что это право отсутствовало в Основном законе, но и в том, что сфера культуры и образования оставалась в исключительном ведении земель. Главные результаты проведенных реформ заключались в появлении нового типа школ (Gesamtschule), соединявших в себе разные варианты обучения, а также в основании новых университетов. Параллельно расширялась система государственных стипендий, открывавшая возможность получения высшего образования выходцам из всех социальных слоев. Изменялось и содержание образования, в средних школах вводилось обществоведение, производственная практика, в университетах появлялись кафедры социальной истории и психологии, настоящий бум переживали политические дисциплины.

Отзвуками волнений 1968 г. оставались попытки захвата студентами университетской администрации, требования отставок консервативной профессуры и самостоятельной разработки учебных программ. Санкционированные властью органы самоуправления в высших школах оставляли за студентами треть голосов, накал дискуссий несколько охладило решение конституционного суда от 29 мая 1973 г., сохранившее за профессурой последнее слово при определении содержания учебного процесса. В первые годы правления социал-либеральной коалиции страна переживала настоящий «академический бум» – за пять лет число студентов выросло в полтора раза, а общие расходы на образование – более чем в два раза. Сохранявшаяся со времен средневековья свобода в выборе сроков обучения тяжелым бременем легла на бюджет высшей школы – излюбленной темой карикатуристов продолжал оставаться образ великовозрастного студента, мечтающего за университетской скамьей скоротать время до пенсии.

Главным предвыборным обещанием СДПГ, обращенным к лицам наемного труда и профсоюзам, являлся пересмотр явно устаревшего законодательства о самоуправлении на производстве. СвДП, приняв концепцию «социально ответственного либерализма», поддержала эту инициативу, т.к. она затрагивала и менеджеров – кадровый резерв партии. Новая редакция закона о структуре предприятий (Betriebsverfassungsgesetz) предусматривала расширение прав уже существующих производственных советов, выражавших интересы наемных работников.

С ними должен был согласовываться график отпусков персонала, предоставление социальных льгот и ряд других решений, не касавшихся сферы производства. В соответствии с требованиями свободных демократов для представительства руководящего персонала крупных фирм создавались особые органы. Закон о структуре предприятий, вступивший в силу уже 19 января 1972 г., вызвал протесты профсоюзных лидеров, считавших себя обманутыми в своих ожиданиях. Столь быстрое прохождение «классового» закона по этажам политической власти ФРГ связано с тем, что главный вопрос – соучастие рабочих в управлении предприятием – был вынесен за скобки и стал предметом дальнейших дискуссий партнеров по коалиции.

Высокие темпы экономического роста в 1969-1973 гг. позволяли правительству Брандта идти на значительное расширение социальных программ, не задумываясь о формировании финансовых резервов на случай падения конъюнктуры. Среднегодовая сумма государственного участия в

социальных выплатах достигала 250 млрд марок, что составляло около 40 % расходной части бюджета. С 1 января 1970 г. начал действовать закон, принятый еще «большой коалицией»: в случае болезни работника ему продолжала выплачиваться зарплата, первые шесть недель за счет предприятия, затем в дело вступало государственное страхование. Мероприятия социал-либеральной коалиции были нацелены на поддержку слоев общества, не чувствовавших себя комфортно в условиях рыночной экономики. В обиход вошло понятие минимальной пенсии, на которую могли претендовать и лица, не занятые в общественном производстве. Новое законодательство предусматривало возможность досрочного выхода на пенсию с незначительными финансовыми потерями, закон о найме жилья гарантировал права нанимателей, ставя пределы ежегодному повышению квартплаты.

28 января 1972 г. правительство, чтобы не показаться слишком «покрасневшим» накануне ратификации восточных договоров, приняло постановление о недопустимости сочетания государственной службы и антиконституционной деятельности (Radikalenerlass). Последняя не получила четкого определения и на практике сводилась к доказательству членства в «экстремистских организациях», включая легальные ГКП и НДП. До конца 70-х гг. сквозь сито спецслужб было пропущено около миллиона личных дел, в каждом сотом из которых присутствовали те или иные признаки антиконституционной деятельности. Увольнения затронули прежде всего выходцев из левого молодежного движения, подавляющее большинство которых само избавилось от политического радикализма и работало обычными учителями или почтальонами. Далеко не все жертвы бюрократической бдительности ограничивались мирными демонстрациями протеста, некоторые возвращались в подполье и пополняли ряды террористических группировок.

Самую известную из них – «Фракцию Красной армии» – отличали жесткая дисциплина и шокировавшие населения акции: ограбление банков, захват заложников, взрывы полицейских участков и американских казарм. Международные связи террористов, прошедших военную подготовку в палестинских лагерях, позволяли им уходить от преследования, укрываясь за рубежом, в том числе и на территории ГДР. Несмотря на то, что летом 1972 г. большинство «красноармейцев» было арестовано, кампания прессы против бессилия «государства левых» продолжалась. Ответом власти стал беспрецедентный рост расходов на полицию (в три раза за 1969-1974 гг.), который не остановил волны террористических актов, самым громким из которых стало похищение в ходе Мюнхенской олимпиады 1972 г.

израильских спортсменов. Итогом операции по их освобождению стали 17 убитых и десятки раненых.

Несмотря на важные достижения, изменившие облик западногерманского общества, реформы социаллиберальной коалиции несли на себе отпечаток поспешности и половинчатости. Утверждение нового удавалось реформаторам гораздо лучше, нежели устранение старого, что приводило к вынужденному сосуществованию того и другого, давало неоспоримые аргументы их критикам справа и слева. Примирение с восточноевропейскими государствами сопровождалось отказом от международно-правового признания послевоенных границ, расширение социальных гарантий сочеталось с ренессансом полицейского государства, обещания «больше демократии» перечеркивались административным перевесом традиционных структур власти от владельцев капитала на производстве до профессорского корпуса в университетах. Опросы социологов констатировали, что большинство населения устало от реформ и хочет стабильности. Блок ХДС/ХСС, имевший большинство в бундесрате, использовал этот рычаг для противодействия правительственному курсу, получая все более заметную поддержку консервативно настроенной части общества. Свободные демократы также ограничивали реформы, выступая против «социальных перегрузок» и ущемления интересов предпринимателей. Наконец, не следует упускать из виду и такой фактор, как мировой энергетический кризис осени 1973 г., резко увеличивший бюджетный дефицит.

25 апреля 1974 г. был арестован один из ближайших сотрудников канцлера Гюнтер Гильом, оказавшийся агентом разведки ГДР. Он был посвящен не только в государственные секреты, но и в детали личной жизни Брандта. Признавая ответственность за случившееся, последний 6 мая объявил об уходе со своего поста. В политическом истэблишменте не являлось большим секретом то, что «афера Гильома стала поводом, а не причиной отставки федерального канцлера» (Т. Эшенбург). Ближайшее окружение Брандта замечало, что он устал от бремени власти и уже не успевал реагировать на политические вызовы, постоянно идущие извне. «Его воля к борьбе опиралась на внутреннее чувство политического миссионера и связанную с этим эйфорию окружающих. Ни того, ни другого к 1974 г. не осталось» (В.Йегер). Выполнение правительством тех или иных предвыборных обещаний, проведение тех или иных реформ порождали новые требования, растущие как снежный ком. Призывы правительства к умеренности и экономии оставались гласом вопиющего в пустыне. Несмотря на разраставшийся

экономический кризис, профсоюзы в 1973 г. добились увеличения номинальной заработной платы на 12 %. Летом того же года в ФРГ прошла стачка авиадиспетчеров, поставившая под вопрос безопасность полетов. Оппозиция справа требовала зримых успехов на внешнеполитическом фронте, утверждая, что сближение социал-либеральной коалиции с коммунистическими режимами привело к дестабилизации не Восточной, а Западной Германии.

Еще более подрывала позиции Брандта фронда в рядах собственной партии. В своих интервью Венер неоднократно обвинял канцлера в том, что тот уклоняется от принятия назревших решений, слишком доверяя своим старым друзьям. Бурлили и партийные «низы»– молодежная организация СДПГ (Junge Sozialisten), в которой еще был жив дух шестьдесят восьмого года, настаивала на радикальных мерах по преодолению существующей системы. Рассматривая ее сквозь призму марксистской теории как государственно-монополистический капитализм, левые социалдемократы утверждали, что реформы Брандта – Шееля укрепляют те общественные структуры, которые давно принадлежат прошлому.

Политизированные оценки современников и по сей день оказывают серьезное воздействие на историографию периода 1969-1974 гг. Пожалуй, лишь применительно к внешней политике можно говорить о минимальном консенсусе, приветствующем тот очевидный факт, что Брандту удалось «прорубить окно» в Восточную Европу. Консервативные оценки внутриполитических реформ указывают на то, что они руководствовались не программными установками СДПГ и СвДП, а духом времени, который отразила уже деятельность «большой коалиции». «Первые годы правления социаллиберальной коалиции являлись периодом всеобщей ревизии германской политики, мозговой атаки и инвентаризации. По сравнению с замыслами результат выглядел достаточно жалко… Политика реформ скорее завершала собой одну эпоху, чем открывала следующую» (В. Йегер). Действительно, нововведения социал-либеральной коалиции были бы невозможны без солидного фундамента, заложенного ее предшественниками. Однако это еще не повод для того, чтобы утверждать вслед за политическими оппонентами Брандта и Шееля, что они растранжирили великое наследство.

Более обоснована противоположная точка зрения, рассматривающая начало 70-х гг. как «новое учреждение Федеративной республики» (М. Гертемакер). «Брандт и Аденауэр дополняли друг друга, каждый из них наложил свой отпечаток на одну из сторон одной и той же медали» (Х. Шульце). Главное

заключалось не столько в самих реформах, сколько в новом общественном климате, который они одновременно использовали и создавали. Если в конце 60-х гг. готовность пойти на конфликт с общепринятыми ценностями для того, чтобы отстоять свое видение будущего страны, воспринималась как вызов стабильности и демократии, то пять лет спустя это стало уже нормой гражданского поведения. Досрочные парламентские выборы в ноябре 1972 г. показали, что большая политика стала делом, касающимся каждого.

Неоспорим личный вклад Вилли Брандта в произошедшие перемены – фотография канцлера, преклонившего в 1970 г. колени перед памятником жертвам еврейского гетто в Варшаве, обошла газеты всего мира. То, что оппозиция и бульварная пресса сочла неуместным позерством, на самом деле означало гораздо большее: немцы избавились от комплекса собственной истории. Время, когда руководители ФРГ предпочитали не вспоминать о преступлениях «третьего рейха» (так же, как не принято было делать акцент на жертвах среди мирного населения, вызванных англоамериканскими бомбардировками), ушло в прошлое. Моральная ответственность одержала верх над технологией власти. Неизбежное выздоровление общественного сознания послевоенной Германии определялось естественной сменой поколений, но симптомы его выражались в словах и делах политической элиты. Брандта справедливо сравнивали с президентом Кеннеди. Личное обаяние каждого из этих лидеров давало толчок переменам, но не могло стать интегрирующим фактором политики на долгосрочную перспективу. Эйфория «прорыва к новым берегам» плохо уживалась с рутиной каждодневных решений.

Гельмут Шмидт, ставший пятым канцлером ФРГ, являлся полной противоположностью Брандту во всех отношениях. Различия начинались в политической биографии – Шмидт прошел с вермахтом всю войну, и лишь в 1946 г. вступил в СДПГ, разделяя воззрения ее правого, «обновленческого» крыла. Его отличали широкая эрудиция, холодный рассудок и бесспорные компетенции в финансово-экономической области. Признанный мастер кризисного менеджмента, Шмидт считал себя приверженцем философии критического рационализма Карла Поппера. Девизом правительственного заявления, с которым новый канцлер 17 мая 1974 г. выступил в бундестаге, стали слова «преемственность и концентрация». «В отличие от Аденауэра и Брандта Шмидт вписал свое имя в скрижали истории не как борец за новую политику, а как государственный деятель, сумевший сохранить и расширить достигнутое» (Г.А. Винклер). О

серьезности предстоявших корректив второго периода социал-либеральной политики свидетельствовала двойная смена власти в Бонне. Почти одновременно с утверждением в должности нового канцлера Вальтер Шеель сменил Густава Хайнемана на посту президента ФРГ, его место в правительстве занял Ганс-Дитрих Геншер, ставший одновременно председателем партии свободных демократов.

Главное поле деятельности нового состава кабинета министров лежало в сфере экономики. Годы правления Брандта совпали с периодом высокой конъюнктуры, и правительство ограничивало свою деятельность фискальными мерами против ее перегрева. Несмотря на введение чрезвычайных налогов на потребление, инфляция перешагнула в 1972 г. пятипроцентную отметку. Попытки Шиллера, совместившего в своем лице посты министров экономики и финансов, добиться резкого ограничения бюджетных расходов не удавались из-за затратного характера внутриполитических реформ. В мае 1972 г. он был вынужден подать в отставку. Бегство международных капиталов в Европу от дешевеющего доллара привело к резкому росту курса немецкой марки после того, как администрация США отказалась гарантировать золотой паритет своей национальной валюты. Чтобы сбить спекулятивную волну, страны ЕЭС были вынуждены ввести в марте 1973 г. так называемую «валютную змею», означавшую взаимную привязку курсов их денежных единиц, отправленных в свободное плавание по отношению к доллару.

Энергетический кризис, начавшийся осенью 1973 г. в результате арабо-израильской войны, затронул весь западный мир. Настоящим шоком для жителей ФРГ стали скачок цен на бензин почти в два раза, запрет на пользование личными автомобилями по воскресеньям, провозглашенный правительством для того, чтобы ограничить потребление стратегического сырья. Доходы от западногерманского экспорта уже едва покрывали затраты на импортируемые энергоносители. Кризис имел и внутреннюю структурную составляющую. Хроническая нехватка инвестиций для обновления старых отраслей промышленности ФРГ сопровождалась вторжением на мировые рынки более дешевых японских продуктов, использовавших высокие технологии. Попытки западногерманских предпринимателей «догнать и перегнать» поднимающихся конкурентов оборачивались значительными социальными потерями. Внедрение автоматизированных процессов только в машиностроении привело к сокращению около миллиона рабочих мест, освободившаяся рабочая сила уже не успевала рассасываться в других отраслях. К концу 1973 г.

число безработных достигло 273 тыс. человек, в 1975 г. безработица уже перешагнула миллионную отметку и держалась на ней до конца десятилетия. Под влиянием кризиса валовой социальный продукт ФРГ в 1974 г. упал почти на два процента при росте инфляции в семь процентов. Антикризисные программы правительства Шмидта сохраняли верность кейнсианским рецептам. За два года государственные заказы на строительство достигли 10 млрд. марок, налог на добавленную стоимость, который затрагивал интересы каждого покупателя, был поднят с 11 до 16 %.

Расширение законодательства о соучастии рабочих в управлении предприятиями продолжало оставаться камнем преткновения и для нового кабинета министров. Центральным вопросом, по которому коалиционные партнеры не могли достичь согласия, оставалось распределение голосов в наблюдательных советах акционерных обществ. Профсоюзы настаивали на переносе паритетной модели, работавшей в горной промышленности и металлургии с 1951 г., на остальные отрасли экономики. Свободные демократы утверждали, что это приведет к блокированию рабочими непопулярных решений менеджмента и в конечном счете – к потере экономических стимулов развития производства. Найденный компромисс являлся настоящим образцом дипломатического искусства. Закон о соучастии в управлении производством (Mitbestimmungsgesetz), принятый бундестагом 18 марта 1976 г., предусматривал равное распределение голосов между собственниками и работающими по найму. Однако в случае патовой ситуации решающее слово оставалось за акционерами, получавшими при повторном голосовании дополнительный голос. Новое законодательство затронуло только 600 самых крупных фирм. Там, где число работающих не превышало 2000 человек, сохранял свое действие старый закон о структуре предприятий. Из-за протестов предпринимателей, обратившихся в конституционный суд ФРГ, закон о соучастии в управлении производством вступил в силу только 1 марта 1979 г.

В предвыборной кампании 1976 г. христианские демократы сделали ставку на молодое поколение, выдвинув в качестве кандидата на пост бундесканцлера тридцатипятилетнего Гельмута Коля, ставшего за три года до этого председателем ХДС. Нового лидера в борьбе за голоса избирателей сопровождал старый партийный лозунг: «Свобода вместо социализма». Такой ход не обещал особого успеха уже потому, что Шмидт в отличие от Брандта не был социалистом. Ключевые понятия его политического словаря – либеральность и солидарность – в

полной мере разделяли и свободные демократы. Значительно большее влияние на настроения избирателей оказал не преодоленный до конца экономический кризис, а также неуверенные действия правительства в борьбе с левым терроризмом. На выборах, состоявшихся 3 октября 1976 г., социал-демократы потеряли два процента голосов, которые прибавили себе их оппоненты. Для смены правящей коалиции этого оказалось недостаточно. Отказ от кандидатуры лидера ХСС Штрауса как слишком одиозной, дорого обошелся христианским демократам – баварское отделение партии объявило о намерении образовать в бундестаге собственную фракцию. Самый серьезный за всю историю блока ХДС/ХСС кризис был преодолен ценой взаимных уступок, однако в выигрыше оказались все же баварцы. Христианским демократам пришлось согласиться с кандидатурой Штрауса на пост бундесканцлера в ходе следующих парламентских выборов.

1977 г. принес с собой вторую волну террора членов «Фракции Красной армии», пытавшихся ценой ряда акций устрашения добиться освобождения из тюрем своих вождей и соратников. Несмотря на все меры безопасности, им удались покушения на федерального прокурора Зигфрида Бубака и председателя правления «Дрезденер банк» Юргена Понто. 5 сентября левыми экстремистами был совершен самый дерзкий из террористических актов – в Кельне был похищен глава союза промышленников ФРГ Ганс Шлейер, четверо его охранников убиты. После того, как 18 октября отбывавшие наказание в штутгартской тюрьме лидеры «Фракции Красной армии» покончили жизнь самоубийством, Шлейер был убит их соратниками, остававшимися на свободе. Однако из «красноармейской» искры так и не возгорелось пламени революционной борьбы с «профашистской системой». После жаркой осени 1977 г. волна террора пошла на спад, не в последнюю очередь из-за того, что правительство заявило о недопустимости и впредь выполнять условия преступников. Реакцией власти стали также усиленные меры безопасности, упрощенная процедура судопроизводства в отношении террористов, фактически лишавшая их права на защиту – либеральная общественность вновь заговорила о призраке полицейского государства. Под ее давлением в 1978 г. была отменена сплошная проверка лояльности лиц, поступавших на государственную службу.

Серия политических убийств дискредитировала леворадикальную сцену ФРГ. Этаблированные партии, находившиеся на государственном обеспечении и увлеченные

погоней за голосами, плохо подходили на роль «властителя дум» социально активных граждан, прежде всего представителей молодого поколения. Работа перестала быть для них главным смыслом жизни, социальное обеспечение создавало необходимые материальные, а открытость высшего образования – духовные предпосылки для формирования новой системы ценностей, независимой от карьеры и зарплаты. В ее основе лежала уже не революционная перестройка окружающего мира, а внутренняя эмансипация личности, ее освобождение от условностей и привычек благопристойного мещанства.

Не находя выхода своим интересам и чаяниям в сфере большой политики, носители идеологии постиндустриального общества стремились к реализации альтернативных проектов. Возникавшие повсеместно гражданские инициативы олицетворяли собой протест против тотальной демократии, забывшей о нуждах реального человека. Ставя перед собой конкретные цели, будь то закрытие для транспорта жилого микрорайона или строительство детской площадки, борьбу с дискриминацией женщин в быту или помощь инвалидам, они неизбежно выходили на уровень политики, вступали в конфликт с партийной бюрократии, выдвигали на местных и земельных выборах собственных кандидатов. Если студенческое движение конца 60-х гг. прошедшего века напоминало теорию и тактику российского народничества, то гражданские инициативы последующего десятилетия имели явные аналогии с «теорией малых дел» и земским движением в пореформенной России.

Растущий резонанс получали общественные выступления в защиту окружающей среды. Появившийся в 1972 г. доклад Римского клуба ставил проблему пределов экономического роста, ограниченных способностью природы «переварить» человеческую деятельность. Парниковый эффект, вымирание лесов, озоновая дыра и техногенные катастрофы стали излюбленными темами западногерманской прессы. Молодое поколение испытывало растущий и вполне объяснимый страх вообще остаться без будущего. Энергетический кризис показал, насколько неустойчиво благосостояние Западной Европы, основанное на эксплуатации минеральных ресурсов в других частях земного шара. Пытаясь извлечь уроки из кризиса, правительство Шмидта сделало ставку на форсированное строительство атомных электростанцией. Общественность указывала на риски, связанные с применением ядерных технологий, вскрывала корыстные интересы мощного атомного лобби в Бонне. Из широкого спектра гражданских инициатив, протестовавших против необратимого загрязнения окружающей среды в угоду экономическому росту, во

второй половине 70х гг. начало складываться движение «зеленых».

Его идеология не ограничивалась экологическим горизонтом, представляя собой пестрый конгломерат экзотерических культов, политических теорий анархистского толка, модной «философии жизни». В ней присутствовали и консервативные черты, такие как отрицание норм представительной демократии и ставка на внепарламентские действия, призывы к отказу от благ цивилизации и борьбе с «террором потребления». «Зеленые» выступали против господства в политике технократов, оперирующих исключительно количественными показателями, за новое качество жизни, подразумевавшее гуманизацию не только человеческих отношений, но и сферы производства. Общим знаменателем новых социальных движений являлся примат постматериальных ценностей и попытка построить на их основе новое гармоничное и солидарное сообщество без вертикальных и горизонтальных границ. Они считали себя «левыми», но видели, что реальный социализм оказался не в состоянии преодолеть пороки индустриального общества.

Утопические стремления остановить колесницу технического прогресса сочетались с оригинальными формами политической борьбы, будь то занятие пустующих домов и строительных площадок, блокада железнодорожных путей, по которым перевозились ядерные отходы. Попытки вернуться к природе и вести натуральное хозяйство, совместно воспитывать детей, ходить в домотканых одеждах, есть только то, что выращено собственным трудом, выглядели достаточно экстравагантно и провоцировали интерес средств массовой информации, превращаясь в бесплатную рекламу для новых социальных движений. Кое-что из того, что родилось в их среде, выдержало проверку временем – так, коммуны (Wohngemeinschaften) до сих пор остаются излюбленной формой студенческого общежития в ФРГ, потеряв, правда, свой политический подтекст. Альтернативные фермы давно уже стали признанным атрибутом сельского хозяйства, а сеть «биомагазинов» ввиду все новых эпидемий в сфере животноводства и страха населения перед генетически измененными продуктами переживает настоящий бум.

Лидеры парламентских партий достаточно высокомерно отнеслись к программным целям «зеленых», считая их одним из отзвуков студенческого движения. Вскоре стало очевидным, что новое движение способно поставить под вопрос существующую партийнополитическую систему ФРГ. В 1979 г. «зеленые» были уже представлены в ряде ландтагов, с января следующего года

оформились как федеральная партия. Они заставили потесниться традиционные левые силы, усилив в СДПГ позиции сторонников «экологического социализма». Внутренняя эволюция «зеленых» сопровождалась конфликтом фундаменталистов, выступавших исключительно за «базисные акции», и реалистов, готовых к участию в парламентской борьбе. Несмотря на ряд оригинальных решений (ротация депутатских мандатов, квота на представительство женщин в руководящих органах), новая партия в 80-е гг. все больше подстраивалась к традициям боннской политики, и в то же время внесла в нее принципиально новые акценты.

Внешняя политика в годы правления Шмидта развивалась в соответствии с импульсами, полученными в предшествующий период, при выравнивании баланса в пользу Запада. Он выступил одним из инициаторов проведения встреч лидеров шести ведущих стран западного мира (включая Японию), первая из которых состоялась в ноябре 1975 г. в Рамбуйе под Парижем. В середине 70-х гг. ключевым моментом, определявшим внешнеполитический курс Бонна, являлся энергетический кризис, в конце десятилетия – проблемы военностратегической безопасности Западной Европы. Из-за специфики экономических проблем отдельных стран вследствие кризиса процесс дальнейшего развития ЕЭС был фактически заморожен. К числу позитивных моментов интеграции следует отнести появление в 1978 г. европейской валютной системы. В ее рамках гасились колебания курсов основных национальных валют, наносившие ущерб экспорту ФРГ, сдерживались финансовые спекуляции на росте западногерманской марки. Новая организация предусматривала введение особой денежной единицы («экю») в расчетах между ее участниками. Западная Германия как главный донор ЕЭС (2 млрд. марок в 1979), неоднократно использовала этот рычаг для давления на своих партнеров. Расширение сообщества за счет Дании, Ирландии и Великобритании уменьшило значение в нем доминирующей оси Бонн – Париж. В 1979 г. впервые были проведены прямые выборы в Европейский парламент.

Перестав чувствовать себя зависимым партнером США, ФРГ активизировала свои отношения со странами, не входившими в состав западного блока. Социаллиберальная коалиция оказывала дипломатическое давление на диктаторские режимы в Испании, Португалии и Латинской Америке, поддерживая соответствующие инициативы Социалистического Интернационала, председателем которого в 1976 г. стал Вилли Брандт. Он же возглавлял комиссию по отношениям Юга и Севера, пользовавшуюся

заслуженным авторитетом при определении Организацией объединенных наций приоритетов мирового развития. Хотя Германия не имела колониальной империи, подобной британской или французской, ее соучастие в эксплуатации природных богатств «третьего мира» не вызывало сомнений. В своем правительственном заявлении Шмидт впервые назвал помощь развивающимся странам в качестве одного из приоритетов западногерманской внешней политики. Среднегодовой объем помощи ФРГ в этой области держался на уровне 4 млрд. марок, хотя и не достигал рекомендованного ООН одного процента от валового социального продукта. За координацию контактов с «третьим миром» отвечало специальное министерство экономического сотрудничества, которое возглавлял сторонник «экологического социализма» Эрхард Эпплер. Наряду с продовольственной помощью и отправкой врачебного персонала, которыми занимались церковные и благотворительные организации, предпочтение отдавалось финансированию международных инфраструктурных и образовательных проектов, способных пробудить в этих странах энергию внутреннего развития. В отличие от США, жестко проводивших линию на поддержку «политических друзей» в регионе, западногерманская помощь в большей степени определялась гуманитарными соображениями. Однако исключения порой заслоняли собой правила. Либеральная общественность на протяжении 70-х гг. справедливо обвиняла правительство ФРГ в «двойной морали», поскольку оно, прикрываясь заявлениями об экономической необходимости, сохраняло оживленные отношения с режимом апартеида в Южной Африке.

Советско-западногерманские отношения после Хельсинки не испытывали новых подъемов, хотя встречи лидеров двух стран оставались достаточно регулярными и после смены Брандта Шмидтом. Запад был явно разочарован тем, что предпринятое в рамках политики разрядки сближение с коммунистическими диктатурами не привело к их хотя бы частичной либерализации. Независимых от власти общественных контактов ни с СССР, ни с его союзниками наладить так и не удалось, их отсутствие было заменено дискуссией о правах человека и пропагандистским радионаступлением, активное участие в котором принимала «Немецкая волна», базировавшаяся в Кельне. Достаточную независимость от политической конъюнктуры демонстрировали экономические отношения СССР и ФРГ. За десять лет после подписания Московского договора торговый оборот двух стран вырос более чем в десять раз, с 1972 г. ФРГ вышла на первое место среди западных стран – экономических партнеров

Советского Союза. Более двух третей стоимостного объема экспорта из СССР составляли энергоносители, прежде всего природный газ, поставки которого позволили ФРГ сократить зависимость от нефти с Ближнего Востока. Положительная энергия советско-западногерманского сотрудничества в этой сфере сказалась в начале 80-х гг., когда попытка администрации президента США Рональда Рейгана наложить эмбарго на экспорт труб большого диаметра разбились о сопротивление европейских государств, входящих в консорциум «газ – трубы».

Решающим фактором, определявшим отношения Запада и Востока в целом, ФРГ и СССР в частности, продолжали оставаться проблемы военно-стратегической безопасности. Именно канцлер Шмидт в 1977 г. призвал Запад отреагировать на появление в европейской части Советского Союза нового поколения ракет средней дальности. В январе 1979 г. на встрече лидеров США, Великобритании, Франции и ФРГ было принято «двойное решение», подразумевавшее начало размещения в Западной Европе аналогичных систем в случае, если Советский Союз сохранит свои «евроракеты» СС-20. Минимальное подлетное время нового поколения вооружений во много раз увеличивало риск ядерного конфликта. Активное лоббирование «довооружения» НАТО администрацией Рейгана вызвало в Западной Европе новый всплеск антиамериканских настроений, т.к. при обмене ударами «евроракет» территория США оставалась в неприкосновенности. Сторонники партии «зеленых» и широкий спектр левых политических групп стали движущей силой новой волны пацифистского движения, к которому примкнули и многие социал-демократы, поставив под вопрос дальнейшее участие своей партии в правительстве.

Когда-то главные соперники в руководстве СДПГ, Брандт и Венер объединились против «двойного решения», позже к ним присоединился премьерминистр земли Саар Оскар Лафонтен, представитель нового поколения партийных лидеров. Чтобы спасти правящую коалицию, Шмидт был вынужден грозить отставкой на «ракетном» съезде СДПГ, состоявшемся в декабре 1979 г. Лишь после этого ультиматума предложение о безоговорочном отказе от довооружения, внесенное лидером молодых социалистов Герхардом Шредером, не собрало большинства голосов участников съезда. Отодвинув на некоторое время внутрипартийный кризис, бундесканцлер сосредоточил свое внимание на кризисе разрядки, достигшем своего апогея после введения советских войск в Афганистан. Советско-западногерманская встреча на высшем уровне, состоявшаяся летом 1980 г., показала, насколько ограниченны были его

посреднические возможности. Шмидт привез из Москвы только согласие Брежнева на возобновление переговоров о ракетах средней дальности.

Несмотря на накал страстей на международной арене, парламентские выборы, прошедшие в ФРГ 5 октября 1980 г., стали не голосованием за или против ракетного «довооружения», а плебисцитом против Штрауса. Его оппонентам в ходе предвыборной борьбы удалось в полной мере использовать жупел непредсказуемого баварского упрямца, в результате чего христианские демократы потеряли более 4 % голосов. Окажись на месте Штрауса менее одиозная фигура Гельмута Коля, смена власти на Рейне была бы предрешена, тем более что в политике Запада явно просматривался «поворот вправо». Конфронтацию с коммунизмом дополнял ренессанс экономического неолиберализма, идеологами которого выступили представители монетаристской школы. Весьма симптоматичным был успех на выборах 1980 г. западногерманских либералов (10,6 %), вспомнивших о наследии Людвига Эрхарда. СДПГ избежала серьезных потерь только благодаря авторитету Шмидта, который вполне устраивал консервативно настроенных избирателей.

Бундесканцлер, избранный на третий легислатурный период, попытался воздействовать на международный климат, используя «особый характер» германогерманских отношений. В декабре 1981 г. в ГДР, в охотничьем замке на Вербеллинзее состоялась многократно откладывавшаяся встреча Шмидта и Хонекера. В ходе переговоров канцлер ФРГ выразил сожаление, что «в этом столетии до объединения Германии дела не дойдет», и перенес акцент на развитие добрососедских отношений двух государств, которое исключило бы сценарий третьей мировой войны. Предложение Шмидта, чтобы каждый из них воздействовал в таком ключе на лидеров соответствующей мировой системы, не нашло поддержки у Хонекера, не располагавшего достаточным потенциалом самостоятельности. Неприятным сюрпризом для гостя из ФРГ стало провозглашение в тот же день военного положения в Польше, о планах которого было заранее осведомлено руководство СЕПГ. Это дало удобный повод оппозиции устами Штрауса заявить, что «Шмидт попался в ловушку».

1981 г. стал самым тяжелым годом его правления и в силу внутренних причин. Под объединившим сторонников пацифистского движреенифеял ь«Кдским манифестом» поставили свои подписи около трех миллионов человек, вновь, как и в конце 60-х гг., намечалось противостояние власти и общества. Вторым элементом «кризиса верхов» стал разлад внутри правящей

коалиции. Согласованные со свободными демократами накануне выборов экономические мероприятия не принесли заметных успехов. Государственный долг превысил размеры годового бюджета страны, на его обслуживание тратилось до 6 % его доходной части. Инфляция выросла на 7 % в год при отрицательных показателях экономического роста и новом скачке безработицы до 1,3 млн человек. Попытка правительства обложить дополнительными налогами крупные состояния для финансирования программы создания новых рабочих мест разбилась о противодействие СвДП, остававшейся партией богатых. Раздоры в коалиции регулярно выливались на страницы прессы, лидером недовольных стал министр экономики Отто Ламсдорф, призывавший к снижению налогов за счет сокращения пособий по безработице и других социальных программ.

Утверждения, что население безжалостно эксплуатирует социальное государство (так, западные немцы в 70-е годы стали в два раза чаще болеть, в результате государственные расходы на здравоохранение выросли за этот период в три раза), находили растущий отклик в обществе. Идеологи неолиберализма настаивали на том, что государственные гарантии высокого уровня жизни воспитывают иждивенцев, глушат личную инициативу и подрывают основы рыночной экономики. Обанкротившемуся социальному государству противопоставлялось «общество индивидуального успеха» (Leistungsgesellschaft). Находившиеся по другую сторону баррикад профсоюзные лидеры заговорили о появлении «другой СвДП», с идеологией которой у рабочего движения не может быть ничего общего. Председатель СДПГ Брандт и левые социал-демократы во главе с Лафонтеном все более резко выступали против политики гнилых компромиссов для того, чтобы удержаться у власти любой ценой, считая, что «холодный душ оппозиции пойдет партии только на пользу».

«В конце 1981 г. Шмидт был уже настолько изолирован от собственной партии, что его отставка являлась лишь вопросом времени. Получилось так, что не канцлер покинул социал-демократическую партию, а она его» (М. Гертемакер). 5 февраля 1982 г. Шмидт поставил вопрос о доверии правительству в бундестаге – партнеры по коалиции дисциплинированно проголосовали в его поддержку, но это стало лишь хорошей миной при плохой игре. Газеты давно уже обсуждали перспективу возвращения свободных демократов к сотрудничеству с ХДС/ХСС, журналисты заключали пари на то, сколько дней еще продержится кабинет Шмидта. Тот, кто считал, что разрыв произойдет при обсуждении бюджета на 1983 г., проиграл.

Социалдемократы вновь пошли на серьезные уступки, урезав в нем ряд социальных программ. Это не спасло положения, лишь затянув агонию социал-либеральной коалиции. 17 сентября 1982 г. четыре министра, представлявшие в правительстве СвДП, подали прошения об отставке. В лагере свободных демократов, которые вновь стали решающим «довеском» на политических весах, началась острая борьба вокруг дальнейших сценариев. Они сводились к следующей альтернативе: либо досрочные выборы, на которых и без того популярный Шмидт выступил бы в роли преданного лидера, либо тихая смена власти путем формирования новой коалиции. Геншер, являвшийся мотором дворцового переворота, сумел убедить партийных соратников и будущих партнеров из рядов ХДС/ХСС в предпочтительности второго варианта.

1 октября парламентское голосование конструктивного вотума недоверия впервые в политической практике ФРГ обеспечило смену правительства. Канцлером стал Гельмут Коль, Геншер и Ламсдорф сохранили свои посты. Хотя в правительственном заявлении шла речь о «коалиции центра», предстоявший поворот боннской политики вправо ни у кого не вызывал сомнений. Те или иные оценки произошедшего в публицистике и историографии ФРГ выдают партийнополитические предпочтения их авторов при общем мнении, что «так продолжаться больше не могло». Ряд исследователей подчеркивает предательство свободных демократов, действовавших из корыстных соображений. СвДП «сознательно обострила разногласия внутри коалиции с намерением в подходящий момент осуществить ее разрыв и помочь сесть в седло возглавляемому ХДС/ХСС правительству» (К. Зонтхаймер). Их оппоненты справа предпочитают говорить об «истощении власти», выдвигая на первый план «растущее нежелание значительной части социал-демократов принять политику собственного канцлера в сфере безопасности» (К.Д. Брахер). Тезис о равной ответственности обеих партий за развал коалиции выдвинул Г.А. Винклер, считающий, что о ее новаторском характере можно говорить лишь применительно к первой половине 70-х гг.гг.

Действительно, итоги «социал-либеральной эры», продолжавшейся ровно столько же, сколько и «эра Аденауэра», гораздо более противоречивы, чем предшествующий период истории ФРГ. Динамика мирового развития требовала неоднократной смены тактической линии, и представляется удивительным уже то, что участникам коалиции все эти годы удавалось находить взаимоприемлемые решения. Впрочем, свою

цену имели и компромиссы. Общее состояние СДПГ свидетельствовало о том, что партия за тринадцать лет пребывания у власти растеряла былой боевой дух. Ее руководство испытывало растущий дефицит свежих идей, на вызовы времени первыми отвечали другие политические силы. Уже в ходе правительственного кризиса осени 1982 г. Брандт заговорил о «поиске большинства по эту сторону от ХДС», что могло подразумевать только партию «зеленых». Избавившись от «бремени власти», СДПГ на Кельнском съезде в декабре 1983 г. высказалась против размещения в Западной Европе ракет средней дальности, за постепенный отказ от использования ядерной энергии. За годы правления социаллиберальной коалиции значительно увеличилась дистанция между социал-демократией и профсоюзами, которые сохраняли «классовую» позицию по отношению к предпринимателям, выдвигая все новые требования, в частности введения в тяжелой индустрии 35-часовой рабочей недели. Еще одним показателем политической «изношенности» СДПГ стал дефицит лидеров нового поколения, обострившийся после того, как в июне 1987 г. пост председателя партии покинул Вилли Брандт.

Наоборот, христианским демократом длительное пребывание на скамьях оппозиции пошло на пользу – партия буквально изголодалась по власти. К началу 80-х гг. блок ХДС/ХСС приобрел новое идеологическое лицо, модернизировал свою организационную структуру и после «лебединой песни» Штрауса определился с кандидатурой на пост бундесканцлера. Состоявшийся в 1975 г. Мангеймский съезд христианских демократов принял специальную декларацию, связанную с переходом страны в «постиндустриальную эпоху общества услуг». Отдавая должное социальным достижениям предшествующего периода, партия обращалась к принципам субсидиаризма, согласно которым государство должно помочь своим гражданам встать на ноги, но не может постоянно поддерживать тех, кто способен идти по жизни самостоятельно. Постиндустриальное общество заменяло традиционный классовый конфликт новыми противоречиями: «Капиталисты и работающие по найму ныне организованы в мощные союзы, которые проводят свою политику в ущерб интересам неорганизованных: стариков, неработоспособных, матерей с детьми».

Ставка не на радикалов и маргиналов, а на «нормального бундесбюргера», привыкшего опираться на собственные силы и чувствовавшего себя забытым в эпоху перемен, обеспечила ХДС/ХСС прирост голосов мелких предпринимателей и лиц интеллектуальных профессий с высокими доходами (врачей,

адвокатов, журналистов). Составной частью концепции субсидиаризма являлась децентрализация власти, т.е. передача политических и социальных решений на уровень, максимально приближенный к интересам конкретных людей: органам местного самоуправления, общественным объединениям, благотворительным организациям. Принимая на себя самые неблагодарные социальные функции, они должны были «вывести из-под огня» политическую власть.

«Дух перемен», о котором заговорили задолго до смены власти на Рейне, нашел свое материальное воплощение в фигуре Гельмута Коля. Впервые лидером ФРГ стал представитель послевоенного поколения, обладавший к тому же докторской степенью в исторических науках. Железный инстинкт власти соседствовал у нового бундесканцлера с провинциальными манерами, недюжинная работоспособность уживалась с жизнерадостностью рейнландца – его гастрономические пристрастия обсуждала вся страна. В противоположность Шмидту, которого отличали усидчивость и компетентность, его преемник олицетворял собой «бурю и натиск», импульсивность и безудержный напор. Коль не был образцом публичного политика, а его речи – примером ораторского мастерства, но он излучал столько жизненной силы и уверенности в себе, что каждое его появление на экранах телевизоров действовало на население как успокоительный гипноз.

Значительные перемены затронули не только содержание, но и сам стиль работы правительства. Если для первого канцлера ФРГ политика была исполнением тяжелого долга, не оставлявшим места для позитивных эмоций, то для шестого – атмосферой, в которой он только и мог существовать. Пожалуй, более всего Коль был похож на своего главного внутреннего оппонента – лидера баварского ХСС, которого ему удалось в конечном счете «пересидеть». Как и ранее Франц Йозеф Штраус, Гельмут Коль сделал ставку на партийные рычаги продвижения к власти. Его усилиями Христианскодемократический союз был превращен в настоящую партию, с оформленным членством и сетью местных организаций. Будучи прагматиком, считавшим, что цель оправдывает средства, он в годы своего канцлерства не делал принципиальных различий между государственной и партийной политикой, активно заимствуя программные требования своих оппонентов. После завершения в 1998 г. «эры Коля» речь зашла и о заимствованиях иного рода – нелегальных пожертвованиях крупных промышленников в его адрес, которые направлялись в «черную кассу» ХДС\ХСС.

17 декабря 1982 г. в бундестаге вновь был поставлен вопрос о

доверии правительству. На сей раз партии новой коалиции воздержались при голосовании, чтобы открыть дорогу парламентским выборам. Их результаты, ставшие известными уже вечером 6 марта 1983 г., подтвердили, что консервативный поворот в западном мире с известным опозданием добрался и до ФРГ. Общество устало от нестабильности кризисного десятилетия, начало идеализировать «золотые шестидесятые». В центре предвыборных баталий оставалась проблема безработицы, достигшей 2,5 млн. человек и воспринимавшейся как национальная катастрофа. ХДС\ХСС получил 48,8 % голосов, СДПГ – 38,2 % (на выборах 1980 г. эти цифры составляли 44,5 % и 42,9 %). Единственное, что отличало расстановку партийных сил в бундестаге десятого созыва от ситуации, имевшей место двадцать лет назад – появление четвертого актера: партия «зеленых» получила 5,6 % голосов избирателей и впервые сформировала парламентскую фракцию. Причиной такого прорыва явились не столько экологические программы «зеленых», сколько их негативное отношение к «двойному решению» НАТО, реализация которого началась через несколько месяцев после проведения выборов.

Внутренняя политика правительства Коля – Геншера была нацелена на «дерегулирование» экономики и сокращение государственных расходов для выравнивания бюджетного баланса. Для этого был проведен целый комплекс непопулярных мероприятий, в том числе массовое увольнение чиновников, превращение студенческих стипендий в льготный кредит, либерализация рынка жилья. Чтобы уменьшить размеры бюджетного дефицита, началась приватизация государственных предприятий, прежде всего почты и железнодорожного транспорта, было разрешено вещание частных телеканалов. Проведенная в 1988 г. налоговая реформа ставила своей задачей освобождение предпринимателей от «социальных перегрузок» и восстановление конкурентоспособности западногерманских товаров на мировых рынках. С середины 80-х гг. в ФРГ наблюдался значительный экономический подъем, связанный с резким падением мировых цен на нефть и экологической перестройкой промышленности. Тем не менее правительству так и не удалось выполнить своего главного социальноэкономического обещания: массовая безработица не рассасывалась. Это было связано с продолжавшимся перетеканием капиталов из производственной в финансовую сферу, а также внедрением компьютеров, уменьшавших потребность в рабочей силе.

80-е годы стали эпохой острых общественных дискуссий о

соотношении морали и политики, разворачивавшихся на фоне постоянных разоблачений нелегального финансирования партий и их предвыборной борьбы. На пути к власти Коль неоднократно подчеркивал необходимость «духовного очищения» и «морального поворота», однако в рамках «аферы Флика», вскрывшейся в первые годы его правления и заключавшейся в регулярных выплатах из «черной кассы» военно-промышленного концерна боннским политикам, оказались известные имена из лагеря ХДС/ХСС. Общая сумма «подношений» превышала 20 млн. марок, на которые покупалось содействие в размещении государственных заказов, прежде всего на танки «Леопард». «Под покровом правового государства и демократии в сфере политики возникали отношения материальной зависимости, несовместимые с конституционным положением о том, что вся власть исходит от народа» (Г.А. Винклер). Судебный процесс по этому делу завершился денежными штрафами, так как ни один из высокопоставленных подсудимых не был признан взяточником. «Афера Флика» стала вершиной айсберга внутриполитических скандалов, потрясших ФРГ в 80-е гг. Не менее благодатными сюжетами для прессы, заговорившей о «продажной республике», стали поставки подводных лодок в ЮАР, коррупция в кооперативном движении, слежка за оппозиционными политиками накануне выборов 1987 г. в Шлезвиг-Гольштейне с ведома премьер-министра этой земли Уве Баршеля (ХДС).

Настроения западногерманского общества в этот период показывали, что оно выработало иммунитет по отношению к «скандальной» политической коньюнктуре. В гораздо большей степени на него оказывали влияние глобальные тенденции постиндустриальной эпохи – переход от производства товаров к производству информации, смена традиционных экономических элит «научной бюрократией» (Д.Белл). Социологические службы ФРГ отмечали неуклонное сокращение индустриального рабочего класса и рост числа служащих, прежде всего в сфере услуг, где трудилось более половины всех работающих по найму. Кризис традиционных отраслей экономики вел к тому, что рабочие места «на всю жизнь» становились почти недостижимой роскошью. Ритм производственной жизни человека приобретал пульсирующий характер, периоды трудовой деятельности в рамках социальных или предпринимательских проектов со средним сроком от трех до пяти лет сменялись обращением на биржу труда. В стремлении избежать стрессов профессиональной деятельности молодежь предпочитала «учиться, учиться, и учиться». С 1980 по 1988 г. число студентов в ФРГ вновь выросло в полтора раза, однако огромные затраты в рамках реформы образования оказались не

слишком эффективными. В отличие от первых послевоенных десятилетий высшее образование перестало быть гарантией социального успеха, все большее количество «академиков» было вынуждено забыть о карьере и работать таксистами или секретаршами.

Нивелирование в оплате труда (по крайней мере в официальном секторе экономики) привело к тому, что работа по найму перестала быть уделом социальных низов (хотя доходы «самостоятельных», т.е. лиц, выступающих в качестве хозяйственных субъектов, в среднем в два раза выше). Более чем у трети рабочих имелось собственное жилье, это больше, чем у чиновников и служащих. К концу 80-х гг. 35-часовая рабочая неделя стала нормой в тяжелой индустрии, хотя это и не решило проблему массовой безработицы. Появившееся в политическом лексиконе ФРГ понятие «новых бедных» включало в себя не только категорию бесперспективных безработных (Dauerarbeitslosen), как правило, лиц предпенсионного возраста, а также людей со средними доходами, обремененных детьми, и иностранцев «первого поколения».

В 1970 г. число «гастарбайтеров» в Западной Германии перешагнуло двухмиллионную отметку. В связи с начавшимся экономическим кризисом правительство приняло 23 ноября 1973 г. решение о запрете найма рабочей силы из государств, не являющихся членами ЕЭС. Тем не менее, к началу 80-х г. в ФРГ проживало 4,6 млн. иностранцев. Гарантированное Основным законом ФРГ право на предоставление убежища от политических преследований все более активно использовалось экономическими эмигрантами из стран «третьего мира», что привело к образованию в крупнейших западногерманских городах национальных районов, население которых сохраняло привычный уклад жизни и патриархальные традиции. Это вело к отчуждению и враждебности со стороны «коренных» жителей ФРГ, в том числе к росту праворадикальных настроений среди молодежи.

В качестве альтернативы националистической волне ведущие политологи предложили идею «конституционного патриотизма», способного стать новым центром самоидентификации западных немцев. Однако приоритет оставался за традиционными ценностями, о чем свидетельствовал «спор историков», инициированный статьей Эрнста Нольте, которая появилась в прессе 6 июня 1986 г. Не оправдывая расовый геноцид нацистов, автор требовал ввести его в исторические рамки, признав приоритет за раскулачиванием, т.е. за социальным геноцидом большевиков. «Третий рейх» выступал в качестве самого радикального ответа на «европейскую гражданскую войну»,

развязанную в 1917 г., а посему Гитлера хотя и нельзя оправдать, но можно понять. Оппоненты Нольте справедливо увидели в его тезисах отражение не только консервативного поворота в самой ФРГ, но и обострения конфликта двух мировых общественно-политических систем, произошедшего на рубеже 80-х гг.гг.

Внешнеполитическая часть заявления нового правительства, прозвучавшего 4 мая 1983 г., сводилась к традиционной формуле: единство Европы, сплоченность Запада и взаимопонимание с Востоком. Континуитет в этой сфере олицетворяла собой фигура Дитриха Геншера, оставшегося министром иностранных дел ФРГ, а также выполнение обязательств по «довооружению», принятых на себя еще социаллиберальной коалицией. Соответствующее решение бундестага в ноябре 1983 г. было принято против голосов СДПГ и «зеленых», выступивших за продолжение переговоров с СССР. Взаимное сближение этих партий привело к образованию ими в земле Гессен осенью 1985 г. коалиционного правительства.

Новые импульсы восточной политики ФРГ были связаны с началом перестройки в СССР. О масштабе накопленного недоверия свидетельствовал факт, вызвавший дипломатические осложнения: Коль в одном из интервью сравнил пропагандистскую изобретательность Горбачева и Геббельса. И все же Запад не мог оставаться безучастным к начавшемуся процессу реформ в Восточной Европе, и ФРГ, десятилетия находившаяся на «линии огня», занимала явно «проперестроечную» позицию. Выступая в Давосе 1 февраля 1987 г., Геншер призвал поверить в новые лозунги советского руководства: «Давайте отнесемся к Горбачеву серьезно и пройдем свою часть пути ему навстречу». Во время визита Коля в Москву в октябре 1988 г. было согласовано предоставление льготного кредита на перестройку советской экономики в размере 3 млрд. марок.

И правительство, и оппозиция избегали связывать начавшиеся перемены в СССР с возможностью решения в пользу ФРГ германского вопроса. Социалдемократы предпочитали говорить не о воссоединении, а о сближении ФРГ и ГДР в будущем, видя в нем прежде всего перспективу «преодоления национальных государств» (О. Лафонтен). Согласно опросам общественного мнения середины 80-х гг., более 80 % западных немцев считали воссоединение Германии в XX веке утопией. В сентябре 1987 г. состоялся официальный визит Хонекера в ФРГ, которого встречали как главу иностранного государства. О «коммунистической диктатуре» никто из многочисленных партнеров генерального секретаря ЦК СЕПГ по переговорам не

решался говорить. Однако с каждым месяцем ощущение грядущих перемен охватывало не только политических лидеров, но и широкие общественные круги, свидетельством чего стал восторженный прием Горбачева во время его визита в ФРГ в июне 1989 г. Его слова о том, что берлинская «стена может исчезнуть, если исчезнут обстоятельства, ее породившие», давали западным наблюдателям почву для разработки самых невероятных сценариев.

Опросы общественного мнения, проводившиеся весной-летом 1989 г., показывали, что в Бонне назревает смена власти. Социал-демократы, обретя наконец в лице Оскара Лафонтена явного лидера, в кулуарах бундестага обсуждали возможность коалиции с «зелеными». Однако события осени того же года показали, насколько призрачными бывают долговременные расчеты в большой политике. Отказ СССР от силового удержания в своей орбите стран Восточной Европы привел к краху диктатуры СЕПГ. Стремительное сближение двух германских государств открыло шанс решения национального вопроса. Для большинства жителей ФРГ это была одновременно и пугающая, и манящая перспектива.

Глава 8 ГДР: кризис партийной диктатуры и демократическая революция

Уход Ульбрихта, несмотря на всю его предсказуемость, породил в обществе очередную волну надежд на перемены к лучшему. В кругах интеллигенции рассуждали о необходимости системных реформ, способных вырвать страну их сталинской эпохи и перевести партийную диктатуру как минимум в русло «просвещенного абсолютизма». Для подавляющего большинства восточных немцев речь шла об ином – о росте материального достатка и социальном подъеме, выходе республики из внешнеполитической изоляции по отношению к Западу и расширении германо-германских контактов. Новое руководство ГДР чувствовало эти сигналы, трансформируя их в политические решения, не затрагивавшие основ его собственной власти. Хонекер смирился с ролью младшего партнера в советской системе, расширил масштабы социальнополитического компромисса с собственным населением, поддержал курс на разрядку международных отношений. В целом вторую половину истории ГДР можно было бы свести к формуле «жажда стабильности и страх перемен».

VIII съезд СЕПГ (15-19 июня 1971 г.), несколько раз откладывавшийся из-за назревавших кадровых перемен, проходил уже в рамках новой системы координат. Главный лозунг предыдущих лет: «перегнать ФРГ, не догоняя», давно уже ставший объектом насмешек по обе стороны берлинской стены, был отправлен в политическое небытие вместе со своим творцом. После смерти Ульбрихта его имя было вычеркнуто из истории ГДР, два ее первых десятилетия сводились к арифметике партийных съездов и пятилеток. Идеологические новации, прозвучавшие в докладе нового партийного лидера, подчеркивали уже не особенности «немецкого пути к социализму», а прочность интеграции страны в социалистический лагерь. В нем критиковались технократические тенденции, бюрократическое невнимание к нуждам «маленького человека». Применительно к внешнеполитическим задачам также доминировала марксистско-ленинская лексика: противостояние социалистической ГДР западногерманскому империализму символизировал выход классовой борьбы на уровень межгосударственных отношений. Более конкретно выглядела

задача достижения «единства экономической и социальной политики», решение которой позволило бы гражданам республики почувствовать реальные преимущества нового общественного устройства. На VIII съезде была принята масштабная программа строительства жилья, рассчитанная на период до 1990 г. Поворот большой политики к нуждам и чаяниям реальных людей стал признаком отказа власти от идеи создания нового человека, на которой держалась вера в безграничные возможности социализма.

Новая западная политика Хонекера развивалась в русле европейской разрядки, не претендуя на самостоятельность по отношению к СССР. Восторженный прием, устроенный жителями Эрфурта Брандту весной 1970 г., показал, что восточные немцы заинтересованы и в «сближении», и в «изменении» собственной системы. Договор декабря 1972 г. об основах отношений двух германских государств не привел ни к тому, ни к другому. Чтобы сбить всплеск эмоций после вступления в силу этого договора, руководство СЕПГ выступило с тезисом о формировании в ГДР «социалистической немецкой нации», на котором настаивали советские товарищи еще в последние годы правления Ульбрихта.

В 1974 г. в конституцию ГДР была внесена соответствующая поправка, заменившая «социалистическое государство немецкой нации» на «социалистическое государство рабочих и крестьян». В преамбуле отныне говорилось о «народе Германской Демократической Республики, созидающем развитое социалистическое общество». Из названий официальных институтов ГДР исчезло прилагательное «германский», перестал исполняться текст гимна, написанный в 1949 г. и рисовавший образ единой родины всех немцев. Новая редакция шестой статьи конституции усиливала тезис о тесном и братском союзе с СССР как гарантии дальнейшего продвижения страны по пути мира и социализма. Здесь же подчеркивалось, что ГДР является «неотъемлемой составной частью социалистического содружества». 7 октября 1975 г. в Берлине был подписан новый договор о дружбе и взаимопомощи с СССР.

Нормализация отношений с ФРГ привела к окончанию блокады ГДР со стороны Запада. К 1978 г. о дипломатическом признании ГДР заявили уже 123 государства. После того, как десятилетие разрядки сменилось очередным похолоданием международного климата, руководство СЕПГ с явной неохотой подчинилось блоковой дисциплине. Хонекер даже заявил, что ГДР не в восторге от возможного размещения на ее территории новых советских ракет в ответ на американские «Першинги». И в то же время он внес свой вклад в охлаждение германо-германских

отношений: 13 октября 1980 г., выступая в городе Гера, Хонекер выдвинул к ФРГ ряд требований, без выполнения которых невозможна нормализация отношений между двумя государствами. Речь шла прежде всего о признании гражданства ГДР, превращении постоянных представительств в полноценные посольства и окончательной демаркации границы.

Стабилизирующий характер отношений ФРГ и ГДР продемонстрировало посещение ГДР канцлером Шмидтом в декабре 1981 г. В ходе переговоров Хонекер проявил готовность к компромиссу, смягчив требования, сформулированные в Гере. Хотя до конкретных договоренностей дело не дошло, сам факт возвращения к германо-германскому диалогу на высшем уровне вызвал непонимание в Вашингтоне и Москве. Американская пресса стала строить предположения о возможной «финляндизации» ФРГ, канцлеру пришлось выдержать жесткую атаку оппозиции в бундестаге. К востоку от «железного занавеса» реакция на визит, широко освещавшийся в прессе, выглядела иначе. Оппоненты Хонекера в Политбюро ЦК СЕПГ забили тревогу, докладывая в Москву, что тот ведет двойную игру и едва ли не идет на поводу у империалистов. В июне 1984 г. К.У. Черненко в ходе переговоров с Хонекером потребовал более жесткой реакции на давление со стороны западногерманских политиков: «Как можно объяснить сдержанность ГДР в отношении подобных выпадов, разве это помогает делу социализма?.. Нельзя позволять ФРГ создавать впечатление, будто отношения между двумя германскими государствами развиваются независимо от общей международной обстановки».

Под грузом подобных аргументов Хонекер был вынужден отказаться от запланированного визита в ФРГ, однако произошедшая в 1982 г. смена власти на Рейне не привела к охлаждению германо-германских отношений. Принцип «не раскачивать ситуацию в коммунистическом лагере», утвердившийся в новой восточной политике после того, как Запад несколько десятилетий безуспешно подталкивал коммунизм к пропасти, был сохранен и после прихода к власти христианско-либеральной коалиции. Официальные лица ФРГ уклонялись от выражения своей солидарности с лидерами оппозиционного движения в ГДР, справедливо опасаясь, что это приведет к усилению репрессий.

В свою очередь руководство ГДР, испытывавшее растущую потребность в западных кредитах, со своей стороны стремилось обходить острые углы, делая акцент на особой ответственности двух германских государств за сохранение мира в Европе. Выдвинутая им идея безъядерного коридора в центре континента

отражала стремление отгородить этот регион от новых витков гонки вооружений.

В 1972 г. был завершен перевод предприятий с государственным участием и промышленных кооперативов в общественный сектор, и его доля в промышленном производстве ГДР достигла 99 %. Как и в Советском Союзе, на протяжении 70-х гг. происходило снижение темпов экономического роста, ведомственные интересы брали верх над государственной стратегией, сохранялся примат количественных показателей и был пропущен поворот к информационным и энергосберегающим технологиям. Пропагандистское оформление хозяйственных реформ все больше довлело над их содержанием, новые формы «социалистической интеграции» приобретали все более экзотический характер. Так, немецкие специалисты принимали участие в строительстве Байкало-Амурской магистрали и сибирских нефтепроводов, в то время как вьетнамские рабочие закрывали собой бреши на рынке рабочей силы ГДР.

Застойные явления в экономике вылились в кризис 1977-1979 гг., порожденный прежде всего ростом цен на сырье и энергоносители. СССР, сам испытывавший серьезные хозяйственные трудности, уже не проявлял готовности к их поставкам своим союзникам по «братским ценам». Накануне первых платежей по западным кредитам в 1978 г. Хонекер был вынужден признать угрозу «валютной катастрофы» В правительственных кругах спасение видели в ускоренном развитии торгово-экономических связей с ФРГ. Внутригерманская торговля без таможенных пошлин и с предоставлением западногерманской стороной беспроцентного кредита давала до 2,5 млрд. марок прибыли ежегодно – через нее на восток шли солидные финансовые потоки из ФРГ. Кроме этого, значительные средства руководство ГДР получало за использование транзитных путей в Западный Берлин. Наполнению валютной кассы государства способствовал обязательный обмен валюты при посещении ГДР западными немцами, постоянно изыскивались все новые пути выравнивания платежного баланса. Дело доходило до изъятия почтовым ведомством валюты, вложенной в почтовые отправления из ФРГ. Несмотря на все усилия властей, внешняя задолженность ГДР к 1989 г. достигла 50 млрд. западногерманских марок (в 1971 г. она составляла 2 млрд., в 1981 г. – 10 млрд. марок).

Западные кредиты не могли компенсировать нехватки средств на модернизацию оборудования. В 80е гг. технологическое отставание экономики ГДР от мирового уровня стало очевидным. Уровень производительности труда в

промышленности по разным оценкам составлял от трети до половины западногерманского. Поиск выхода велся на разных направлениях, но ему не хватало политической воли и последовательности. Вновь, как и двадцать лет назад, предпринимались попытки реабилитировать децентрализацию, был взят курс на интенсификацию производства и внедрение достижений научнотехнической революции. В рамках СЭВ ГДР отвечала за развитие компьютерных технологий, но для налаживания производства «чипов» ее экономике уже просто не хватило времени. После того, как для восточноевропейских стран открылись мировые рынки, компьютеры фирмы «Роботрон» вызывали только усмешку.

Нечто подобное происходило и на потребительском рынке. Каждое предприятие получало задание на производство товаров ширпотреба, но население отказывалось их покупать, так как они не выдерживали конкуренции с западными, да еще и продавались по явно завышенным ценам. При массовом жилищном строительстве исторические центры городов имели довольно запущенный вид, хронически не хватало средств на рекультивацию природных ресурсов. Приметами кризиса производственной инфраструктуры стали залатанные «автобаны», построенные еще во времена «третьего рейха», значительная часть вагонного парка также происходила из досоциалистических времен. Экономика ГДР явно не поспевала за социальными программами, западные кредиты выступали в роли наркотика, порождавшего иллюзию решения нараставших проблем.

В отличие от своего предшественника, любившего заглядывать в будущее, Хонекер оставался расчетливым прагматиком. В годы его правления ЦК СЕПГ превратился в центр согласования ведомственных интересов и узел связи с «советскими товарищами». Кадровая политика партии также отдавала предпочтение стабильности: назначения производились по неписаным правилам благосклонности и очередности, анкетный принцип блокировал выдвижение нестандартно мыслящих личностей. «Окостеневшая система» (Ш.Волле) практически не чувствовала обратной связи с обществом, всерьез рассчитывая «пересидеть» любые социальные неурядицы. Функционеры высшего звена, устраивавшие Генерального секретаря партии (в 1976 г. Хонекер вернул себе этот титул, отмененный в СЕПГ после смерти Сталина), получали свои посты в пожизненное владение. Номенклатурный круговорот должен был препятствовать формированию групп и коалиций, способных поставить под вопрос его власть. Председатель правительства Вилли Штоф после смерти Ульбрихта стал председателем

Госсовета ГДР, а в 1976 г. вернулся на старый пост. Для более чем двух миллионов членов СЕПГ партия являлась необходимым условием сохранения своего социального статуса или удобным трамплином для дальнейшей карьеры.

В мае 1973 г. Хонекер выдвинул тезис о «реально существующем социализме» в ГДР, который лег в основу новой партийной программы, принятой IX съездом СЕПГ (18-22 мая 1976 г.). Наряду с традиционными формулировками об исторической обреченности капитализма в программе содержалось признание того, что политике мирного сосуществования двух мировых систем нет альтернативы. В отличие от программы СЕПГ 1963 г. достижение единства немецкого народа уже не стояло на партийной повестке дня. Коммунизм отодвигался на далекую перспективу, улучшение жизни народа называлось высшей целью партии, руководящая и направляющая роль которой должна была все более возрастать. На практике это означало сохранение административных рычагов во всех сферах общественной жизни. Так, борьба за повышение качества обслуживания покупателей возлагалась решениями съездов на партийные организации учреждений торговли. Система материального стимулирования производства также замыкалась на местные организации СЕПГ, имевшие решающее слово при распределении премий и социальных благ. Социалистическое соревнование делало акцент на моральные мотивации производительного и качественного труда, которые, однако, упорно отвергались реально существующими рабочими.

Символом перемирия власти и общества стал появившийся в центре Берлина Дворец республики, где впервые проходил IX съезд СЕПГ. В отличие от кремлевского дворца съездов, его берлинский собрат был открыт для публики с утра до вечера, наполнен ресторанами, выставками и развлечениями. Впрочем, ни для кого не было секретом, что реальная политика делалась в невзрачном сером здании, где располагался Центральный комитет СЕПГ. Волна общественных надежд, связанных с приходом к власти нового лидера и принятием новой партийной программы, окончательно отхлынула после X съезда СЕПГ (11-16 апреля 1981 г.) Выступая на съезде, Хонекер в очередной раз продемонстрировал верность догматическому истолкованию социализма, осудил обновленческие идеи «еврокоммунизма», с которыми выступали компартии Италии, Франции и Испании. Не произошло на съезде и кадровых изменений – сама мысль о политическом наследнике подрывала стабильность режима личной власти. Лишь в 1983 г. в Политбюро попал представитель «молодежи» Эгон Кренц, которому исполнилось 46 лет.

Настаивая на своей исторической миссии, СЕПГ отдавала себе отчет в том, что для простых граждан привлекательность социализма определялась личным материальным успехом. Близость западногерманской модели оказывала серьезное воздействие на общественные настроения в поздней ГДР, держала власть в состоянии максимального напряжения. Огромные силы были брошены на выполнение принятой в 1971 г. жилищной программы: за первые десять лет было построено и отремонтировано 800 тыс. квартир, к 1988 г. – уже три миллиона. Для того, чтобы получить благоустроенное жилье, молодой семье уже не надо было годами стоять в очереди. Хотя рост уровня жизни в ГДР в годы правления Хонекера замедлился (в 1970 г. средний доход на душу населения составлял 755 марок, в 1980 г. – 1021 марки), партийная пропаганда не без оснований говорила о второй зарплате (zweite Lohntüte), которую получали жители ГДР благодаря бесплатному и качественному здравоохранению, дошкольной сети, дотированным ценам на продукты и смешной квартплате (около одной марки за квадратный метр жилплощади). Если в 1970 на сто среднестатистических семей приходилось 16 легковых автомобилей и менее одного цветного телевизора, то в 1987 г. и то, и другое уже имела каждая вторая семья.

Растущее предложение товаров и услуг в легальном секторе экономики не могло угнаться за ростом денежных доходов, порождая огромный отложенный спрос. К концу 80-х гг. на сберегательных счетах у населения находилось почти 200 млрд. марок. Дефицит затрагивал в основном «эксклюзивные» товары (хотя список их постоянно расширялся), для их приобретения формировались неформальные группы взаимопомощи, использовались семейные, соседские связи, открывавшие доступ к каналам нерыночного распределения продуктов и промышленной продукции. Аналогичные механизмы действовали и в сфере услуг, где деформирующее воздействие коммунистической доктрины («отмирание мелкой буржуазии») было наиболее ощутимым. Число работавших в этой сфере «частников» (Handwerker) не превышало 2 % от самодеятельного населения, социалистические альтернативы в виде громадных прачечных комбинатов, сети обувных мастерских или превращенных в государственных служащих сантехников явно не справлялись со своими задачами.

Даже во второй половине 80-х гг. западные исследователи продолжали говорить об упрочении социального контракта между властью и населением в ГДР.

Тоталитарная методология пребывала на задворках научных

споров, исследователи искали за берлинской стеной общее, а не особенное. Известный публицист Гюнтер Гаус, являвшийся до 1981 г. главой постоянного представительства ФРГ в ГДР, внес немалый вклад в формирование на Западе благожелательносочувственного образа этой страны как «индустриального общества с одним работодателем и деформированной психологией потребления». Население, лишенное возможности политического соучастия, все же находило возможности для неподконтрольной правящей партии самоорганизации. В ГДР существовало более 10 тыс. кружков и объединений по интересам, формировавших своеобразные «ниши свободы», куда не могла или не решалась заглядывать власть. Перенесение акцентов от прогнозирования действий лидеров коммунистических диктатур в сферу массовых явлений и настроений подвластного им общества позволило западным ученым смоделировать основные тенденции «посттоталитарного» отступления власти в ГДР и других странах Восточной Европы, ставшего необратимой тенденцией уже в 70-е гг.

Признав удовлетворение материальных потребностей населения главной задачей социалистической экономики, правящие партии в этих странах фактически смирилась с «несовершенством» народа, которым ей пришлось руководить. В ГДР приходилось учитывать «тлетворное влияние Запада» вплоть до технических заданий на производство новой техники: производимые телевизоры оснащались специальным декодером, позволявшим принимать передачи из ФРГ. Появление сети «интершопов», торговавших на валюту, означало, что власть закрывает глаза на хождение в стране западногерманской марки. Это в значительной мере подогревало ажиотажный спрос на нее, на «черном рынке» курс обмена двух немецких валют колебался вокруг соотношения 1:10 в пользу Запада. Роль ССНП как регулятора социального равенства и справедливого распределения материальных благ (продвижение по службе, гарантия равноправия женщин, путевки в санатории, распределение жилья и дефицитных товаров) постоянно падала. Если в «эпоху Ульбрихта» ГДР выступала в роли государства для рабочих, открывая для них возможности социального подъема и интеграции в правящую верхушку, то в последующий период ситуация меняется. Хотя принцип «зависимости социального подъема от политической лояльности» (Р. Гайслер) сохраняется, структура общества становится более консервативной, среди студенчества дети рабочих уступают место «потомственным» интеллигентам и управленцам. Альтернативным капиталом для граждан ГДР (и источником нового социального расслоения) все

больше оказываются связи в номенклатурных кругах, доступ к «теневой экономике» и наличие родственников в Западной Германии.

Относительность «железного занавеса», продолжавшего разделять две мировые системы, чувствовалась в ГДР как ни в какой другой стране социалистического лагеря. Только в 1976-1985 гг. 170 тыс. граждан республики смогли легально переселиться на Запад. За этот же период среднегодовая цифра посещений жителями ГДР Западной Германии и Западного Берлина держалась на уровне полутора миллионов человек. Хотя 97 % от этого числа приходилось на пенсионеров, магический вопрос «а как там?» не оставался без ответа. Не прекращались и попытки нелегального пересечения германо-германской границы, при которых восточные немцы демонстрировали удивительную изобретательность. В дело шли любые средства передвижения от дельтапланов до воздушных шаров, люди прятались в грузовых отсеках самолетов, багажниках автомашин и даже в радиолах. Подобные авантюры были связаны с серьезным риском для жизни, так как на границе продолжали стрелять. Только у берлинской стены погибло около ста человек, ее последняя жертва была датирована шестым февраля 1989 г.

Чтобы нейтрализовать влияние западного соседа, властям ГДР наряду с репрессиями приходилось многое прощать и на многое закрывать глаза. 4200 молодежных клубов с дискотеками и барами на территории ГДР мало чем отличались от своих старших собратьев по ту сторону границы. Советские туристы, посещавшие «братскую страну социализма», чувствовали себя почти за «железным занавесом». Оттуда попадали в СССР не только журналы с фотографиями западных звезд, первые кроссовки, джинсы и майки с рисунками, но и стереотипы альтернативной культуры и европейского образа жизни. Состоявшийся летом 1973 г. в Берлине Всемирный фестиваль молодежи и студентов стал одним из самых массовых общественных мероприятий, способствовавших (пусть даже под чутким партийным руководством) сближению нового поколения Восточной и Западной Европы, развитых государств и стран, еще недавно находившихся в колониальной зависимости.

Молодежная политика поздней ГДР не ограничивалась послаблениями по отношению к массовой культуре Запада, серьезное внимание уделялось материальной поддержке молодых семей, так как по количеству разводов страна продолжала занимать одно из первых мест в мире. Но именно те, для кого так старались партийные и комсомольские работники, не желали признавать Германскую Демократическую Республику «своим»

государством. Для молодого поколения было характерно не политически мотивированное сопротивление власти, а нонконформизм, проявлявшийся в быту, вызывающем поведении, в отказе от общественной работы, тяге к неформальным объединениям, в том числе и с криминальным оттенком. Представители старшего поколения демонстрировали свое несогласие с системой, подавая заявления на выезд в ФРГ. Унизительная процедура их рассмотрения длилась годами и сопровождалась исключением из общественных организаций, распродажей имущества, прощанием навсегда. Впрочем, эта с каждым годом растущая категория населения (Republikflüchtlinge) вызывала вопреки усилиям пропаганды СЕПГ уже не брезгливость, а сочувствие и даже зависть окружающих.

Лишь незначительное меньшинство граждан в условиях «реального социализма» поднималось до политического протеста, превращая его в цель своей жизни и обрекая себя на лишения и репрессии. Доклады министерства госбезопасности ГДР отмечали следующую тенденцию – чем выше образовательный уровень человека, тем более сознательно и активно его участие в нелегальной оппозиции. После подписания Заключительного акта в Хельсинки ее акции сосредоточились на обеспечении прав человека. На первых ролях оставались известные в ГДР и за ее пределами лица с солидным оппозиционным стажем. Власть жестко реагировала на их выступления, не делая скидок ни на прошлые заслуги, ни на массовую популярность. В 1976 г. был определен под домашний арест «немецкий Сахаров», физик и философ Роберт Хавеман, в том же году выслан из ГДР бард Вольф Бирман, которого Хонекер еще в 1965 г. определил как «мещанскианархиствующего социалиста».

Репрессии вызвали волну протестов творческой интеллигенции ГДР, в том числе и среди старых коммунистов с веймарским партийным стажем, считавшихся идеологической опорой режима. Как правило, власти не препятствовали выезду известных широкой публике лиц в ФРГ. «Литература страдала прежде всего от эмиграции писателей, ибо их роль в ГДР была гораздо более значительной, чем на Западе» (Г. Вебер). Как и в Советском Союзе те из них, кто отлучался от власти и терял возможность публиковаться за государственный счет, обращался в «самиздат» и «тамиздат». При этом многие из диссидентов сохраняли свои левые убеждения, в традициях «пражской весны» строя планы совершенствования нового общества. В таком ключе была написана книга Рудольфа Баро «К критике реально существующего социализма», появившаяся на Западе в 1977 г. Освобождение обвиненного в шпионаже Баро из тюрьмы после

международных протестов было исключением из практики «выкупа» политических заключенных, каждый из которых обходился западногерманскому бюджету в среднем около 100 тыс. марок.

Под влиянием событий в Польше оппозиционное движение ГДР перешло в 80-е гг. к новой тактике, перенеся акцент на завоевание массовой базы и поддержание вялотекущего кризиса власти. Еще одним польским уроком стала активизация протестантской церкви, заявившей о себе как о прибежище не только для христиан, но и для всех гонимых. Под ее патронажем в ГДР развернулось независимое от власти пацифистское движение, охватившее в основном студенческую молодежь. Оно выдвигало претензии и к обеим сверхдержавам, и к руководству ГДР, которое ввело в 1978 г. в старших классах школ начальную военную подготовку в качестве обязательного предмета. В воззрениях пацифистов преобладала религиозно-этическая аргументация, лозунгом движения стало библейское изречение «перекуем мечи на орала». Отсутствие в деятельности «неформалов» явной антиправительственной составляющей затрудняло применение репрессий против них, хотя контакты лидеров пацифистского движения с единомышленниками в Западной Европе и рассматривались властью в качестве дестабилизирующего фактора.

Перед лицом массовых проявлений нонконформизма руководство ГДР было вынуждено пойти на пересмотр идеологической базы своей легитимации. Открытость германского вопроса не позволяла ему мобилизовать в свою пользу националистические настроения, как это было в других странах Восточной Европы. Сохраняя опору на марксизм-ленинизм и революционные традиции германского рабочего движения, идеологи СЕПГ попытались дополнить ее аргументами от истории. В 1980 г. на свое историческое место в центре Берлина была возвращена конная статуя Фридриха Второго, появилась достаточно объективная биография Бисмарка, что заставило средства массовой информации ФРГ заговорить о «реабилитации прусского духа». В 1983 г. в ГДР широко отмечался юбилей не только Карла Маркса, но и Мартина Лютера – и тот, и другой были провозглашены величайшими революционерами своего времени. Стремление представить страну хранительницей германского наследия (и тем самым противопоставить ее «американизированной» ФРГ) вызвало позитивную реакцию в обществе, но не могло нейтрализовать его ориентацию на политическую культуру и материальное благосостояние Западной Германии.

Польский кризис и давление из Москвы склонили чашу весов в пользу сторонников ужесточения внутриполитического режима. Уже в октябре 1980 г. Мильке заявил сотрудникам своего аппарата, что «активизация контрреволюционных сил в Польше является вызовом и для ГДР». В первой половине 80-х гг. происходит заметная активизация министерства государственной безопасности, ставшего последним оплотом партийной диктатуры. Его бюджет за предыдущие двадцать лет был увеличен в четыре раза, техническое оснащение его структур, прежде всего органов разведки, находилось на высшем мировом уровне. После заседаний Политбюро ЦК СЕПГ по вторникам Хонекер и Мильке уединялись, чтобы с глазу на глаз обсудить положение в стране и принять решения о проведении секретных операций. Почти все 85 тыс. кадровых сотрудников министерства, именовавших себя «чекистами», являлись членами СЕПГ и обладали номенклатурными привилегиями, прочно привязывавшими их к правящему режиму. Тому из них, кто планировал бегство на Запад, грозила смертная казнь. Черновую работу по сбору компрометирующей информации выполняли более 100 тыс. внештатных сотрудников (informelle Mitarbeiter) во всех сферах производственной и общественной жизни, не исключая детских садов, коммунальных служб и певческих обществ. Система тотального контроля и слежки в последние годы существования ГДР была доведена до абсурда – в среднем на сто взрослых граждан страны приходилось по одному сексоту. Обработка поступавшей от них информации, носившей как правило рутинный характер, блокировала работоспособность всего аппарата «штази», который не мог оставаться «щитом» существующего режима, не обращаясь к «мечу» массовых политических репрессий.

Переход сил госбезопасности в контрнаступление на последнем этапе истории ГДР символизировало объявление войны церковным организациям, во внутреннюю жизнь которых ранее государство старалось не вмешиваться, рассчитывая на взаимную лояльность. Нередкой практикой стали конфискации выпусков конфессиональных газет, обыски и аресты оппозиционеров в церковных помещениях. Посулами или угрозами многие служители культа вербовались для «сотрудничества». Открытие архивов «штази» в начале 90-х годов показало, что практически на каждого взрослого в ГДР велось агентурное дело. «Зловещая сила министерства госбезопасности заключалась в соединении функций политической тайной полиции, не связанной никакими законами, органа, ведущего следствие по тяжким антигосударственным преступлениям и

секретной разведывательной службы» (К.В. Фрике).

Деятельность «штази» тщательно скрывалась и от собственных граждан, и от внешнего мира, где ГДР выступала в образе стабильной политической системы с солидным экономическим потенциалом и растущим благосостоянием населения. О сохранении достигнутого уровня германо-германских отношений свидетельствовала активная переписка Коля и Хонекера, их встречи в Москве во время похорон советских руководителей Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. Несколько раз откладывавшийся под давлением СССР ответный визит Хонекера в ФРГ состоялся лишь в сентябре 1987 г. Западные немцы делали акцент на расширении возможностей для гуманитарных контактов, их восточные партнеры рассчитывали на новые кредиты для модернизации экономики ГДР. В кулуарах переговоров звучали даже идеи «конфедерации» двух государств. Хонекеру были оказаны почести высшего ранга, но по итогам визита подписан только ряд второстепенных соглашений. Выступая на приеме, который транслировался телевидением обеих стран, Коль заявил: «Немецкий вопрос остается открытым, но его решение сегодня не стоит на повестке дня мировой истории». За два года до падения берлинской стены руководителям обоих германских государств трудно было предположить, насколько быстро они почувствуют не себе плоды разворачивавшейся в СССР политики перестройки. Во время визита в ФРГ Хонекер успокаивал скорее самого себя, нежели убеждал своих западных партнеров: «то, что делает в Советском Союзе Горбачев, в ГДР уже достигнуто».

На первых порах лидеры СЕПГ стремились подыграть «новому политическому мышлению», видя в нем шанс прекращения гонки вооружений и возврата к традициям десятилетия разрядки. В таком ключе был выдержан совместный документ комиссии по основным ценностям СДПГ и Академии общественных наук при ЦК СЕПГ «Спор идеологий и общая безопасность», увидевший свет 27 августа 1987 г. Подписавшие его от имени своих партий соглашались с тем, что война не может быть больше средством политики, а противоположность идеологий не должна мешать диалогу между двумя общественно-политическими системами. «Обе стороны должны настроиться на длительный период сосуществования, когда им придется искать взаимопонимания. Ни одна из них не должна отказывать другой в праве на существование». Исход их исторического спора будет определяться тем, какая из систем окажется более привлекательной для людей. Публикация в прессе ГДР подобных положений, явно противоречивших основам официальной

идеологии, возродила надежды на скорую либерализацию политического режима. В этом же направлении воздействовали на общественные настроения в ГДР и перемены в Советском Союзе. Интеллигенция восхищалась гласностью и перестройкой, советская периодика шла нарасхват. Слова о необходимости покаяния, избавления от пережитков сталинизма и обретения социализмом второго дыхания были у всех на устах. Многим казалось, что впервые затертый лозунг «Учиться у Советского Союза» начинает наполняться реальным содержанием.

Иным было отношение к перестройке в руководстве ГДР, позицию которого наглядно выразил секретарь ЦК СЕПГ по идеологии Курт Хагер в интервью западногерманскому журналу «Штерн»: «Если сосед переклеивает обои, то вам не обязательно делать то же самое». Формальное одобрение происходившего в СССР сопровождало настороженное ожидание того момента, когда намерения Горбачева прояснятся или его одернут старшие товарищи. После того, как процесс демократизации поставил под вопрос монополию КПСС на власть, в Политбюро ЦК СЕПГ были вынуждены признать серьезность и необратимость перемен. В узком кругу зазвучали разговоры о ГДР как последнем оплоте социализма и неизбежности идеологической борьбы на два фронта. В отличие от идеалистов в советском руководстве Хонекер и его окружение прекрасно понимали, что реформы любого рода приведут режим в состояние «контролируемого краха». Во время беседы с Хонекером в Москве 28 июня 1989 г. Горбачев, как он позже вспоминал, «наткнулся на стену непонимания». Выслушав заявления в безальтернативности перестройки, руководитель ГДР сухо дал понять, что «нам это не нужно».

Нежелание правящей элиты ГДР смотреть правде в глаза (Хонекер заявил: «если надо, стена простоит еще сто лет») сопровождалось нарастанием кризисных явлений во всех сферах общественной жизни. Возмущение населения вызывали перебои со снабжением, особый статус Берлина как «витрину социализма», фактическое хождение двух валют в стране, лживость и бодрячество официальной пропаганды. Целые легенды ходили о коррумпированности высшей номенклатуры и ее привилегиях, включавших в себя зарплату в валюте, постоянные выезды на Запад, пользование охотничьими угодьями, закрытыми для простых смертных.

7 мая 1989 г. в ГДР состоялись выборы в местные органы власти, в ходе которых оппозиционные силы впервые предприняли попытку общественного контроля. По официальным данным, за безальтернативных кандидатов было отдано 98,89 %

голосов, согласно альтернативным подсчетам от 10 до 20 % пришедших на выборы голосовали «против». Отказ власти от диалога с собственным населением привел к очередной волне «голосования ногами». Согласно докладу министерства государственной безопасности, направленному в Политбюро ЦК СЕПГ, к августу 1989 г. жителями ГДР было подано 120 тыс. заявлений о выезде на Запад. Там же указывалось, что их главными причинами являются «недостаточное понимание сложности социалистического строительства», «личные неурядицы, усугубленные результатами анализа условий собственной жизни в сравнении с жизнью в ФРГ и Западном Берлине». Власть упорно не хотела признавать собственной ответственности за происходящее, считая, что ей удастся «пересидеть» и этот кризис.

Сворачивание «железного занавеса» в Центре Европы стимулировало несанкционированную эмиграцию жителей ГДР. Первоначально ее основной поток шел через австро-венгерскую границу, открытую летом 1989 г., затем через посольства ФРГ в Варшаве и Праге. Чтобы остановить массовый исход населения из страны (до начала ноября ГДР покинуло 225 тыс. человек) власти закрыли границу с Польшей и Чехословакией. Значительно меньшим было число тех, кто выражал готовность к политическому противостоянию внутри страны. Вокруг вышедших из подполья диссидентских групп стали формироваться гражданские инициативы, которые требовали соблюдения прав человека, восстановления реальной многопартийности и проведения свободных выборов. Чтобы определить перспективы развития страны, предлагалось по польскому образцу созвать «круглый стол» власти и оппозиции.

Обращение оппозиционных сил за общественной поддержкой на сей раз нашло массовый отклик по всей стране. Политический протест стал выбираться из кухонь и пивных на улицы и площади восточногерманских городов. Наибольшую известность получили «понедельничные» молитвы-демонстрации в Лейпциге, которые каждый раз собирали все больше участников и завершались стычками с полицией. Репортажи западногерманских телеканалов доносили до каждого жителя ГДР лозунги, обращенные к партийным верхам: «Народ – это мы», «Мы остаемся здесь». Под покровительством церковных приходов стали появляться ростки альтернативной власти на местах, священники брали на себя роль посредников между полицией и демонстрантами, чтобы не допустить эскалации насилия. Позже последний лидер СЕПГ Эгон Кренц признает: «мы отдали на откуп церкви то, что должно было стать исконно партийным делом».

Правящая партия в этот момент сосредоточила свое внимание на подготовке празднования 40-летия Германской демократической республики. Выступая на официальных мероприятиях по этому поводу, тяжело больной Хонекер ни словом не упомянул о кризисе власти. Выражая решимость и дальше отстаивать завоевания социализма, он не нашел слов правды и сочувствия по отношению к гражданам своей страны. Приезд на юбилейные мероприятия Горбачева лишний раз продемонстрировал взаимное отчуждение двух лидеров. В ходе разговора с глазу на глаз Горбачев назвал ГДР приоритетным союзником СССР, но его пожелания ограничились общими фразами о том, что «необходимо придать социализму второе дыхание», «партия должна вернуть себе инициативу, иначе демагоги смогут подбросить иные идеи». Хонекер не услышал главного – готовности СССР к поддержке диктатуры СЕПГ силовыми методами. Его реакция была выражена в редакционной статье партийной газеты «Нейес Дейчланд»« 9 октября: «Нам не требуются советы, выполнение которых приведет к ослаблению социализма».

Вечером в день юбилея ГДР в Берлине вновь прошли несанкционированные демонстрации, разогнанные силами безопасности. Все ждали понедельника 9го в Лейпциге, многие опасались кровопролития, повторяющего сценарий пекинских событий в мае. Однако местные власти, почувствовавшие отсутствие жесткой руки из Берлина, пошли на диалог с церковью и представителями оппозиционных групп. Лейпцигская демонстрация, собравшая под лозунгами отставки обанкротившегося руководства страны рекордное число участников – 70 тыс. человек, прошла мирно и без эксцессов. Слово было за властью. На заседании Политбюро ЦК СЕПГ 18 октября Хонекер и его ближайшие соратники были вынуждены заявить о своем уходе. Новым лидером СЕПГ стал самый молодой член Политбюро Кренц, согласовавший детали внутрипартийного переворота с советскими товарищами. Однако общественному мнению, разгоряченному первыми успехами, принесенная жертва показалась недостаточной. Речь шла уже не об одиозных именах и лицах, а о демонтаже коммунистической диктатуры.

Состоявшийся 4 ноября в центре Берлина на Александерплатц митинг оказался самым крупным за всю историю ГДР, собрав по разным оценкам от 400 тыс. до полумиллиона человек. Он же символизировал собой высшую точку идейного романтизма, освобожденного от оков мертвой доктрины. Раздавались голоса в защиту реформ по советскому образцу, выступавшие требовали и обновления социализма, и

нового призыва в СЕПГ. Немало было и флагов ФРГ, символизировавших признание успеха западной модели общественного развития. Слово было дано всем «униженным и оскорбленным», впрочем, некоторые из них, вроде уволенного незадолго до этого руководителя разведки ГДР Маркуса Вольфа или писательницы Христы Вольф достаточно долго пользовались всеми привилегиями власти. Представителю Политбюро ЦК СЕПГ Гюнтеру Шабовскому собравшиеся так и не дали договорить. Главное, что объединяло всех участников митинга 4 ноября в Берлине и аналогичных собраний, проходивших по всей стране, – нежелание оставаться заключенными в собственной стране, отгороженной от Западной Германии и Западного Берлина непреодолимой границей.

Спустя пять дней тот же Шабовский на пресс-конференции, транслировавшейся в прямом эфире, зачитал проект закона о свободном выезде граждан ГДР за пределы страны. На вопрос журналистов о том, когда закон вступит в силу, он ответил: «немедленно». Это моментально накалило страсти, толпы жителей Восточного Берлина стали собираться у пограничных переходов, боясь пропустить долгожданный момент открытия границы. Телевидение ФРГ всю ночь вело прямой репортаж от берлинской стены, мобилизуя население на активные действия. Не выдержав напора толпы, пограничники ГДР около полуночи открыли шлагбаумы. С падением берлинской стены история революционных завоеваний пополнилась еще одним символом, не уступавшим по своему значению взятию Бастилии или штурму Зимнего дворца. Улицы западной части города превратились в спонтанный карнавал, слезы смешивались с шампанским, люди с общей судьбой, но разными паспортами смотрели друг на друга и не находили слов, чтобы выразить свои чувства. За одну ночь и следующий день, 10 ноября, в Западный Берлин «сходило» около миллиона жителей ГДР.

В течение недели процесс был отрегулирован с немецкой тщательностью. Строительная техника делала проломы в стене, по ним клали асфальт и пускали поток машин. Пограничники выстраивались длинной цепью, чтобы успеть проштамповать поток несущихся мимо них «гэдээровских» паспортов. За первых три дня местными отделениями полиции ГДР было выдано 4 миллиона выездных виз, за три недели после открытия границы в ФРГ было зарегистрировано около 100 тыс. граждан ГДР, желавших навсегда остаться на Западе. Мрачные сценарии, согласно которым после открытия границы Восточная Германия превратится в безлюдную пустыню, не оправдались. Но эйфория первых дней без границ неизбежно несла в себе зерна будущих

разочарований.

Каждый восточный немец, оказывавшийся на территории Западного Берлина или ФРГ, получал в качестве подарка по 100 западногерманских марок (Begruessungsgeld). За несколько дней оборот западноберлинских и приграничных супермаркетов достиг фантастических величин. Для большинства восточных немцев, заполонивших своими «Трабантами» хваленые «автобаны» ФРГ, на первом месте все же были не молотый кофе и экзотические фрукты, а знакомство с памятниками национальной истории и культуры, оставшимися в ФРГ. Вначале волна паломничества охватила приграничные города, такие как Кассель и Любек, затем на очереди оказались Нюрнберг, Гамбург, Кельн, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне. То, что раньше было скрыто за бетонной стеной и пропагандистскими лозунгами (еще 1 декабря 1988 г. Хонекер уверял граждан своей страны в том, что «в принципе уровень жизни в ГДР выше, чем в Западной Германии»), зимой 1989/1990 гг. стало очевидным каждому. Два германских государства жили в разных эпохах, и простое устранение партийной диктатуры не могло автоматически решить материальные проблемы восточных немцев, преодолеть отсталость транспортной инфраструктуры ГДР, скрыть запущенность ее городов и убогость официальной культуры.

Многие жители ГДР в этот переломный момент предпочитали искать индивидуальный путь спасения, отправляясь на Запад, но найти достойную работу в ФРГ удавалось только единицам. Потребительские запросы населения уже не могли вырваться из сферы влияния рыночной экономики и телевизионной рекламы. Западногерманская марка начала вытеснять из обращения национальную валюту, обычной практикой выходного дня стали выезды за покупками в ФРГ и Западный Берлин. Падение сбыта местных товаров приводило к остановке производства первоначально в легкой и пищевой, а затем и тяжелой промышленности. Фактическое банкротство предприятий порождало безработицу, о которой восточные немцы имели самое отдаленное представление. Коммивояжеры с Запада начали скупку жилья и недвижимости по бросовым ценам, не без оснований рассчитывая на то, что конъюнктура вскоре изменится. Массовые настроения после первых восторгов и братаний ударились в противоположную крайность, характерную для всех классических революций: «лучше ужасный конец, чем ужас без конца» (К. Маркс). В то время, как «верхи» еще мечтали о правильном социализме, «низы» надеялось только на помощь ФРГ. Лозунг «Народ – это мы» был срочно исправлен на «Мы – один народ».

Уход правящей партии в тень и возвращение власти конституционным структурам ГДР привели, как и в СССР эпохи перестройки, не к ослаблению, а к обострению кризиса во всех сферах общественной жизни. 13 ноября 1989 г. Народная палата избрала секретаря Дрезденского окружного комитета СЕПГ Ганса Модрова, считавшегося «немецким Горбачевым», премьер-министром страны. 1 декабря решением парламентского большинства из конституции страны была вычеркнута статья о руководящей роли СЕПГ. 7 декабря началась работа «круглого стола» правительства и оппозиционных групп, который должен был определить основы будущего государственного строя ГДР. 15 января 1990 г. пал последний бастион партийной диктатуры – демонстранты штурмом взяли комплекс зданий министерства государственной безопасности, сотрудники которого продолжали уничтожение своих архивов.

В СЕПГ к моменту начала демократических преобразований оставалось более двух миллионов членов, но партия давно уже перестала быть сообществом единомышленников, способным отстаивать свое видение исторического прогресса. Под воздействием разоблачительной кампании прессы в ней началась явно запоздавшая кадровая революция. В течение ноября были сменены все 15 первых секретарей окружных комитетов СЕПГ, 3 декабря в отставку в полном составе подал Центральный комитет партии. Созванный в спешном порядке чрезвычайный съезд СЕПГ (8-15 декабря 1989 г.) высказался против ее самороспуска, добавив к традиционному названию новый вариант: «Партия демократического социализма». Председателем СЕПГ/ПДС стал берлинский адвокат Грегор Гизи, до того не занимавший высоких партийных постов. Внутрипартийная дискуссия развивалась в удобном (и уже опробованном в СССР) русле разоблачения сталинизма, будущая стратегия ориентировалась на поиск третьего пути между реально существующим социализмом и не менее реальным капитализмом. Второй чрезвычайный съезд, состоявшийся в конце февраля, принял новую программу и вычеркнул аббревиатуру «СЕПГ» из названия партии. Вычеркнуть прошлое оказалось гораздо сложнее – рядовые коммунисты, считая себя обманутыми и опасаясь дискриминации со стороны новой власти, массами подавали заявления о выходе из партии. К лету 1990 г. в ПДС осталось только 300 тыс. членов, большинство из них составляли искренне верившие в идеалы социализма интеллектуалы и пенсионеры, которым приспособление к ценностям новой жизни давалось особенно трудно. Меньшинство, прежде всего функционеров с номенклатурным прошлым, удерживала в партийных рядах борьба за сохранение

собственности СЕПГ, о размерах которой в средствах массовой информации ходили самые фантастические предположения.

Первая реакция официальных кругов ФРГ на «свертывание» коммунистической диктатуры в ГДР свидетельствовала о том, что правительство Коля было явно ошеломлено темпом демократической революции. В западногерманской прессе наряду с восторженными репортажами о пришествии восточногерманских братьев появлялись аналитические статьи, полные опасений, что развал ГДР подорвет военно-политическую стабильность в центре Европы. Накануне падения берлинской стены федеральное правительство заявило о готовности оказать ГДР экономическую помощь в обмен на отказ СЕПГ от монопольной власти, обеспечение ее гражданам всех политических свобод и проведение свободных выборов. На следующий день все крупнейшие политики ФРГ собрались на митинг у шенебергской ратуши в Западном Берлине. (Коль на сутки прервал свой официальный визит в Польшу). Председатель оппозиционной СДПГ Брандт, не связанный правительственной ответственностью, выразился в своей речи перед жителями обеих частей города достаточно определенно: «для противоестественного раскола Германии нет больше оснований».

В ведомстве федерального канцлера в течение последующих недель шел непрерывный мозговой штурм – в силу исторического опыта XX века любой политический план, соединявший в себе понятия «германский» и «национальный», мог быть встречен в мире со скепсисом и настороженностью. Только 28 ноября Коль выступил в бундестаге с программной речью, посвященной «преодолению раскола Германии и Европы». Наряду с предложением неотложной помощи ГДР в ней содержалась перспектива конфедеративного сообщества двух германских государств и их совместной интеграции в общеевропейский процесс. Реакция партнеров и соседей ФРГ, как и ожидалось, оказалась весьма сдержанной. На Востоке были всерьез обеспокоены тем, что план Коля не затрагивал вопрос о германо-польской границе, на Западе – тем, что конфедерация может поставить под вопрос существование НАТО. 19 декабря 1989 г. в Дрездене состоялась первая встреча руководителей двух германских государств. Как двадцать лет тому назад Вилли Брандт, Гельмут Коль был встречен восторженной толпой, демонстрировавшей свою приверженность идеям национального единства. Выступая перед дрезденцами, он пообещал, что «мы не бросим на произвол судьбы наших соотечественников в ГДР… Моей целью, если позволит история, было и остается достижение единства немецкой нации».

В ходе самих переговоров преобладали менее эмоциональные формулировки будущего сообщества двух германских государств (Vertragsgemeinschaft). Модров сохранял уверенность в том, что в ходе предстоявших выборов подавляющее большинство народа выскажется за обновление суверенной ГДР. Его расчеты на щедрую финансовую помощь в ходе этого процесса не оправдались – федеральный канцлер выжидал дальнейшего развития событий как в Восточной Германии, так и в Советском Союзе. До второй встречи друг с другом, состоявшейся 19 февраля, и Коль, и Модров побывали в Москве. Во время переговоров с каждым из них Горбачев признал, что воссоединение страны является делом самих немцев, но при этом должны быть предоставлены достаточные гарантии того, что с территории Германии никогда больше не будет исходить угроза войны. Вопросы о сохранении «социалистического выбора» уже не поднимались. Из-за нараставших внутренних проблем советское руководство негативно отреагировало на просьбы Модрова об увеличении экономической помощи. Напротив, Коль, уверенный в непреодолимой силе западногерманского «магнита», предложил план валютного и экономического союза двух стран, подразумевавший введение в ГДР западногерманской валюты.

Образованное 5 февраля 1990 г. «правительство национальной ответственности» под руководством Модрова включало в себя представителей оппозиционных партий и объединений, но не имело демократической легитимации для того, чтобы принимать подобные решения о будущем страны. Ввиду приближающихся парламентских выборов (их дата была перенесена с 6 мая на 18 марта) центром политической деятельности в ГДР стало ускоренное формирование многопартийной системы. Бывшие партии антифашистско-демократического блока, избавившись от диктата СЕПГ, воспряли духом, поменяли руководящих функционеров и установили контакты со своими западногерманскими «однофамильцами». Десант политических эмиссаров из ФРГ, призванных в кратчайший срок довести их до необходимой кондиции, сопровождался солидными финансовыми вливаниями. В надежде на них в ряде городов организовались даже отделения баварского ХСС. 1 февраля 1990 г. в Западном Берлине состоялась встреча Коля с руководителями восточногерманского ХДС, Германского социального союза и группы «Демократический прорыв», на которой было принято решение о формировании предвыборной коалиции, получившей название «Альянс за Германию».

Последние выборы в Народную палату ГДР завершились его убедительной победой (48 %), хотя по результатам опросов

общественного мнения лидировала восточногерманская СДПГ, получившая в итоге всего лишь 22 % голосов. Секрет успеха блока правых партий заключался в том, что 18 марта фактически прошел плебисцит о скорейшем присоединении к ФРГ. За полгода, прошедшие с момента открытия германо-германской границы, нежизнеспособность экономической и финансовой системы ГДР в новых условиях стала очевидной, являясь для большинства восточных немцев главным аргументом в пользу «бегства вперед». Не последнюю роль в победе «Альянса» сыграло и заявление правительства ФРГ накануне выборов, что оно готово принять за основу объединения восточной и западногерманской марки соотношение 1:1. 12 апреля было сформировано коалиционное правительство под руководством Лотара де Мезьера (ХДС), поставившее своей целью устранение барьеров на пути к объединению с ФРГ. Активно проводилась унификация законодательства, слияние государственных и культурных учреждений двух стран, между ГДР и ФРГ был снят пограничный контроль. Начало свою работу ведомство по приватизации (Treuhandanstalt), в ведение которого были переданы 8,5 тыс. государственных предприятий, земельные владения и собственность общественных организаций.

26 апреля Народная палата проголосовала против разработки новой конституции ГДР. 18 мая состоялось подписание договора об экономическом, валютном и социальном союзе двух стран. За дипломатичным названием скрывалось перенесение на Восточную Германию основ социально-экономического строя ФРГ. Последняя приняла на себя выплату государственного долга ГДР, пенсий и пособий ее гражданам, которые отныне рассчитывались по западногерманской шкале (разница составила около 10 млрд. марок в год в пользу получателей). Правительство ГДР получало из Бонна ежегодный кредит на осуществление своих полномочий (на 1991 г. было запланировано 35 млрд. марок). Договор предусматривал создание фонда помощи государственной экономике, не способной к самостоятельному существованию в условиях рыночной системы. Валовой социальный продукт пяти восточногерманских земель, восстановленных в своих исторических границах после того, как были отменены «социалистические» округа, упал за 1990 г. почти на четверть.

С 1 июля западногерманская марка официально вводилась в обращение на территории ГДР. Все наличные деньги ее граждан и иностранцев, проживавших там постоянно, откладывались на специальные счета, снять с которых можно было уже марки ФРГ. 4000 восточногерманских марок обменивались в пропорции 1:1 (для пенсионеров – 6000 марок), более крупные суммы – 2:1. Ни

для кого не являлся секретом политический характер этого «подарка», создававшего серьезный риск для стабильности западногерманской экономики (скачок общей денежной массы превысил 100 млрд. марок). Благоприятная пропорция обмена представляла собой стартовую помощь восточным немцам для повторения того же «прыжка в холодную воду» рыночного бытия, который проделали их соотечественники в Западной Германии летом 1948 г. Ввиду преимущества последних размером в сорок лет о равенстве шансов обеих частей Германии говорить не приходилось. Жителям ГДР предстояло распрощаться со многим из того, чем так гордился «социализм на немецкой земле»: гарантированной работой, ничтожной квартплатой, бесплатным медицинским обслуживанием, стабильными ценами на основные продукты питания. И все же их сожаления о потерянном перевешивало желание попробовать свои силы в одной из лидирующих экономик мира, а в случае неудачи обратиться к помощи одной из самых прочных социальных систем.

С 5 мая 1990 г. в Бонне начались переговоры по формуле «четыре плюс два» (СССР, США, Франция, Великобритания, а также ФРГ и ГДР), на повестке дня которых стоял вопрос о подписании мирного договора, подводящего окончательный итог второй мировой войне. Главным из внешнеполитических факторов, препятствовавших воссоединению Германии, оставалось желание СССР видеть ее неприсоединившейся, т.е. не входящей ни в один из военно-политических блоков. Польское руководство настаивало на том, чтобы до подписания мирного договора правительство ФРГ признало международно-правовой характер границы по Одеру и Нейсе. Нельзя было сбрасывать со счетов сопротивление лидеров Франции и Великобритании, которые боялись нарушения европейского баланса. В правительственных кругах Парижа заговорили даже о возможном возрождении франкорусского союза в ответ на германское объединение. Сомнения европейских союзников ФРГ в конечном счете были развеяны администрацией США, посчитавшей недопустимым упускать такой шанс расширения западного сообщества.

15-16 июля 1990 г. в Москве и Архызе прошли переговоры, снявшие последние препятствия на пути воссоединения Германии. Горбачев и Коль исходили из необратимости начавшегося процесса распада мировой системы социализма, пытаясь ввести его в цивилизованные рамки, не допуская эскалации насилия или возврата к блоковому мышлению. Если советский руководитель находился под впечатлением острой борьбы на только что закончившемся съезде КПСС и нуждался в

передышке, то его немецкий партнер занимал наступательную позицию. У них не было принципиальных разногласий в том, что восстановление германского единства является делом ближайшего будущего. «Времена, когда раскол Германии являлся главной гарантией стабильности в Европе, безвозвратно ушли в прошлое, теперь стабильность Европы настойчиво требовала объединения ФРГ и ГДР» (Г.А. Винклер). Речь шла об условиях и темпах этого процесса, а также о месте Советского Союза в новой геополитической системе и гарантиях его безопасности. Стороны подтвердили, что единая Германия будет включать в себя территорию ФРГ, ГДР и Западного Берлина, «не больше и не меньше». Международно-правовое признание восточных границ объединенного государства должно было снять вопрос о возможности пересмотра итогов второй мировой войны. К моменту объединения все права четырех держав-победительниц в отношении Германии должны были утратить свою силу.

Самый острым вопросом переговоров руководителей СССР и ФРГ оставалась военно-политическая интеграция будущей Германии. Коль настаивал на свободе выбора коалиций, что на деле означало сохранение членства в НАТО, для Горбачева более предпочтительным являлся статус неприсоединения по типу Австрии. Экстравагантные советские предложения, звучавшие в ходе переговоров первой половины 1990 г., вплоть до роспуска обоих военно-политических блоков или вступления СССР в НАТО, трактовались как признак слабости и вели к ужесточению позиции Запада. В отличие от разваливавшейся организации Варшавского договора, Коль мог опереться на сплоченность и мощь своих союзников. Не последнюю роль в смягчении позиции советской стороны во время бесед в Архызе сыграли обещания масштабных кредитов, которые были необходимы входившей в состояние глубокого кризиса экономике СССР. «Вряд ли совершенно беспочвенным было бы утверждение, что Горбачев продал ГДР ФРГ» (Э. Йекель). Обе стороны выразили готовность после появления единой Германии заключить договор о добрососедстве и сотрудничестве (его подписание состоялось в Бонне 9 ноября 1990 г.)

Идеологическое восприятие советским руководством Запада в «образе врага» сменилось прямо противоположным, хотя новый «образ друга» был также достаточно далек от реальностей. Последующее десятилетие показало, что согласие на германское объединение следовало увязывать не только с финансовой помощью (которая не смогла предотвратить распада СССР), но и с иными условиями, в частности с сохранением военно-политического status quo в Центральной Европе и как минимум –

превращением Германии в зону, свободную от (американского) ядерного оружия. Вместе с тем решение о допустимости членства объединенной Германии в НАТО нельзя рассматривать как чистое поражение советской дипломатии, доставшееся в наследство сегодняшней России. Военный потенциал ФРГ прочно интегрирован в структуру Североатлантического альянса, и это избавляет ее геополитических соседей от (пусть самых маловероятных) неожиданностей, подобных ремилитаризации Германии после поражения в первой мировой войне.

После того, как советское руководство согласилось с сохранением членства объединенной Германии в НАТО, проблема советской военной группировки, находившейся на территории ГДР, была переведена в организационно-техническую плоскость. Соглашение Коля и Горбачева предусматривало их вывод за 4 года, в течение которых структуры НАТО не должны были размещаться в Восточной Германии, а гарнизоны западных союзников оставались в Берлине. Федеральный канцлер, выступая 17 июля перед депутатами бундестага, не удержался от сантиментов: «Согласованные сроки означают, что ровно через 50 лет после того дня, когда советские войска в ходе второй мировой войны вступили на германскую территорию, последний советский солдат покинет Германию». ФРГ оплачивала все расходы по выводу советских войск, их общая сумма, согласованная в начале сентября, достигла 15 млрд. марок. Будущая Германия отказывалась от обладания любыми видами оружия массового поражения и брала на себя обязательство сократить свои вооруженные силы до 370 тыс. человек.

12 сентября в Москве состоялось подписание договора «Об окончательном урегулировании в отношении Германии», завершившее скоротечные переговоры по формуле «два плюс четыре». Вступление в силу договора было синхронизировано с объединением Германии и подразумевало возвращение ей полного суверенитета. Правительства ФРГ и ГДР обязались заключить договоры о международно-правовом признании существующих границ и провозгласили, что «отныне с немецкой земли будет исходить только мир». Впервые новая Германия возникала не как следствие военных побед или поражений, а в результате соглашения со своими соседями и партнерами, что открывало шанс действительно нового начала, на сей раз не только германской, но и европейской истории.

Основной закон ФРГ открывал две возможности решения национального вопроса: путем присоединения к ФРГ новых земель (как это произошло с Сааром) согласно статье 23, или полномасштабного объединения, предусматривавшего созыв

Национального собрания и выработку новой конституции (статья 146). Первый путь давал выигрыш во времени, избавляя от сложных юридических и политических процедур, второй – обеспечивал новому германскому государству максимальную легитимацию. Левые силы в ГДР, в том числе и участники «круглого стола», высказались против распространения далеко не идеального Основного закона ФРГ на Восточную Германию. Коль не стеснялся в аргументах, указывая прежде всего на нестабильное положение в СССР. В случае государственного переворота и устранения Горбачева придется забыть об Архызских договоренностях, и советский военный контингент на немецкой земле вновь окажется самым действенным аргументом противоположной стороны. Однако решающим фактором в пользу «поземельного» варианта являлось материальное неблагополучие самих восточных немцев, слишком долго находившихся на положении заложников мировой политики.

Борьба за приближение сроков присоединения ГДР к ФРГ стала общим знаменателем политической активности крупнейших партий, представленных в Народной палате. 23 августа 1990 г. подавляющее большинство парламентариев приняло решение о присоединении пяти восточногерманских земель к ФРГ (294 голоса было подано за, 62 – от ПДС и партии «зеленых» – против). 31 августа в Берлине состоялось подписание второго (после 18 мая) государственного договора (Einigungsvertrag) между ФРГ и ГДР. 45 статей и три приложения этого документа общим объемом более тысячи страниц регулировали детали воссоединения страны и унификации ее правовой системы вплоть до процедуры абортов и признания дипломов о высшем образовании. Из конституции ФРГ исключалась статья 23, ее преамбула стала звучать следующим образом: «В осознании своей ответственности перед Богом и людьми, исполненный желания служить делу мира во всем мире, немецкий народ, став равноправной частью объединенной Европы, своей конституционной властью принимает этот Основной закон». Хотя договор об окончательном урегулировании в отношении Германии еще не был ратифицирован (обмен ратификационными грамотами произошел только 15 марта 1991 г.), подписавшие его стороны приняли специальное заявление о том, что основные положения договора вступают в силу с момента воссоединения Германии.

Согласно второму государственному договору с 3 октября 1990 г. на территорию бывшей ГДР распространялось действие Основного закона ФРГ. В ночь накануне этого события центр Берлина стал местом проведения уникального культурно-

политического шоу. Чувства радости и облегчения людей, сорок лет живших по разные стороны от рухнувшего «железного занавеса», преобладали над страхом и озабоченностью. 14 октября на территории бывшей ГДР состоялись выборы в ландтаги, в четырех землях из пяти ХДС закрепила свои лидирующие позиции. Общегерманские выборы, прошедшие 2 декабря 1990 г., укрепили положение христианско-либеральной коалиции. За ХДС/ХСС было отдано 43,8 % голосов, свободные демократы получили 11 %. СДПГ во главе с Лафонтеном, оппонировавшая политике Коля и настаивавшая на длительном периоде взаимного сближения ФРГ и ГДР, получила всего 33,5 % голосов, опустившись ниже отметки 1961 г. ПДС так и не смогла прорваться к избирателям на Западе, а «зеленые» – на Востоке страны. И все же выборы показали, что почти полвека раздельного существования двух Германий не привели к политическому отчуждению их жителей. Политическая фигура «канцлера единства» достигла пика своей популярности, оставаясь на протяжении последующих лет важным фактором реального «сращивания» объединенной страны.

На фоне стремительно менявшейся карты Центральной Европы начала 90-х гг. германское развитие выглядело достаточно своеобразно. Однако исчезновение ГДР отражало ту же тенденцию, что и появление новых государств на пространстве от Днепра до Дуная. Распад коммунистических диктатур в СССР и странах Восточной Европы стал катализатором завершающего этапа процесса национального самоопределения, начавшегося на континенте еще во второй половине XIX века и не закончившегося и по сей день. В то время как другие народы вели политические, а порой и военные споры об отделении и размежевании, немцы добились восстановления единства своей страны. «Постнациональная» ФРГ образца 1989 г. десять лет спустя стала классическим национальным государством.

Главное, что отличает его от Германии Бисмарка и Веймара – исторический опыт «века катастроф», воплощенный в государственных институтах ФРГ и нормах политической культуры ее граждан.

События последнего года истории ГДР повергли в настоящий шок историков и политологов. Столь быстрого и бескровного саморазрушения (Implosion) казавшейся достаточно стабильной общественнополитической системы не ожидал никто. Для тех, кто считал правление СЕПГ образцом тоталитарной диктатуры, осталась загадкой ее неспособность к подавлению массового протеста, их оппоненты, подчеркивавшие новаторские моменты прежде всего в социальном развитии ГДР, были удивлены тем,

насколько слабо они использовались для общей модернизации этой страны. Обращение к внешним причинам произошедшего, таким глобальным явлениям ушедшего века, как «холодная война», советская империя или коммунистический эксперимент, необходимо, но недостаточно. Чем дальше движется исследовательский интерес, тем более «немецкой» становится история послевоенной Восточной Германии.

Нельзя не согласиться с тем, что «в основе краха ГДР лежали структурные дефекты ее системы… Без перемен в Советском Союзе мирная революция была бы невозможна, но без оппозиции в ГДР, публичные выступления которой мобилизовали массы, сама по себе новая политика Москвы не могла бы инициировать свержение диктатуры СЕПГ» (Г.Вебер). Признавая роль перестройки как катализатора волны демократических перемен в Центральной Европе, следует иметь в виду, что и сам Горбачев, и его политика выросли из неспособности кремлевских «верхов» обеспечить контроль над этим регионом. И история ГДР, на территории которой находилось двадцать самых боеспособных дивизий Советской Армии, не являлась здесь исключением.

Представители социально-исторического направления обоснованно предупреждают об «опасности того, чтобы детерминистски подводить историю ГДР к 1990 году» (Ю. Кока). С этим связана и проблема ее периодизации, которая не может выглядеть как движение от плохого к худшему. Только в первом приближении можно признать приемлемым выходом пропорциональное разделение сорока лет существования ГДР на «эру Ульбрихта» и «эру Хонекера». Более размыта, но более существенна трансформация всей общественной системы, ее движение от тоталитарной диктатуры сталинского типа к авторитарной «полицентрической» модели. Если в сфере экономики смена парадигм происходит в середине 60-х годов, то во внутренней политике она запаздывает на целое десятилетие, а в сфере идеологии правящая партия отказывается от бесплодных попыток сформировать нового человека позже всего. Явное запаздывание с демонтажем тоталитарных структур (отличавшее и послесталинскую историю СССР), тормозившееся извне и сопровождавшееся внутренними отступлениями, имело своей причиной тот самый «проклятый» вопрос о власти, который оставался стержнем доктрины российских большевиков и их зарубежных единомышленников. Действительно, проведение системных реформ открывало опасность потери политической монополии, но отказ от них гарантировал сползание на обочину исторического прогресса.

Постановка вопроса о том, являлась ли вторая германская

диктатура тоталитарной, носит отнюдь не академический характер. Признание политической системы ГДР «преступным режимом» означает ее уравнивание с периодом нацизма со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями: материальные компенсации жертвам (включая сюда потерю собственности) и сплошное наказание тех, кто являлся действующими лицами этого режима. Этого не позволяют условия присоединения восточногерманских земель к ФРГ, где было указано на то, что за преступления, совершенные в ГДР, можно судить только по законам ГДР. Любой иной подход означал бы реализацию принципа «горе побежденным». «Крах ГДР не вынес на поверхность новые существенные факты, которые позволили бы нам усилить ее моральный приговор» (Э. Йессе). В результате «освоение» (Aufarbeitung) истории этой страны, ставшей последней попыткой найти особый путь Германии, передано ученым. Можно надеяться на то, что научные исследования, опирающиеся на огромную и практически полностью доступную архивную базу, уведут общественное мнение на Востоке и Западе страны от политизированных эмоций к взгляду «без страха и упрека» на эту главу послевоенной германской истории.

Было бы несправедливым умолчать в книге, обращенной к российскому читателю, о том влиянии, которое существование ГДР оказывало на повседневную жизнь советского общества. Оно не сводилось к массовому вывозу туристами, офицерами и дипломатами сервизов и хрусталя, к многочасовым очередям в центральных универмагах за престижными «гэдээровскими» обоями или миксерами. Духовное здесь явно преобладало над материальным, эмоции – над расчетами. Восприятие ГДР было связано прежде всего с гордостью за «наших в Европе», законно оказавшихся там в результате военной победы, добытой огромной ценой. Политический режим ГДР, равно как и других стран Восточной Европы, выступал в качестве осколка той самой мировой революции пролетариата, с обещанием которой завоевали власть российские большевики в семнадцатом году.

Наличие «братских стран социализма» избавляло и власть, и общество в послесталинском СССР от комплекса осажденной крепости, размывало бескомпромиссность официальной идеологии. Общественные контакты, прежде всего молодежные, расширяли познавательный горизонт советских граждан, знакомили с европейской культурой производства и потребления, умением отдыхать, раскованностью в быту и личной жизни. Достаточно вспомнить о том, что мировая мода приходила к советским женщинам в основном со страниц журналов, печатавшихся в ГДР. Если в отношениях «верхов» преобладали

парадные мероприятия и плановые отчеты о состоявшейся дружбе, то большинство населения обеих стран разделяло понимание того, что мы «скованы одной цепью, связаны одной целью». Прошедшее десятилетие показало беспредметность споров о том, кто кого кормил и одевал – СССР и ГДР были нужны друг другу, являясь частью единого целого. Брак по расчету, определенный волей правящих элит, протекал спокойно и несчастливо. В таких случаях после расставания супруги испытывают скорее не вражду, а взаимное облегчение и в то же время неосознанную ностальгию по совместному прошлому.

Не менее эмоциональным было и отношение советского общества к исчезновению ГДР с политической карты Европы. Понятная горечь ветеранов войны («за что кровь проливали») сочеталась с растущим разочарованием «верхов» в идеалах горбачевской перестройки. Вот мнение начальника информационно-аналитического отдела аппарата советской внешней разведки в Берлине, очевидца событий 1989-1990 гг. И.Н. Кузьмина: «Чувство тревоги в связи с происходившим отягощалось сознанием того, что падение ГДР ведет к подрыву позиций нашей собственной страны как великой державы и окажет отрицательное влияние на ее дальнейшее развитие, которое и без того вступило в трудную и непредсказуемую фазу. К тому же крах ГДР означал крушение одной из моделей социализма, с которой многие из нас связывали надежды на будущее, реального социализма с широкими социальными гарантиями, относительным изобилием в магазинах, порядком на улицах, сносно функционирующим сервисом». Гарантии торговой марки «сделано в Германии» распространялись даже на такой специфический товар, как общественный строй, и скоротечное завершение истории ГДР поставило крест на «социалистическом выборе» Горбачева.

Впрочем, в 1990 г. далеко не все были заражены историческим пессимизмом, в среде интеллигенции преобладало сочувственно-позитивное отношение к событиям в Восточной Европе. Многим казалось, что падение там коммунистических режимов освободит Советский Союз от непосильного груза, кредиты благодарности поставят его на ноги, и «мы пойдем иным путем». Среди политических радикалов раздавались даже призывы добровольно отдаться Западу, подобно тому, как восточные немцы были отданы на поруки западным. Время бодрящих иллюзий оказалось весьма скоротечным. Эпилог истории ГДР, сопровождавшийся рефреном «слишком поздно», всего лишь на один год предвосхитил развитие событий в СССР. «В конченом счете распад Советского Союза оказался – пусть даже

невольным – результатом объединения Германии» (Г.К. Рупп).

Глава 9 Объединенная Германия в новой Европе

Ключевые моменты «самой новейшей» истории Германии являются предметом активного изучения политологов и социологов, которые не спешат отдавать исследовательскую инициативу в руки представителей исторического цеха. Действительно, применительно к 90-м гг. можно говорить только о «протоистории», когда еще не сформировался каркас событий и процессов, способный нести на себе целостную картину «прошедшего» прошлого. Поэтому заключительная глава будет носить характер «зарисовок с натуры» со всемы вытекающими отсюда плюсами и минусами. В ней будет особенно много цифр – за этим стоит не столько стремление автора спрятаться от оценивающих суждений, сколько специфика современности, способной перевести на язык статистики и математики любые проявления общественного развития. Данные экономического роста или результаты социологических опросов отражают его противоречивые тенденции, которые пока трудно описать с помощью исторических дат и законченных образов. Пожалуй, только сфера внешней политики сохраняет на сегодняшний день консервативную привязанность к последним, хотя и здесь процессы европейской интеграции и хозяйственной глобализации ограничивают возможности традиционных методов исторического анализа.

Вряд ли следует особо объяснять авторский интерес к вопросу о «переваривании» ГДР и о том, насколько иной стала «новая» ФРГ на исходе XX века. Россия, переживающая переходный период в не столь тепличных условиях, как Восточная Германия, может почерпнуть немало полезного из опыта ускоренной модернизации на ее территории. Речь идет не столько о перестройке экономики, потребовавшей фантастических инвестиций, сколько о психологическом переломе, характерном для массового сознания «побежденных». Не менее поучительно и постепенное освобождение западногерманских политиков от «эйфории воссоединения, которое в силу благоприятно сложившейся международной обстановки прямо-таки свалилось на них с неба» (К. Зонтхаймер). Адресованное гражданам бывшей ГДР обещание канцлера Коля, что «никто не будет жить хуже, чем сейчас, но многие будут жить лучше», люди поняли слишком буквально.

В современной немецкой прессе не принято говорить о

присоединении (Anschluss) ГДР, т.к. это порождает неприятные параллели с австрийским «аншлюсом» 1937 года. Гораздо чаще речь идет о воссоединении страны, что является верной, но явно недостаточной формулировкой. «Разъединение» Германии не было результатом волеизъявления немецкого народа ни в целом, ни в одной из ее частей. Почти полвека жизни по разные стороны «железного занавеса» оказались главной статьей контрибуции, наложенной державамипобедительницами на немецкий народ за преступления нацистского режима, хотя этот факт и не был зафиксирован ни в одном из актов международного права. Немцы смиренно несли эту ношу, соблюдая лояльность по отношению и к Востоку, и к Западу, самим участием в этом спектакле с декорациями в виде берлинской стены доказывая его абсурдность.

Ряд политологов, говоря о событиях рубежа 80-90-х гг., предпочитает использовать термин «вхождение» (Beitritt) одного государства в другое, который удачно подчеркивает тот факт, что первую скрипку в этом процессе играла политическая воля граждан восточногерманского государства. Впрочем, по обе стороны границы активному меньшинству противостояло пассивное большинство, предпочитавшее наблюдать за происходившим по телевизору. Голо Манн еще в конце 50-х гг. точно подметил: «Вокруг много говорят о воссоединении Германии, но средний бундесбюргер совсем не горит желанием воссоединяться – сейчас ему живется хорошо, и он не знает, как пойдут его дела после объединения страны». За тридцать последующих лет число сторонников подобной точки зрения значительно выросло, что объясняет заметное разочарование немцев в темпах и результатах объединительного процесса.

От излишнего пессимизма избавляет его положительная динамика и понимание его незавершенности. Присоединение ГДР к ФРГ только положило начало воссоединению немецкого народа. Следы раскола еще остаются в душах людей, их зарастанию мешают новые проявления зависти и отчуждения. Десять лет совместной жизни «осси» и «весси», как называют друг друга западные и восточные немцы, показали, что процесс их взаимного сближения является делом даже не нескольких правительств, а нескольких поколений. О нем как о свершившемся факте можно будет говорить лишь тогда, когда у руля Германии окажутся люди, вошедшие во взрослую жизнь уже в объединенной стране.

Массовое движение на Запад после открытия германо-германской границы осенью 1989 г. давно уже стало не только обязательным элементом личной биографии миллионов восточных немцев, но и получило заметное художественное

оформление в кино и литературе. Потоки «Трабантов» и «Жигулей», в считанные дни добравшихся до Нормандии и Адриатики, своей настойчивостью и организованностью напоминали миграцию перелетных птиц. Менее заметным, но более важным для последующей германской истории было обратное движение – западные немцы отправлялись на Восток, чтобы не только полюбоваться культурноисторическими ландшафтами Саксонии, Тюрингии или Мекленбурга, но и провести разведку новых шансов для предпринимательской деятельности, которые открывались в доживавшей свои последние дни ГДР.

«Щадящий» обмен денег, о котором уже шла речь в предыдущей главе, создал кратковременную иллюзию необъятных рынков и неограниченных возможностей. Первыми в ГДР оказались флибустьеры от экономики, занимавшиеся скупкой недвижимости и сбытом залежалых товаров, основывавшие сомнительные инвестиционные фонды. Однако потенциал спекулятивного обогащения был достаточно быстро исчерпан. Вслед за владельцами супермаркетов, которые ударными темпами возводили свои ангары на территории Восточной Германии и добились фантастического товарооборота в июле 1990 г., сюда пришли стратегические инвесторы, представлявшие ключевые отрасли западногерманского бизнеса. Им пришлось столкнуться с такими плодами государственной индустриализации, как изношенность оборудования и низкая производительность труда, отсутствие современного менеджмента и транспортной инфраструктуры, устаревшие и экологически вредные технологии. Первоначальные опасения восточных немцев, что их предприятия «скупят на корню», достаточно скоро превратились в собственную противоположность: «нас не хотят покупать».

Избранная библиография по истории Германии XX века

Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990.

Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978.

Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого. М., 1999.

Брандт Вилли. Воспоминания. Пер. с нем. М., 1991.

Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. В 2-х томах. Пер. с англ. Смоленск, 1998.

Бусыгина И.М. Регионализм и регионы Германии. М., 1999.

Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. Свердловск, 1991.

Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и германский вопрос в 1945-1949 годах. М., 1990.

Вититнев С.Ф. Неофашистское движение в ФРГ. М., 1990.

Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.

Германская история в новое и новейшее время. В 2-х томах. М., 1970.

Гинцберг Л.И. Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919-1933). М., 1978.

Горлов С.А. Москва-Берлин 1920-1933. Военнополитические отношения между СССР и Германией. М., 1999.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1973.

Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992.

Ерин М.Е. Католическая церковь Германии и фашизм. Ярославль, 1990.

Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард. Секреты «экономического чуда». М., 1997.

Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. Пер. с нем. М., 1996.

Истягин Л.Г. Политический портрет Гельмута Коля. М., 1995.

Кершоу Я. Гитлер. Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1997.

Коваль К.И. Последний свидетель. Германская карта в

холодной войне. М., 1997.

Краузе-Бургер С. Гельмут Шмидт: каким он видится вблизи. Пер. с нем. М., 1981.

Крейг Г. Немцы. Пер. с англ. М., 1999.

Кремер И.С. ФРГ: этапы восточной политики. М., 1986.

Кузьмин И.Н. Крушение ГДР. История. Последствия. М., 1996.

Леволкина Л.П. Федеративная Республика Германия.1949-1969. Владимир, 1990.

Мазер В. Гельмут Коль. Пер. с нем. М., 1993.

Максимычев И.Ф. Российско-германские отношения: формирование, состояние, перспективы. М., 1997.

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1933-1945. М., 1989.

Млечина И. Уроки немецкого. Век XX. М., 1995.

Объединенная Германия в Европе и мире. М., 1994.

Орлов Б.С. СДПГ: идейная борьба вокруг программных установок 1945-1975. М., 1980.

Орлова М.И. ГДР: рождение и крах. М., 2000.

Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80 гг. – М., 1989.

Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997.

Последний год ГДР. М., 1993.

Прокопьев В.П. История германской государственности. Калининград, 1985.

Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.,1985.

Розанов Г.Л. ФРГ в современном мире. М., 1979.

Россия и Германия в годы войны и мира (1941-1995). М., 1995.

Россия и Германия. Сборник статей под ред. Б.М.Туполева. М., 1998.

Россия и Германия в Европе. Составители Б.С.Орлов и Х.Тиммерман. М.,1998.

Рыкин В.С., Баранов К.К., Белов В.Б. Объединение Германии и его последствия. М., 1998.

Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939-1945. М., 1982.

Сдвижков Д.А. Против железа и крови. Пацифизм в Германской империи. М., 1999.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995.

Сокольский С.Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983.

СССР и германский вопрос, 1941-1949: Документы архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х томах. М., 1996.

Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце 19 в. – 1914 г.). М., 1996.

Ткачев С.М. Демократическая партия в партийнополитической системе Веймарской республики (19181923). Челябинск, 1996.

Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. Главы о Германии.

Урьяс Ю.П. Механизм государственной власти ФРГ. М., 1988.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999.

Федоров В.П. ФРГ в 80-е годы. Очерки общественных нравов. М., 1988.

Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001.

Фест И.К. Адольф Гитлер. Биография. Пер. с нем. Пермь, 1993.

Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939 гг. Пер. с нем. М., 1991.

ФРГ: молодежь и молодежная политика (60-80-е годы). Томск, 1990.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. Пер. с нем. М., 1961.

Цфасман А.Б. Буржуазные партии и рабочее движение в Германии (1900-1914). Челябинск, 1975.

Шейдеман Ф. Крушение Германской империи. Пер. с нем. М., Пг., 1923.

Эрхард Л. Благосостояние для всех. Пер. с нем. М.,1991.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von BrestLitowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien u.a. 1966.

Benz W. Geschichte des Dritten Reiches. München, 2000.

Birke A.M. Nation ohne Haus: Deutschland 1945-1961. Berlin, 1989.

Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main, 2000.

Craig G.A. Deutsche Geschichte 1866-1945. Vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches. München 1993.

Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1965.

Deutschland in den neunziger Jahren. Innenpolitik, politische Kultur, Aussenpolitik. Hrsg.von Werner Süss. Leverkusen, 2001.

Deutschland und die russische Revolution 1917-1924. Hrsg.von Gerd Koenen und Lew Kopelew. München, 1998.

Eschenburg Th. Jahre der Besatzung 1945-1949. Stuttgart, 1983.

Frank M. Walter Ulbricht. Eine deutsche Biographie. Berlin, 2001.

Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996.

Freund M. Deutsche Geschichte. Berlin u.a., 1973.

Fricke K.W. MfS intern. Macht, Strukturen, Auflösung der DDR-Staatssicherheit. Analyse und Dokumentation. Köln, 1993.

Fülberth G. Berlin-Bonn-Berlin. Deutsche Geschichte seit 1945. Köln, 1999.

Greiffenhagen M. u. S. Ein schwieriges Vaterland. Zur politischen Kultur im vereinigten Deutschland. München, 1993.

Glaser H. Deutsche Kultur. Ein historischer Überblick von 1945 bis Gegenwart. München, Wien, 1997.

Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999.

Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1991.

Hillgruber A. Deutsche Geschichte 1945-1986. Die «deutsche Frage» in der Weltpolitik. Berlin u.a., 1987.

Hurwitz H. Die Stalinisierung der SED. Opladen, 1997.

Jäckel E. Das deutsche Jahrhundert: eine historische Bilanz. Stuttgart, 1996.

Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker. Funktionsmechanismen der SED-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. Berlin, 1997.

Kielmansegg P.G. Nach der Katastrophe. Eine Geschichte des geteilten Deutschland. Berlin, 2000.

Klessmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955-1970. Bonn, 1988.

Kolb E. Die Weimarer Republik. München, 1984.

Krockow Ch. Graf von. Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890-1990. Hamburg, 1990.

Mann G. Deutsche Geschichte des XX. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1958.

Morsey R. Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München, 2000.

Neubert E. Geschichte der Opposition in der DDR 19491989. Berlin, 1997.

Pätzold K., Weissbecker M. Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berlin, 1981.

Ritter G.A. Über Deutschland. Die Bundesrepublik in der deutschen Geschichte. Göttingen, 1998.

Rosenfeld G. Sowjetunion und Deutschland 1917-1922. Berlin,

1960.

Rosenfeld G. Sowjetunion und Deutschland 1922-1933. Berlin, 1984.

Ruge W. Weimar – Republik auf Zeit. Berlin, 1980.

Salewski M. Deutschland. Eine politische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd.2. 1815-1990. München, 1993.

Schröder Klaus. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft 1949-1990. München, 1998.

Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. München, 1996.

Schwarz H. – P. Ära Adenauer. Gründungsjahre der Republik 1949-1957. Stuttgart, 1981.

Sontheimer K. So war Deutschland nie. Anmerkungen zur politischen Kultur der BRD. München, 1999.

Stent Angela. Rivalen des Jahrhunderts. Deutschland und Russland im neuen Europa. Berlin, München, 2000.

Teltschik Horst. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin,1991.

Von der Bonner zur Berliner Republik. 10 Jahre Deutsche Einheit. Wiesbaden, 2000.

Weber H. Die DDR 1945-1990. München, 2000.

Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945. Hrsg. von Richard Löwenthal und Patrik von zur Mühlen. Berlin, Bonn, 1984.

Winkler H.A. Weimar 1918-1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München,1993.

Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Bd.1. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. Bd.2. Deutsche Geschichte vom «Dritten Reich» bis zur Wiedervereinigung. München, 2000.

Хроника новейшей германской истории

18 января 1871 г. – провозглашение Германской империи

10 мая 1871 г. – Франкфуртский мир, завершение франко-прусской войны

30 января 1872 г. – начало борьбы с влиянием католической церкви («культуркампф»)

13 июня – 13 июля 1878 г. – Берлинский конгресс

18 октября 1878 г. – принятие исключительного закона против социалистов

7 октября 1879 г. – заключение союза Германии и Австро-Венгрии

20 мая 1882 г. – Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии

15 июня 1883 г. – принятие первого закона о социальном страховании

1884 г. – объявление Намибии, Того, Камеруна и части Новой Гвинеи германскими колониями

18 июня 1887 г. – «договор перестраховки» между Германией и Россией

15 июня 1888 г. – вступление на престол императора Вильгельма II

20 марта 1890 г. – отставка Бисмарка

1 июля 1890 г. – договор Германии и Великобритании об обмене о. Гельголанд на Занзибар

1 октября 1890 г. – прекращение действия исключительного закона против социалистов

21 октября 1891 г. – принятие Эрфуртской программы СДПГ

28 марта 1898 г. – принятие первого закона о военно-морских вооружениях

23 декабря 1899 г. – договор о концессии на строительство Багдадской железной дороги

1 января 1900 г. – вступление в силу Гражданского кодекса Германии

14 июня 1900 г. – принятие второго закона о военно-морских вооружениях март 1905 г. – визит Вильгельма II в Танжер, первый марокканский кризис

6 марта 1910 г. – образование Прогрессивной народной партии июль – ноябрь 1911 г. – второй марокканский кризис

14 июня 1912 г. – принятие закона об увеличении вооруженных сил Германии

1 августа 1914 г. –11 ноября 1918 г. – участие Германии в первой мировой войне

4 августа 1914 г. – вступление германских войск в Бельгию, одобрение рейхстагом военных кредитов

23-31 августа 1914 г. – битва при Танненберге в Восточной Пруссии

6-9 сентября 1914 г. – битва на Марне

18 февраля 1915 г. – начало подводной войны

март – сентябрь 1915 г. – германское наступление на восточном фронте

21 февраля – 26 ноября 1916 г. – битва за крепость Верден

31 мая – 1 июня 1916 г. – морское сражение в проливе Скагеррак (Ютландский бой)

27 августа 1916 г. – назначение Гинденбурга главнокомандующим германской армии

5 декабря 1916 г. – закон о вспомогательной службе отечеству

1 февраля 1917 г. – начало Германией неограниченной подводной войны

6 апреля 1917 г. – объявление США войны Германии

9-11 апреля 1917 г. – раскол СДПГ на Готском съезде, образование НСДПГ

19 июля 1917 г. – мирная резолюция рейхстага

январь 1918 – массовые забастовки рабочих оборонных предприятий Германии

15 декабря 1917 г. – заключение перемирия между Россией и Германией

3 марта 1918 г. – подписание Брестского мирного договора

18 июля 1918 г. – начало решающего наступления войск Антанты на западном фронте

4 октября 1918 г. – просьба Германии о перемирии на западном фронте

1 ноября 1918 г. – восстания моряков в Киле и Вильгельмсхафене

9 ноября 1918 г. – свержение монархии и провозглашение Германской республики

10 ноября 1918 г. – избрание Берлинским советом рабочих и солдатских депутатов революционного правительства – Совета народных уполномоченных

11 ноября 1918 г. – подписание Компьенского перемирия, завершение первой мировой войны

15 ноября 1918 г. – соглашение о сотрудничестве между профсоюзами и союзами предпринимателей (пакт Стиннеса-Легина)

16-20 декабря 1918 г. – Всегерманский съезд советов рабочих и солдатских депутатов

31 декабря 1918 г. – создание Коммунистической партии Германии

19 января 1919 г. – выборы в Национальное собрание

11 февраля 1919 г. – избрание Эберта первым президентом Германской республики

28 июня 1919 г. – подписание Версальского мира

31 июля 1919 г. – принятие Национальным собранием Веймарской конституции

13-16 марта 1920 г. – путч Каппа-Лютвица

6 июня 1920 г. – первые выборы в республиканский рейхстаг

5 мая 1921 г. – Лондонский ультиматум держав Антанты Германии, признание общей суммы репараций

16 апреля 1922 г. – Рапалльский договор между Советской Россией и Германией

24 июня 1922 г. – убийство министра иностранных дел Ратенау

11 января 1923 г. – начало оккупации Рура франкобельгийскими войсками, провозглашение политики пассивного сопротивления

октябрь 1923 г. – участие коммунистов в правительствах Саксонии и Тюрингии, подготовка «германского Октября»

8-9 ноября 1923 г. – «пивной путч» Гитлера в Мюнхене

15 ноября 1923 г. – введение новой денежной единицы и завершение гиперинфляции

13 февраля 1924 г. – отмена чрезвычайного положения в Германии

29 августа 1924 г. – принятие Германией репарационного плана Дауэса

26 апреля 1925 г. – избрание Гинденбурга рейхспрезидентом

16 октября 1925 г. – Локарнское соглашение, гарантия западных границ Германии

24 апреля 1926 г. – Берлинский договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Германией

20 июня 1926 г. – референдум об экспроприации собственности монархических династий

8 сентября 1926 г. – вступление Германии в Лигу наций

16 июля 1927 г. – принятие закона об обязательном страховании по безработице

октябрь 1929 г. – начало мирового экономического кризиса

12 марта 1930 г. – одобрение рейхстагом новой программы репараций (план Юнга)

27 марта 1930 г. – распад «большой коалиции», уход в

отставку правительства Мюллера

30 июня 1930 г. – завершение вывода французских войск из рейнских провинций Германии

19 марта 1931 г. – запрет державами Антанты германо-австрийского таможенного союза

11 октября 1931 г. – создание Гарцбургского фронта националистических партий

10 апреля 1932 г. – переизбрание Гинденбурга рейхспрезидентом

9 июля 1932 г. – Лозаннская конференция, мораторий на репарации Германии

20 июля 1932 г. – государственный переворот в Пруссии

30 января 1930 г. – назначение Гитлера рейхсканцлером

27 февраля 1933 г. – пожар в здании рейхстага, активизация репрессий против рабочих партий

24 марта 1933 г. – закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий

7 апреля 1933 г. – законы об унификации германских земель и восстановлении профессионального чиновничества

2 мая 1933 г. – роспуск профсоюзов

20 июля 1933 г. – конкордат между Германией и Ватиканом

14 октября 1933 г. – выход Германии из Лиги наций

20 января 1934 г. – закон об организации национального труда

26 января 1934 г. – польско-германский пакт о ненападении

30 июня 1934 г. – репрессии против руководства штурмовых отрядов («ночь длинных ножей»)

2 августа 1934 г. – смерть Гинденбурга, провозглашение Гитлера фюрером немецкой нации

13 января 1935 г. – плебисцит в Саарской области

16 марта 1935 г. – введение всеобщей воинской повинности

18 июня 1935 г. – соглашение Великобритании и Германии об ограничении военно-морских вооружений

26 июня 1935 г. – введение всеобщей трудовой повинности для молодежи

15 сентября 1935 г. – Нюрнбергские расовые законы

7 марта 1936 г. – вступление вермахта в демилитаризованную зону на левом берегу Рейна

1 августа 1936 г. – начало Берлинской Олимпиады

9 ноября 1936 г. – провозглашение четырехлетнего экономического плана

25 ноября 1936 г. – Антикоминтерновский пакт Германии и Японии

3 января 1938 г. – закон о безвозмездной конфискации

произведений «декадентского искусства»

13 марта 1938 г. – присоединение («аншлюсс») Австрии

29 сентября 1938 г. – Мюнхенский договор об отторжении Судетской области от Чехословакии

9 ноября 1938 г. – еврейские погромы в большинстве городов Германии («хрустальная ночь»)

15 марта 1939 г. – оккупация вермахтом Чехии

21 марта 1939 г. – требование Гитлера о передаче Германии Данцига

22 мая 1939 г. – «стальной пакт» Германии и Италии

23 августа 1939 г. – советско-германский пакт о ненападении

1 сентября 1939 г. – нападение Германии на Польшу, начало второй мировой войны

3 сентября 1939 г. – объявление Великобританией и Францией войны Германии

28 сентября 1939 г. – договор о дружбе и границе между СССР и Германией

12 октября 1939 г. – начало депортации еврейского населения

25 октября 1939 г. – создание на части территории Польши генерал-губернаторства

8 ноября 1939 г. – покушение на Гитлера в Мюнхене

11 февраля 1940 г. – советско-германский договор об экономическом сотрудничестве

9 апреля 1940 г. – оккупация Дании и Норвегии

10 мая 1940 г. – начало наступления Германии на западном фронте

22 июня 1940 г. – капитуляция Франции

13 августа 1940 г. – начало бомбардировок Великобритании

12-14 ноября 1940 г. – визит Молотова в Берлин

18 декабря 1940 г. – подписание Гитлером плана нападения на СССР (план «Барбаросса»)

11 февраля 1941 г. – высадка германских войск в Северной Африке

6 апреля 1941 г. – начало войны против Югославии и Греции

22 июня 1941 г. – нападение Германии на СССР

5 декабря 1941 г. – начало советского контрнаступления под Москвой

11 декабря 1941 г. – объявление Германией войны США

19 декабря 1941 г. – принятие Гитлером командования войсками

12 июня 1942 г. – одобрение Гиммлером программы германизации Восточной Европы (план «Ост»)

19 ноября 1942 г. – начало советского контрнаступления под Сталинградом

24 января 1943 г. – Касабланкская конференция лидеров США и Великобритании, требование безоговорочной капитуляции Германии

2 февраля 1943 г. – капитуляция армии Паулюса под Сталинградом

18 февраля 1943 г. – провозглашение Геббельсом тотальной войны

13 мая 1943 г. – капитуляция германских и итальянских войск в Северной Африке

12 июля 1943 г. – образование в Москве Национального комитета Свободная Германия

17 июля 1943 г. – наступление советских войск под Курском

18 марта 1944 г. – оккупация германскими войсками Венгрии

6 июня 1944 г. – высадка англо-американских войск в Нормандии

20 июля 1944 г. – покушение Штауфенберга на Гитлера

25 июля 1944 г. – назначение Геббельса уполномоченным по ведению тотальной войны

25 сентября 1944 г. – создание народного ополчения («фольксштурм»)

16 декабря 1944 г. – начало германского контрнаступления в Арденнах

12 января 1945 г. – советское наступление в Польше и Восточной Пруссии

19 марта 1945 г. – приказ Гитлера о тактике «выжженной земли»

16 апреля 1945 г. – начало битвы за Берлин

25 апреля 1945 г. – встреча советских и американских войск на Эльбе

30 апреля 1945 г. – самоубийство Гитлера

2 мая 1945 г. – капитуляция берлинской группировки вермахта

9 мая 1945 г. – безоговорочная капитуляция Германии, завершение боевых действий в Европе

23 мая 1945 г. – арест правительства адмирала Деница во Фленсбурге

5 июня 1945 г. – переход всей полноты власти в Германии в руки военных администраций

10 июня 1945 г. – разрешение деятельности политических партий и профсоюзов в советской зоне оккупации

17 июля – 2 августа 1945 г. – Потсдамская конференция держав антигитлеровской коалиции

30 августа 1945 г. – начало работы Союзнического контрольного совета в Берлине

сентябрь 1945 г. – проведение аграрной реформы в советской зоне оккупации

20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г. – Нюрнбергский трибунал над нацистскими преступниками

26 марта 1946 г. – принятие СКК плана промышленного развития послевоенной Германии

21-22 апреля 1946 г. – учредительный съезд СЕПГ в Берлине

25 мая 1946 г. – прекращение репарационных поставок СССР из западных зон оккупации

30 июня 1946 г. – референдум о конфискации собственности военных и нацистских преступников в Саксонии

1 января 1947 г. – объединение американской и британской зон оккупации («Бизония»)

25 января 1947 г. – решение СКК о прекращении существования Пруссии

5 июня 1947 г. – провозглашение США программы помощи странам Европы (план Маршалла)

5-7 июня 1947 г. – Мюнхенская конференция глав земельных правительств Германии

25 июня 1947 г. – начало работы Экономического совета Бизонии во Франкфурте-на-Майне

20-24 сентября 1947 г. – II съезд СЕПГ

6-7 декабря 1947 г. – работа Немецкого конгресса первого созыва в Берлине

21 февраля – 2 июня 1948 г. – Лондонская конференция шести западных держав по Германии

20 марта 1948 г. – последнее заседание Союзнического контрольного совета

24 июня 1948 г. – 12 мая 1949 г. – блокада Западного Берлина

1 июля 1948 г. – передача главам земельных правительств Западной Германии решений Лондонской конференции («Франкфуртские документы»)

1 сентября 1948 г. – 8 мая 1949 г. – работа Парламентского совета в Бонне

12 ноября 1948 г. – всеобщая забастовка в Западной Германии

25 мая 1949 г. – вступление в силу Основного закона ФРГ

14 августа 1949 г. – первые выборы в бундестаг ФРГ

15 сентября 1949 г. – избрание Конрада Аденауэра канцлером ФРГ

7 октября 1949 г. – провозглашение ГДР

22 ноября 1949 г. – первая ревизия Оккупационного статута («Петерсбергское соглашение»)

9 мая 1950 г. – план Шумана об интеграции горной

промышленности Западной Европы

15 июня 1950 г. – вступление ФРГ в Совет Европы

6 июля 1950 г. – договор между ГДР и Польшей о признании границы по Одеру-Нейсе.

20-24 июля 1950 г. – III съезд СЕПГ

29 сентября 1950 г. – прием ГДР в Совет экономической взаимопомощи

20-22 октября 1950 г. – первый съезд ХДС ФРГ, избрание Аденауэра председателем партии

30 января 1951 г. – призыв Народной палаты ГДР к бундестагу о проведении прямых переговоров под лозунгом «Немцы за один стол»

21 мая 1951 г. – принятие закона ФРГ о соучастии в управлении предприятиями тяжелой индустрии

20 сентября 1951 г. – соглашение о внутригерманской торговле между ГДР и ФРГ

9 декабря 1951 г. – плебисцит об объединении федеральных земель Бадена и Вюртемберга

10 марта 1952 г. – нота советского правительства о путях воссоединения Германии («нота Сталина»)

26 мая 1952 г. – восстановление суверенитета ФРГ (Германский договор)

27 мая 1952 г. – начало строительства на западной границе ГДР оборонительных укреплений

9-12 июля 1952 г. – принятие Второй конференцией СЕПГ курса на строительство основ социализма в ГДР

23 июля 1952 г. – административная реформа ГДР, разделение страны на 14 округов

14 августа 1952 г. – принятие закона ФРГ о выравнивании социальных тягот

28 мая 1953 г. – роспуск Советской контрольной комиссии в Германии

9 июня 1953 г. – провозглашение Политбюро ЦК СЕПГ «нового курса»

16-17 июня 1953 г. – массовые выступления населения ГДР против политического режима

6 сентября 1953 г. – выборы в бундестаг ФРГ второго созыва

1 января 1954 г. – завершение передачи советских акционерных обществ под юрисдикцию ГДР

25 января – 18 февраля 1954 г. – Берлинская конференция министров иностранных дел держав антигитлеровской коалиции по германскому вопросу.

23 октября 1954 г. – подписание Парижских соглашений (второй Германский договор)

25 января 1955 г. – заявление советского правительства о прекращении состояния войны с Германией

5 мая 1955 г. – отмена действия Оккупационного статута на территории ФРГ

9 мая 1955 г. – прием ФРГ в члены НАТО

14 мая 1955 г. – создание Организации Варшавского договора с участием ГДР

17-23 июля 1955 г. – Женевская конференция глав четырех держав по германскому вопросу

9-13 сентября 1955 г. – визит Аденауэра в Москву

20 сентября 1955 г. – признание Советским Союзом полного суверенитета ГДР

23 октября 1955 г. – плебисцит об интеграции Саарской области в ФРГ

18 января 1956 г. – принятие закона о создании Национальной народной армии ГДР

26 марта 1957 г. – Римский договор об образовании Европейского экономического сообщества

15 сентября 1957 г. – выборы в бундестаг ФРГ третьего созыва

27 ноября 1958 г. – требование Хрущева о выводе западных войск из Берлина («берлинский ультиматум»)

1 октября 1959 г. – принятие Народной палатой ГДР плана семилетки

15 ноября 1959 г. – принятие Годесбергской программы СДПГ

апрель-май 1960 г. – «кооперативная весна» в ГДР

13 августа 1961 г. – возведение берлинской стены

17 сентября 1961 г. – выборы в бундестаг ФРГ четвертого созыва

27 января 1962 г. – введение в ГДР всеобщей воинской обязанности

15-21 января 1963 г. – VI съезд СЕПГ, принятие программы и устава партии

22 января 1963 г. – договор о сотрудничестве между ФРГ и Францией

15 октября 1963 г. – уход Аденауэра с поста федерального канцлера

16 февраля 1964 г. – избрание Брандта председателем СДПГ

12 июня 1964 г. – договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ГДР

19 сентября 1965 г. – выборы в бундестаг ФРГ пятого созыва

9 мая 1966 г. – ввод в строй в ГДР первой атомной электростанции

30 ноября 1966 г. – уход Эрхарда с поста федерального канцлера, формирование «большой коалиции»

20 февраля 1967 г. – принятие закона о гражданстве ГДР

6 апреля 1968 г. – плебисцит о новой Конституции ГДР

11-17 апреля 1968 г. – молодежные протесты в Западном Берлине и ФРГ после покушения на Руди Дучке

30 мая 1968 г. – принятие бундестагом законов о чрезвычайном положении

28 сентября 1969 г. – выборы в бундестаг ФРГ шестого созыва, формирование социал-либеральной коалиции

19 марта, 21 мая 1970 г. – переговоры глав правительств ФРГ и ГДР Брандта и Шееля

12 августа 1970 г. – подписание советскозападногерманского договора (Московский договор)

7 декабря 1970 г. – подписание польскозападногерманского договора (Варшавский договор)

3 мая 1971 г. – уход Ульбрихта с поста первого секретаря ЦК СЕПГ и избрание на этот пост Хонекера

3 сентября 1971 г. – подписание послами СССР, США, Франции и Великобритании соглашения о Западном Берлине

17 мая 1972 г. – ратификация договоров с СССР и Польшей

19 ноября 1972 г. – внеочередные выборы в бундестаг ФРГ

21 декабря 1972 г. – подписание договора об основах взаимоотношений ФРГ и ГДР

18 сентября 1973 г. – прием ГДР и ФРГ в члены ООН

11 декабря 1973 г. – подписание чехословацкозападногерманского договора (Пражский договор)

6 мая 1974 г. – отставка канцлера ФРГ Брандта («афера Гильома»)

1 августа 1975 г. – подписание Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе

7 октября 1975 г. – договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ГДР

18-22 мая 1976 г. – IX съезд СЕПГ, принятие новой программы партии

3 октября 1976 г. – выборы в бундестаг ФРГ восьмого созыва

29 октября 1976 г. – избрание Хонекера председателем Государственого совета ГДР

апрель-октябрь 1977 г. – террорристические акты левых экстремистов

6 июля 1978 г. – решение об образовании Европейской валютной системы

10 июня 1979 г. – первые прямые выборы в Европейский парламент

12 декабря 1979 г. – «двойное решение» НАТО о размещении в Европе ракет средней дальности

12-13 января 1980 г. – первый федеральный съезд партии «зеленых»

5 октября 1980 г. – выборы в бундестаг ФРГ девятого созыва

11-16 апреля 1981 г. – X съезд СЕПГ

11-13 декабря 1981 г. – визит канцлера Шмидта в ГДР

17 сентября 1982 г. – отставка членов СвДП в правительстве Шмидта, разрыв социал-либеральной коалиции

1 октября 1982 г. – избрание председателя ХДС Коля канцлером ФРГ, формирование правительства христианско-либеральной коалиции

6 марта 1983 г. – внеочередные выборы в бундестаг ФРГ, образование парламентской фракции партии «зеленых»

16 октября 1985 г. – образование в земле Гессен коалиционного правительства СДПГ и партии «зеленых»

6 мая 1986 г. – договор о культурном обмене между ГДР и ФРГ

17-24 апреля 1986 г. – XI съезд СЕПГ

25 января 1987 г. – выборы в бундестаг ФРГ одиннадцатого созыва

7-11 сентября 1987 г. – визит генерального секретаря ЦК СЕПГ Хонекера в ФРГ

сентябрь – октябрь 1989 г. – массовые политические демонстрации в ГДР

18 октября 1989 г. – уход Хонекера в отставку, избрание Кренца генеральным секретарем ЦК СЕПГ

7 ноября 1989 г. – отставка правительства ГДР

9 ноября 1989 г. – открытие границы ГДР с Западным Берлином и ФРГ, падение берлинской стены

3 декабря 1989 г. – отставка Политбюро и ЦК СЕПГ

7 декабря 1989 г. – 12 марта 1990 г. – работа «круглого стола» правительства и оппозиции ГДР

19 декабря 1989 г. – переговоры глав правительств ФРГ и ГДР Коля и Модрова в Дрездене

15 января 1990 г. – штурм демонстрантами комплекса зданий бывшего министерства государственной безопасности в Берлине

5 февраля 1990 г. – формирование в ГДР «правительства национальной ответственности»

1 марта 1990 г. – постановление Совета министров ГДР о приватизации государственной собственности

18 марта 1990 г. – парламентские выборы в ГДР, победа «Альянса за Германию»

1 июля 1990 г. – вступление в силу экономического, валютного и социального союза ГДР и ФРГ, введение западногерманской марки в качестве валюты ГДР

15-16 июля 1990 г. – переговоры Горбачева и Коля в Москве и Архызе

23 августа 1990 г. – решение Народной палаты ГДР о присоединении пяти восточногерманских земель к ФРГ

12 сентября 1990 г. – договор СССР, США, Франции, Великобритании, ФРГ и ГДР «об окончательном урегулировании в отношении Германии»

3 октября 1990 г. – вступление в силу решения о присоединении пяти восточногерманских земель к ФРГ, восстановление суверенитета объединенной Германии

9 ноября 1990 г. – подписание договора о добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ

2 декабря 1990 г. – первые всегерманские выборы в бундестаг ФРГ двенадцатого созыва

20 июня 1991 г. – решение о переносе столицы ФРГ в Берлин

16 января 1992 г. – начало работы совместной конституционной комиссии бундестага и бундесрата

1 ноября 1993 г. – вступление в силу Маастрихтского договора об образовании Европейского союза

31 августа 1994 г. – завершение вывода российских войск из Германии

16 октября 1994 г. – выборы в бундестаг ФРГ тринадцатого созыва

18 июня 1997 г. – подписание лидерами стран ЕС договора о новом этапе европейской интеграции (второй Маастрихтский договор)

27 сентября 1998 г. – выборы в бундестаг ФРГ четырнадцатого созыва, формирование коалиции СДПГ и партии «зеленых»

24 марта – июнь 1999 г. – участие бундесвера в военных действиях НАТО против Югославии

19 апреля 1999 г. – официальное начало работы бундестага в восстановленном историческом здании рейхстага

23 мая 1999 г. – избрание Иоханнеса Рау президентом ФРГ

сентябрь 2002 г. – выборы в бундестаг, сохранение красно-зеленой коалиции.

6 февраля 2004 – уход Шредера в отставку с поста председателя СДПГ, его сменяет Франц Мюнтеферинг.

notes

1

РГАСПИ 17-120-107, лл.84, 87.